

Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова

Научный журнал

**ЭКОНОМИКА
ПРАВО
ОБЩЕСТВО**

**ECONOMICS
LAW
SOCIETY**

Scientific Journal

Том 10, № 2 (42), 2025

ЭКОНОМИКА ПРАВО ОБЩЕСТВО

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Лобанов Иван Васильевич – председатель редакционной коллегии, ректор Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, кандидат юридических наук, доцент

Курбанов Рашад Афатович – главный редактор, директор Института правовых исследований и региональной интеграции, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Алиев Назим Талат оглы – майор полиции, доктор юридических наук

Аликперов Ханлар Джафарович – директор Центра правовых исследований (Азербайджан), доктор юридических наук, профессор

Бодак Алла Николаевна – судья Конституционного суда Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Брандштеттер Вольфганг – руководитель Института австрийского и европейского экономического уголовного права Венского университета экономики и бизнеса, доктор права, профессор

Валентей Сергей Дмитриевич – начальник Научно-исследовательского объединения (научный руководитель Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова), доктор экономических наук, профессор

Василевич Григорий Алексеевич – заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор юридических наук, профессор

Василькова Светлана Витальевна – декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», директор Научно-исследовательского центра (НИЦ) «Сравнительного правоведения и стратегических инициатив развития национального топливно-энергетического комплекса», кандидат юридических наук

Вельяминов Георгий Михайлович – главный научный сотрудник Сектора правовых проблем международных экономических отношений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор

Витязь Петр Александрович – академик Национальной академии наук Беларуси, руководитель аппарата НАН Беларуси, сопредседатель Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства, доктор технических наук, профессор

Георг Става – член Европейской комиссии по совершенствованию правосудия (CEPEJ) Совета Европы

Гринберг Руслан Семенович – научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор

Гришина Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор

Гулиев Ибрагим Саид оглы – вице-президент Национальной академии наук Азербайджана, академик НАНА, доктор геолого-минералогических наук, профессор

Гарагурбанлы Рамин Афад оглы – член Европейской комиссии по эффективности правосудия (CEPEJ) Совета Европы, судья апелляционного суда Азербайджанской Республики, доктор юридических наук

Джафаров Азер Мамед оглы – член Судебно-правового совета Азербайджанской Республики, доктор юридических наук, профессор

ECONOMICS LAW SOCIETY

EDITORIAL BOARD

Lobanov Ivan Vasilievich – Chairman of the Editorial Board, Rector of Plekhanov Russian University of Economics, PhD of Law, Associate Professor

Kurbanov Rashad Afatovich – Chief Editor, Director of the Institute of Legal Studies and Regional Integration, Head of the Department of Civil Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Aliiev Nazim Talat ogly – Police Major General, Doctor of Law

Alikperov Khanlar Jafarovich – Director of the Center for Legal Studies (Azerbaijan), Doctor of Law, Professor

Bodak Alla Nikolaevna – Judge of the Constitutional Court of the Republic of Belarus, PhD of Law, Associate Professor

Brandstetter Wolfgang – Head of the Institute for Austrian and European Economic Criminal Law at the Vienna University of Economics and Business, Doctor of Law, Professor

Valentey Sergey Dmitrievich – Head of Scientific and Research Union (Supervisor of the Plekhanov Russian University of Economics), Doctor of Economics, Professor

Vasilevich Grigoriy Alekseevich – Head of the Constitutional Law Department of the Belorussian State University, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Law, Professor

Vasilkova Svetlana Vital'evna – the Dean of the Faculty of Law of Saint Petersburg State Budget Educational Institution of Higher Education "Saint-Petersburg State Economic University, Director of the Research Center (SIC) «Comparative Law and Strategic Initiatives for the Development of the National Fuel and Energy Complex», PhD in Law

Velyaminov Georgiy Mikhailovich – Chief Researcher of the Sector of Legal Problems of International Economic Relations of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Vityaz Petr Aleksandrovich – Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of Academy Staff Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus, Co-chairman of the Inter-Academic Council on Development of the Union State, Doctor of Technical Sciences, Professor

Georg Stawa – Member of European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ) of the Council of Europe

Grinberg Ruslan Semenovich – Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Grishina Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor

Guliev Ibragim Said ogly – Vice-President of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Member of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, Professor

Garagurbanly Ramin Afad ogly – Member of European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ) of the Council of Europe, Judge of the Court of Appeal of the Republic of Azerbaijan, Doctor of Law

Jafarov Azer Mammad ogly – Member of the Judicial-Legal Council of the Azerbaijan Republic, Doctor of Law, Professor

Довнар Таисия Ивановна – профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Егоров Алексей Владимирович – заместитель председателя Постоянной комиссии по законодательству Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, ректор Белорусского государственного экономического университета, доктор юридических наук, доцент

Ершова Инна Владимировна – первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Жаворонкова Наталья Григорьевна – доктор юридических наук, профессор

Зинчук Галина Михайловна – и. о. директора Высшей школы права Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, доцент

Зубарев Сергей Михайлович – заведующий кафедрой административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Зырянов Сергей Михайлович – ведущий научный сотрудник отдела административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Иванов Вилен Николаевич – вице-президент Российской Академии социальных наук, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор

Капустин Анатолий Яковлевич – заведующий кафедрой международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Клеандров Михаил Иванович – судья Конституционного суда Российской Федерации в отставке, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор

Кнежевич Златко – судья Конституционного суда Боснии и Герцеговины

Крюкова Нина Ивановна – доктор юридических наук, профессор

Лисицын-Светланов Андрей Геннадьевич – главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор

Манке Карстен – руководитель группы в Немецкой корпорации международного сотрудничества (GIZ) (German Corporation for International Cooperation GmbH)

Минашкин Виталий Григорьевич – проректор Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор

Мирмохаммади Мостафа – руководитель группы международного права и прав человека Университета Мофид (Иран), доктор юридических наук, профессор

Мустафазаде Айтен Инглаб кызы – доктор юридических наук, профессор

Плигин Владимир Николаевич – заведующий сектором административного права и административного процесса Института государства и права РАН, доктор юридических наук

Рагимов Ильгам Мамедгасан оглы – президент Ассоциации юристов стран Черноморско-Каспийского региона, иностранный член Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор

Сафи Исмаил – член Совета по безопасности и внешней политике при Президенте Турецкой Республики, директор Института безопасности и обороны Университета Истиние, доктор политических наук

Свечникова Наталья Викторовна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, кандидат юридических наук, доцент

Dovnar Taisiya Ivanovna - Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Doctor of Law, Professor

Egorov Aleksey Vladimirovich – Deputy Chairman of the Standing Committee on Legislation of the House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Rector of the Belarusian State University of Economics, Doctor of Law, Associate Professor

Ershova Inna Vladimirovna – Vice-rector, Head of the Department of Entrepreneurial and Corporations Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

Zhavoronkova Natalya Grigorievna – Doctor of Law, Professor

Zinchuk Galina Mikhailovna – Acting Director of the Higher School of Law of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Associate Professor

Zubarev Sergey Mikhailovich – Head of the Department of Administrative Law and Process of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

Zyryanov Sergey Mikhailovich – Leading Researcher of the Department of Administrative Law and Process of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Ivanov Vilen Nikolayevich – Vice-President of the Russian Academy of Social Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor

Kapustin Anatoly Yakovlevich – Head of the International Law Department of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Kleandrov Mikhail Ivanovich – Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation Emeritus, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Knežević Zlatko – Judge of the Constitutional Court of Bosnia and Herzegovina

Kryukova Nina Ivanovna – Doctor of Law, Professor

Lisitsin-Svetlanov Andrey Gennadievich – Chief Researcher of the International Law Sector of the Institute of State and Law of the RAS, Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Mahnke Carsten – Head of the Group in the German Corporation of International Cooperation (GIZ) (German Corporation for International Cooperation GmbH)

Minashkin Vitaly Grigorievich – Vice-Rector of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor

Mirmohammadi Mostafa – Director for International Law and Human Rights Group, Mofid University (Iran), Doctor of Law, Professor

Mustafazade Ayten Inqlab qizi – Doctor of Law, Professor

Pligin Vladimir Nikolaevich – Head of the Administrative Law and Administrative Process Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law

Ragimov Ilgam Mammadgasan oglu – President of the International Association of Lawyers of the Black Sea-Caspian Region Countries, Foreign member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Safi Ismail – Member of the Council on Security and Foreign Policy under the President of the Republic of Turkey, Director of the Institute of Security and Defense of the University of Istinye, Doctor of Political Science

Svechnikova Natalia Viktorovna – Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, PhD in Law, Associate Professor

Фатьянов Алексей Александрович – заведующий кафедрой государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор
Экимов Анисим Иванович – доктор юридических наук, профессор
Яблочкина Ирина Валерьевна – директор Высшей школы социально-гуманитарных наук, профессор кафедры истории и философии Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор исторических наук, профессор

Fatyanov Alexey Alexandrovich – Head of the Department of State-legal and Criminal-legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Ekimov Anisim Ivanovich – Doctor of Law, Professor
Yablochkina Irina Valerievna – Director of the Higher School of Social Sciences and Humanities, Professor of the Department of History and Philosophy of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Historical Sciences, Professor

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-64675 от 22 января 2016 г.

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»
(ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова»)

Журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в систему
Российского индекса научного цитирования

Подписка по каталогу Агентства «Урал-Пресс».
Подписной индекс 71162

Адрес редакции:
109992, Москва, Стремянный пер., 36.
Тел.: 8 (499) 237-85-02, e-mail: grapravo.kaf@mail.ru
www.rea.ru
Главный редактор **Р. А. Курбанов**
Заместители главного редактора: **А. М. Белялова,**
К. И. Налетов, Н. В. Свечникова
Ответственный секретарь **М. О. Румянцева**
Редактор **А. Э. Максаева**
Оформление обложки **Ю. С. Жигалова**
Подписано в печать 30.06.2025. Формат 60 x 84 1/8.
Печ. л. 29,75. Усл. печ. л. 27,67. Уч.-изд. л. 27,85.
Тираж 500 экз. Заказ .
Отпечатано в ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова».
109992, Москва, Стремянный пер., 36.

The journal is registered in Federal Service for communication, informational technologies and media control:
PI N FS77-64675 dated 22 January 2016

Founder
Plekhanov
Russian University of Economics
(PRUE)

The journal was included in the List of leading scientific journals and publications of the Higher Attestation Board, publication in which is mandatory for defending PhD and Doctorate dissertations

The journal is included in the Russian index
of scientific citing

Subscription by 'Ural-Press' catalogue.
Index 71162

Editorial office address:
36 Stremyanny Lane, 109992, Moscow.
Tel.: 8 (499) 237-85-02, e-mail: grapravo.kaf@mail.ru,
www.rea.ru
Chief editor **R. A. Kurbanov**
Deputy chief editors: **A. M. Belyalova, K. I. Naletov,**
N. V. Svechnikova
Executive Secretary **M. O. Rumyantseva**
Editor **A. E. Maksaeva**
Cover design **Yu. S. Zhigalova**
Signed in print 31.03.2025. Format 60 x 84 1/8.
Printed sheets 29,75. Conv. sheets 27,67. Publ. sheets 27,85.
Circulation 500. Order .
Printed in Plekhanov Russian University of Economics.
36 Stremyanny Lane, 109992, Moscow.

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история государства и права

Шурухнов Н. Г., Шурухнова Д. Н.

Подданство Российской империи: анализ отдельных законодательных актов, регламентирующих принятие и оставление его иностранцами 9

Блинова М. А., Джамалова Т. Ю., Олейников В. В.

Правовые основы молодежной политики Советского государства с 1920-х гг. до начала Великой Отечественной войны 18

Серегин А. В., Анохина Ю. М.

Влияние родового права на форму государства франков и державу Рюриковичей: опыт сравнительно-юридического исследования 25

Ермолович В. И.

К вопросу о теоретических и методологических аспектах исследования права средневековой Сербии в XIX – начале XXI в. 31

Лапаева А. В.

В. М. Гессен и С. А. Котляревский о правовом государстве в фокусе международного права 39

Федоров Н. А.

Масонское наследие в Конституции США 43

Хачиров С. Р.

Методологические основания распознавания и изучения циклических нормативных массивов в праве 49

Уголовное право и процесс

Макеева И. В., Румянцева М. О., Буленкова Н. В.

Эвтаназия в России: уголовно-правовой аспект 56

Алиева Г. А.

Использование современных криминалистических технологий в групповой методике расследования коррупционных преступлений 65

Рамалданов Х. Х.

Особенности изъятия электронных носителей информации в уголовном процессе 71

Гражданское право

Казанина Т. В.

Реформирование гражданского законодательства в условиях реализации национальных целей развития Российской Федерации: некоторые направления, критерии, показатели качества 76

Слободяник С. М.

Многообразие правовых форм представительства: проблемные вопросы и перспективы развития 84

Чудайкин Е. М.

Договор обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств: цессия и убытки 89

Пронькина О. Д.

Анализ некоторых последних изменений, внесенных в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 №127-ФЗ 95

Право интеллектуальной собственности и цифровое право

Федоренко Н. В., Хаутиев М. Д.

Об актуальности цифровизации нотариальной деятельности в современный период 101

Сайфутдинова В. М.

Применение искусственного интеллекта: защита интеллектуальных прав и развитие общества 107

Воробьев С. А.	116
Актуальные вопросы противодействия деструктивному контенту	
Зульфугарзаде Т. Э., Чан Б. Т.	121
Особенности разработки патентов на основе договора о патентной кооперации	
Гражданское и предпринимательское право	
Недосекова Е. С.	130
Категориальный аппарат внешнеэкономической и внешнеторговой деятельности и особенности контроля, осуществляемого таможенными органами Российской Федерации	
Курбанов Р. А., Моисеев А. М.	138
Актуальные вопросы квалификации недобросовестной конкуренции и взыскания убытков	
Алексеев И. А., Вильгоненко И. М., Арутюнян Р. Э.	146
Контроль при осуществлении государственных и муниципальных закупок	
Потапова А. В.	153
Правовая природа фактического принятия наследства: анализ пробелов законодательства и судебной практики	
Антипов А. А.	160
Применение документа "The BRT Standard" как основы для российского законодательства, регулирующего системы скоростного автобусного транспорта	
Зинуров А. З.	169
Проблемы формирования единообразной судебной практики по вопросам трансграничного банкротства юридических лиц	
Международное право и сравнительное правоведение	
Крохина Ю. А.	175
Трансформация правового регулирования редомициляции и ее влияние на статус международной компании	
Нагибнев Э. Д.	182
Подходы к пониманию государственно-частного партнерства: российский и зарубежный опыт	
Чигрина Е. В., Жамбалова А. Д.	188
Россия и Китай: вопросы международно-правового регулирования сотрудничества в области прикладной космонавтики	
Цветкова Ю. С.	194
Особенности урегулирования споров во время туристических круизов в Антарктике на примере инцидента с круизным судном SH Diana	
Налетов К. И.	198
Разграничение публичного и частного права как фактор межгосударственной интеграции	
Вахтин М. М.	205
Политический режим и международное право: зависимость характера имплементации норм	
Финансовое право	
Сычева А. Е.	211
К вопросу о правовых основах и применении бюджетной классификации в финансово-хозяйственной деятельности таможенных органов (на примере Центрального таможенного управления)	
Спортивное право	
Зайцев Ю. В., Чепелев В. А.	218
Правовые последствия транзитного перехода (трансфера) профессионального футболиста	
Рецензии	
Марков С. М.	226
Межбытие как универсальный источник преступности: размышления над новой доктриной профессора Х. Д. Аликперова	
Требования к публикациям	236

CONTENTS

Theory and History of State and Law

Shurukhnov N.G., Shurukhnova D. N.

Citizenship of the Russian Empire: the Analysis of Individual Legislative Acts Regulating Its Acceptance and Abandonment by Foreigners 9

Blinova M. A., Dzhamalova T. Yu., Oleynikov V. V.

The Legal Foundations of the Youth Policy of the Soviet State from the 1920s to the Great Patriotic War 18

Seregin A. V., Anokhina Yu. M.

Influence of Patrimonial Law on the Form of the Frankish State and State of the Rurikovich: Experience of Comparative-Legal Research 25

Yermolovich V. I.

On the Issue of the Teoretical and Methodological Aspects of the Study of the Law of Medieval Serbia in the 19th – Early 21st Century 31

Lapaeva A. V.

V. M. Gessen and S. A. Kotlyarevsky on the Rule of Law in the Focus of International Law 39

Fedorov N. A.

Freemasons' Heritage in the US Constitution 43

Khachirov S. R.

Methodological Foundations of Recognition and Study of Cyclic Normative Arrays in Law 49

Criminal Law and Process

Makeeva I. V., Rumyantseva M. O., Bulenkova N. V.

Euthanasia in Russia: the Criminal Law Aspect 56

Alieva G. A.

Using of Modern Forensic Technologies in the Group Method of Investigating Corruption Crime 65

Ramaldanov Kh. Kh.

Features of the Seizure of Electronic Media in Criminal Proceedings 71

Civil Law

Kazanina T. V.

Reform of Civil Legislation in the Context of the Implementation of National Development Goals of Russian Federation: Some Directions, Criteria, Quality Indicators 76

Slobodyanik S. M.

Diversity of Legal Forms of Representation: Problematic Issues and Development Prospects 84

Chudaikin E. M.

The Contract of Compulsory Insurance of Civil Liability of Owners of Vehicles: Assignment and Losses 89

Pronkina O. D.

Analysis of Some Recent Amendments to the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" dated 26.10.2002 No. 127-FZ 95

Intellectual Property and Digital Law

Fedorenko N. V., Khautiev M. D.

On the Relevance of Digitalization of Notary Activity in the Modern Period 101

Sayfutdinova V. M.

Application of Artificial Intelligence: Protection of Intellectual Rights and Development of Society 107

Vorobiev S. A.

Current Issues of Countering Destructive Content 116

Zulfugarzade T. E., Chan B. T.

Features of Patent Development Based on a Patent Cooperation Agreement 121

Civil and Business Law	
Nedosekova E. S.	
The Categorical Apparatus of Foreign Economic and Foreign Trade Activities and the Specifics of Control Carried out by the Customs Authorities of the Russian Federation	130
Kurbanov R. A., Moiseev A. M.	138
Current Issues of Unfair Competition Qualification and Recovery of Losses	
Alekseyev I. A., Vilgonenko I. M., Arutyunyan R. E.	
Control over the Implementation of State and Municipal Procurement	146
Potapova A. V.	
Legal Nature of Actual Acceptance of Inheritance: Analysis of Gaps in Legislation and Judicial Practice	153
Antipov A. A.	
Application of The BRT Standard Document as the Basis for Russian Legislation	160
Regulating Rapid Bus Transport Systems	
Zinurov A. Z.	169
Problems of Formation of Uniform Judicial Practice on Cross-Border Bankruptcy of Legal Entities	
International Law and Comparative Legal Studies	
Krokhina Yu. A.	
Transformation of the Legal Regulation of Redomiciliation and its Impact on the Status of an International Company	175
Nagibnev E. D.	
Approaches to Understanding Public-Private Partnership: Russian and Foreign Experience	182
Chigrina E. V., Zhambalova A. D.	
Russia and China: Issues of International Legal Regulation of Cooperation in the Field of Applied Cosmonautics	188
Tsvetkova Yu. S.	
Features of Dispute Settlement During Tourist Cruises in Antarctica on the Example of the Incident with the Cruise Ship SH Diana	194
Naletov K. I.	
Differentiation of Public and Private Law as a Factor of Interstate Integration	198
Vakhtin M. M.	
Political Regime and International Law: the Dependence of the Nature of the Implementation of Norms	205
Financial Law	
Sycheva A. E.	
On the Issue of the Legal Basis and Application of Budget Classification in the Financial and Economic Activities of Customs Authorities (on the Example of the Central Customs Administration)	211
Sport Law	
Zaytsev Yu. V., Chepelev V. A.	
Legal Consequences of the Transit Transfer of a Professional Football Player	218
Reviews	
Markov S. M.	
Interbeing as the Universal Source of Crime: Reflections on Professor Kh. D. Alikperov's New Doctrine	226
Requirements for publications	236

Подданство Российской империи: анализ отдельных законодательных актов, регламентирующих принятие и оставление его иностранцами

Н. Г. Шурухнов

доктор юридических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
профессор кафедры уголовного права и процесса Тульского института (филиала)
Всероссийского университета (РПА Минюста России).
Адрес: ФКУ НИИ ФСИН России,
125130, Москва, Нарвская ул., д. 15а стр. 1;
Тульский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет
(РПА Минюста России)»,
300026, г. Тула, Ленина пр-т, д. 104.
E-mail: matros49@mail.ru

Д. Н. Шурухнова

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых и
уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: shuruhnova.dn@rea.ru

Citizenship of the Russian Empire: the Analysis of Individual Legislative Acts Regulating Its Acceptance and Abandonment by Foreigners

N.G. Shurukhnov

Doctor of Law, Professor, Leading Researcher
of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia;
Professor of the Department of Criminal Law and Procedure
of Tula Institute (branch) of All-Russian State University of Justice.
Address: Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
15a b. 1, Narva Str., Moscow, 125130, Russian Federation;
Tula Institute (branch) of All-Russian State University of Justice,
104 Lenin Ave., Tula, 300026, Russian Federation.
E-mail: matros49@mail.ru

D. N. Shurukhnova

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: shuruhnova.dn@rea.ru

Поступила 20.03.2025 Принята к печати 10.04.2025

Аннотация

Цель данной статьи – проанализировать нормы главы третьей «О порядке вступления иностранцев в подданство, и избрании ими рода жизни» Законов о Состояниях (1832 г.), закона от 10 февраля 1864 г., внесшего в них существенные изменения. Авторы поставили перед собой задачу при помощи метода сравнительно-правового исследования установить и обобщить условия, создававшие предпосылки внесения изменений в статьи 1538-1558 Свода Законов 1857 г. законом от 10 февраля 1864 г. Указанными статьями регламентировались процедуры принятия иностранцев в русское подданство и его оставления.

Авторское внимание было обращено не только на сравнение процедур, но и на выделение отдельных из них, чтобы путем абстрагирования понять причины принятия и оставления иностранцами российского подданства и отношение к этому законодателя Российской империи. Не остались без изучения отдельные положения Манифестов Петра I: «О призывъ Шведовъ въ службу и о позволеніи имъ въ Россійскомъ Государствѣ, по учиненіи присяги, селиться, вступать въ супружество, пріобретать недвижимую собственность, заниматься торговлею и промыслами» (апрель 1721 г.); «О безпрепятственномъ имъ вступленіи въ бракъ съ иноверцами» (18 августа 1721 г.), а также более поздние, в частности, Манифест «О клятвенномъ обещании иностранцев, желающихъ присягать на вечное подданство России» (и их последующая корректировка). Анализ и обобщение приведенных нормативных актов, абстрагированная информация позволили сделать выводы о том, что данными актами закладывалась правовая база регламентации вступления иностранцев в российское подданство, показывалась озабоченность пополнения отечества населением, прежде всего различными специалистами для гражданской и военной сфер. Манифесты Петра Великого впервые законодательно зафиксировали присягу как основание получения российского подданства, позднее названное натурализацией.

Ключевые слова: иностранцы; присяга; российское подданство; оставление иностранцами русского подданства.

Abstract

The purpose of this article is to analyze the norms of chapter three "On the procedure for foreigners to become citizens and their choice of lifestyle" of the Laws on States (1832), the law of February 10, 1864, which introduced significant changes to them. The authors set themselves the task, using the method of comparative legal research, to establish and summarize the conditions that created the prerequisites for amendments to Articles 1538-1558 (Code of Laws of 1857) by the law of 02/10/1864. These articles regulated the procedures for accepting foreigners into Russian citizenship and its abandonment. The author's attention was drawn not only to comparing procedures, but also to highlighting individual ones in order to understand, by abstracting, the reasons for the acceptance and abandonment of Russian citizenship by foreigners, and the attitude of the legislator of the Russian Empire towards this. Certain provisions of Peter I's Manifestos have not been left without study: "On the conscription of the Swedes into the service and on their freedom to enter the Russian State, upon taking the oath, to settle, marry, acquire immovable property, engage in trade and crafts" (April 1721); "On their unrestricted entry into marriage with Gentiles" (August 18, 1721). As well as later ones, in particular, the Manifesto "On the oath of foreigners wishing to swear eternal citizenship of Russia" (and their subsequent correction). The analysis and generalization of the above normative acts, abstracted information allowed us to conclude that they laid down the legal framework for regulating this important area of activity for the Russian state, and showed the concern of replenishing the fatherland with the population, primarily by various specialists in the civil and military spheres. And the manifestos of Peter the Great for the first time legally fixed the oath as the basis for obtaining Russian citizenship, later called naturalization.

Keywords: foreigners; oath, Russian citizenship, abandonment of Russian citizenship by foreigners.

Вступительная часть

Процедура принятия иностранцами российского подданства насчитывает несколько веков. Ее можно назвать ровесницей становлению крепкой российской государственности. Эти вопросы на законодательном уровне решались в период петровских преобразований (в первую очередь по отношению к шведским военнопленным), не перестали они быть актуальными для Российской империи и в дальнейшем. В современной России данное направление значительно актуализировалось не только внутри страны, но и далеко за ее пределами. Обусловлено это остротой миграции,

которая служит предпосылкой получения российского гражданства¹.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 30 декабря 2024 г. № 1126 «О временных мерах по урегулированию правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с применением режима высылки». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/00012024123000002>; Указ Президента Российской Федерации от 20 марта 2025 г. № 159 «Об особенностях правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, изменении и признании утратившими силу некоторых Указов Президента Российской Федерации». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/00012025032000022>; Указ Президента Российской Федерации от 2 апреля 2025 г. «Совершенствование государственного управления в сфере миграции». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202504020001>

Государственные изменения, осуществленные Петром I, внесли корректировки в отношение к иностранцам, но уже на законодательном уровне. В частности, Манифестом Петра I 1721 г. предоставлялось право иностранцам получить российское подданство, но только после того, как они присягнут на преданность вере, государству и Его величеству. После такой церемонии им предоставлялась возможность поступить на гражданскую или военную службу. В обозначенный период истории России данный подход относился, как правило, к пленным шведам. Преимущество на получение подданства таким путем имели специалисты на гражданском и военном поприще. Их отсутствие в тот период развития России ощущалось особенно остро.

Текст присяги Петровской эпохи был предельно краток. Присягающий давал клятву быть верным, истинным и покорным слугою и подданным¹. Следует сказать о том, что в установленном порядке принятия в российское гражданство строго соблюдался принцип добровольности. При этом вступающий в нее должен был объяснить, каким способом он обеспечит свое проживание и пропитание². Процедура принятия присяги не предусматривала срок нахождения в подданстве. Однако такой подход был изменен 27 августа 1747 г. указом «О клятвенном обещании иностранцев, желающих присягнуть на вечное подданство России» (указ Сената). Им была введена новая временная категория – «вечное подданство». Следует сказать, что в нормативных актах встречается словосочетание «до сканчанія жизни моей»³.

Отметим, что в допетровский период существовал запрет на браки с иностранцами, исключение делалось лишь в случаях крещения иностранца в православие. По петровскому Манифесту 1721 г. такие браки стали признаваться, но при условии вступления иностранца в подданство России.

По мере совершенствования российской государственности появление правовых актов о разных родах состояния населения, различии в присвоенных правах перестало быть редкостью. В статье 1 Свода законов о состояниях выделялось три категории граждан: 1) природные обыватели, составляющие городское и сельское население; 2) иногородцы; 3) иностранцы, в Империи пребывающие (состоянию иностранцев были отведены ст. 1518-1558)⁴. В 1832 г. был опубликован Свод законов Российской империи, введенный в действие в 1835 г.⁵ В девятом томе свода были сосредоточены законы о состояниях. Сразу скажем, что на практике у уполномоченных должностных лиц возникали различные проблемы и потребности в уточнениях, которые корректировались принятием новых правовых актов или изменением существующих. Об этом и пойдет речь ниже.

Исследовательская часть

Архивные документы, исследования ученых [3] указывают на проработку (корректировку) в 1863 г. специально созданным Комитетом процедур получения и выхода иностранцев из российского подданства. Руководство Комитетом было возложено на министра иностранных дел князя А. М. Горчакова⁶. В результате работы члены комитета подготовили законопроект. 10 февраля 1864 г. Государственный совет в Департаменте законов и в Общем собрании рассмотрел постановления, внесенные Главноуправляющим II Отделением Собственной Его Императорского Ве-

⁴ Законы о состоянияхъ (Св. Зак. Т. IX, изд. 1899 г. по прод. 1906, 1908 и 1909 г.г.). Съ разъясненіями, извлеченными изъ: Кодификаціонной Объяснительной Записки къ Законамъ о Состояніяхъ, изд. 1899 г., – опредѣленіи 1-го, 2-го Департамента и Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената, – рѣшеній Касаціонныхъ Департаментовъ и Общихъ Собраній Правительствующаго Сената, – циркуляровъ и распоряженій Министерствъ, – указовъ и циркуляровъ Святейшаго Синода. Составилъ Присяжный Поверенный Я. А. Канторовичъ. Изданіе 2-е, значительно дополненное. – С.-Петербургъ. Изданіе Юридическаго книжнаго склада «ПРАВО», 1911.

⁵ В 1854 г. вышло 2-е издание Свода законов, в 1857 г. – 3-е издание. Свод законов состоит из 15 томов, 8 разделов. Гражданское законодательство было систематизировано в X томе Свода законов.

⁶ Горчаков Александр Михайлович – светлейший князь (с 18 марта 1871). Родился 4 [15] июня 1798 г., Гапсаль, Эстляндская губерния, умер 27 февраля [11 марта] 1883 г., Баден-Баден. Русский государственный деятель, дипломат.

¹ Текст петровской присяги на подданство России: «Я имя рек, родом из оттуда, обещаю верным, истинным и покорным слугою и подданным быть». Текст присяги, учрежденный императором Александром II в 1857 г., действовал до 1917 г.

² «Чем он честно пропитать себя чае».

³ Полное собраніе Законовъ Россійской имперіи, съ 1649 года. Том VI. 1720-1722. № 3814, 3778. Печатано в Типографіи II Отделенія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. 1830.

личества канцелярии. Резолюция Его Императорского Величества содержала следующую формулировку: «Высочайше утвердить соизволил и повелѣть исполнить»¹. Данный документ получил наименование «О правилахъ относительно принятия и оставленія иностранцами Русскаго подданства» и статус закона (Закон № 40588, далее – Закон от 10 февраля 1864). Он вносил изменения в статьи 1538–1558 Законов о состояниях (далее – ЗоС), регламентировавших правила принятия и оставления иностранцами русского подданства. В данном случае речь идет о последствиях миграции – перемещения населения (отдельных лиц) других государств в Россию с целью поиска оптимальных условий жизни и работы, образования, а также по причине вооруженных конфликтов.

Закон от 10 февраля 1864 г. содержал три раздела. Первый (I), включавший 20 статей, регламентировал принятие иностранцев в русское подданство и выход из него. Второй (II) включал четыре статьи, предусматривавшие переходные меры. Третий (III) раздел (без статей) раскрывал содержание процедуры заключения брака и принятия присяги на подданство.

В статье 1 раздела I закона раскрывалось содержание предварительного условия принятия иностранца в российское подданство. Им было водворение в пределы Российской империи. Оно состояло в том, что желающий прибыть в Россию подавал заявление начальнику губернии с изложением своего желания приписаться или поселиться в пределах губернии. В заявлении необходимо было указать род своего занятия в отечестве, а также планируемое направление деятельности в России. Данный документ, подписанный иностранцем, являлся основанием выдачи свидетельства о водворении. Дата подписания свидетельства считалась датой водворения иностранца в Россию. Однако по своему правовому статусу он считался иностранцем. На него распространялся комплекс правовых норм, в том числе и государства, в котором он проживал (ст. 2 раздела I Закона от 10 февраля 1864 г.).

В статусе водворенного иностранец должен был находиться в течение пяти лет – общий срок, после которого можно было просить о принятии в

русское подданство. Иностранцам, поселившимся в России до издания Закона от 10 февраля 1864 г. и зарекомендовавшим себя особыми достижениями в искусстве, успехами в ремесле, торговле или в другой общественно полезной сфере, разрешалось, кроме свидетельства начальника губернии, представлять документы, указывающие на их давнее водворение. Время водворения считалось со дня получения первого из документов. Исключение законодатели сделали «для подданных тех держав, с которыми заключены в этом отношении особые конвенции, сии последние остаются и впредь в своей силе» (прим. к ст. 4 раздела I Закона от 10 февраля 1864 г.).

По прошествии пяти лет водворенные иностранцы наделялись правом подачи на имя министра внутренних дел прошения с перечислением следующих сведений:

а) об адресах проживания и деятельности за период нахождения в статусе водворенного в Россию, профиле работы, жизненном укладе с документальным подтверждением этого;

б) указывающих на состояние и общество, к которым он имеет право и желание быть отнесенным;

в) о названии города, в котором желательна церемония проведения присяги;

г) об аргументах и обстоятельствах, представляющих право на сокращенный срок водворения (если таковые имеются).

К прошению требовались приложения:

«а) акты состояния просителя, составленные сообразно формам, принятым в его отечестве, и заверенные нашими дипломатическими агентами и Министерством иностранных дел, или когда в отечестве просителя нет российских агентов, то самим Министерством;

б) свидетельство о предшествующем водворении просителя в России» (ст. 7 раздела I Закона от 10 февраля 1864 г.).

Иностранцы-мужчины, обязанные в соответствии с законами отечества исполнять воинскую повинность, кроме перечисленного, должны были представлять «...свидетельство тех держав, с которыми были заключены картели (особые соглашения – Н. Ш., Д. Ш.) о выдаче лиц, подлежащих конскрипции², в том, что просящий увольнение из их подданства исполнял воинскую повин-

¹ Полное собрание законовъ Россійской Имперіи. Собрание второе. Томъ XXXIX. Отделение первое. 1864. 40457–41318. Ст. 40588. – Санкт-Петербургъ. Въ типографіи II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи. 1867.

² Конскрипция (от лат. *conscriptio* – внесение в списки, набор) – способ комплектования войск, основанный на принципе всеобщей воинской обязанности.

ность или же от нее освобожден» (ст. 7 раздела I Закона от 10 февраля 1864 г.).

Анализируемый правовой акт содержал перечень исключительных ситуаций, наличие которых, с разрешения министра внутренних дел, могло сократить пятилетний срок пребывания иностранца в качестве водворенного. Они распространялись на:

- иностранцев, имевших особые заслуги перед Россией в науке, искусстве, культуре, а также разместивших значительные финансовые средства в русских предприятиях;

- детей иностранцев (рожденных как в России, так и за границей), окончивших русские высшие или средние учебные заведения. Они наделялись правом допуска к присяге в течение года по достижении совершеннолетия. Такое решение принималось местным губернским правлением, которое вместе с этим выносило постановление и о записи их в то состояние, к которому они имели право быть приписанными;

- детей иностранцев, имеющих право поступить на гражданскую службу и на основании «Устава о службе гражданской» принимавшихся на нее без наличия русского подданства. В статье 44 «Свода уставов о службе гражданской» перечислялись должности, которые могли занимать иностранцы. А статья 45 указывала, что «...от иностранных подданных, поступающих в упомянутые в ст. 44 должности, не требуется присяги на подданство России, если сами не пожелают оной принять, но они обязаны присягать установленным порядком (ст. 180) на верность службы»¹ [9]. При этом всякий раз во время «...принятия присяги на подданство или на верность службы обязательно требовалось представление свидетельств тех держав, с которыми заключены картели² о выдаче лиц, подлежащих конскрипции...» (ст. 7 раздела I Закона от 10 февраля 1864 г.). Дети иностранцев, не при-

нявшие присягу в назначенный срок и не поступившие на гражданскую службу, принимали присягу на подданство в общем порядке;

- совершеннолетних детей иностранцев, имеющих российское гражданство. Они могли поступать в подданство России одновременно с родителями или в течение года с представлением полного перечня перечисленных документов за исключением свидетельства о водворении;

- иностранцев духовных иностранных исповеданий, находящихся при русской военной или гражданской службе и приглашенных Министерством внутренних дел. Они могли принять присягу на подданство без всяких сроков, по усмотрению непосредственного их начальства (военные – в полках и командах, прочие в местах своего служения). Присяжный лист, фиксировавший процесс принятия иностранцем присяги, составлялся в двух экземплярах и подписывался всеми присутствующими. Один экземпляр его передавался местному губернатору, а другой хранился в делах того ведомства, в котором исполнялся обряд присяги.

Статьей 8 раздела I закона от 10 февраля 1864 г. министр внутренних дел наделялся исключительным правом удовлетворить или отказать (несмотря на соблюдение всех предписанных формальностей) в удовлетворении прошения о принятии в русское подданство. Приведенная исключительная компетенция в прежнем законодательстве отсутствовала.

Статья 1538 ЗoS и статья 5 раздела I Закона от 10 февраля 1864 г. не допускали замужних иностранок к принятию в подданство России отдельно от мужей. Положение, которым иностранкам, присягнувшим на подданство России до 19 октября 1842 г., разрешалось оставаться в подданстве России (ст. 1538 ЗoS), было исключено Законом от 10 февраля 1864 г.

Русская подданная, вступившая в брак с иностранцем, могла после смерти мужа или расторжения брака вернуться в подданство России. Для этого от нее требовались представления начальнику губернии о том, где она изберет для себя место жительства и соответствующее удостоверение о прекращении брачного состояния. Удостоверение, выданное начальником губернии, служило предъявительнице доказательством наличия русского подданства. Дети такой русской подданной допускались к принятию присяги на подданство России в течение года после достижения ими совершеннолетия.

¹ В статье 180 говорилось: «По вступлении в службу, каждый должен быть приведен к присяге верности оной».

² «...будучи договором о порядке и правилах обмена пленными, картель, в той или иной степени, преследовал три основные цели: а) избавить собственных соотечественников от пребывания в неволе; б) вернуть своей армии подготовленный контингент, в первую очередь – специалистов (артиллеристов, инженеров и т. п.), а равно лиц, способных оказать влияние на дальнейший ход войны (старших и высших офицеров); в) сократить затраты на содержание пленных противника». См.: [6. – С. 161].

Иностранки, вступившие в брак с русскими подданными, а равно жены иностранцев, перешедших в подданство России, исходя из этих фактов могли становиться русскими подданными без принесения присяги, а вдовы и разведенные жены – сохранять подданство своих мужей.

Статья 6 раздела I закона от 10 февраля 1864 г. устанавливала положение, согласно которому принятие русского подданства является личным, непосредственным (по этим причинам такой способ (договорной) некоторыми исследователями именуется натурализацией) [3. – С. 13] за исключением рожденных детей вне зависимости от того, совершеннолетние они или малолетние. При этом указывалось, что дети, рожденные после принятия подданства, признаются русскими подданными.

В соответствии со статьей 1540 ЗoS и статьей 9 раздела I Закона от 10 февраля 1864 г. после провозглашения присяги иностранец считался русским подданным. Дача присяги производилась каждым на своем родном языке или на другом, которым владеет, в присутствии (в ст. 1543 ЗoS говорилось, что не знающий русского языка иностранец дает присягу на своем отечественном) губернского правления, перед духовной особой того вероисповедания, к которому принадлежит приводимый к присяге. Если это не представлялось возможным осуществить, то присяга произносилась перед старшим из присутствующих должностных лиц¹.

Исполнение процедуры присяги фиксировалось в протоколе, который, как и присяжный лист, подписывался присягнувшим, приводившим к присяге и всеми присутствовавшими при этом (ст. 1543 ЗoS предусматривала и проставление на присяжном листе печати принявшего присягу). Оба документа в подлинниках передавались старшим из присутствующих уполномоченных лиц начальнику губернии. К его компетенции относилась выдача присягнувшему свидетельства о принятии в подданство.

Законы о состояниях предусматривали несколько иную процедуру работы с присяжным

листом: после его заверения один экземпляр передавался на хранение в то место, где проводилось приведение к присяге, а другой отсылался в Сенат за свидетельством духовной особы его исповедания и уполномоченного присутственного места, где была осуществлена присяга. Листы представлялись Правительствующему Сенату губернскими правлениями «...при особой описи, однажды в годъ, въ началъ онаго, за годъ минувшій» (ст. 1543 ЗoS).

Закон от 10 февраля 1864 г. оставил в силе особые правила о порядке причисления в подданство России иностранных колонистов, а также иностранных рабочих, водворяющихся в России для обработки земель по найму от землевладельцев. Не отменялись частные привилегии, дарованные некоторым разрядам иностранцев при переходе их в Россию, как то: переселяющимся в Грузию болгарам и другим единоверцам, поселяющимся в Новороссийском крае, записывающимся в мещанство иностранцам, выходящим в Россию из Царства Польского.

Статья 19 раздела I Закона от 10 февраля 1864 г. устанавливала принципиальные положения для лиц, перешедших в российское подданство: они приобретали все права и подвергались всем обязанностям того состояния, к которому были причислены, без всякого различия от коренных подданных (ст. 1550 ЗoS говорила о правах без упоминания обязанностей).

Подробности делопроизводства по принятию иностранцами подданства России и выхода из него, сроки (по возможности кратчайшие), в течение которых дела данного рода должны быть закончены в губернских местах, определялись министром внутренних дел по соглашению с другими ведомствами и публиковались в ведомостях для всеобщего сведения. Следует сказать о том, что император Николай I Законом от 6 февраля 1826 г.² упростил существовавший порядок приведения иностранцев к присяге на подданство России и выхода из него: они были отнесены к компетенции губернского правления. Требовалось

¹ Начальникам губерний предоставлялось право по особо уважительным причинам разрешать иностранцам проводить принятие присяги на подданство в присутствии местного полицейского управления вместо губернского правления. По ходатайству наших заграничных агентов (послов, посланников и проч.) в случае особо уважительных причин приведение к присяге разрешалось проводить в присутствии российских миссий.

² 6 февраля 1826 г. – Высочайше утвержденное положение Комитета Министровъ. – О разрешении иностранцамъ и иностранкамъ вступать въ гильдіи, по принятии присяги на подданство Россіи // Полное собраніе Законовъ Россійской имперіи. Собрание второе. Томъ I. Съ 12 декабря 1825 по 1827. От № 1 до 799. – С.-Петербургъ. Печатано въ типографіи II Отделенія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. 1830.

чинить присягу «...въ присутствіи Губернскаго Правленія». За иностранцами признавалось право на беспрепятственный выезд на родину.

Второй раздел Закона от 10 февраля 1864 г. включал положения переходных мер. В соответствии с ними «иностранцы, вступившие в русское подданство до обнародования сих правил, имеют право, по уплате могущих быть на них казенных, общественных и частных долгов и недоимок, во всякое время возвратиться в прежнее подданство» (ст.1 раздела II Закона от 10 февраля 1864 г.). Оставившим на вышеизложенных основаниях российское подданство предоставлялось, по желанию каждого, два варианта решения: первое – выехать за границу; второе – оставаться в пределах России на одинаковых с прочими иностранцами правах. Во втором случае они должны испросить для себя надлежащий вид или удостоверение от своего правительства, а до их получения иметь вид на жительство, выданный местным губернским начальством. Для получения национального вида на жительство назначались конкретные сроки:

- проживавшим в европейской части России, когда вид на жительство они должны получить из других европейских государств, – годичный;
- находившимся в Сибири или получавшим вид на жительство из других частей света – двух-годовой.

Начало обозначенных сроков считалось со дня подачи желающим оставить русское подданство просьбы об увольнении из него, и пропустившие их без получения для себя национального вида на жительство обязаны были или немедленно выехать за границу, или же снова возвратиться в российское подданство. При этом состоящие в податном состоянии записывались в прежний оклад со взысканием определенных законами податей и повинностей за время после истечения последних платежей.

Эти положения относились и к вступившим в российское подданство военнопленным и «азиатцам», которые, в случае желания их возвратиться в прежнее свое отечество, могли быть уволены на одинаковых основаниях с прочими принесшими России верноподданническую присягу иностранцами. Существовавшие по сему

предмету в статьях 1557¹ и 1558² Зос особые постановления считались впредь отменными.

Статья 4 раздела II Закона от 10 февраля 1864 г. говорила об отмене положений, которые предписывали русским подданным, вышедшим в замужество за иностранцев, продавать принадлежащее им в России недвижимое имущество, за исключением тех, которыми они, в качестве иностранок, не вправе впредь владеть. Постановления об уплате иностранцами, оставлявшими русское подданство, трехлетней подати и вывозной пошлины должны считаться отменными в отношении тех держав, которые взаимно постановят такую же меру в пользу русских подданных.

Раздел III Закона от 10 февраля 1864 г. был посвящен исключению правил, установленных пунктом 1 статьи 67 Закона о гражданстве (в редакции 1857 г.). Последние относились к обязанности иноверного жениха, не состоящего в русском подданстве, принять перед браком присягу на подданство, к испрошению Высочайшего со-

¹ Статья 1557 Зос: «Военнопленные, равно как и Азиатцы, коих жены состоят в российском подданстве, при возвращении в отечество обязаны оставлять жен и детей своих в России, обеспечить надлежащим образом их состояние. Это правило не распространяется только на Бухарцев, которые могут брать с собою таковых жен и детей Магометанского исповедания, если на то будут согласны отцы и матери тех жен их».

² Статья 1558 Зос: «В случае поступления к начальникам губерний просьб от военнопленных иностранцев, оставшихся в России после войны 1812 года, об освобождении их из российского подданства и о дозволении им возвратиться в отечество, наблюдается следующее:

1) Начальники губерний представляют о сем Министру внутренних дел с присовокуплением сведений: а) женат ли иностранец, на ком именно, и имеет ли детей; б) какого исповедания жена и дети его, и каких сии последние лет; в) согласна ли жена его ехать с ним за границу, равно и дети его, если они совершеннолетние; г) не имеется ли на нем казенных по званию его недоимок, не заключал ли он каких-либо с казною или частными лицами контрактов и условий еще не исполненных, и вообще не лежат ли на нем какие-либо общественные повинности или частные иски; не встречается ли со стороны губернского начальства каких-либо особых препятствий к удовлетворению помянутой его просьбы.

2) Министр внутренних дел на удовлетворение такой просьбы, если признается то возможным, испрашивает часто через Комитет министров высочайшее разрешение.

3) Распоряжения по увольнению пленных от подданства относятся до Губернского правления. Обязанность Казенной Палаты в сем случае заключается только в исключении из оклада тех из них, о коих дано будет ей знать, что получили таковое увольнение».

изволения к венчанию брака с невестой православного исповедания и устанавливали следующее.

«Если женихъ или невѣста принадлежитъ къ Православному исповѣданію, въ семъ случаѣ вездѣ, кромѣ Финляндіи (для коренныхъ жителей которой постановлено въ статьѣ 68 изъятіе), требуется:

1) Чтобы лица другихъ исповѣданій, вступающія въ бракъ съ лицами Православнаго исповѣданія, дали подписку, что не будутъ ни поносить своихъ супруговъ за Православіе, ни склонять ихъ чрезъ прельщеніе, угрозы или инымъ образомъ, къ принятію своей вѣры, и что рожденные в семъ бракѣ дети крещены и воспитаны будутъ в правилах Православнаго исповѣданія (а), подписка сія берется Священникомъ предъ совершеніем брака, по формѣ, при семъ приложенной. По совершеніи брака подписка представляется Епархіальному Архіерею. Если Священникъ встретитъ сомнѣніе, то, не приступая къ совершенію брака, обязанъ донести Преосвященному съ изложеніемъ причинъ сомнѣнія, по разсмотрѣніи которыхъ Преосвященный разрѣшаетъ дѣло лично самъ отъ себя, или, когда потребуется формальное производство, предписываетъ Консисторіи (б). Сверхъ сего требуется отъ иновѣрнаго жениха, не состоящего въ Россійскомъ подданствѣ, чтобы онъ прежде брака принял присягу на подданство къ повѣнчанію браковъ невѣстъ Православнаго исповѣданія съ женихами иновѣрными не Русскими подданными, приступается не иначе, какъ въ слѣдствіе особаго на то каждый разъ Высочайшаго соизволенія (в), при испрошеніи коего Начальники Губерній сносятся непосредственно съ Оберъ-Прокуроромъ Святейшаго Синода (г)»¹.

Заключение

1. Правовой базой разработки нормативных актов, регламентирующих принятие российского подданства и оставление его иностранцами, служили Манифесты, разработанные и принятые в эпоху перестроек, осуществленных российским императором Петром Великим. В определенной мере они показывали последующим законодате-

лям доброе и справедливое отношение к иностранцам, тем самым стимулируя привлечение в Россию прежде всего иностранных специалистов.

2. Закон «О правилах относительно принятия и оставления иностранцами русского подданства» от 10 февраля 1864 г. внес в существовавшие законодательные акты комплекс изменений, которые существенно корректировали правовой статус иностранцев, желающих иметь подданство России. В частности, было исключено положение о вступлении иностранца в вечное подданство.

3. Значимость рассмотренного законодательного акта состоит в том, что он закрепил принципы добровольности, индивидуальности, верховенства государственной власти, единство прав и обязанностей, равенство иностранных граждан, принятых в российское подданство, с коренным населением Российской империи (первые приобретали все права и несли те же обязанности, что и все подданные России).

4. Представленный законодательный акт, регламентируя вопросы получения и прекращения российского подданства, охватывал широкий круг граждан – жены, вдовы, разведенные, дети (как совершеннолетние, так и малолетние) – а также разнообразные жизненные ситуации и различные гражданско-правовые вопросы. Все это в определенной мере связано с миграцией, привлечением иностранцев в Россию.

Анализ и обобщение приведенных нормативных актов позволили сделать вывод о том, что ими закладывалась правовая база регламентации этого важного для российского государства направления деятельности, показывалась озабоченность пополнения отечества населением [5], прежде всего различными специалистами для гражданской и военной сфер. Содержательная сторона представленных в статье нормативных актов Российской империи актуальна и для современной России в тот период, когда решаются проблемы правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства, вопросы миграции, совершенствования государственного управления в сфере миграции в Российской Федерации.

¹ Сводъ Законовъ Россійской Имперіи, изданія 1857 года. – Т. 10. – Часть I. Законы гражданскіе. – Санкт-Петербург : Печатано въ Типографіи Второго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, 1857.

Список литературы

1. *Аргучинцев Я. А.* Институт подданства Российской империи и его отражение в современном законодательстве о гражданстве // Политика и право. Ученые записки. – Благовещенск, 2024. – С. 125–131.
2. *Клычников Ю. Ю., Лазарян С. С.* Польско-Северокавказский кризис первой половины XIX века как вызов российской государственности и пути его преодоления : исторические очерки. – Пятигорск, 2023.
3. *Николаев В. Б.* Подданство Российской империи: его приобретение и прекращение (историко-правовой анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2008.
4. *Познахирев В. В.* Договоры об обмене пленными (картели) в военной истории России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. – 2020. – Т. 20. – Вып. 2. – С. 161–166.
5. *Шурухнов Н. Г.* Особенности миграционной политики Российской империи на примере двух манифестов (1762, 1763 гг.) императрицы Екатерины II // Вестник Московского университета. Серия 26. Государственный аудит. – 2024. – № 3 (июль–сентябрь). – С. 7–16.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2025-2-18-24>

Правовые основы молодежной политики Советского государства с 1920-х гг. до начала Великой Отечественной войны

М. А. Блинова

кандидат исторических наук,
доцент кафедры публичного права
Одинцовского филиала МГИМО (У) МИД России.
Адрес: Одинцовский филиал ФГАОУ ВО
«Московский государственный институт международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО (У) МИД России),
143007, Московская область, Одинцово, ул. Новоспортивная, д.3.
E-mail: m.blinova@odin.mgimo.ru

Т. Ю. Джамалова

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков и речевой коммуникации
Московского международного университета.
Адрес: АНО ВО «Московский международный университет»,
125040, Москва, Ленинградский проспект, д. 17.
E-mail: t.dzhamalova@mmu.ru

В. В. Олейников

кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственного и муниципального управления
РЭУ им. Г.В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: oleynikov.vv@rea.ru

The Legal Foundations of the Youth Policy of the Soviet State from the 1920s to the Great Patriotic War

M. A. Blinova

PhD in History, Associate Professor of the Department of Public Law
of the MGIMO-Odintsovo.
Address: The Branch of the Federal State Autonomous Institution of Higher Education
“Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation” in the town of Odintsovo,
3 Novosportivnaya Str., Odintsovo, 143007, Russian Federation.
E-mail: m.blinova@odin.mgimo.ru

T. Yu. Dzhamalova

Ph.D. in Pedagogy,
Associate Professor of Foreign Languages and Communication
of Moscow International University.
Address: Moscow International University,
17 Leningradsky Prospekt, Moscow, 125040, Russian Federation.
E-mail: t.dzhamalova@mmu.ru

V. V. Oleynikov

PhD in Law, Associate Professor
of the Department of State and Municipal Management of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.

E-mail: oleynikov.vv@rea.ru

Поступила 01.04.2025 Принята к печати 15.04.2025

Аннотация

В статье рассматриваются основные направления молодежной политики в СССР 1920–1930-х гг., которая являлась частью комплекса социалистических мероприятий, реализуемых Советской Россией, а потом и СССР в данный исторический период. После окончания Гражданской войны первоочередной задачей, которую предстояло решать молодому Советскому государству, была борьба с беспризорностью. Большое внимание уделялось повышению уровня образования советской молодежи и ее воспитанию в коммунистическом духе. В 1930–1940-е гг. в связи с ростом международной напряженности повысилось значение военно-патриотического воспитания, которое осуществлялось через Осоавиахим и другие организации. Несмотря на долгий период борьбы с беспризорностью, целенаправленная молодежная политика в 1920–1930-е гг. позволила сформировать у подрастающего поколения жизненные ориентиры, отвечавшие задачам не только построения социализма, но и защиты своего Отечества, что в итоге подготовило почву для активного вовлечения молодежи в комплекс мобилизационных мероприятий Советского государства во время Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: молодежная политика, мобилизация, Великая Отечественная война, военно-патриотическое воспитание, ВЛКСМ, Осоавиахим, беспризорность, Деткомиссия ВЦИК, трудовое воспитание, образование, правонарушения несовершеннолетних, хулиганство, девиантное поведение, репрессии, ресоциализация.

Abstract

The article deals with the main actions of Soviet state in the sphere of youth policy in the 1920-30s, which were an essential part of a complex of socialist measures implementing by Soviet Russia and then the USSR in this historical period. After the end of the Civil War, the primary task the young Soviet state to face was to cope with homelessness. Great attention was paid to raising the educational attainment of Soviet youth and upbringing young Soviet citizens as communists. In the 1930-40s, due to growing international tensions, the importance of military patriotic education was increased. Osoaviakhim and other organizations provided it. In general, in 1920–30s purposeful youth policy, despite a long period of struggling with homelessness, set up such life guidelines for the younger generation which met not only the interests of building socialism, but also the protection of homeland. Thanks to them, young people were prepared to be involved in the complex mobilization activities of the Soviet state during the Great Patriotic War.

Keywords: youth policy, mobilization, the Great Patriotic War, military-patriotic education, Komsomol, Osoaviakhim, homelessness, the Central Executive Committee Children's Commission, labor education, education, juvenile delinquency, hooliganism, deviant behavior, repression, re-socialization.

С началом Великой Отечественной войны советская молодежь стала активным участником мобилизационных мероприятий Советского государства. С первых дней войны сотни тысяч юношей и девушек, движимые патриотическим порывом, откликнулись на призыв Родины и отправились добровольцами на фронт. Советская молодежь была задействована не только в рядах действующей армии, но и в подпольно-диверсионной деятельности в тылу врага, оказывала всемерную помощь в эвакуации населения, предприятий. Многие из них, включая подростков, внесли весомый вклад в работу советского тыла, ковавшего победу на военных заводах, на

полях колхозов и совхозов. Юноши и девушки в тылу брали шефство над семьями фронтовиков, выявляли беспризорников, оказывали помощь в уходе за ранеными бойцами.

Советская молодежь в годы войны продемонстрировала свои лучшие качества – патриотизм, героизм, самоотверженность, высокий уровень сознательности и ответственности за судьбу Родины. Достаточно отметить, что среди Героев Советского Союза лица в возрасте до 30 лет составляют примерно 74%, из них наибольший процент составляли лица от 21 до 25 лет (34,6%) [5]. Среди Героев СССР пионеров – 6 человек,

самым младшим из них было 14 лет на момент совершения подвига.

В этой связи возникает вопрос, который как никогда актуален в наши дни: как удалось за двадцать лет советской власти, после окончания Гражданской войны до начала Великой Отечественной войны, воспитать поколение патриотов, готовых ценой своей жизни отстоять свою Родину?

В. И. Ленин, характеризуя состояние России после Гражданской войны, отмечал, что страна была подобна избитому до полусмерти человеку, которому, «дай Бог, с костылями двигаться!» [19. – С. 87]. Положение было воистину катастрофическим: огромные людские потери, хозяйственная разруха, голод, массовая беспризорность, враждебное отношение к молодому Советскому государству на международной арене.

Поколение советских граждан, чье детство пришлось на годы Гражданской войны и последующих лишений, вполне могло стать «потерянным поколением». Однако этого не случилось благодаря целенаправленной молодежной политике, которая проводилась после Гражданской войны.

В принципе государственная молодежная политика – это явление, которое, по словам И. М. Ильинского, породила именно советская политическая система [9. – С. 12]. Опыт проведения такой политики имелся еще в годы Гражданской войны, когда потребовалось привлечь молодежь к участию в различных мобилизационных мероприятиях во имя победы советской власти. Активную роль тогда сыграли массовые организации, в частности, учрежденный в 1918 г. комсомол, студенческие союзы, профсоюзы [12. – С. 2].

Значение государственной молодежной политики в стране особенно возросло после окончания Гражданской войны в связи с началом социалистических преобразований. Цель этой политики подразумевала воспитание человека нового типа – советского человека с той системой ценностей, которая отвечала бы задачам социалистического строительства. При этом особая роль отводилась массовым организациям, таким как пионерия и комсомол. Поскольку советское государство находилось во враждебном окружении, актуальным становилось воспитание патриотизма среди подрастающего поколения.

Вместе с тем в 1920-е гг. первоочередной задачей становилось преодоление беспризорности, которая в начале 1920-х годов приобретала все более угрожающие масштабы. В 1922 г. беспризорных в стране насчитывалось уже 7 млн чело-

век [3. – С. 443]. Беспризорность не только грозила физическим вымиранием миллионов детей и подростков от голода, холода, болезней, но и была питательной средой для распространения различных форм антисоциального поведения – бродяжничества, преступности, алкоголизма и проституции. Весь ужас беспризорности описывался в письме Л. Полякова в Деткомиссию ВЦИК от 19 марта 1926 г.: «...их бродяжничает целая армия в 250 тысяч человек: они снуют по большим и малым городам, по железным дорогам, по базарам, по ярмаркам и везде наводят тоску и ужас: воруют, курят, пьют, дерутся, развратничают – что хотите. Особенно много я их видел в Воронеже ночью на вокзале. Их там было больше 100 человек. И среди них много девочек, которые спят вместе с хлопцами прямо на глазах публики на голом полу, обнимаются, вешаются. Я чуть не сошел с ума от этого кошмара!» [7. – С. 64–65] Ситуация была настолько критической, что возникла реальная угроза деградации значительной части подрастающего поколения.

Несмотря на то, что отдельные шаги были сделаны еще во время Гражданской войны с привлечением ВЧК, потребовались комплексные усилия различных органов власти, общественных организаций, чтобы решить данную проблему. В 1921 г. по инициативе председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского была учреждена межведомственная Комиссия по улучшению жизни детей при ВЦИК РСФСР (Деткомиссия ВЦИК), куда входили члены народных комиссариатов (продовольствия, просвещения, здравоохранения, ВЧК и др. На местах учреждались деткомиссии при исполкомах Советов. К работе с беспризорниками подключались комсомольцы, профсоюзы, учреждались общества «Друзья детей».

В короткий срок предстояло создать приемники-распределители для несовершеннолетних, детские дома, трудовые коммуны, а также подготовить нормативную базу для решения проблемы беспризорности. Здесь можно отметить постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 21 сентября 1925 г. «О мероприятиях по подготовке воспитанников детских домов к трудовой общественно-полезной деятельности», декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 5 апреля 1926 г. «О порядке и условиях передачи воспитанников детских домов в крестьянские семьи для подготовки к сельскохозяйственному труду».

Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 8 марта 1926 г. было утверждено «Положение о меро-

приятных по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР». В 1926 г. был принят Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР, определивший правила передачи детей под опеку. Вводились квоты на предприятиях для производственного обучения и трудоустройства подростков (7%).

Благодаря советским педагогам А. С. Макаренку, С. Т. Шацкому, В. А. Сухомлинскому и др. вырабатывались принципы воспитательной работы с бывшими беспризорниками – воспитание через коллектив, приобщение к труду [13. – С. 63–64; 16]. Важное место отводилось также идеологической работе с беспризорниками, поэтому в детских домах создавались ячейки политических организаций (октябрят, пионеров, комсомольцев) [8. – С. 35], что в целом, несмотря на ряд издержек коммунистического воспитания, также способствовало ресоциализации детей.

В целом к концу 1920-х гг. выработался механизм решения проблемы беспризорности, включавший межведомственное взаимодействие, координацию деятельности Деткомиссии при ВЦИКе и деткомиссий на местах, сотрудничество органов государственной власти с общественными организациями. Поэтому к началу 1930-х гг. уровень беспризорности стал неуклонно снижаться. Однако решить проблему беспризорности удалось только к концу 1930-х гг., поскольку очередной голод в стране спровоцировал новую волну детской беспризорности.

31 мая 1935 г. было принято Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности», в котором были указаны существенные недостатки в работе местных советских органов, партийных, профсоюзных, комсомольских организаций в данном направлении. В частности, отмечалось, что работа в большинстве детских домов в хозяйственном и воспитательном плане поставлена неудовлетворительно, недостаточны меры по своевременному выявлению детской безнадзорности, по борьбе с детской преступностью, привлечению к ответственности родителей и опекунов, допускающих хулиганство, воровство, разврат и бродяжничество своих детей.

В рамках постановления были предприняты меры, направленные на то, чтобы упорядочить работу по борьбе с беспризорностью. Оформлялась четкая система учреждений, на которые были возложены указанные в документе задачи. В нее входили приемники-распределители (пребывание в них детей не могло быть больше одного месяца), определя-

лись различные типы детских домов – обычные, для трудновоспитуемых детей, для детей-инвалидов и нуждающихся в длительном лечении, трудовые колонии. Особое внимание отводилось трудовому воспитанию, профессиональной подготовке воспитанников [7. – С. 183–187].

Другим направлением реализации молодежной политики стало проведение работы по воспитанию подрастающего поколения в социалистическом духе. При этом особая роль отводилась массовым организациям, таким как пионерия и комсомол.

ВЛКСМ становится в 1920–1930-е гг. в организационном плане основным инструментом проведения молодежной политики в силу массового привлечения молодежи в свои ряды и активной пропаганды коммунистических идей.

Отметим, что и во время Гражданской войны, и после нее советскому руководству удалось увлечь молодежь коммунистическими идеями. Молодежи показали цель, во имя которой стоит учиться, работать и, если надо, отдать жизнь, – построение нового справедливого общества, где у всех будут равные возможности. Данная цель выступала не только нравственным ориентиром для молодежи, но и, безусловно, консолидировала советское общество. Иная социально-экономическая система, пренебрегающая принципом социальной справедливости, напротив, неизбежно вела бы к ослаблению социальных связей [18. – С. 76], что представляло собой опасность ввиду сложной международной обстановки, в которой находилось молодое Советское государство.

В 1920–1930-е гг. была проведена масштабная работа по повышению образовательного и культурного уровня молодежи: миллионы советских граждан получили возможность учиться в средних и высших учебных заведениях, посещать библиотеки, музеи. Грамотность советских граждан от 15 до 29 лет в 1939 г. составила в среднем 94,5% [1. – С. 78]. Число обучающихся в СССР на начало 1939 г. по сравнению с 1914 г. выросло в 4,2 раза; количество библиотек, клубных учреждений в СССР выросло в 6,2 раза¹. В. И. Ленин справедливо отмечал: «Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо обучить азбуке»². Можно согласиться с

¹ Культурное строительство СССР. Статистический сборник. – М. ; Л. : Госпланиздат, 1940. – Табл. 10.

² Цит. по: Народное образование, наука и культура в СССР. Статистический сборник. – М. : Издательство «Статистика», 1971. – С. 4.

А. В. Серегиним, который отмечал, что «с теоретико-философской точки зрения образование представляет собой конструирование особого склада ума, характера и физических способностей личности» [17. – С. 44].

Таким образом, колоссальная деятельность, проведенная в данном направлении и сочетавшая как повышение образовательного и культурного уровня молодежи, так и воспитательную работу, пусть даже и сильно идеологизированную, в целом способствовала росту гражданской сознательности среди молодежи. Воспитанная при активном содействии ВЛКСМ, молодежь участвовала в коллективизации, стахановском движении, в крупнейших стройках страны. На базе ВЛКСМ создавались культурно-просветительские, туристические, спортивные организации.

Значительную роль в военно-патриотическом воспитании сыграл Осоавиахим (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству), который курировался ВКП(б) и ВЛКСМ. Деятельность Осоавиахима была сосредоточена на обучении военной специальности, физическом развитии, патриотическом воспитании. Благодаря Осоавиахиму, массовому участию в сдаче нормативов «Готов к труду и обороне СССР», «Будь готов к труду и обороне» и т. п. тысячи молодых людей прошли курсы допризывной военной подготовки, что позволило подготовить военные кадры – летчиков, парашютистов, стрелков, призванных в ряды Красной Армии с началом войны.

Конечно, нельзя не отметить и ряд отрицательных моментов, которые сопровождали молодежную политику в СССР в межвоенный период: жесткий идеологический контроль в отношении молодежи через массовые организации, поощрение доноительства, воинствующий атеизм.

Репрессии 1930-х гг. имели негативные последствия, в том числе для многих представителей молодого поколения. Это коснулось детей репрессированных «врагов народа», которых определяли в специализированные детские дома. Среди жертв политических репрессий были и несовершеннолетние лица [14. – С. 59–65]. Под каток репрессий 1937–1938 гг. попали многие комсомольские активисты как в центре, так и на местах [11. – С. 73].

Серьезной проблемой оставался высокий уровень преступности среди молодежи в 1920–1930-е гг. В первую очередь это объяснялось тем, что проблема беспризорности была еще не

преодолена, более того, она снова обострилась на фоне голода 1930-х гг. в ряде регионов СССР. Рост преступности среди молодежи был обусловлен также целым рядом социальных факторов: происходила перестройка системы социально-экономических отношений, в стране полным ходом шла индустриализация, происходил отток сельского населения в города, как следствие, происходил разрыв прежних социальных связей. Вчерашние крестьяне попадали в новую социальную среду, иногда криминогенную. Выходцы из деревни, как писал Л. Вуль, занимали первое место среди привлеченных за хулиганство в силу недостаточно высокого образовательного и культурного уровня [4. – С. 19]. Он же отмечал, что преимущественно противоправное поведение исходило от молодежи в возрасте 18–24 лет.

На росте преступности среди молодежи неизбежно сказались социальные катаклизмы – революция 1917 г., гражданская война, голод, эпидемии, которые, как отмечал С. Е. Панин, «травмировали детей и подростков физически, психически и морально» [15. – С. 140]. Подростки, видевшие смерть и насилие в любом его проявлении, демонстрировали большую склонность к девиантному поведению.

Хулиганство стало бичом образовательных учреждений. Так, про одну из школ г. Баку в 1926 г. писали, что ученики дерутся, бьют стекла, курят, на каждом шагу слышится нецензурная лексика, а учителя боятся даже подойти к малолетним хулиганам. В этом же году были вынуждены временно прекратить занятия в 25-й городской школе г. Ульяновска (Пензенской губернии) по причине того, что хулиганы-подростки регулярными налетами терроризировали учащихся и педагогический персонал [2. – С. 73].

Хулиганство становилось питательной средой для более тяжких преступлений – убийств, изнасилований, грабежей и др. Зачастую в противоправную деятельность вовлекали детей и подростков совершеннолетние криминальные элементы. К. Е. Ворошилов в письме членам Политбюро ЦК ВКП(б) И. Сталину, В. Молотову и М. Калинин у от 19 марта 1935 г. писал, что хулиганство подростков приобретает чудовищные формы и небывалый размах, и причину он связывал с мягкостью приговоров¹. Го-

¹ Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов / Составители О. В. Хлевнюк, А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. – М.: АИРО – XX, 1995. – С. 144.

сударство пошло на ужесточение политики по противодействию преступности среди несовершеннолетних.

В соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» несовершеннолетние лица, достигшие 12 лет, уличенные в совершении таких преступлений, как кражи, нанесение телесных повреждений, убийство, попытки совершения убийства, привлекались к уголовной ответственности с применением всех мер уголовного наказания¹, последние включали и смертную казнь.

В секретном Циркуляре Прокуратуры СССР и Верховного Суда СССР от 20 апреля 1935 г. о порядке применения высшей меры наказания к несовершеннолетним говорилось, что вынесение такого приговора может происходить только в исключительных случаях и должно быть поставлено «под особо тщательный контроль», в первую очередь со стороны прокурора СССР и председателя Верховного Суда СССР [10. – С. 258].

И. В. Сталин в беседе с французским писателем Р. Ролланом отметил, что «декрет имеет чисто педагогическое значение» и преследовал цель устрасить не столько несовершеннолетних преступников, сколько взрослых бандитов, втягивающих в преступную деятельность детей². О данной проблеме влияния взрослой преступной среды на рост правонарушений среди подростков писал также советский юрист В. С. Тадевосян [20. – С. 65].

Факты применения смертной казни в отношении несовершеннолетних преступников в довоенный период имели место, хотя и были единичны [6. – С. 10–11]. Поэтому в целом результаты молодежной политики в 1920–1930-е гг., как справедливо отметил И. А. Медведев, были противоречивы [10. – С. 4].

Во второй половине 1930-х гг., в условиях нарастания военной угрозы в мире, в Устав ВЛКСМ, принятый в 1936 г., было включено следующее положение: член ВЛКСМ обязан «изучать военное дело, быть беззаветно преданным

великой социалистической родине и быть готовым отдать для нее все свои силы, а если понадобится – и жизнь»³. И. В. Сталин на XVIII съезде ВКП(б), который проходил в 1939 г., в своем докладе заявил: «...война неумолима. Ее нельзя скрыть никакими покровами <...> на наших глазах происходит открытый передел мира и сфер влияния...»⁴

На этом же съезде в Устав ВКП(б) были внесены изменения, касавшиеся взаимодействия партии и комсомола. Отныне ВЛКСМ обязан был проводить всю работу под руководством ВКП(б), а ЦК ВЛКСМ непосредственно подчинялся ЦК ВКП(б)⁵. Данный шаг подготовил почву для включения ВЛКСМ в комплекс мобилизационных мероприятий, которые реализовывались Советским государством с первых дней Великой Отечественной войны в соответствии с директивой СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. «О мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков», что позволило государству максимально использовать организационный и идеологический потенциал данной молодежной организации. С началом войны на комсомол была возложена работа по оказанию всемерной помощи в комплектовании частей РККА, включая специализированные подразделения (воздушно-десантные, батальоны лыжников, ПВО), а также в организации партизанского движения, деятельности военных предприятий, проведении пропагандистской работы на фронте и в тылу. ВЛКСМ успешно справился с задачей максимального вовлечения молодежи в комплекс мероприятий, направленных на отпор врагу.

В целом, несмотря на отдельные перегибы, молодежная политика, которая проводилась в СССР в межвоенный период, позволила не только не потерять молодое поколение, но и воспитать его в духе патриотизма, а также заложила идеологические и организационные основы для последующего привлечения молодежи к мобилизации всех сил и средств на разгром врага в годы Великой Отечественной войны.

¹ О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1935 г. Отдел первый. – М., 1947. – Ст. 155.

² «Тысячи людей видят в СССР воплощение своих надежд». Запись беседы Ромена Роллана и И. В. Сталина 28 июня 1935 года // Источник. – 1996. – № 1. – С. 146.

³ Устав ВЛКСМ принят X съездом ВЛКСМ 21 апреля 1936 года. – Ленинград : ОГИЗ; Госполитиздат, 1942. – С. 6.

⁴ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической Партии(б): 10–21 марта 1939 г. : Стеногр. отчет. – М. : Госполитиздат, 1939. – С. 12.

⁵ Там же. – С. 685.

Список литературы

1. Богданов И. М. Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР. – М. : Статистика, 1963.
2. Власов В. А. Хулиганство в городе и деревне // Проблемы преступности : сборник / под ред. Е. Ширвиндта, Ф. Трасковича и М. Гернета; Государственный институт по изучению преступника и преступности. – М.; Л. : Государственное издательство, 1927. – Выпуск 2. – С. 51–75.
3. Войткевич И. Н. История беспризорности в России в 20-е годы XX века // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 2. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=охсқіf> (дата обращения: 23.06.2025).
4. Вуль Л. Д. Хулиганство в Москве и борьба с ним // За социалистическую законность. – 1935. – № 8 (август). – С. 18–21.
5. Герои Советского Союза: Историко-статистический очерк / Д. Н. Артамонов, А. А. Бабаков, Н. В. Борисов и др. / под ред. И. Н. Шкадова. – М. : Воениздат, 1984.
6. Деревскова В. М. Контрреволюционные преступления в СССР в свете репрессий и реабилитаций (историко-правовой анализ) // Искусство правоведения. – 2023. – №4 (8). – С. 8–22.
7. Дети ГУЛАГа. 1918–1956. – М. : МФД, 2002.
8. Детская беспризорность и преступность в 1920-е годы (по материалам губерний Верхнего Поволжья). – Ярославль, 1999.
9. Ильинский И. М. Государственная молодежная политика в СССР. – М. : Издательство Московского гуманитарного университета, 2017.
10. История сталинского ГУЛАГА : конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов : в 7 т. – М. : РОССПЭН, 2004–2005. – Т. 1. Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С. В. Мироненко, отв. сост. И. А. Зюзина. – М. : РОССПЭН, 2004.
11. Матюшин П. Н. Репрессии в организациях ВЛКСМ в 1937–1938 годах (на материалах Чувашской АССР) // Вестник Чувашского университета. – 2009. – № 1. – С. 70–74.
12. Медведев И. А. Молодежная политика в СССР: достижения и просчеты (социально-философский анализ) // Гуманитарный вестник. – 2019. – № 4. – С.1–10.
13. Николаев В. А., Гринева Е. А., Олевская И. А. Методика воспитания детского коллектива в опыте А. С. Макаренки как средство профилактики отклонений в поведении подростков // Социальная педагогика. – 2019. – № 1. – С. 62–65.
14. Обухов Л. А. Репрессии против детей в период «большого террора» // Вестник ТвГУ. Серия «История». – 2020. – № 2 (54). – С.58–72.
15. Панин С. Е. К вопросу о факторах активизации городского хулиганства в России в 20-е – начале 30-х гг. XX в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2009. – Т. 11. – № 6. – С.139–143.
16. Помелов В. Б. Институт трудового воспитания «Новая жизнь» // История педагогики и образования. – 2011. – № 1–3. – С.108–112.
17. Серегин А. В. Пути преодоления кризиса современного юридического образования России // Академик. – 2018. – № 1. – С. 44–50.
18. Серегин А. В. Синкретический диссонанс политического правопорядка современной России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2020. – № 1 (38). – С. 75–78.
19. Степанов А. Н. Безумство храбрых: о молодежи 1917–1991 годов. – М. : Алгоритм, 2008.
20. Тадевосян В. Борьба с детской преступностью в СССР (К пятилетию закона 7 апреля 1935 г.) // Советское государство и право. – 1940. – № 4. – С. 62–80.

Влияние родового права на форму государства франков и державу Рюриковичей: опыт сравнительно-юридического исследования

А. В. Серегин

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Seregin.AV@rea.ru

Ю. М. Анохина

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романской филологии РГГУ.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»,
125047, Москва, Миусская площадь, д. 6.
E-mail: lett.youlia@mail.ru

Influence of Patrimonial Law on the Form of the Frankish State and State of the Rurikovichi: Experience of Comparative-Legal Research

A. V. Seregin

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Civil Law Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: Seregin.AV@rea.ru

Yu. M. Anokhina

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Romance Philology of the Russian State University for the Humanities.
Address: Russian State University for the Humanities,
6 Miuskaya Square, Moscow, 125047, Russian Federation.
E-mail: lett.youlia@mail.ru

Поступила 13.04.2025 Принята к печати 27.04.2025

Аннотация

В статье при помощи сравнительно-правового метода анализируется пережитков родового права на элементы форм средневековых государств франков исторических эпох Меровингов и Каролингов, а также периода генезиса державы Рюриковичей вплоть до съезда князей в г. Любиче в 1097 г. н.э. Автор приходит к выводу о том, что франки и славяно-русы на начальных этапах образования государственности, рассматривали публичную власть и государственную территорию не как общественное благо, а в качестве родовой собственности принадлежащей правящей династии. Под влиянием аллодального владения короли франков стали делить государственную власть и территорию исключительно между сыновьями, рождёнными в законном браке (так возникла салическая система престолонаследия); представители рода Рюрика перераспределяли власть и волости между всем мужским потомством по принципу старшинства (так сформировалась лестничная или славянская система престолонаследия). Специфика славянской этатизации семейно-родовых отношений правящей династии состояла в том, что к верховной власти допускались женщины, а осиротевшие сыновья князей воспитывались дедьями со стороны матери (вюями), исполнявшими роль регентов до достижения наследниками престола совершеннолетия.

Ключевые слова: франки, Меровинги, Каролинги, король, император, родовое право, князь, династия, Рюриковичи, славяно-русы, Русь, система престолонаследия, средневековая форма государства.

Abstract

The article analyzes the vestiges of patrimonial law on the elements of the forms of medieval Frankish states of the Merovingian and Carolingian historical eras, as well as the period of the genesis of the Rurik state up to the congress of princes in the city of Lyubich in 1097 AD, using the comparative legal method. The author comes to the conclusion that the Franks and Slavic-Russians at the initial stages of the formation of statehood, considered public power and state territory not as a public good, but as patrimonial property belonging to the ruling dynasty. Under the influence of allodial ownership, the kings of the Franks began to divide state power and territory exclusively between sons born in a legal marriage (this is how the Salic system of succession to the throne arose); representatives of the Rurik family redistributed power and volosts among all male offspring according to the principle of seniority (this is how the ladder or Slavic system of succession to the throne was formed). The specificity of the Slavic etatization of family and clan relations of the ruling dynasty consisted in the fact that women were allowed to exercise supreme power, and orphaned sons of princes were raised by grandfathers on the mother's side (*vuy*), who played the role of regents until the heirs to the throne reached adulthood.

Keywords: Franks, Merovingians, Carolingians, king, emperor, patrimonial law, prince, dynasty, The Rurikovichs, Slavic-Russians, Rus', system of succession to the throne, medieval form of government.

Сравнительно-правовое исследование влияния пережитков родоплеменных отношений на форму раннесредневековых варварских держав франков и восточных славян-русов имеет важное научное значение в споре норманистов и анти-норманистов по вопросу об истоках отечественной государственности. Связано это с тем, что в период генезиса политических структур власти архаические особенности потестарного господства фактически совмещаются с публичным управлением всем обществом, находящимся в состоянии необратимой этатизации [7. – С. 38–43]. Применяя метод компаративистского анализа первичных проявлений элементов формы государства, можно более достоверно выявить единые и специфические этнические начала, повлиявшие на возникновение государственного организма в результате творческой силы германского духа в одном случае и славянского гения – в другом.

Несмотря на то, что государство франков (конец V – середина IX в.) и Древнерусская держава (середина IX – вторая половина XI в.) существовали относительно темпорального измерения в различные исторические отрезки времени, социально-политические процессы, определившие закономерности их публично-юридического развития и упадка, были вызваны одним и тем же вектором эволюции средневекового общества.

У истоков двух могущественных варварских держав стояли полуполюгендарные основатели правящих династий: у франков – Меровей [13; 14] (? – 457/458) [2. – С. 41; 3. – С. 214], а у восточных славян – Рюрик (? – 879) [6]. Потомки этих правителей расширяли и укрепляли доставшиеся им соответственно королевство и княжество, пе-

редавая свою власть по наследству, но на основе разных систем престолонаследия.

Древнефранкская система аллоидального владения землей [9] выступала прообразом салического правила передачи королевской власти исключительно по мужской линии старшим сыновьям (принцип майората), а древнерусская правопреемственность великокняжеского правления представляла собой лестничную систему, предоставляющую верховную власть старшему в роде мужчине, а при отсутствии наследников мужского пола даже женщине, как, например, произошло с вдовствующей княгиней Ольгой (около 920 – 969).

Особо стоит отметить, что складывающаяся монархическая форма правления Франкского и Древнерусского государств перманентно испытывала антагонистическое противоборство двух начал коллективного человеческого сосуществования: частного и публичного.

Первоначально *in Rego Francorum* из-за отсутствия братьев у правителей Меровей, Хильдерика I (около 400 – 481/482), Хлодвиг I (около 466 – 511) не было законных конкурентов, имеющих право претендовать на власть. Аналогичная ситуация складывалась и на Руси, ибо братья Рюрика Синеус (? – 864) и Травор (? – 864) умерли, не оставив потомства, а его наследник Игорь (878–945) оказался единственным сыном, так же как и внук Святослав (между 920 и 942 – умер в 972 г.).

С разрастанием же правящих династий усилились внутриродовые и семейные противоречия, обострившие борьбу за королевскую и великокняжеские короны в рамках роста церковного влияния на матримониальные отношения [1].

Внутри правящего дома Меровингов уже в VI в. стали формироваться автономные *stirps regia*

[10. – С. 105], вступившие в политические баталии за доминирование на пространствах, подвластных франкам. Так, между королем Суассона Хильпериком I (около 537 – 584) и его сводным братом Сигибертом I (535–575), женатым на Брунгильде (543–613), дочери вестготского короля Анатагильда (не ранее 517 – 567), разразилась настоящая война, закончившаяся поражением и смертью ее мужа [10. – С. 105]. Во многом эта семейная вражда разгорелась из-за Фредегонды (около 545 – 584), третьей жены Хильперика I и бывшей наложницы этого государя, погубившей вторую жену своего мужа Гелесвинту (около 540 – 568) – родную сестру Брунгильды [10. – С. 107–108].

Относясь к государству как к своей частной собственности и действуя вполне в рамках древнегерманских наследственных обычаев, *Reges Francorum* еще при жизни делили свои территориальные владения между сыновьями, а иногда и другими родственниками. Например, в 511 г. победоносный Хлодвиг определил уделы для четырех своих детей мужского пола – Хлотаря I (около 500 – 561), Хильдеберта I (497–558), Хлодормера (495–524) и Теодориха I (около 485 – 533/534); в 561 г., после смерти Хлотаря I, по сложившейся традиции уже между его сыновьями – Харибертом (520–567), Гунтрамном (около 530 – 592), Сигибертом и их сводным братом Хильпериком I – был произведен новый передел подвластных им территорий [10. – С. 107–108].

Смена династий у франков в 751 г. принципиально не изменила подхода к семейно-династическим разделам единой власти монарха между сыновьями: Каролинги смотрели на государство глазами Меровингов – за исключением того, что упразднили должность майордома, фактически узурпировавшего силу королевского звания уже при знаменитом спасителе Европы от арабо-мусульманского вторжения Карле Мартелле (около 686/688–741).

Первый правитель новой династии, Пипин Короткий (714–768), в духе наследственного завещания разделил власть между двумя своими сыновьями: Карлом Великим (между 742 и 748 – 814), будущим императором Запада, и Карломаном (751–771). Соперничество между двумя франкскими королями прекратилось благодаря скоростной смерти младшего из братьев, и корона франков вновь оказалась в руках одного правителя – Карла Великого.

Стараясь упорядочить, систему политического раздела огромной франкской империи, Карл Великий в 806 г. издал декрет «*Divisio regnorum*», юридически разделив земли единого государства между тремя своими сыновьями: Карлом Младшим (772–811), получившим Нейстрию, Австрию и небольшие королевства на востоке Империи, Пипином (777–810), который был объявлен королем Италии, и Людовиком I Благочестивым (778–840). Представленный документ специально оговаривал, что в случае смерти Карла Младшего его удел передавался Людовику I.

Более того, действуя на опережение, Карл Великий пытался юридически пресечь возможную в будущем внутрдинастическую войну, устанавливая запрет своим сыновьям осуждать на смерть, калечить, ослеплять или постригать в монахи внуков первого императора Запада, если их вина не будет доказана в суде после проведения тщательного расследования всех обстоятельств дела.

Людовик I, понимая, что он не единственный сын своего венценосного отца, постарался нейтрализовать всех потенциальных претендентов на императорский трон. Так, три его брата-бастарда – Драгоня (801–855), Гуго (802–844) и Рихбода (805–844) были принуждены стать монахами [11. – С. 75]. Кроме того, в монастырское заточение им были отправлены Адаларда (751–827) и Валу (755–836), являвшиеся двоюродными братьями его отца. В 818 г. по приказу Людовика I ослепили его двоюродного брата Бернарда (792–818), короля Италии и сына Пипина I, который не пережил этого членовредительства [11. – С. 75].

Сам Людовик Благочестивый также вынужден был решить вопрос о разделе государства между своими сыновьями – Лотарем (795–855), рожденным от первой супруги, Ирмингарды (род. в 778 г.), умершей в 818 г., Пипином (797–838) и Людовиком (804/805–876), рожденными от второго брака с Юдифь Баварской (793/807–843) [11]. В 817 г. Людовик Благочестивый принял нормативно-правовой акт конституционного характера – «*Ordinatio Imperii*», отличавшийся от «*Divisio regnorum*» Карла Великого тем, что возвращался к порядку раздела не на равных основаниях, а на предоставлении старшему сыну коренных земель, т. е. территориального ядра франков – Австрии. Новый порядок семейного передела государственных земель Франкской империи определял следующие статусы правителей и границы удельных владений:

– Лотарь I назначался соправителем отца-императора (Людовика Благочестивого) и после его смерти наследовал императорскую корону, получая власть над Австразией, Саксонией, Нейстрией, Тюрингией, Провансом, Алеманией и Септиманией;

– Пипину доставалась Аквитания, Гасконь, Тулузская марка и графства Авалон, Невер, Каркасон и Отён;

– Людовик II Немецкий становился сюзереном Каринтии, Баварии и западнославянских племен, ставших его вассалами.

Наряду с этим Пипин и Людовик II должны были присягнуть на верность старшему брату Лотарю I, а также признать за ним право давать им разрешение на заключение браков.

В “*Ordinatio imperii*” имелся юридический пробел в отношении гипотетической смерти одного из младших братьев, но в случае смерти Лотаря I специально констатировалось, что нового императора из числа его живых братьев должны избрать магнаты – крупнейшие и влиятельнейшие феодалы.

Хотя представленный порядок был освящен Папой Римским и все подданные франкской империи присягнули на верность с клятвой следовать ему, в политические события вмешались новые семейные нюансы, связанные с женщиной и очередным рождением детей: у правителя Людовика Благочестивого родился очередной сын, будущий король Западно-Франкского государства – Карл II Лысый (823–877). Желая наделить его землями и властью, Людовик Благочестивый в 829 г. изменил положения “*Ordinatio imperii*”, выделив в удел Карлу Лысому часть территории Бургундии, Рецию, Эльзас и Алеманию. Лотарь не согласился с решением отца и был отправлен в ссылку в Италию. Вспыхнула династическая война между отцом (императором) и старшим сыном (его соправителем). Магнаты и церковь поддержали Лотаря и заставили Людовика Благочестивого с ним примириться.

В 833 г. ближайшие соратники предали императора Людовика и перешли на сторону Лотаря, после чего Людовика лишили императорского сана и отлучили от церкви, но 835 низложенный император добился оправдательного приговора в суде Римской курии с одновременным восставлением прав императора. Борьба внутри династии лишь обострилась.

И только в 843 г., уже после смерти Людовика Благочестивого, между тремя братьями (Лота-

рем, Карлом Лысым и Людовиком Немецким) был заключен договор о разделе империи на три примерно равные части: Лотарингию (центральную часть), Западно-Франкское королевство (западную часть) и Восточно-Франкское королевство (восточную часть). Впоследствии на базе Западно-Франкского королевства сформировалась французская нация, а земли Восточно-Франкского королевства и северной Лотарингии стали колыбелью немецкого народа и Германского государства.

В Древнерусском государстве семейно-родственные связи выступали движущей внутриполитической силой в борьбе за великокняжеский престол. Род Рюриковичей уничтожил иные роды, претендующие на власть над восточнославянскими племенами. Рюрик подавил восстание Вадима Храброго (?–864) и убил его; регент Олег (?–912) при малолетнем князе Игоре (около 878 – 945) уничтожил Аскольда (?–882) и Дира (?–882), правивших в Киеве; княгиня Ольга ликвидировала местных князей древлян; Владимир Святославович (около 960 – 1015) – внук Игоря – истребил династию Рогволода (около 920 – 978), княжившую в Полоцке [4. – С. 72]. Известно также, что в Турове правил свой князь – Тур, не оставивший потомков [5. – С. 30].

Владимир Креститель, незаконнорожденный сын Святослава, в борьбе за власть погубил брата Ярополка (?–978/980). Отдав в удел жене Рогнеде и их сыну Изяславу Полоцк, фактически основал отдельную династическую ветвь Рюриковичей-Рогволодовичей, выведенных из древнерусской лестничной системы престолонаследия.

Девять сыновей князя Владимира I, получившие различные волости Древнерусского государства в управление, развязали междоусобицу так же, как и франкские короли, – при жизни отца.

Одним из первых взбунтовался Новгородский князь Ярослав Мудрый (около 978 – 1054), не только отказавшийся платить дань Великому князю Киевскому, своему отцу, но и выступившему против него с армией новгородцев и наемных варягов. Битва не состоялась лишь благодаря внезапной смерти князя Владимира I в 1015 г. Князья Борис (около 990 – 1015) и Глеб (около 990 – 1015) в том же году пали от рук убийц, посланных их братом Святополком Окаянным, и стали одними из первых святых земли Русской.

Став Великим князем Киевским, Ярослав Мудрый, так же как его отец Владимир I, разделил государство между своими сыновьями (практически

на тех же основаниях, что и Меровинги с Каролингами в Королевстве франков), которые в свою очередь вступили в борьбу за власть между собой [12. – С. 6]. Дело дошло до того, что в 1097 г. в городе Любиче – по аналогии с Верденским договором франков 843 г., – князья решили легализовать status quo на вотчинные владения, фактически находившиеся под их властью.

Несмотря на ряд совпадений, сохраняющихся пережитков, семейных и родоплеменных отношений в организации формы средневековых государств франков и древних русов, между ними имеются и существенные отличия.

Во-первых, в державе Рюриковичей существовал древнеславянский обычай передачи на воспитание княжеских наследников вуйам – дядьям по линии матери, которые были регентами при осиротевших князьях. Например, Олег – брат княгини Ольги – был наставником Игоря и правителем Руси во время его малолетства [8. – С. 375]. Являясь германским народом, франки не знали этого обычая.

Во-вторых, в договорах Руси с греками предусматривалась выплата дани женам князей и бояр, тогда как в рамках салического закона франков не признавалась правосубъектность женщин в политических вопросах.

Таким образом, на основании представленных сравнительно-юридических аргументов можно сделать следующие выводы.

1. На монархическую форму правления средневековых варварских государств франков и русов сильно повлияли архаические пережитки семейно-родового права, ставшие основой салической системы престолонаследия Меровингской и Каролингской династий в Западной Европе и лестничного порядка престолонаследия у восточных славян Древней Руси.

2. С точки зрения государственно-территориального устройства принцип родовой собственности правящего дома как основания права на власть и территорию всего государства как у франков, так и у славяно-русов способствовал децентрализации государства и дроблению его на мелкие суверенные уделы и феодалы.

3. В рамках государственно-правового режима сосуществовали два подхода: силовой, направленный на отстаивание наследниками правителей своих прав на престол с оружием в руках, и юридический, предполагающий заключение договоров о мирных разделах государственной территории.

Список литературы

1. Блонин В. А. Семейно-родственные отношения и их регулирование: сравнительный анализ франкских и древнерусских правовых памятников // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2021. – № 4. – С. 9–22.
2. Васильева Е. Г. Французская антропонимическая система в раннем Средневековье (династия Меровингов) // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2011. – № 2 (8). – С. 40–46.
3. Данилова Г. М. Возникновение феодальных отношений у франков VI–VII вв. – Петрозаводск : Государственное издательство Карельской АССР, 1959.
4. Довнар-Запольский М. В. Очерк истории кривичской и дреговичской земель до конца XII столетия. – Киев : Типо-литография высочайше утв. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и Ко въ Москвѣ, 1891.
5. Ермолович В. И. Истоки белорусской государственности (IX–XIII вв.) // Экономика. Право. Общество. – 2025. – Т. 10. – № 1 (41). – С. 29–35.
6. Павликов С. Г., Цуканов С. С. К вопросу о происхождении Российского государства // Государство и право. – 2012. – № 2. – С. 102–109.
7. Серегин А. В. Древнеславянские вождества: историко-правовой анализ // Экономика. Право. Общество. – 2024. – Т. 9. – № 4 (40). – С. 38–43.
8. Серегин А. В. Сравнительно-правовой анализ принципов семейного права древнеславянских народов: между мифом и реальностью // Байкальские компаративистские чтения : материалы международной научно-практической конференции, Иркутск, 20–21 марта 2025 г. – Иркутск : Байкальский государственный университет, 2025. – С. 369–377.
9. Серовайский Я. Д. О понятии terra salica в Салической правде // Средние века. – 2002. – Вып. 63. – С. 11–42.

10. *Старостин Д. Н.* Regnum и stirps regia: Проблемы власти и правящей династии в королевстве франков VI – первой половины VII в. // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. – 2010. – № 8. – С. 104–123.
11. *Старостин Д. Н., Гайворонский И. Д.* Разделы власти в королевстве франков эпохи Каролингов от Пипина III до Верденского раздела (751 – 843 гг.) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. – 2014. – Вып. 1. – С. 71–81.
12. *Цветков С. Э.* Древняя Русь. Эпоха междоусобиц. 1054–1212. – М. : ЗАО Центрополиграф, 2009.
13. *Bienfait B.* Les noms de famille. Innovation ou adaptation du Moyen Age // Généalogie Magazine. – 2009. – No. 297–298. – P. 10–17.
14. *Le Jan R.* Famille et pouvoir dans le monde franc (VIIe –Xe siècle). Essai d'anthropologie sociale. – Paris : Publications de la Sorbonne, 1995.

К вопросу о теоретических и методологических аспектах исследования права средневековой Сербии в XIX – начале XXI в.

В. И. Ермолович

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного экономического права
Белорусского государственного экономического университета
Адрес: УВО «Белорусский государственный экономический университет»,
220070, г. Минск, пр. Партизанский 26.
E-mail: jermalovich7@gmail.com

On the Issue of the Teoretical and Methodological Aspects of the Study of the Law of Medieval Serbia in the 19th – Early 21st Century

V. I. Yermolovich

PhD in Law, Associate Professor of the Department
of International Economic Law of Belarusian State University of Economics.
Address: Belarusian State University of Economics,
26 Partizanskiy Av., Minsk, 220070, Belarus.
E-mail: jermalovich7@gmail.com

Поступила 12.04.2025 Принята к печати 29.04.2025

Аннотация

В представленной научной статье рассмотрен вопрос становления и развития юридической науки в сербском государстве за последние 225 лет. Проведен анализ процесса развития теории и методологии сербского права и его влияние на ход исследований права средневековой Сербии в XIX – начале XXI в. Автор на фактических примерах убедительно доказывает, что сербская юридическая методология изучения собственной средневековой истории первоначально развивалась в рамках идеологических потребностей становления суверенной сербской конституционно-монархической государственности. Влияние европейской юридической науки на правовую медиэвистику сербского правового наследия нашло свое отражение в популяризации натуралистической, позитивистской, гегельянской и социологических философских школ. В начале XX столетия, с приходом русских эмигрантов, теоретическая юриспруденция Югославии обогатилась работами Ф. В. Тарановского и А. В. Соловьева, умело применявших приемы и способы сравнительно-правовых и исторических исследований законодательства средневековой державы Неманичей. В период социалистического развития сербской науки в составе федеративной Югославии доминировала методология диалектического материализма, который рассматривался Р. Лукичем не в качестве единственно верного и правильного инструмента добывания нового правового знания, но как фундамент для использования всего спектра методологического инструментария, известного гуманитарному знанию. В современных условиях методологическая база сербских историков права служит важной гносеологической опорой для анализа средневекового права и государства Сербии белорусскими и российскими специалистами в области славянской юридической медиэвистики.

Ключевые слова: сербская юридическая наука, теория права, методология права, школа естественного права, школа юридического позитивизма, социологическая школа права, марксистское учение.

Abstract

The presented scientific article examines the issue of the formation and development of legal science in the Serbian state over the past 225 years. The analysis of the development of the theory and methodology of Serbian law and its influence on the course of research into the law of medieval Serbia in the 19th – early 21st centuries is conducted. The author convincingly proves, using actual examples, that the Serbian legal methodology for studying its own medieval history initially developed within the framework of the ideological needs of the formation of a sovereign Serbian constitutional-monarchical statehood. The influence of European legal science on the legal medieval studies of the Serbian legal heritage was reflected in the popularization of the naturalistic, positivistic, Hegelian and sociological philosophical schools. At the beginning of the 20th century, with the arrival of Russian emigrants, the theoretical jurisprudence of Yugoslavia was enriched by the works of F. V. Taranovsky

and A. V. Solovyov, who skillfully applied the techniques and methods of comparative legal and historical research into the legislation of the medieval Nemanjić state. During the period of socialist development of Serbian science as part of federal Yugoslavia, the dominant application was given to the methodology of dialectical materialism, which was considered by R. Lukić, not as the only true and correct tool for obtaining new legal knowledge, but as a foundation for using the entire spectrum of methodological tools known to humanitarian knowledge. In modern conditions, the methodological base of Serbian legal historians serves as an important epistemological support for the analysis of medieval law and the state of Serbia by Belarusian and Russian specialists in the field of Slavic legal medieval studies.

Keywords: Serbian jurisprudence, theory of law, methodology of law, school of natural law, school of legal positivism, sociological school of law, Marxist doctrine.

Возрождение государства и формирование системы юридического образования в начале XIX в. стало основой для развития историко-правовой науки Сербии. Другой, не менее важной причиной, которая способствовала развитию истории государства и права средневековой Сербии, был тот факт, что возрожденное сербское государство по своей форме правления относилось к монархии, которая нуждалась в теоретическом и историческом обосновании закономерностей своего бытия. Кроме того, молодая правящая династия Сербии нуждалась в формировании государственной идеологии, которая могла бы опереться на фактор исторической преемственности института власти в стране. Эти факторы и способствовали тому, что сербская историко-правовая наука уже в первой половине XIX в. обратила свой взор на средневековое государство и право Неманичей. К этому времени в Сербии сформировалась национальная школа сторонников естественных прав человека в лице Д. Обрадовича, Л. Войновича и С. Петровича, которые активно выступали за освобождение страны от турецкого ига и возрождение сербской государственности в форме просвещенной монархии [19. – С. 409–412].

Строительство сербского государства в первой половине XIX в. сопровождалось развитием науки и образования в стране. В Сербии появились ученые-правоведы, получившие европейское признание. Среди них был Вук Стефанович Караджич (1787–1864). В 1818 г. он издал «Словарь сербского языка», содержащий многочисленные толкования сербских, латинских и немецких юридических терминов, которые применялись в «Законнике Стефана Душана»¹. Кроме того,

В. С. Караджич оставил ряд важных замечаний в своих научных сочинениях в отношении источников права средневековой Сербии, в частности, в отношении Раковачского списка «Законника Стефана Душана», который он одним из первых исследовал еще в 1826 г. и рассматривал его как составную часть «Кормчей книги» [1. – С. 289–290].

Появились и другие специалисты в области теории государства и права в Сербии. К их числу следует отнести Б. Груйича (Т. Филиппович), Й. Стейича и Д. Давидовича. Основой их научного творчества была теория приоритета закона для реализации властных полномочий государства и его представителей [17. – С. 40–48]. Это свидетельствует в пользу того, что уже в первой половине XIX в. в Сербии формируется школа естественного права. Указанные правоведы видели источник прав человека в самом человеке, в его внутреннем мире, а не в законодательстве, санкционированном государством [18; 24].

Становление школы естественного права в Сербии в XIX в. было напрямую связано с зарождением и развитием системы высшего юридического образования в стране. В 1838 г. в г. Крагуевац начал работать Лицей, который вскоре получил статус Высшей школы (академии) Сербии. Там в 1840 г. было создано отделение для подготовки правоведов, где начала активно развиваться правовая мысль страны, в том числе сербская научная школа теории государства и права [22. – С. 302]. И, как следствие, уже в 40-е годы XIX в. в Высшей школе Сербии – Академии г. Крагуевац и Белградском университете – завоевывает полное господство немецкая идеалистическая философия в духе философских и правовых идей Г. Гегеля, а в теории права – идея умного природного права. Об этом свидетельствуют труды И. Филипповича и И. Поповича, которые были посвящены вопросам теории права [16; 31; 32], где право отождествлялось с категорией «свобода» и «свободная воля», в процессе своего развития по

¹ См.: Српски рјечник: истолкован њемачким и латинским ријечима / скупљо га и на свијет издао Вук Стефановић. – Wien : Gedruckt bei den P.P. Armeniern, 1818.

трем ступеням (тезис, антитезис и синтезис) проходящая путь от абстрактного права к конкретной морали, а от нее к нравственности как морали для всех, где «правовые законы – это законы, идущие от людей» [9].

На рубеже XIX–XX вв. под влиянием тенденций, существующих в европейской правовой мысли, в сербской правовой науке появились сторонники юридического позитивизма. Типичными представителями этого направления в сербской правовой науке были Ж. Перич и Д. Йованович. Под юридическим позитивизмом они понимали ряд теорий о праве, которые отождествляли понятия «право» и «закон» [15].

Как позитивист, Ж. Перич рассматривал право в качестве установленных государством законов, в которых оно определяет юридические права и налагает обязанности [14. – С.143]. С этой позиции Ж. Перич рассматривал и исторические процессы в средневековом сербском праве. Об этом свидетельствует его научный доклад по итогам обсуждения работы Н. Радойичича «Сила закона в Законнике Душана», который был опубликован в «Ежегоднике Сербской королевской академии» за 1924 г. Основные взгляды Ж. Перича в вопросах теории права разделял и видный историк сербского права, академик С. Новакович. Об этом свидетельствует ряд положений, изложенных в его монографии «Законник Стефана Душана царя Сербии: 1349 и 1354 гг.» (Белград, 1898).

Понятие права, с точки зрения Д. Йовановича, было чисто формальным, а юридическая наука – формальной наукой о позитивном праве. Право же он определял как совокупность действующих в государстве принудительных норм и применяемых им правовых принципов [33].

Утверждение в Сербии в конце XIX в. позитивизма как одного из господствующих направлений следует объяснять укреплением позиций капитализма в жизни общества и государства, активной кодификацией права и укреплением законности. С начала XX в. значительное влияние на сербскую правовую науку начало оказывать социологическое направление. В числе наиболее видных его представителей были С. Йованович, Ф. Тарановский и А. Соловьев.

Слободан Йованович не только исследовал проблемы социологической юриспруденции в Сербии, но и рассматривал вопросы практического применения социологического метода. Он исследовал взаимодействие права с другими социальными явлениями, характерными для тео-

рии государства и права, на примере положений, изложенных в учении Макиавелли, Платона, Берка и Маркса [34]. По его мнению, право возникает не по воле законодателя, а является закономерным историческим продуктом народной жизни, поэтому в разные эпохи содержание права имеет значительные отличия.

В ряде своих работ С. Йованович поддерживает взгляды французских представителей социологической школы на развитие государства и права. Он признает наличие в обществе классов и классовой борьбы, которая определяет социальный прогресс общественного развития [35].

Еще одним видным представителем социологического направления в правовой истории Сербии был Ф. Тарановский. После Октябрьской революции 1917 г. профессор права Федор Васильевич Тарановский оказался на родине своей супруги в столице Сербии – г. Белграде, где у него было много друзей. С этого времени и до конца своей жизни профессор Тарановский связал свою судьбу с юридическим факультетом Белградского университета, где совместно со своим учеником, также русским профессором-эмигрантом, А. В. Соловьевым создал кафедру истории права. В 1932 г. он был избран действительным членом Сербской академии наук. За время работы в университете г. Белграда Ф. В. Тарановский подготовил и опубликовал 4 монографии и 40 научных статей и докладов. В бывшей Югославии он был признанным классиком правовой науки.

Уже осенью 1920 г. Ф. В. Тарановский опубликовал на сербском языке в журнале «Архив юридических и общественных наук» статью «Задача и метод истории права», в которой показал важность использования компаративного и социологического методов в изучении истории права. В 1923 г. увидел свет учебник Ф. Тарановского по общей теории права «Энциклопедия права», который написан с позиции социологической методологии [25].

Однако своей главной задачей профессор Ф. В. Тарановский считал изучение истории сербского права. Уже в начале 20-х гг. прошлого столетия он начал работу над фундаментальной монографией «История сербского права в государстве Неманичей». Важнейшее место в указанной работе было уделено проблеме изучения «Законника Стефана Душана», в процессе которого автор учитывал достижения предшественников – Н. Крестича, Д. Мияшковича и С. Новако-

вича. В своей работе он не стремился выявлять новые документы и факты в архивах, а работал преимущественно с уже находящимися в научном обороте материалами, но при этом умел находить в уже известных научной общественности фактах новые, важные для развития науки признаки, которые имели большое значение для понимания процесса формирования средневекового государства и права Сербии и стран Европы. При этом Ф. В. Тарановский подверг серьезному критическому анализу трактовки ряда источников права средневековой Сербии и научные взгляды своих предшественников по некоторым проблемам истории права. Например, в работе «Принцип законности в Законнике царя Стефана Душана» профессор Ф. В. Тарановский критически проанализировал традиционную трактовку статей 105, 171 и 172 Законника Душана в сербской и югославской историографии, когда многие авторы пытались утверждать, что в «Законнике Стефана Душана» был закреплен приоритет закона над царской волей [30. – С. 151–153]. Он отверг романтизированные взгляды этих исследователей на средневековое право Сербии, объяснив наличие данных норм права в средневековом законодательстве государства Неманичей фактором влияния политико-правовой мысли Восточно-римской империи.

Важное место в научном творчестве Ф. В. Тарановского занимает работа «*Majestas Carolina* и Законник Душана: к вопросу об истории сословно-представительных государств в средневековой Европе», в которой на основе социологического метода и сравнительного анализа трех законников средневековых славянских государств («*Majestas Carolina* Карла IV», «Статут Казимира Великого» и «Законник Стефана Душана»), принятых в XIV в., была разработана эффективная методика историко-правового анализа государств на примере Сербии и Чехии, по форме правления являвшихся сословно-представительными монархиями [26]. Автор работы пришел к выводу, что исследованные им формы государственного устройства в законодательстве стран с православным и католическим вероисповеданием относятся к двум подвидам единой европейской цивилизации несмотря на различия в вероисповедании. При этом он отметил, что данная особенность не оказала существенного различия на форму государственного устройства и управления в указанных странах.

Как было сказано выше, работа «История сербского права в государстве Неманичей» стала основным научным трудом профессора Ф. В. Тарановского, сделав его классиком югославского права. В 1931 г. увидели свет две первые книги этого четырехтомного сочинения – «История государственного права» [27] и «История уголовного права» [28]. Две другие книги – «История гражданского и судебного права» – вышли в свет незадолго до кончины ученого [29].

В этой работе были широко использованы сравнительно-правовой, исторический и социологический методы. Благодаря их синтезу ученый смог убедительно показать всему миру, что средневековая Сербия в эпоху правления Неманичей уже обладала собственной системой права. Нельзя не согласиться и с известным соратником Ф. Тарановского, также русским по происхождению Александром Васильевичем Соловьевым, который в своей рецензии на указанный труд отметил: «До него (Ф. В. Тарановского – И. Е.) историю сербского права излагали по общим схемам развития европейских государств и доказывали, что средневековая Сербия была отсталой страной, он же сравнил и справедливо показал, что некоторые ее нормы права сопоставимы с правом Франции XVI века и России XVIII века» [23. – С. 599].

Профессор А. В. Соловьев также являлся представителем социологической школы. В пользу нашего довода свидетельствуют его научные труды, в частности, монография о «Законнике царя Стефана Душана» 1349 и 1354 годов, в которой на материалах анализа средневекового права Сербии четко прослеживаются классические элементы социологической теории как эмпирическое явление. В основу исследования положены общественные отношения, защищаемые правом, т. е. право, формируемое реальной жизнью сербского народа эпохи Средневековья. Налицо факт «живого права». На это указывали и сербские правоведы, стоявшие на позициях марксизма. Так, доктор права, профессор Т. Никчевич в предисловии к монографии А. В. Соловьева «Законник царя Стефана Душана 1349 и 1354 годов» отмечала: «Соловьев благодаря своим трудам существенно обогатил методологию нашей историографии. Он применил историко-компаративный метод, которым пользовались представители социологического направления [12. – С. XXII].

Видные представители социологического направления в сербской историографии средневекового государства и права С. Йованович,

Ф. Тарановский и А. Соловьев в начале XX в. под влиянием политической экономии и историографии государства и права передовых стран Европы сформировали новый подход к оценке закономерностей историко-юридических явлений в общественной жизни средневековой Сербии. Согласно этому подходу, формы государства и права живут не самостоятельной жизнью – они всецело подчинены другим, более масштабным переменам в социальной жизни народов в отношениях собственности и социально-экономического строя. По существу, видные представители социологической школы Югославии в начале XX в. приблизились по ряду позиций к марксистской концепции. Они, как и марксисты, считали, что государственная организация и правовые институты в истории не самостоятельны, а следуют изменениям в отношениях собственности и экономическом строе, образуя вместе с ними целенаправленный ряд общественно-экономических формаций. Это в очередной раз подтверждает современную концепцию, которая рассматривает марксизм как крайнее воплощение социологического подхода к истории государства и права. Данная концепция находит отражение в развитии марксистской концепции югославской историографии государства и права второй половины XX в.

После Второй мировой войны, с приходом к власти в Югославии коммунистической партии, в сербской историко-правовой науке господствующую роль начинает играть марксизм. Видными представителями этого научного направления в сербской и югославской юридической науке были Р. Лукич, Б. Перич, Т. Никчевич и др.

Профессор юридического факультета Белградского университета, действительный член Сербской академии наук и искусств Радомир Лукич оставил после себя большое юридическое наследие. В 1995 г. в Сербии было издано 11-томное собрание его сочинений. В своих работах он уделял большое внимание комплексному изучению права как общественного явления, его многоаспектности при помощи различных методов – философских, научных, технических, в том числе кибернетики [7].

Значительное внимание в своих научных трудах профессор Р. Лукич уделил вопросам методологии права. В зрелые годы своей научной деятельности – в 70–80-е годы минувшего столетия – он пришел к следующему выводу: «Вопросы методологии права все еще рассматриваются в рамках теории толкования права – в традицион-

ных рамках исследования догматического метода. Рамки же эти являются слишком узкими, поскольку методов права значительно больше. Развитие теории толкования права достигло высокого уровня, но ее слишком узкие рамки начинают мешать успехам методологии права в целом. В последнее время это осознаётся все в большей степени, и методология права все больше отделяется от теории толкования права, которая, по сути дела, представляет собой одну из ее составных частей» [7. – С. 56].

Будучи сторонником марксистского направления в науке, профессор Р. Лукич выступал против узкого схематичного толкования марксизма в вопросах изучения эволюции институтов государства и права. «Наибольшую опасность при применении диалектического метода, – писал он, – представляет собой его абстрактное и шаблонное использование. Недостаточно лишь повторить с некоторыми изменениями общие положения диалектики. Нужно исследовать конкретное действие этих положений в сфере государства и права, а это невозможно сделать без использования специфических правовых методов, в частности догматического метода» [8. – С. 5].

Ученый справедливо считал, что правовые науки и философия права, которые базируются на диалектическом и историческом материализме, не уделяли должного внимания вопросам методологии права. Причину подобного положения вещей он видел в недостаточном развитии общественных наук, в особенности их методологии. В своей работе «Методология права», изданной в Белграде в 1977 г., он писал: «В юридических исследованиях более декларативно, чем конкретно, провозглашалась необходимость применения диалектико-материалистического и историко-материалистического методов в праве, а само это применение сводилось к упрощенному использованию наиболее элементарных социологических методов. Одновременно без каких-либо реальных оснований и какого-либо солидного объяснения в принципе отвергалось применение традиционных правовых методов – догматического и нормативного, – что являлось определенной данью правовому нигилизму. Все это имело место несмотря на то, что на практике использование данных методов продолжалось, будучи совершенно необходимым. В то же время, как уже отмечалось, не был с достаточной ясностью и конкретностью изучен вопрос о том, что в действительности означает применение диалек-

тического метода в праве и каково соотношение между ним и другими, традиционными методами изучения права» [7. – С. 57].

Ученый поставил сложнейшую задачу, которую решал с единомышленниками до конца своей жизни на исходе XX столетия.

Научные изыскания академика Р. Лукича далеко не всегда находили поддержку коллег на Родине ученого и аплодисменты за рубежом. Например, известный советский правовед, доктор юридических наук, профессор О. С. Иоффе весьма критически отнесся к многим положениям, высказанным Р. Лукичем в его двухтомной работе «Теория государства и права». «Р. Лукич исходит не из единства, а из множественности методов юридической науки, – писал О. С. Иоффе. – Он утверждает, что юриспруденция пользуется тремя главными методами – догматическим, философским и социологическим. Р. Лукич на словах, правда, признает всеобщее значение метода диалектического материализма, но, ссылаясь на всеобщность указанного метода, делает вывод, что, помимо него, каждая наука пользуется своим особым методом. Для юридической науки таким особым методом является якобы догматический метод, под которым Р. Лукич понимает “систематическое усвоение конкретных правовых положений”. Нетрудно заметить, что автор здесь явно смешивает специфические приемы, которыми пользуются различные отрасли знаний, с методологической основой науки. Подобное смешивание позволяет ему, однако, утверждать, что для юриспруденции догматический метод имеет такое же значение, как и метод диалектический» [5. – С. 22–23].

Главным аргументом профессора О. С. Иоффе было то, что «нельзя превращать специфические приемы применения диалектического метода в каждой науке в ее особую методологию» [26. – С. 23]. С этим действительно трудно не согласиться, однако нет оснований и для игнорирования догматического метода в юридической науке, поскольку эффективность применения данного метода доказана ходом развития истории права. Да и сам профессор О. С. Иоффе признал, что «способы применения метода материалистической диалектики в таких науках, как физика, биология и правоведение, далеко не совпадают» [5. – С. 23].

При этом следует отметить, что взгляды академика Р. Лукича на вопросы методологии права эволюционировали в русле передовых научных

воззрений. Ученый на протяжении всей своей научной деятельности оставался приверженцем марксистского воззрения на развитие правовой науки, чего мы не можем сказать о многих критиках его научного творчества. Например, профессор О. С. Иоффе в 1981 г. покинул Советский Союз и переехал в США. С 1982 по 1998 г. он был профессором юридического факультета Университета Коннектикута в Хартфорде (Штат Коннектикут), где от своих марксистских воззрений на юридическую науку отказался.

Близким единомышленником академика Р. Лукича был известный югославский ученый, профессор Б. Перич, автор монографии «Юридическая наука и диалектика», которая увидела свет в 1962 г. В ней автор рассмотрел проблемы применения диалектики в праве на конкретных примерах, показав, как отдельные вопросы права могут исследоваться с позиций диалектического материализма. В исследовании указано, что одной из первоочередных задач науки является выявление соотношения между диалектическим и иными методами изучения права, а также развитие правовых исследований на основе диалектики. Основной вывод Б. Перича сводится к следующему: «Специфические методы отдельных отраслей человеческого знания должны реализовывать общие положения диалектического материализма в своих областях с тем, чтобы углублять, развивать и уточнять эти положения» [37. – С. 205].

Положения марксистской методологии активно применяла в практической деятельности в ходе подготовки работ по истории права профессор, доктор права Томица Никчевич. Она эффективно использовала основные методы юридического исследования в ходе анализа происхождения и содержания рукописей «Законника царя Стефана Душана» 1349 и 1354 гг. – Студеничского, Хиландарского, Ходошского и Бистричского списков [11].

Профессор Т. Никчевич при подготовке указанной работы активно использовала диалектический метод (для доказательства основных научных положений), герменевтический метод (для объяснения содержания использованных текстов) и сравнительно-правовой (компаративный) метод. В результате Т. Никчевич пришла к ряду важных выводов, обосновав, что Ходошская рукопись «Законника» является самой древней из числа подвергшихся анализу в ее работе. Появление данного списка датируется XIV в. [11. – С. 14]. Кроме того, Т. Никчевич разработала

научную методику работы с древними юридическими актами, позволяющую устанавливать не только хронологию их появления, но и достоверность содержания источника. В данном случае наиболее полным по своему содержанию является Бистричский список рукописи «Законника царя Стефана Душана», текст которого состоит из 184 статей, изложенных на 209 листах [11. – С. 25].

Несмотря на ряд достоинств марксистской научной методологии, следует отметить, что революционных достижений в историко-правовой науке Сербии, которая исследовала институты средневекового государства и права, не произошло. В рассматриваемый период (40–90-е гг. XX в.) в Сербии (Белградском университете) было защищено только 5 докторских диссертаций по истории средневекового права. Однако вопросам истории отечественного права была посвящена только одна диссертация – работа Н. Павковича «Право купли-продажи в обычном праве Сербии и Хорватии» [36]. В четырех других диссертациях были только отдельные главы, посвященные страницам средневековой истории права Сербии. Использование новых, ранее не введенных в научный оборот архивных материалов в этих диссертациях отсутствует. Главный вклад их авторов в развитие сербской науки – это изложение уже известных научных фактов с позиции формата марксистско-ленинской теории. Нами выявлена характерная для данного периода, устойчивая тенденция: руководство коммунистической Югославии не поощряло разработку фундаментальных исследований по истории государства и права средневековой Сербии, считая, что это будет потворствовать развитию великосербского национализма в стране.

В 90-е годы минувшего столетия начинается процесс распада Федеративной Югославии. Одновременно наметился отход от материалистического понимания эволюции права и произошел пере-

ход к методологическому плюрализму. Данное явление оставалось характерным и для историко-правовой науки Сербии на рубеже XX–XXI вв. От сочетания и взаимодополняемости всех известных науке методов юридическая методология современной Сербии пришла к доминированию одного или нескольких методов как наборов схожих процедур, связанных с общей теоретической базой.

Всю совокупность методов, применяемых в современной теории и истории права, принято классифицировать на пять групп, что отражено в работах профессора И. А. Иванникова: всеобщие методы, общенаучные методы, частнонаучные методы, междисциплинарные методы и дисциплинарные методы [4. – С.109]. В современной сербской теории и истории права наиболее часто применяются три группы методов: всеобщие, общенаучные и частнонаучные [6; 10, 13]. Указанные методы по своему содержанию соответствуют общепринятой трактовке в сербской, белорусской и российской юридической историографии. В современной сербской историко-правовой литературе, посвященной изучению средневекового государства и права, наиболее эффективно применил совокупность указанных методов профессор М. Павлович в своей работе «История сербского права» при рассмотрении вопросов права Древней Сербии, источников и кодификации права в государстве Неманичей, в особенности средневекового судебного права Сербии [13. – С. 13–16, 50–155].

В белорусской и российской современной юридической историографии эти методы по форме и содержанию активно применяются не только в трудах, посвященных историко-правовой проблематике средневековой сербской державы и ее правовой системы [2; 3], но и при исследовании вопросов юридической медиевистики [20; 21], касающихся всех славянских государств.

Список литературы

1. Вукова преписка: в 4 књ. – Књ. 1. – Београд : Државна штампарија краљевине Србије, 1907.
2. Ермолович В. И. Право средневековой Сербии (XII–XV вв.) : монография. – Минск : БГЭУ, 2003.
3. Ермолович В. И. Основные институты гражданского права средневековой Сербии и стран континентальной Европы (X–XV вв.) : монография. – Минск : БГЭУ, 2021.
4. Иванников И. А. История и методология юридической науки. – М. : Юрлитинформ, 2015.
5. Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. – М. : Государственное изд-во Юридической литературы, 1961.
6. Кркљџуш Љ. Правна историја српског народа. – Београд : Службени гласник, 2007.
7. Лукич Р. Методология права / пер. с сербскохорватского В. М. Кулистика. – М. : Прогресс, 1981.

8. Лукић Р. Теорија државе и права : в 2 књ. – Књ. 1: Увод и теорија државе. – Београд : Научна књига, 1956.
9. Матић Д. Кратки преглед историчног развитка начела права, морала и државе, од најстаријих времена до наших дана // Гласник Друштва србске словесности. – 1851. – № 3. – С. 63–130.
10. Митровић Д. М. Правна теорија. Монографија. – Београд : Службени гласник, 2007.
11. Никчевић Т. Историографија рукописа (Студеничког, Хиландарског, Ходошког и Бистричког) // Законик цара Стефана Душана. – Београд: Српска академија наука и уметности, 1981.
12. Никчевић Т. Предговор на књиг: Соловјев А. В. Законик цара Стефана Душана 1349 и 1354 године. – Београд : Српска академија наука и уметности, 1980.
13. Павловић М. Српска правна историја. – Крагујевац : Издавач Н. Павловић, 2005.
14. Перић Ж. М. Границе судске власти. – Београд, 1899.
15. Перић Ж. М. Један поглед на еволуционистичку правну школу // Глас Српске академије наука. – 1907. – Књ. LXXIV. – С. 122–267.
16. Поповић Ј. С. Природно право. – Београд : Библиотека правног факултета, 1841.
17. Радовић Р. В. Демократско природно право у политичкој и правној философији Боже Грујовића // Архив за правне и друштвене науке. – 1940. – № 1. – С. 40–48.
18. Радовић Р. В. Либерално природно право у политичкој философији Јована Стејића и Димитрија Давидовића // Архив за правне и друштвене науке. – 1940. – №5. – С. 449–456.
19. Радовић Р. В. Природноправна теорија монархског апсолутизма у политичкој философији војвођанских Срба // Архив за правне и друштвене науке. – 1939. – № 11. – С. 409–412.
20. Серегин А. В. Государство и право южных и западных славян в средневековой Европе : монография. – М. : Юрлитинформ, 2015.
21. Серегин А. В. Эволюция древнеславянского права (эпоха Средневековья) : монография. – М. : Инфра-М, 2018.
22. Симић М. Д. Развој теорије права у Србији до Другог светског рата // Зборник за теорију права. – Св. II. Књ. 5. – Београд : САНУ, 1982. – С. 301–310.
23. Соловјев А. Приказ на књиг: Т. Тарановског Историја српског права у Немањинској држави. – Београд: Г. Кон, 1935. // Југословенски историски часопис. – 1935. – № 3–4. – С. 598–600.
24. Стејић Ј. Сабор истине и науке. – Београд : Књажеско-србска књигопечатња, 1832.
25. Тарановски Т. Енциклопедија права. – Београд, 1923.
26. Тарановски Т. Majestas Carolina и Душанов законик: прилог за историју сталешке државе у средњевековној Европи // Глас Српска краљевска академија. Други разред. – 1933. – С. 15–88.
27. Тарановски Т. Историја српског права у Немањинској држави. Део 1 : Историја државног права. – Београд : Г. Кон, 1931.
28. Тарановски Т. Историја српског права у Немањинској држави. Део 2 : Историја кривичног права. – Београд : Г. Кон, 1931.
29. Тарановски Т. Историја српског права у Немањинској држави. Део 3 : Историја грађанског права. – Део 4 : Историја судског уређења и поступка. – Београд : Г. Кон, 1935.
30. Тарановски Ф. Начело законитости у Законику цара Стефана Душана // Споменица педесетогодишњице професорског рада С. М. Лозанића. – Београд, 1922. – С. 146–153.
31. Филиповић Ј. Философија права. – Београд : Књажства србског књигопечатња, 1839.
32. Филиповић Ј. Филозофија права као наука о истраживању извора и начела наравног или умног права и овога нарочито у премени на розна грађанска одношенија. – Београд : Правителства књигопечатња, 1863.
33. Јовановић Д. Доношење закона. – Београд, 1923.
34. Јовановић С. Из историје политичких доктрина: Платон, Макиавели, Берк, Маркс. – Београд : Г. Кон, 1935.
35. Јовановић С. О дражи. Основи једне правне теорије. – Београд, 1922.
36. Pavković N. F. Pravo preče kupovine u običajnom pravu Srba u Hrvata: studija iz pravne etnologije: doktorska disertacija branjena 25 maja 1970 g. na filozofskom fakultetu u Univerzitetu u Beogradu. – Beograd, 1972.
37. Perić B. Pravna znanost i dijalektika: osnove za suvremenu filozofiju prava. – Zagreb: Narodne novine, 1962.

В. М. Гессен и С. А. Котляревский о правовом государстве в фокусе международного права

А. В. Лапаева

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Института права и национальной безопасности гражданско-правовых дисциплин
ТГУ им. Г. Р. Державина.

Адрес: ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»,
392000, Тамбов, Интернациональная ул., д. 33.
E-mail: anlapaeva@gmail.com

V. M. Gessen and S. A. Kotlyarevsky on the Rule of Law in the Focus of International Law

A. V. Lapaeva

PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Theory and History of State and Law
at the Institute of Law and National Security of G.R. Derzhavin Tambov State University.

Address: G. R. Derzhavin Tambov State University,
33 Internatsionalnaya Str., Tambov, 392000, Russian Federation.
E-mail: anlapaeva@gmail.com

Поступила 24.03.2025 Принята к печати 10.04.2025

Аннотация

В статье исследуется проблема построения правового государства в контексте международного права с позиции выдающихся юристов-государствоведов, представителей школы возрожденного естественного права начала XX столетия Владимира Матвеевича Гессена и Сергея Андреевича Котляревского. Вопросы, которые в тот период вызывали особый интерес у представителей научного сообщества, несомненно, актуальны и в наши дни. Современное политико-правовое пространство выстраивается в условиях тех вызовов и угроз, которые обусловлены международной обстановкой, поэтому особенно остро стоит проблема пересмотра концептуального подхода к формированию системы стабильных международных договоров и соглашений при условии их обязательного исполнения всеми сторонами. Цель исследования – проанализировать возможности формирования и дальнейшего развития конституционного, правового государства в России в начале XX столетия в условиях международных кризисов в учении выдающихся юристов-государствоведов В. М. Гессена и С. А. Котляревского, выступавших за воплощение их конституционного идеала в политико-правовой жизни страны. Сформулированы выводы о том, что конституционные идеи ученых особенно актуальны в контексте дискуссий о верховенстве права и роли международного права.

Ключевые слова: В. М. Гессен, С. А. Котляревский, международное право, международный договор, правовое государство, конституционное государство, мировая политика, международная безопасность, права человека.

Abstract

The article examines the problem of building a state governed by the rule of law in the context of international law from the perspective of prominent state lawyers, representatives of the school of revived natural law at the beginning of the 20th century, Vladimir Matveevich Gessen and Sergey Andreevich Kotlyarevsky. The issues that were of particular interest to representatives of the scientific community at that time are undoubtedly relevant today. The modern political and legal space is being built in the context of those challenges and threats caused by the international situation, therefore, the problem of revising the conceptual approach to the formation of a system of stable international treaties and agreements, subject to their mandatory implementation by all parties, is particularly acute. The purpose of the study is to analyze the possibilities of the formation and further development of a constitutional, rule-of-law state in Russia at the beginning of the 20th century in the context of

international crises in the teachings of prominent lawyers and statesmen V.M. Gessen and S.A. Kotlyarevsky, who advocated the embodiment of their constitutional ideal in the political and legal life of the country. The conclusions are formulated that the constitutional ideas of prominent scientists are particularly relevant in the context of discussions about the rule of law and the role of international law.

Ключевые слова: V. M. Gessen, S. A. Kotlyarevsky, international law, international treaty, rule of law, constitutional state, world politics, international security, human rights.

Владимир Матвеевич Гессен (1868–1920) и Сергей Андреевич Котляревский (1873–1939) – выдающиеся представители российской государственно-правовой мысли начала XX столетия. В своих научных произведениях ученые обращались к идее построения конституционного и правового государства в России, принимая непосредственное участие в разработке основных конституционных законопроектов того времени.

Теоретическое наследие В. М. Гессена и С. А. Котляревского особенно актуально в наши дни в условиях пересмотра концепции правового государства с позиции выработки новых ориентиров для международно-правового регулирования и сотрудничества. Стратегия конституционных преобразований невозможна без учета международно-правового вектора развития при формировании многополярного мира.

Исследование проблем конституционного устройства стало одним из ключевых направлений развития российской юридической науки конца XIX – начала XX в. и обусловило заметные успехи в данной области. Интересной представляется точка зрения В. М. Гессена и С. А. Котляревского на проблему соотношения понятий правового и конституционного государства. В. М. Гессен отождествлял указанные категории [1. – С. 19], считая, что в правовом государстве само государство «связано и ограничено правом, стоит под правом, а не вне и над ним» [1. – С. 16]. Ученый подчеркивал, что правовое государство основано на верховенстве права, разделении властей и защите прав граждан. Он рассматривал конституцию как ключевой инструмент ограничения произвола власти. В работе «Теория правового государства» В. М. Гессен отмечал: «в правовом государстве индивид является подданным для того, чтобы быть гражданином» [1. – С. 22]. В. М. Гессен признавал важность международных договоров для развития правового государства, но акцентировал внимание все же на приоритете национального права. Для него международные нормы должны были инкорпорироваться в национальную систему через ратифи-

кацию и законодательные акты. В. М. Гессен видел в соблюдении прав человека основу легитимности государства, что косвенно связывало внутреннюю политику с международными стандартами: «без организованной системы конституционных гарантий правовое государство немыслимо и невозможно» [1. – С. 29]. Одной из важнейших гарантий В. М. Гессен называл административную юстицию, призванную «к исправлению всякого рода неправильностей, допущенных правительством при осуществлении им своей власти». Государствовед считал административную юстицию «архимедовым рычагом правового государства», именно судебной, а не административной функцией государства [1. – С. 24].

К представителям второго подхода относился С. А. Котляревский. «Ученый разделял категории конституционного и правового государства, считая конституционное государство с его признаками народного суверенитета, представительного правления, разделением властей, правами и свободами человека и гражданина реальностью, а правовое, основанное на справедливости и законности, идеалом, к которому необходимо стремиться» [10. – С. 54] «в поисках права справедливости» [4. – С. 415].

«Проблема правового государства рассматривалась С. А. Котляревским с позиции того, что право, основанное на идеальных ценностях, изначально подчиняет своему влиянию сначала отдельные национальные государства и лишь во вторую очередь международные отношения в целом. В то же время правовое государство находится под прессингом силы в межгосударственных отношениях, поэтому требуется сбалансированный подход от права к силе и наоборот в связи с возникающей международной обстановкой. При этом, как подчеркивает С. А. Котляревский, внешнеполитические функции не должны идти вразрез с национальными интересами» [11. – С. 84]. В работе «Правовое государство и внешняя политика» он утверждал, что правовое государство должно активно участвовать в формировании международного права, так

как это способствует цивилизованному разрешению конфликтов. С. А. Котляревский считал, что суверенитет государства не абсолютен и должен быть ограничен нормами международного права, особенно в вопросах войны и мира.

В. М. Гессен и С. А. Котляревский относились к представителям теории естественного права. В. М. Гессен критически оценивал позитивное право, связывая правовое просвещение с проблемами этики и морали [9. – С. 30] и подчеркивая, что данное философское направление позволяло «изображать право не так, как оно есть, а как оно должно быть» [2. – С. 11]. По мнению С. А. Котляревского, именно такие нравственные ценности, как справедливость, свобода, равенство, и составляли ядро права [4. – С. 118].

Реформирование международного права как необходимость в разрешении конфликтов, в том числе после Первой мировой войны, рассматривалось С. А. Котляревским «в свете достижений российской школы международного права» [10. – С. 54; 8. – С. 427]. В итоге ученый констатировал, что результаты мировой войны показали необходимость народного единства, в том числе в целях предупреждения дальнейших мировых катастроф. «Обеспечение международной безопасности, кодификация международного права, укрепление институтов разрешения международных конфликтов с помощью эффективных инструментов реализации принятых решений должны были стать приоритетными направлениями развития внешнеполитических отношений между государствами» [11. – С. 85].

По мнению В. М. Гессена, веками длящаяся упорная и тяжелая борьба между правом и силой постепенно приведет к захвату правом сфер человеческой жизни, подчеркивая общечеловеческую идею права, не знающую границ и переходящую на мировой уровень, с чего и начнется эпоха мира [3. – С. 30].

Оптимальной моделью построения конституционной государственности в России С. А. Котляревский считал октроированную монархическую конституцию и ограничение самодержавного строя фундаментальными конституционными гарантиями. По мнению же В. М. Гессена, в конституционной модели государства приоритетное значение должно передаваться парламенту, в ведении которого будет концентрироваться вся полнота власти, а правительство должно быть ответственно перед парламентом [1. – С. 28–29]. При этом, по С. А. Котляревскому, движение Рос-

сии к правовому государству так и оставалось проблемой в связи с тем, что в стране в тот период так и не сложились необходимые к этому предпосылки [6; 7. – С. 9–10].

Как пишет С. А. Котляревский, несмотря на то, что процесс принятия решений в области внешней политики становился более предсказуемым в рамках правового регулирования, данный вектор развития государств не исключает различий интересов между ними. Необходимость международно-правового регулирования государственных отношений была обусловлена интеграционными процессами, ростом вооружений, а также ценности индивидуальной человеческой личности. Из этого С. А. Котляревский делал вывод, что внешняя политика стала мировой политикой [12. – С. 405].

Важнейшим компонентом правового государства являлся примат международного права, выводивший каждое отдельное государство в общее мировое пространство [8. – С. 7]. Для С. А. Котляревского международное право и внутреннее право в правовом государстве дополняли друг друга. Участие в международных договорах укрепляло легитимность государства, а соблюдение внутренних свобод – его международный авторитет. С. А. Котляревский отмечал, что, пересматривая конституционные тексты различных государств, можно было обнаружить нормы, касающиеся троякого рода действий – это заключение договоров, объявление войны, ведение дипломатических отношений. Правовая взаимосвязь государств отражалась в международных договорах, в связи с чем расширялся круг тех экономических и культурных интересов, которые входили в обзор международной регламентации.

Таким образом, в начале XX столетия так и не удалось заложить прочный фундамент для построения основ конституционного (правового) государства в России, что было обусловлено военными и революционными потрясениями в стране. Кризис международного права показал, что это приводит к торжеству экстремистских сил, гегемонии отдельных государств или внешнеполитических блоков. По мнению В. М. Гессена, борьба права и силы в итоге должна завершиться господством права – как внутри государств, так и на международной арене. Ученый делал акцент на внутренних механизмах правового государства, рассматривая международное право в качестве вспомогательного инструмента. С. А. Котляревский же, напротив, считал международное право самостоятельной ценностью, необходимой

для всемирного порядка и ограничения государственного произвола. Конституционные идеи выдающихся ученых особенно актуальны в контексте дискуссий о верховенстве права и роли международного права. В. М. Гессен и С. А. Котляревский заложили основы для понимания право-

вого государства как системы, сочетающей внутреннюю легитимность и международную ответственность. Их работы остаются важным ориентиром в эпоху интеграции национальных и международных правовых порядков в условиях построения многополярного мирового пространства.

Список литературы

1. Гессен В. М. Теория правового государства // Политический строй современных государств. – СПб. : Касса взаимопомощи студентов Санкт-Петерб. политехн. ин-та императора Петра Великого, 1913.
2. Гессен В. М. Основы конституционного права. – Пг. : Изд. юрид. кн. склада «Право», 1917.
3. Гессен В. М. О вечном мире. – СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1899.
4. Котляревский С. А. Власть и право. Проблема правового государства. – М. : Изд. Г. А. Лемана, С. И. Сахарова, 1915.
5. Котляревский С. А. Война и демократия. – М. : Тип. «Культура», 1917.
6. Котляревский С. А. Конституционное государство. Юридические предпосылки русских Основных Законов / под ред. В. А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2004.
7. Котляревский С. А. Конституционное государство: опыт политико-морфологического обзора. – СПб. : Издание Г.Ф. Львовича, 1907.
8. Котляревский С. А. Правовое государство и внешняя политика. – М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1909.
9. Лапаева А. В. Идея прав человека в воззрениях В. М. Гессена // Язык. Право. Общество : Сборник статей по материалам VII Международной научно-практической конференции / под общ. ред. О. В. Барабаш. – Пенза, 2023. – С. 29–31.
10. Лапаева А. В. Концепция идеальной формы российского государства в воззрениях Б. Н. Чичерина и С. А. Котляревского // Российская юстиция. – 2024. – № 10. – С. 50–55.
11. Лапаева А. В. К вопросу о соотношении государства и войны в воззрениях представителей школы возрожденного естественного права России начала XX века // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 80-летию Победы в Великой Отечественной Войне) : Материалы XXII международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 24– 25 апреля 2025 г. : в 2 ч. – Ч. 1. / сост.: Е. С. Зайцева, Е. Н. Козинникова. – СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025.
12. Медушевский А. Н. Диалог со временем. Российские конституционалисты конца XIX – начала XX века. – М. : Новый хронограф, 2010.

Масонское наследие в Конституции США

Н. А. Федоров

аспирант Российского университета дружбы народов.

Адрес: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»,
117198, Москва, Миклухо-Маклая ул., д. 6.

E-mail: fedorov_nikon@inbox.ru

Freemasons' Heritage in the US Constitution

N. A. Fedorov

Postgraduate Student of the Peoples' Friendship University of Russia.

Address: Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia,
6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russian Federation.

E-mail: fedorov_nikon@inbox.ru

Поступила 25.03.2025 Принята к печати 08.04.2025

Аннотация

Цель статьи состоит в исследовании вопроса о степени влияния масонов на становление США, а также на примере статьи «Масоны и образование США» сделать попытку критического анализа работы Майкла Бейджента и Ричарда Ли – известных на Западе авторов работ по истории, истории религии и права. В частности, в своих работах они утверждают, что Конституция является воплощением политических идеалов масонов. В качестве источника для изучения данного вопроса использовался один из основополагающих документов масонства, главный источник данных по масонской идеологии, административной структуре, законодательству и этике – «Конституции» Андерсона. Положения «Конституций» Андерсона сравнивались с положениями Конституции США. В результате изучения данного вопроса удалось сделать вывод о том, что авторы Конституции США отчасти опирались на масонские традиции и, в частности, на «Конституции» Андерсона, основной масонский документ, регламентирующий устройство лож с 1723 г. В процессе сравнительного анализа Конституции США и «Конституций» Андерсона были выявлены следующие соответствия: одинаковый возрастной ценз в 25 лет, установленный для вступления кандидата в Ложу и для избрания в члены Палаты представителей США; общий демократический характер обоих документов, ожидаемый для Конституции США, но не вполне очевидный для исследователя, не знакомого с «Конституциями» Андерсона; федерализм, который выражается в возможности каждой отдельной ложи иметь свой внутренний устав, бюджет и устанавливать собственные должности для отправления исполнительных функций лож, что в общих чертах аналогично полномочиям штатов; запрет на создание новых штатов и лож без получения согласия от Конгресса или Великой ложи; отсутствие механизма выхода штатов из состава США, аналогичное отсутствию механизма вывода лож из-под юрисдикции Великой Ложы; определенное сходство механизма избрания Великого мастера всех лож и Президента США, которое выражается в использовании выборщиков для отправления избирательного права в обоих случаях. Научная новизна данной работы обусловлена тем, что она является первым серьезным компаративистским анализом основы законодательного строительства США и масонских организаций.

Ключевые слова: история США, Конституция США, «Конституции» Андерсона, право США, масонские организации, законодательное строительство США, Джефферсон, федерализм.

Abstract

The purpose of this article is to study the question of the degree of influence of Freemasons on the formation of the United States, as well as using the example of the article "Freemasons and the Education of the United States" to make an attempt to critically analyze the work of Michael Baigent and Richard Lee, well-known Western authors of works on history, religious history, and law. In particular, in their works they claim that the Constitution is the embodiment of the political ideals of the Freemasons. The Anderson Constitution, one of the fundamental documents of Freemasonry, and the main source of data on Masonic ideology, administrative structure, legislation, and ethics, was used as a source for studying this issue. The provisions of the Anderson Constitution were compared with those of the U.S. Constitution. As a result of studying this issue, it was possible

to conclude that the authors of the US Constitution partly relied on Masonic traditions and, in particular, on the Anderson Constitution, the main Masonic document regulating the organization of lodges since 1723. In the process of comparative analysis of the U.S. Constitution and the Anderson Constitutions, the following correspondences were identified: the same age limit of 25 years, established for a candidate to join the Lodge and for election to the U.S. House of Representatives; the general democratic character of both documents, expected for the US Constitution, but not quite obvious to a researcher who is not familiar with the Anderson Constitutions; federalism, which is expressed in the ability of each individual lodge to have its own internal charter, budget, and establish its own positions for the executive functions of the lodges, which is broadly similar to the powers of the States; prohibition on the creation of new states and lodges without obtaining the consent of Congress or the Grand Lodge; the absence of a mechanism for the withdrawal of states from the United States, similar to the absence of a mechanism for the withdrawal of lodges from the jurisdiction of the Grand Lodge; there is a certain similarity in the mechanism of electing the Grand Master of all Lodges and the President of the United States, which is expressed in the use of electors to exercise the right to vote in both cases. The scientific novelty of this work is due to the fact that it is the first serious comparative analysis of the foundations of legislative construction in the United States and Masonic organizations.

Keywords: US history, US Constitution, Anderson Constitution, US law, Masonic organizations, US legislative construction, Jefferson, federalism.

В 2017 г. была переведена на русский язык и опубликована в качестве предисловия к книге Томаса Джефферсона «Великая Америка. Тайная сила власти» статья «Масоны и образование США» Майкла Бейджента и Ричарда Ли [2].

Безусловно, книга Томаса Джефферсона, состоящая из глав «Основы американской свободы», «Образование Соединенных Штатов», «Французская революция», представляет высокую научную ценность с точки зрения изучения влияния роли личностей отцов-основателей на ход и результаты Войны за независимость колоний в Северной Америке. Указанные главы уже были ранее опубликованы в составе книги Томаса Джефферсона «Автобиография. Заметки о Штате Виргиния» [1], впервые увидевшей свет еще в 1785 г. Личность и историческая роль Томаса Джефферсона стали объектами многих исследований зарубежных и отечественных исследователей истории и права, как в советский [2], так и в современный период. Кроме того, материалы книги «Великая Америка. Тайная сила власти» послужили основой для статьи «Строительство правовой системы американских штатов на примере штата Виргиния» [7].

При этом вызывает неподдельный интерес статья «Масоны и образование США» М. Бейджента и Р. Ли, опубликованная в качестве предисловия к книге Томаса Джефферсона. Работы этих авторов не раз подвергались критике в американской научной литературе, а сделанные ими выводы ставились под сомнение из-за существенного расхождения с общепринятым взглядом на историю. В частности, обзор книги М. Бейджента «The Jesus Papers: Разоблачение

величайшей тайны в истории», подготовленный Полом Л. Майером и опубликованный в журнале, издаваемом Христианским исследовательским институтом в Калифорнии, характеризует труд Бейджента следующим образом: «Каждый раз, когда появляются какие-то, казалось бы, важные документы, которые могли бы помочь доказать тезисы Бейджента, они никогда не цитируются для читателя и не предоставляются ученому миру, чтобы он мог оценить их возможную подлинность. Задействованные личности остаются безымянными или исчезают в воздухе прошлого, как и сами документы, оставляя лишь надежду автора на то, что они могут быть раскрыты в будущем. <...> Христианство основывается на фактах, а не на фантазиях, но гностические писатели, как и тогда, стремятся наложить свои собственные образы и фантазии на факты истории. Книга «Иисус» – яркий тому пример» [8].

В российском сегменте сети Интернет работы М. Бейджента и Р. Ли характеризуются как «альтернативный взгляд на историю» [5], но тем не менее их книги являются бестселлерами, а статьи публикуются в качестве предисловий к историческим источникам.

Цель подготовки данной статьи – разобраться в вопросе о степени рецепции идей масонства в процессе государственного строительства США, а также на примере статьи «Масоны и образование США» сделать попытку критического анализа работы М. Бейджента и Р. Ли.

Автор статьи не является приверженцем масонской или какой-либо иной теории заговора. Основой научного интереса к изучению данной темы и исходной точкой для подготовки статьи

является гипотеза о том, что Конституция как документ, столь отличный от «Статей конфедерации», должна была иметь некий прототип, на который авторы могли опираться при подготовке основного закона США и первой в мире Конституции, которая в дальнейшем стала образцом для авторов многих других национальных конституций. Создатели Конституции США могли опираться на такие документы, как Статут Великого Княжества Литовского и иные фундаментальные законы, а также законодательное наследие демократий греческих полисов. Однако ни Статут, ни опыт древних демократий не содержали идеи федерализма, разделения власти, которые связаны с проблемами современного демократического государства и с необходимостью решения которых столкнулись американские отцы-основатели у самого фундамента государственного строительства. Учитывая изложенное, требует проверки гипотеза о том, что авторы Конституции США при подготовке документа в той или иной степени опирались на масонские традиции.

Статья М. Бейджента и Р. Ли на ряде примеров иллюстрирует значительную роль масонов и масонских идеалов в борьбе североамериканских колоний за независимость и в становлении США. Как пишут авторы, Американская Республика «вобрала в себя эти идеалы, она испытала влияние этих идеалов, и она обязана этим идеалам в гораздо большей степени, чем принято считать» [2. – С. 6]. По мнению авторов, Война за независимость британских колоний в Северной Америке происходила не только на суше и на море, но и в масонских кругах. Они ссылаются на противостояние Ложы Св. Иоанна, основанной в 1733 г. и получившей патент от Великой Ложы Англии, и Ложы Св. Андрея, получившей патент от Великой Ложы Шотландии. Ложа Св. Андрея не только боролась с промонархической ложей Св. Иоанна с помощью критики и принятия соответствующих резолюций, но и активно участвовала в революционных событиях. Авторы пишут, что хоть Бостонское чаепитие и не планировалось на собрании ложи Св. Андрея, доподлинно известно, что не менее двенадцати ее членов принимали участие в «чаепитии», а еще двенадцать его участников были приняты в состав ложи позднее [2. – С. 15].

Авторы указывают, что в самом начале войны высшее командование колонистов полностью состояло из масонов, в 1776 г. в конгрессе ведущую роль также играли масоны. Кроме того, из-

вестно, что отцы-основатели США были масонами: «сам Франклин стал масоном в феврале 1731 года, а в 1734 году его избрали Великим Провинциальным Магистром». Первый президент США Джордж Вашингтон, согласно авторам статьи, также был масоном. Этот факт подтверждается сохранившейся гравюрой, опубликованной на сайте Библиотеки Конгресса, где Вашингтон запечатлен в фартуке с масонской символикой и серебряным мастерком в руках¹.

Непосредственно о степени влияния масонства на образование США в контексте исследования государства и права М. Бейджент и Р. Ли пишут, что «...Декларация Независимости, к примеру, не может быть названа масонским документом... Совсем иное дело – Конституция» [2. – С. 38]. Идею о том, что федерализм, заложенный в Конституции, идентичен федерализму Великой Ложы масонов, предусмотренному в «Конституциях» Андерсона 1723 г., закладывается в уста безымянного американского комментатора-масона, «который одновременно допускает преувеличения и излишне упрощает ситуацию». Далее Р. Ли и М. Бейджент пишут, что общий характер выводов верен, поскольку масонство в то время действительно служило образцом эффективной федеративной системы [2. – С. 37].

Не остается практически никаких сомнений относительно того, что сведения, изложенные Р. Ли и М. Бейджентом от лица безымянного масона и не подкрепленные ссылкой на источник, являются не чем иным, как удобным «вбросом» информации для дальнейшего развития логики их статьи. Тем не менее это дает ссылку на едва ли не единственный реально существующий и доступный рядовому исследователю источник – «Конституции» Андерсона 1723 г., сравнение положений которого с положениями Конституции США и будет проведено ниже.

«Конституции» Андерсона – один из основополагающих документов масонства, главный источник данных по масонской идеологии, административной структуре, законодательству и этике [3]. Первым сходством Конституций Андерсона с Конституцией США является возрастной ценз. В соответствии с «Конституциями» Андерсона

¹ Washington as a freemason Commander of the American Army, 1775, President of the United States, 1789, Initiated, November 4th 1752, in Fredericksburg, Lodge No. 4, Virginia. Passed, March 3rd 1753 Raised, August 4th 1753. – URL: <https://lccn.loc.gov/2003663804> (дата обращения: 30.06.2025).

«никакая ложа <...> не может посвящать никого, кто не достиг двадцати пяти лет от роду или не хозяин самому себе, за исключением распоряжения Великого Мастера или его заместителя» [3]. В соответствии с Конституцией США аналогичный возрастной ценз был установлен для нижней палаты конгресса: «ни одно лицо не может стать представителем, если оно не достигло возраста двадцати пяти лет и не было в течение семи лет гражданином Соединенных Штатов, и не является во время проведения выборов жителем того штата, от которого оно избирается»¹.

Масонская иерархия, согласно «Конституциям» Андерсона, представляет собой лестницу, у основания которой стоят кандидаты: в случае, если Мастер Ложи сочтет их достойными, они могут стать Братями, т. е. рядовыми членами ложи. Далее, по прошествии определенного срока, определяемого обычаями страны, Брату может быть присвоена степень Подмастерья, и в дальнейшем он может быть удостоен чести стать Надзирателем, потом Мастером Ложи, Великим Надзирателем и, наконец, по своим заслугам, Великим Мастером всех Лож [3]. Указанные положения не относятся к положениям, которые обычно фиксируются в национальных конституциях, они больше напоминают положения табеля о рангах. Однако они определенно фиксируют демократизм лож, в которых главенствующее место в иерархической структуре мог занять любой Брат.

Несмотря на то, что другие степени и масонские градусы в «Конституциях» Андерсона не упоминаются, на практике структура масонских лож могла представлять собой намного более сложную конструкцию. «Конституции» Андерсона не запрещали ложам иметь внутренние уставы, а Великим ложам учреждать дополнительные степени или градусы, которые содействовали совершенствованию Братьев. «Конституции» Андерсона допускали создание офицерских должностей в случае, если появляется такая необходимость. Кроме того, по данным М. Бейджента и Р. Ли, ложа Св. Андрея, в которой преобладали сторонники независимости североамериканских колоний, получила патент от Великой Ложы Шотландии, которая предлагала своим членам «высшие градусы» [2. – С. 11].

Федерализм масонских лож, согласно документу, строился следующим образом. Отдельные ложи, состоящие из подмастерьев и учеников и управляемые двумя Стражами и Мастером ложи, обладали всей полнотой власти, могли созывать собрания, принимать резолюции. Кроме того, каждая отдельная ложа могла иметь свой собственный Внутренний регламент, который определял принципы управления данной ложей: «Мастер всякой отдельной ложи, или один из Стражей, или кто-либо из других братьев по его распоряжению да ведет Книгу, содержащую Внутренний регламент, имена членов ложи, а также список всех лож города, включающий обычное время и место их собраний, а также все дела своей ложи, подлежащие записи» [2].

Таким образом, во внутренних делах ложи имели определенную юридическую и политическую самостоятельность, что вполне можно сравнить с федерализмом американских штатов. Раздел 1 статьи IX Конституции гласит, что «полное доверие и уважение должны оказываться в каждом из штатов официальным актам, документам и судебным материалам любого другого штата» [3]. Как штаты, так и ложи не обладают правом выхода из состава США и Великой Ложы соответственно, поскольку механизм выхода попросту не прописан ни в Конституции США, ни в «Конституциях» Андерсона. Масонская конституция предполагала лишь механизм выхода из отдельной ложи, в случае если она «чрезмерно разрастется», но выход и образование новой ложи должны были согласовываться Великим Мастером или его Заместителем. В случае разделения ложи братья вольны были выбирать из двух наиболее нравившуюся им ложу и имели право продолжить совершенствование в ней. Новые ложи, создаваемые без патента Великого Мастера, не могли быть признаны другими ложами. «Конституции Андерсона» предписывали обращаться с ними как с бунтовщиками.

Аналогично этому Конституция США запрещает создание новых штатов в обход решения конгресса, устанавливая дополнительные ограничения: ни один новый штат не может быть образован или создан в пределах юрисдикции какого-либо другого штата, и никакой штат не может быть образован посредством слияния двух или более штатов либо частей штатов без согласия законодательных органов заинтересованных штатов, равно как и конгресса.

¹ Конституция США. – URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm> (дата обращения: 30.06.2025).

Однако при этом как ложи, так и штаты имеют определенную долю равноправия и свой Внутренний устав или, как гласит VI статья Конституции США, собственную конституцию: «настоящая Конституция и законы Соединенных Штатов, принимаемые во исполнение ее, и все договоры, которые заключены или будут заключены властью Соединенных Штатов, становятся верховным правом страны; и судьи в каждом из штатов обязаны следовать этому праву, какими бы ни были положения Конституции или законов любого из штатов».

Выборы Великого Мастера, наиболее могущественной фигуры, которая предусмотрена «Конституциями» Андерсона и которую можно сравнить с фигурой Президента США, происходили следующим образом. Большинство Братьев каждой отдельной ложи были правомочны давать поручения своему Мастеру и Стражам, которые представляли ложу на всех церемониях и мероприятиях Великой Ложи: собрание Великого Капитула, или ложи, три Квартальных всеобщих собрания, Ежегодное собрание Великой Ложи. В соответствии с «Конституциями» Андерсона Великая Ложа создается всеми Мастерами и Стражами всех регулярных отдельных лож, вписанных в общий реестр, во главе с Великим Мастером и его Заместителем и состоит из них.

Великая Ложа во главе с Великим Мастером рассматривала все вопросы, касающиеся Братства вольных каменщиков в целом, включая апелляции по вопросам, которые предварительно рассматривались на Квартальных всеобщих собраниях, но решение по которым не удовлетворило просителя. После обсуждения этих вопросов Великий Мастер и его Заместитель, Великие Стражи, или Стюарды, Секретарь, Казначей, Писари (должности, учреждаемые для отправления функций Великой Ложи) и все прочие должны выйти и оставить Мастеров и Стражей отдельных лож одних, дабы они мирно и спокойно посоветовались и избрали нового Великого Мастера. Великий Мастер должен назначить новых Великих Стражей в случае, если они будут единогласно приняты и одобрены Великой Ложей. Однако если они не получают единогласного одобрения, то Великая Ложа должна будет выбрать их посредством тайного голосования – точно так же, как Великого Мастера.

Форма избрания Великого Мастера имеет значительное сходство с формой избрания Президента США и Вице-президента, которые, в со-

ответствии с Конституцией, избираются системой выборщиков. На Филадельфийском конвенте 1787 г. были закреплены следующие конституционные основы правового регулирования президентских выборов: «...Каждый штат назначает в таком порядке, который установит его легислатура, выборщиков, число которых должно быть равно общему числу сенаторов и представителей, которых штат имеет право направить в конгресс; но при этом ни один сенатор или представитель, либо лицо, занимающее почетную или приносящую доход должность, учрежденную Соединенными Штатами, не могут быть назначены выборщиками...».

Американский избиратель, голосуя за кандидатов на должности президента и вице-президента от той или иной политической партии, в то же время голосует за выборщиков от этой политической партии. Выборщики собираются в столице штата в заранее определенном месте в определенное время и голосуют посредством бюллетеней за президента и вице-президента [4. – С. 65].

Подводя итог изложенному, можно сделать вывод, что авторы Конституции США отчасти опирались на масонские традиции и, в частности, на «Конституции» Андерсона – основной масонский документ, регламентирующий устройство лож с 1723 г. В процессе сравнительного анализа Конституции США и «Конституций» Андерсона были выявлены следующие соответствия.

1. Одинаковый возрастной ценз в 25 лет, установленный для вступления кандидата в Ложу и для избрания в члены Палаты представителей США.

2. Общий демократический характер обоих документов, ожидаемый для Конституции США, но не вполне очевидный для исследователя, не знакомого с «Конституциями» Андерсона.

3. Федерализм, который выражается в возможности каждой отдельной ложи иметь свой внутренний устав, бюджет и устанавливать собственные должности для отправления исполнительных функций лож, что в общих чертах аналогично полномочиям Штатов.

4. Запрет на создание новых штатов и лож без получения согласия от конгресса или Великой ложи.

5. Отсутствие механизма выхода штатов из состава США, аналогичное отсутствию механизма вывода лож из-под юрисдикции Великой Ложи.

6. Определенное сходство механизма избрания Великого Мастера всех лож и президента

США, которое выражается в использовании выборщиков для отправления избирательного права в обоих случаях.

Таким образом, можно в определенной степени согласиться с заявлением М. Бейджента и Р. Ли о том, что федерализм Соединенных Шта-

тов заимствует отдельные положения из устройства масонских лож. Кроме того, выявлено определенное сходство избирательного механизма, установленного Конституцией США и «Конституциями» Андерсона.

Список литературы

1. Джефферсон Т. Автобиография. Заметки о штате Виргиния. – Л. : Наука, 1990.
2. Джефферсон Т. Великая Америка. Тайная сила власти. – М. : Алгоритм, 2017.
3. Кузьмишин Е. Л. История масонства в документах – М., 2010.
4. Лафитский В. И. Правовое регулирование президентских выборов в США. – М. : РЦОИТ, 2004.
5. Самородов Д. П. Чувывровский (Чандарский) камень как исторический феномен. Взгляд на проблему через призму альтернативной историографии // Региональная история: методология, источники, историография : сборник научных трудов третьих Международных Усмановских чтений, Уфа, 2 декабря 2016 года. – Уфа : Башкирский государственный университет, 2016. – С. 35–40.
6. Севостьянов Г. Н. Некоторые проблемы истории американской революции // Новая и новейшая история. – 1976. – № 3. – С. 32–50.
7. Федоров Н. А. Строительство правовой системы американских штатов на примере штата Виргиния // Экономика. Право. Общество. – 2025. – Т. 10. – № 1 (41). – С. 45–50.
8. Mayer P. L. Michael Bigent and the gnostic tactic: fantasy posing as fact? A book review of “The Jesus Papers: Exposing the Greatest Cover-Up in History” by Michael Baigent // Christian Research Institute. – URL: <https://www.equip.org/PDF/JAJ033.pdf> (дата обращения: 30.06.2025).

Методологические основания распознавания и изучения циклических нормативных массивов в праве

С. Р. Хачиров

аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации.

Адрес: ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации»,
117218, Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34.
E-mail: sarmatkhachirov15@gmail.com

Methodological Foundations of Recognition and Study of Cyclic Normative Arrays in Law

S. R. Khachirov

PhD student of the Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation.

Address: Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
34 B.Cheremushkinskaya Street, 117218, Moscow, Russian Federation.
E-mail: sarmatkhachirov15@gmail.com

Поступила 04.06.2025 Принята к печати 10.06.2025

Аннотация

Статья посвящена обобщению методологических оснований распознавания и изучения циклических нормативных массивов в праве. Актуальность решения данной задачи объясняется развитием в системе права нетипичных нормативных массивов, получивших название «циклические», практической потребностью в их систематизации и повышенным интересом правоведов к данному правовому явлению. В составе этих оснований выделены: диалектика как учение о методе; некоторые установки постнеклассической науки; рациональная картина права, сформированная и актуализированная наукой о нем; нормативная теория права, ее положения относительно понимания права и правовых явлений; теоретические концепции системы права и функциональной идентификации в праве. Состав рассматриваемых методологических оснований обусловлен современным состоянием научного знания о праве, способах его познания и, собственно, правовом феномене, именуемом циклическими нормативными массивами. Он не статичен: по мере накопления нового знания и развития методологии юридической науки он может быть расширен и дополнен другими позициями.

Ключевые слова: диалектика, постнеклассическая наука, право, рациональная картина права, нормативная теория права, система права, функциональная идентификация в праве, циклические нормативные массивы, циклические правовые массивы.

Abstract

The article is devoted to the generalization of the methodological foundations of the recognition and study of cyclic normative arrays in law. The urgency of solving this problem is explained by the development of unusual normative arrays in the legal system, called "cyclical", the practical need for their systematization and the increased interest of legal scholars in this legal phenomenon. These foundations include: dialectics as the doctrine of method; some attitudes of post-non-classical science; the rational picture of law, formed and actualized by the science of it.; the normative theory of law, its provisions regarding the understanding of law and legal phenomena; theoretical concepts of the legal system and functional identification in law. The composition of the methodological foundations under consideration is determined by the modern state of scientific knowledge about law, the ways of its cognition and, in fact, the legal phenomenon called cyclic normative arrays. It is not static. As new knowledge accumulates and the methodology of legal science develops, it can be expanded and supplemented with other positions.

Keywords: dialectics, post-non-classical science, law, rational picture of law, normative theory of law, legal system, functional identification in law, cyclic normative arrays, cyclic legal arrays.

В научных публикациях, посвященных циклическим нормативным массивам в праве, отмечается, что методологическими основаниями для выдвижения гипотезы об их существовании в системе права, аргументирования ее состоятельности и концептуализации результатов проверки стали установки постнеклассической науки, а также положения системно-правовой теории, разработанной советскими учеными [27. – С. 6]. Анализ данного утверждения позволяет заключить, что его авторы не отождествляют методологические основания исследования с его методологией, хотя некоторые совпадения, которые будут показаны ниже, все же можно обнаружить. По сути, под рассматриваемыми основаниями понимаются концепции и теории, составившие фундамент исследования, в то время как научную методологию теоретико-правового исследования специалисты определяют как «применение обусловленной философским мировоззрением совокупности определенных теоретических принципов, логических приемов и специальных методов исследования государственно-правовых явлений»¹.

Отнесение к числу рассматриваемых оснований установок и положений концепций и теорий, указанных адептами идеи циклических нормативных массивов в праве, не вызывает ни сомнений, ни возражений. Известно, что в основе метода лежит теория². Однако при более глубоком погружении в тему становится очевидным, что методологические основания распознавания и изучения этого явления шире по своему составу и не ограничены названными доктринальными ориентирами. Данное утверждение не имеет негативной коннотации – оно не является посылом для критической оценки приведенного тезиса основоположников концепции циклических нормативных массивов в праве о методологических основаниях для вычленения этого объекта из всего многообразия элементов системы права. Оно отражает интенцию и результат изысканий автора в части развития и конкретизации идей и выводов Т. Я. Хабриевой и Н. Н. Черногора [26;

27; 28; 29], систематизации методологических оснований и дальнейшего продвижения в построении теоретического знания об исследуемом правовом феномене, а также создания практико-ориентированного научного результата.

Мысленная реконструкция процесса открытия в праве циклических нормативных массивов (по аналогии с мысленным экспериментом [21; 24]) и доктринального обоснования их существования, специфики и роли в системе права, а также собственный научный поиск приводит автора к выводу, что соответствующие научные результаты получены посредством применения диалектики [7; 21] – учения о наиболее общих закономерных связях, становлении и развитии бытия и познания, длительное время выступавшего в качестве философской (мировоззренческой) основы теории государства и права³, созданной отечественной юридической наукой. Это учение отнюдь не утратило своего методологического значения на фоне становления постнеклассической рациональности и возросшего авторитета синергетики среди правоведов⁴. Открытие в праве циклических нормативных массивов и теоретическая концепция, отражающая их присутствие в научном знании, служит этому подтверждением.

Очевидно, что имеющиеся результаты концептуализации идеи циклических нормативных массивов в праве имеют в своей основе использование общих законов диалектики (закон перехода количественных изменений в качественные, закон единства и борьбы противоположностей, закон отрицания отрицания, состоящие в неразрывной связи с логическими средствами познания, имеющими интегральное значение в исследовании правовых явлений и процессов – анализ, синтез и др.⁵) и ее категорий (материя, явление, сущность, содержание, форма и др.), выполняющих функции инструментов проникновения в природу изучаемого явления. Во многом посредством их применения стало возможным вычленение этого объекта исследования, констатация его бытия, раскрытие особенностей, функ-

¹ Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. – М.: Юрист, 1996. – С. 23.

² Там же. – С. 22.

³ Там же. – С. 25.

⁴ См., например: [2; 3; 4; 5; 8; 10; 12; 18; 32; 33; 34] и др.

⁵ Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. – С. 26.

ций, установление различий между ним и другими элементами системы права.

Принципы познания, образующие этот метод и проистекающие из него, также оказались востребованными в процессе решения исследовательских задач, постановка которых обусловлена предметом изучения, его целью и рабочей гипотезой. Так, принцип историзма сориентировал на рассмотрение системы права как явления правовой реальности, изменяющегося во времени в результате закономерного процесса развития, последовательной смены одного ее состояния другим, более совершенным и прогрессивным. При этом учитывается аксиоматическое положение о том, что ни одно из этих состояний, даже будучи институционализированным и концептуализированным, не может рассматриваться в качестве законченного образца. Соответствующая ориентация на установление изменений в системе права и их последствиях сыграла эвристическую роль в разработке данной темы.

Некоторые методологические ориентиры для изучения циклических нормативных массивов в праве действительно дает постнеклассическая наука [13; 19]. Она нацеливает на изучение права как сложной саморазвивающейся системы, характеризующейся иерархической организацией элементов, открытостью по отношению к окружающей среде, а также наличием программы воспроизводства и саморегуляции [21; 27; 36]. Доктринальные положения об иерархии уровней организации элементов системы, способности создавать в процессе развития новые уровни поддерживают в данном случае установки диалектики и расширяют эвристический потенциал научного поиска, создавая дополнительные, более широкие возможности для выявления и идентификации в ней новых уровней и элементов, в частности циклических нормативных массивов¹. Применение знания об особенностях данного типа систем к праву позволило постулировать в качестве данности и закономерности несколько положений. Во-первых, это поступательная дифференциация права, усложнение его

подсистем (отраслей и других структурных элементов), формирование в нем новых, относительно самостоятельных подсистем по мере появления новых уровней организации. Во-вторых, это специфическое поведение каждого нового уровня, оказывающего обратное воздействие на ранее сложившиеся уровни и перестраивающего их, что ведет к обретению системой новой целостности, возникновению в праве новых параметров порядка, развитию новых типов прямых и обратных связей². Рациональное осмысление этих процессов позволило выявить существенные изменения в системе национального права и обнаружить появление в ней новых структур, нормативных массивов, которые не могут быть отождествлены с известными компонентами системы права (отраслями, подотраслями, институтами) и, соответственно, не описаны с помощью известных теоретических понятий и функциональных характеристик, адекватно раскрывающих природу этих новообразований, их место и роль в системе права [29. – С. 90].

Познавательным потенциалом применительно к рассматриваемому правовому явлению обладают модернизированные смыслы категорий «часть» и «целое», в частности, идеи о том, что включение элементов (частей) в систему и их свойства внутри системы определяются характером ее целостности. Соответственно, целое в сложных системах зависит от свойств составляющих частей и в тоже время определяет эти свойства [13. – С. 249–295]. Определенное инструментально-методологическое значение имеют также категории синергетики – открытость системы, нелинейность развития, диссипация, диссипативные структуры, бифуркация, аттрактор и др.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что все более широкое распространение и применение методологических установок постнеклассической рациональности, методов синергетики при одновременной востребованности и сохранении значимости диалектики привели к формированию своеобразной научной картины права, которая в научном поиске выполняет относительно самостоятельную функцию. По меткому замечанию Т. Я. Хабриевой и Н. Н. Черногора, рациональная картина права, разделяемая юридической наукой, более сложна по сравнению с

¹ Следует отметить, что анализ государственно-правовых объектов как сложных систем с многообразием протекающих в них, в том числе противоречивых по характеру, процессов характерен и для периода, предшествовавшего увлечению правоведов установками постнеклассической науки (см., например: *Общая теория права и государства* / под ред. В. В. Лазарева. – С. 27).

² О динамике рассматриваемого типа систем подробнее см.: [20].

той, которую обеспечивает матрица постнеклассической рациональности. Новый этап в развитии науки не означает полного исчезновения прежних методологических установок. Становление постнеклассической науки не приводит к уничтожению всех представлений и познавательных механизмов неклассического и классического исследования права. Они будут использоваться в некоторых познавательных ситуациях, но только утратят статус доминирующих и определяющих облик науки [13. – С. 635]. По этой причине в настоящее время в рациональной картине права наблюдается наложение образов, плюрализм, конкуренция и конвергенция доктрин [28. – С. 87].

В числе методологических оснований распознавания в праве и изучения циклических нормативных массивов следует отметить правовые теории, имеющие методологическое значение и прежде всего отражающие определенный доктринальный подход к праву, его пониманию. Адепты концепции этих массивов подчеркивают, что они придерживаются интегративного подхода, интегративной теории права [24]. Однако, на наш взгляд, в основе открытия данного феномена лежит нормативное понимание права (нормативный подход), восприятие права как нормативной системы. При научных изысканиях по теме циклических нормативных массивов философские, социологические, а также психологические аспекты права остаются «за скобками». Поэтому трудно согласиться с утверждением о востребованности интегративного подхода к праву при изучении циклических нормативных массивов в его системе. Поскольку исследуется система норм (нормативная система), ее внутренняя структура, связи, механизм формирования новых структур и элементов и т. д., именно нормативный подход позволяет соответствующим образом определить предмет исследования, его границы, сфокусировать внимание на соответствующих вопросах образования и функционирования в нормативной системе отдельных массивов правовых норм – в данном случае тех, которые именуются циклическими.

Важное место в ряду методологических оснований доктринального освоения циклических массивов занимают и другие положения (если не ставить под сомнение принадлежность положений о дифференциации типов правопонимания и их теоретическую характеристику к части теоретико-правового знания) теории государства и

права. При этом имеются в виду следующие ее составные части.

Во-первых, это установки теории государства и права о познаваемости государственно-правовых явлений, а также о нестатичности образующего ее знания, обладающего свойством развивающейся теории¹.

Во-вторых, положения теории государства и права о ее методе и его соотношении с предметом. Например, выводы теоретиков права о том, что ее предмет может переходить в метод, а средства решения научной задачи могут переплощаться в ее результаты, система объективного знания может превращаться в методологию изучения отдельных государственно-правовых явлений, «а достигнутые передовые методологические рубежи становятся исходным пунктом и базой строительства новой теоретико-познавательной конструкции»².

В-третьих, идеи о выделении эмпирического и рационального, исторического и логического подходов в познании права, возможности их использования в качестве основополагающих, взаимосвязанных форм познания права, предполагающих существование друг друга³.

В-четвертых, теоретическое знание о системе права (системно-правовая теория), разработанное отечественной юридической наукой в советский период, и ряд положений, являющихся его неотъемлемой частью и представляющих собой ряд характеристик системы: системность права, неоднородность ее элементов; нестатичность, изменчивость вслед за изменением системы общественных отношений, на которой она построена; возможность появления в ней новых нормативных образований, приобретения нового качества ранее сформировавшихся, развивающихся правовых массивов; «удвоение», «утроение» и т. д. образующих ее структур; объемность и полиструктурность [1]. Это знание существенно обогащают и актуализируют выводы и теоретические построения Т. Я. Хабриевой и Н. Н. Черногора, рассматривающих предмет и метод регулирования как относительно независимые взаимодействующие плоскости и определяющих систему права, визуализируя, с некоторой оговор-

¹ Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. – С. 21.

² Там же. – С. 22.

³ Там же. – С. 24.

кой¹, связи между нормативными образованиями в системе права посредством проведения аналогии с кристаллической решеткой, характеризующей состояние вещества, а процессы установления связей – с образованием бензольных колец [29]. Новаторство и познавательные возможности этой концепции, которую названные правоведы именуют объемной и динамичной, собственно, и позволило им продвинуться в направлении выявления факта существования и особенностей циклических нормативных массивов в праве. Эта концепция применена в качестве методологического основания для решения научных задач, постановка которых обусловлена предметом исследования циклических нормативных массивов в праве.

В-пятых, основополагающие положения теории государства и права о закономерных связях правовых явлений с экономическим базисом общества и о зависимости права от политики, применение которых позволило связать развитие циклических нормативных массивов в праве с процессами становления цифровой экономики, реализацией антикоррупционной политики, государственной деятельностью в сфере противодействия терроризму и отмыванию доходов, полученных преступным путем [25; 29].

В-шестых, к числу рассматриваемых оснований следует отнести теоретическую концепцию комплексного правового регулирования и комплексных образований в праве [11; 14; 15; 16; 17], так как использование ее положений позволяет отграничить последние от циклических нормативных массивов, не допустить их необоснованного отождествления.

В-седьмых, значительную помощь при идентификации циклических нормативных массивов в праве способна оказать теоретическая концепция функциональной идентификации в праве [31]. Ее разработчики стремятся адаптировать для нужд юриспруденции различные познавательные воз-

можности. С одной стороны, это структурно-функциональный анализ – методологический подход, разработанный в прошлом веке американскими социологами (Р.К. Мертон [9] и Т. Парсонс [12] и др.) и предполагающий «исследование социокультурных явлений и процессов как системно организованных структурных целостностей, где каждый элемент имеет свое функциональное значение» [6]. С другой стороны, это одно из направлений современной теории управления, предметом которого выступает построение моделей (функциональная идентификация) [35]. Развиваемый адептами данной концепции подход позволяет полнее отразить зависимость (связь, отношение), существующую между формой и содержанием не только самого права, его отраслей и институтов, но и иных правовых явлений и процессов, юридических фактов, режимов и статусов [31. – С. 193].

Наконец, в-восьмых, в этом же ряду можно расположить общие категории, выработанные общей теорией государства и права – научные понятия сущности, содержания, формы, системы права и др., в которых воплощены и сконцентрированы результаты абстрагирующей работы правоведов.

На основании изложенного можно заключить, что методологические основания распознавания и изучения циклических нормативных массивов в праве составляют: 1) диалектика как учение о методе, применение положений которого позволило выявить циклические нормативные массивы в праве, вычленив их из всего многообразия других объектов, функционирующих в системе права; 2) некоторые установки постнеклассической науки; 3) рациональная картина права, сформированная и актуализированная наукой о праве; 4) нормативная теория права, ее положения относительно понимания права и правовых явлений; 5) теоретическая концепция системы права; 6) концепция функциональной идентификации в праве.

Актуальность этого перечня обусловлена тем, что выделение представленных элементов основано на современном состоянии научного знания о праве, способах его познания и, собственно, правовом феномене, именуемом циклическими нормативными массивами. По мере накопления нового знания и развития методологии юридической науки он может быть расширен и дополнен другими позициями.

¹ Аналогия с кристаллической решеткой, по признанию Т. Я. Хабриевой и Н. Н. Черногора, не отражает в полной мере всей специфики права. «Соединения в кристаллической решетке постоянны, они могут быть изменены только в результате внешнего воздействия. Право же – саморазвивающаяся система. Связи между ее плоскостями упорядочиваются самопроизвольно сообразно общественным потребностям. Этот процесс протекает в правовой реальности перманентно, что и предопределяет динамику системы права» (см.: [29. – С. 93]).

Список литературы

1. Алексеев С. С. Структура советского права. – М. : Юрид. лит., 1975.
2. Бачинин В. А. Основы социологии права и преступности. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2001.
3. Вележев С. И. Юридическая синергетика как методологическая основа познания правовых явлений // Вопросы экономики и права. – 2012. – № 44. – С. 261–266.
4. Венгеров А. Б. Синергетика, юридическая наука, право // Советское государство и право. – 1986. – № 10. – С. 36–45.
5. Ветютнев Ю. Ю. Синергетика в праве // Государство и право. – 2002. – № 4. – С. 64–69.
6. Грицанов А. А., Абушенко В. Л., Евелькин Г. М., Соколова Г. Н., Терещенко О. В. Социология : Энциклопедия. – Минск, 2003. – URL: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/sociological/articles/287/strukturno-funkcionalnyj-analiz.htm> (дата обращения: 30.06.2025).
7. Казеннов А. С. Диалектика как высший метод познания. – СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2011.
8. Мальцев Г. В. Социальные основания права. – М. : Норма, 2007.
9. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М. : АСТ : Хранитель, 2006.
10. Мицкевич Л. А. Синергетические основы государственного управления // Новая правовая мысль. – 2004. – № 2. – С. 13–18.
11. Научные концепции развития российского законодательства / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. – М. : Юриспруденция, 2015.
12. Парсонс Т. Общетеоретические проблемы социологии // Социология сегодня: Проблемы и перспективы: Американская буржуазная социология середины XX века / сокр. пер. с англ.; общ. ред. и предисл. Г. В. Осипова. – М. : Прогресс, 1965. – С. 25–67.
13. Пашенцев Д. А. Модернизация методологии правовых исследований в условиях становления новой научной рациональности // Журнал российского права. – 2020. – № 8. – С. 5–13.
14. Постнеклассика: философия, наука, культура / отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. – СПб. : Мирь, 2009.
15. Рейхер В. К. Общественно-исторические типы страхования. – М. ; Л : Изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Л., 1947.
16. Сидорова Е. В. Комплексное правовое регулирование. – М. : Justitia, 2016.
17. Сеницын С. А. К вопросу о возникновении новых отраслей в системе российского права (на примере спортивного права) // Законодательство. – 2013. – № 6. – С. 78–87.
18. Сеницын С. А. Место корпоративного права в системе частного права // Законодательство. – 2015. – № 3. – С. 31–43.
19. Сорокин В. В. Концепция эволюционного преобразования правовых систем в переходный период. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002.
20. Степин В. С. Современные цивилизационные кризисы и проблема новых стратегий развития. – М. : ООН РАН, 2018.
21. Степин В. С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. – М. : Прогресс-Традиция, 2000.
22. Степин В. С. Цивилизация и культура. – СПб. : СПбГУП, 2011.
23. Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. – М. : Инфра-М, 2019.
24. Филатов В. П. Мысленный эксперимент в науке и в философии // Эпистемология и философия науки. – 2010. – № 3. – С. 5–15.
25. Хабриева Т. Я. Проекция развития конвергентных технологий в праве // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества : доклады членов РАН / под общ. ред. А. Н. Савенкова. – М. : ИГП РАН, 2019. – С. 138–152.
26. Хабриева Т. Я. Противодействие коррупции: рациональная картина и архитектура доктринального знания // Журнал российского права. – 2022. – № 7. – С. 5–18.

27. Хабриева Т. Я. Российское законодательство: общая характеристика и направления развития // Научные концепции развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. – М. : Норма, 2024. – С. 44–65.
28. Хабриева Т. Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. – 2019. – № 12. – С. 5–18.
29. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В. С. Степина и юридическая наука. – М. : ИЗиСП : Инфра-М, 2020.
30. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 85–102.
31. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. – М. : Инфра-М, 2019.
32. Черногор Н. Н., Емельянов А. С., Залоило М. В. Генезис постмодерна: к вопросу о функциональной идентификации в праве // Вопросы истории. – 2021. – № 6 (1). – С. 185–194.
33. Шишкин В. В. Синергетический подход в теории права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2007.
34. Шундилов К. В. Синергетика и правовое регулирование // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – № 1 (31). – С. 117–123.
35. Шундилов К. В. Синергетический подход в правоведении. Проблемы методологии и опыт теоретического применения. – М. : Юрлитинформ, 2013.
36. Эйкухофф П. Основы идентификации систем управления. Оценивание параметров и состояния / пер. с англ. В. А. Лотоцкого и А. С. Манделя ; под ред. [и предисл.] Н. С. Райбмана. – М. : Мир, 1975.
37. Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. – М. : Инфра-М, 2019.
38. Якубович В. А. Функциональная идентификация линейного бесконечномерного объекта // Доклады РАН. – 1992. – Т. 327. – № 4–6. – С. 455–459.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2025-2-56-64>**Эвтаназия в России: уголовно-правовой аспект****И. В. Макеева**

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет».
Адрес: ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет»,
119454, Москва, проспект Вернадского, д. 78.
E-mail: makeevainna2011@yandex.ru

М. О. Румянцева

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова;
доцент кафедры гражданского права Российской таможенной академии.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36;
ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»,
140015, Люберцы, Комсомольский пр-т, 4.
E-mail: rumyantseva.mo@rea.ru

Н. В. Буленкова

доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики
Академии труда и социальных отношений.
Адрес: ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»,
119454, Москва, ул. Лобачевского, 90.
E-mail: bulenkowanatalia@yandex.ru

Euthanasia in Russia: the Criminal Law Aspect**I. V. Makeeva**

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Public Law Disciplines of RTU MIREA.
Address: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«MIREA – Russian Technological University»,
78 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation.
E-mail: makeevainna2011@yandex.ru

M. O. Rumyantseva

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE;
Associate Professor of the Department of Civil Law
of Russian Customs Academy.
Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation;
Russian Customs Academy,
4 Komsomolsky Avenue, Lyubertsy, 140015, Russian Federation.
E-mail: rumyantseva.mo@rea.ru

N. V. Bulenkova

Associate Professor of the Department
of Criminal Law, Process and Criminalistics
of the Academy of Labour and Social Relations.

Address: Academy of Labour and Social Relations,
90 Lobachevskogo Street, Moscow, 119454, Russian Federation.

E-mail: bulenkowanatalia@yandex.ru

Поступила 01.06.2025 Принята к печати 01.06.2025

Аннотация

В статье приводится уголовно-правовая характеристика эвтаназии как разновидности убийства в Российской Федерации. В исследовании рассматривается вопрос о том, как действующее уголовное законодательство регулирует ответственность за лишение жизни неизлечимо больного человека по его просьбе, а также каким образом квалифицируются подобные действия в отсутствие специального состава преступления. Подчеркивается, что эвтаназия, как активная, так и пассивная, запрещена законом, а действия, направленные на ускорение смерти пациента, квалифицируются преимущественно как умышленное убийство вне зависимости от мотива. Авторы на конкретных примерах демонстрируют разные позиции судов при квалификации эвтаназии и назначении наказания, что не способствует реализации принципов законности и справедливости. Помимо этого, в статье проводится разграничение между эвтаназией и другими смежными составами преступления. В заключение авторы подчеркивают, что отсутствие специальной уголовно-правовой нормы приводит к неоднозначной квалификации подобных деяний и формирует почву для дискуссии о целесообразности легализации пассивной эвтаназии в России.

Ключевые слова: эвтаназия, активная эвтаназия, пассивная эвтаназия, квалификация преступления, убийство, мотив сострадания, медицинский работник, убийство с отягчающими обстоятельствами, убийство со смягчающими обстоятельствами.

Abstract

The article provides a criminal and legal description of euthanasia as a type of murder in the Russian Federation. The study examines how the current criminal legislation regulates responsibility for taking the life of a terminally ill person at his request, as well as how such actions are qualified in the absence of a special corpus delicti. It is emphasized that both active and passive euthanasia are prohibited by law, and actions aimed at accelerating the death of a patient are primarily qualified as premeditated murder, regardless of the motive. Using concrete examples, the authors demonstrate the different positions of the courts in qualifying euthanasia and sentencing, which does not contribute to the implementation of the principles of legality and justice. In addition, the article distinguishes between euthanasia and other related crimes. In conclusion, the authors emphasize that the absence of a special criminal law norm leads to an ambiguous qualification of such acts and forms the basis for a discussion about the expediency of legalizing passive euthanasia in Russia.

Keywords: euthanasia, active euthanasia, passive euthanasia, qualification of a crime, murder, motive of compassion, medical worker, murder with aggravating circumstances, murder with mitigating circumstances.

Термин «эвтаназия», несмотря на свое более чем пятисотлетнее существование в научном обороте¹, продолжает «терзать» умы и современных ученых в различных научных сферах: в медицине, в юриспруденции, в психологии – перечислять можно, пожалуй, бесконечно. В девяти странах после многолетних дискуссий на сего-

дняшний день эвтаназия разрешена и практикуется². В некоторых странах, несмотря на пока действующий законодательный запрет (Кыргызстане, Португалии, Великобритании), вопрос об

¹ Считается, что термин «эвтаназия» был введен английским ученым Ф. Бэконом (1561–1626). Эвтаназией Ф. Бэкон назвал легкую и спокойную смерть, когда нет никакой надежды на спасение от болезни, что является немалым счастьем. Цит. по: Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. – Т. 2. – М., 1978. – С. 269.

² Активная эвтаназия (т. е. путем введения смертельной дозы препарата) реализуется в Нидерландах, Бельгии, в отдельных штатах США, Люксембурге, Колумбии, Испании, Новой Зеландии, Австралии, Швейцарии (так называемый ассистированный суицид: лицо, принявшее решение о добровольном уходе из жизни, получает от врача препарат и самостоятельно его употребляет) // Коммерсант. – 27.08.2024. – № 154. – С. 5.

узаконении эвтаназии находится в стадии активного обсуждения.

В России эвтаназия находится под категорическим запретом. Еще в 1993 г. Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан в статье 45 предусматривали для медицинского персонала запрет на помощь пациенту в уходе из жизни. Был предусмотрен запрет не только на активную, но и на пассивную эвтаназию, т. е. запрет на прекращение мер поддержания жизни пациента по его просьбе. Закон указывал, что лицо, осознанно побуждающее больного к эвтаназии или осуществляющее ее, несет уголовную ответственность по действующему законодательству.

Сегодня запрет на эвтаназию закреплен в статье 45 действующего Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹. Норма установила запрет медицинским работникам осуществлять эвтаназию, под которой законодатель понимает ускорение по просьбе самого пациента его смерти действиями или бездействием, в том числе прекращением мероприятий по поддержанию жизни.

Таким образом, законодатель в качестве субъектов эвтаназии рассматривает именно медицинских работников, но не иных лиц, которые помогли уйти из жизни больному человеку. Изучение правоприменительной практики обнаруживает, что субъектами убийства из сострадания чаще всего выступают как раз не медицинские работники, а члены семьи или иные близкие неизлечимо больного лица.

В нашей стране законодатель не удосужился предусмотреть в уголовном законодательстве специальной нормы, предусматривающей ответственность за эвтаназию, т. е. за помощь неизлечимо больному человеку в уходе из жизни. Все это порождает сложности в правоприменительной практике, в том числе в квалификации преступлений против жизни и здоровья, совершенных по мотивам сострадания. Иными словами, отсутствие в уголовном законе специального состава преступления, предусматривающего ответственность за лишение жизни по просьбе потерпевшего

из сострадания, означает не допустимость таких действий, но сложность их квалификации.

Судебная практика демонстрирует отсутствие четкой позиции судов относительно квалификации эвтаназии: зачастую подобные действия квалифицируются как простое убийство по части 1 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), в том числе со ссылкой на такое смягчающее обстоятельство, как совершение преступного деяния по мотиву сострадания по части 1 статьи 61 УК РФ, а в ряде случаев суд квалифицирует содеянное как убийство с отягчающими обстоятельствами по пункту «в» части 2 статьи 105 УК РФ. Кроме того, законодательным пробелом является то, что не предусмотрено, какое именно наказание должно назначаться лицам, побуждающим больного к эвтаназии.

Если задаться целью дать уголовно-правовую оценку действий, имеющих признаки эвтаназии в какой-либо ее форме, следует оценить их на наличие обязательных признаков преступления. Уголовно-правовая наука в числе таких обязательных признаков выделяет:

– противоправность деяния: в контексте эвтаназии лишение жизни человека считается преступлением, если деяние, которое причинило смерть, противоправно (а по нашему уголовному законодательству любое лишение жизни противоправно). Статьями 105–108 УК РФ предусматривается ответственность за убийство, также уголовный закон предусматривает такие составы, как доведение до самоубийства, склонение к самоубийству или содействие совершению самоубийства (ст. ст. 110–110.2). Если эвтаназия не привела к желаемой цели и человек остался жив, действия виновного могут квалифицироваться как покушение на убийство;

– общественная опасность деяния: здесь мы опять вынуждены сравнивать общественную опасность эвтаназии и убийств, совершенных по корыстным, иным личным мотивам, хотя квалификация деяния как убийства не обязывает выявлять побудительные мотивы преступника. Состав данного преступления не предусматривает мотив в качестве обязательного признака. При этом понятно, что лицо, проводящее эвтаназию, представляет меньшую опасность для общества, нежели убийца, совершивший преступление без учета воли потерпевшего и не знающий мотивов сострадания. Хотя, конечно, само по себе лишение жизни другого человека при

¹ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

наличии запрета на эвтаназию указывает на опасность такого поведения. При таких обстоятельствах общественная опасность проявляется в том, что виновный: не признает право другого на жизнь и лишает его жизни, пусть и по его просьбе; не всегда может быть уверен в неизлечимости больного, так как проводит эвтаназию под законодательным запретом, без заключения консилиума врачей и пр.; наконец, может и не учитывать неосведомленность больного о своем состоянии (например, если больной находится в коме);

— виновность: как обязательный признак преступления, виновность в случае эвтаназии означает, что медицинский работник причиняет смерть сознательно и умышленно. В ином случае речь могла бы идти о неосторожном убийстве, врачебной ошибке;

— наказуемость: квалификация деяния лица, совершившего эвтаназию, по одной из статей УК РФ (чаще всего ст. 105) и назначение ему наказания в пределах, предусмотренных санкцией соответствующей статьи, по нашему мнению, являются вынужденными в отсутствие у эвтаназии как самостоятельного преступного деяния состава преступления.

Таким образом, очевидно, что активная форма эвтаназии однозначно находится под запретом, и ее проведение квалифицируется в России как умышленное убийство. Кроме того, еще в 1999 г. в Постановлении от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве»¹ Пленум Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) в пункте 7 указал, что умышленное причинение смерти лицу, которое в силу своего беспомощного состояния не могло защищать себя, о чем знал виновный, должно квалифицироваться по пункту «в» части 2 статьи 105 УК РФ как убийство лица, заведомо находящегося в беспомощном состоянии. Здесь же Пленум ВС РФ отмечает, что к лицам в беспомощном состоянии можно отнести тяжелобольных, престарелых, а также лиц, которые страдают расстройством психики и не сознают происходящее.

Выходит, что суд с учетом всех обстоятельств конкретного уголовного дела может назначить наказание за эвтаназию как за убийство из со-

страдания по части 1 статьи 105 УК РФ с учетом смягчающего обстоятельства, но может и квалифицировать действия обвиняемого как квалифицированное убийство потерпевшего, находившегося в беспомощном состоянии. Представляется, что такая квалификация может последовать, если не будет подтверждено наличие явно выраженной просьбы потерпевшего об эвтаназии.

Из аналогичных соображений нельзя исключать и возможность квалификации эвтаназии как квалифицированного убийства, если речь будет идти о лишении жизни не взрослого человека, а малолетнего. При наличии у обвиняемого корыстного мотива его действия могут быть расценены как убийство из корыстных побуждений (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ) – например, если обвиняемый совершил убийство тяжелобольного по его же просьбе, но им двигало не сострадание, а желание получить вознаграждение от потерпевшего или его родственников, либо если он желал получить наследство.

Если в эвтаназии участвовали двое и более лиц (например, врач и его ассистент), то их действия возможно квалифицировать по пункту «ж» части 2 статьи 105 УК РФ. В данном случае лишение жизни пациента совершается группой лиц. Например, врач по просьбе пациента дал ему смертельную дозу препарата. Ассистент присутствовал при этом и помогал врачу.

Если же говорить о пассивной эвтаназии, то она также запрещена законом (ст. 45 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»). Однако статьей 20 указанного Федерального закона предусмотрена возможность отказа от медицинского вмешательства. Гражданин или его законный представитель вправе отказаться от помощи или потребовать ее прекращения. При этом по закону пациенту должны быть изложены последствия такого отказа, что оформляется записью в медицинском документе, который подписывается как врачом, так и самим пациентом. Если пациент несовершеннолетний, то за него такой отказ от медицинского вмешательства совершают его родители (другие законные представители).

Изначально можно предположить, что статья 20 указанного Федерального закона вступает в противоречие с запретом пассивной эвтаназии, однако это не совсем так. В случае добровольного отказа от медицинского вмешательства бездействие медицинских работников является вынужденным, тогда как при пассивной эвтаназии оно

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (ред. от 03.03.2015 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1999. – № 3.

является сознательным выбором поведения. В остальном эти все ситуации действительно схожи. Вынужденное бездействие врачей при отказе гражданина от медицинской помощи имеет несколько признаков, которыми обладает и пассивная эвтаназия, а именно:

а) неоказание медицинской помощи или прекращение мер, направленных на поддержание жизни;

б) соответствующее заявление об этом, исходящее от пациента или его законного представителя.

Бездействие врачей при добровольном информированном отказе пациента от дальнейшей помощи не обладает признаком противоправности и виновности. Сегодня почти каждое лечебное учреждение имеет форму расписки с указанием последствий отказа больного от медицинского вмешательства. Такой подход соответствует международному праву. Кроме того, принудительное лечение при отказе пациента было бы нарушением статьи 41 Конституции, так как получение медицинской помощи есть право, а не обязанность граждан.

Наличие в законодательстве положений о добровольном отказе от медицинского вмешательства дает почву для дискуссии о целесообразности легализации пассивной формы эвтаназии. Ведь, в общем и целом, она в ряде случаев приведет к тем же последствиям, что и добровольный отказ от дальнейшей медицинской помощи. В ситуации, когда пациент, оставшись без медицинской помощи, фактически подвергает свою жизнь опасности, его отказ является своеобразной альтернативой пассивной эвтаназии. Однако пока на законодательном уровне речь о легализации эвтаназии в какой-либо форме не идет.

Если же в целом ставить вопрос о том, зависит ли уголовная ответственность от волеизъявления потерпевшего, от его собственной просьбы в адрес обвиняемого, то само по себе наличие такого волеизъявления не является определяющим, а также исключающим уголовную ответственность. Ведь, помимо лишения жизни из сострадания, в практике правоохранительной деятельности можно встретить ряд случаев, когда виновный совершил противоправные действия именно по просьбе потерпевшего, но был привлечен к уголовной ответственности. Например, человек, который проводит незаконный аборт с нарушением требований, пусть и по просьбе самой женщины, подлежит уголовной ответвен-

ности по статье 123 УК РФ. Само по себе наличие такой просьбы не освобождает от ответственности, если то или иное действие не допускается действующим законодательством.

Говоря об убийстве, напомним правила определения момента рождения и момента смерти человека. Если моментом рождения человека принято считать отделение плода от организма матери в процессе родов, то моментом смерти человека принято считать момент смерти его мозга, или его биологической смерти. То есть речь идет о необратимой гибели человека. Это следует из Постановления Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2012 г. № 950¹, которым определены правила определения момента смерти и процедура установления смерти.

Законодательством определен специальный круг лиц, которые должны установить момент смерти. Диагноз смерти мозга определяется в порядке, предусмотренном в Приказе Минздрава Российской Федерации от 25 декабря 2014 г. № 908н². Консилиум врачей должен включать врача невролога и анестезиолога-реаниматолога с опытом работы в интенсивной терапии и реанимации от пяти лет. Если речь идет о необходимости констатировать смерть мозга ребенка, необходимо также участие лечащего врача и врача-педиатра с опытом работы не менее пяти лет.

Жизнь человека, которая оканчивается в момент смерти мозга, или биологической смерти, выступает в качестве объекта преступления при лишении жизни человека по его просьбе. Потерпевшим выступает физическое лицо, которому причинена смерть, независимо от возраста, пола, национальности, социального положения и иных подобных признаков.

Состав убийства материальный. Поэтому, если последствия деяния, в данном случае эвтана-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2012 г. № 950 «Об утверждении Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, правил прекращения реанимационных мероприятий и формы протокола установления смерти человека» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 39. – Ст. 5289.

² Приказ Минздрава Российской Федерации от 25 декабря 2014 г. № 908н «О Порядке установления диагноза смерти мозга человека». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201505140036?index=2> (дата обращения: 30.06.2025).

зии, не наступили, следует говорить о приготовлении или покушении на убийство.

В том случае, если лицо уже совершило действия, непосредственно направленные на убийство (например, введение смертельной дозы препарата), но смерть не наступила вследствие обстоятельств, не зависящих от этого лица (например, пациент был своевременно реанимирован), такие действия подлежат квалификации по части 3 статьи 30 и части 1 статьи 105 УК РФ – покушение на убийство.

Если же лицо еще не перешло к реализации объективной стороны преступления, а лишь готовилось к его совершению (подбирало препараты, обсуждало возможность проведения эвтаназии, готовило медицинскую документацию и т. д.), то такие действия следует квалифицировать как приготовление к убийству по части 1 или части 2 статьи 30 и части 1 статьи 105 УК РФ.

Убийство подразумевает лишение другого человека жизни. Поэтому, если в результате действий, направленных на проведение эвтаназии, пациент остался жив, однако получил вред здоровью, действия виновного лица должны квалифицироваться по статье 111 или статье 112 УК РФ. Отличительным признаком именно эвтаназии как разновидности преступления является то, что она совершается характерным способом (введением пациенту смертельной инъекции, отключением от медицинской аппаратуры), хотя нельзя исключать и иные способы.

В качестве дополнительных признаков объективной стороны рассматриваемого преступления выделяют, помимо способа совершения, время, место, обстановку совершения преступления. Под временем преступления понимается промежуток, в течение которого реализуется его объективная сторона. Обычно время совершения преступления характеризуется временем года, датой, временем суток. Место совершения преступления есть некий участок на местности, где совершается объективная сторона преступления. А вся совокупность условий, в которых осуществлялась эвтаназия, представляет собой обстановку совершения преступления.

Нередко в ходе расследования убийств в материалах уголовных дел фигурирует понятие орудия преступления, т. е. конкретного материального предмета, с помощью которого было осуществлено физическое воздействие на потерпевшего. Например, орудием может быть нож, пистолет, молоток или иной предмет, использо-

ванный для нанесения телесных повреждений либо причинения смерти.

Однако важно не отождествлять это понятие со средством совершения преступления, которое имеет более широкое значение и может включать способы психологического или информационного воздействия на жертву. Средство совершения преступления следует рассматривать как метод, способ или прием, с помощью которого лицо достигает своей противоправной цели. Например, к средствам могут относиться обман, угрозы, шантаж, внушение опасной информации, введение в заблуждение или другие действия, направленные на создание определенного психического состояния у потерпевшего. В контексте расследования анализируемого преступления понятия «орудие преступления» и «средство совершения преступления» играют важную роль и должны четко разграничиваться.

Субъективная сторона эвтаназии характеризуется прямым умыслом. Действительно, совершающий эвтаназию предвидит наступление смерти человека и сознательно желает этого. Признаком субъективной стороны при совершении эвтаназии выступает сострадание к больному. Сострадательный мотив может выражаться в жалости, сочувствии к страданиям больного человека, сопереживании его эмоциям и пр.

Однако мотив сострадания является не обстоятельством, исключающим преступность деяния, а только смягчающим обстоятельством. При включении в состав уголовного закона самостоятельного состава преступления – убийство неизлечимо больного по его просьбе – мотив сострадания будет являться одним из обязательных признаков данного преступления.

Целью эвтаназии является избавление неизлечимо больного пациента от страданий посредством умышленного лишения его жизни. Данный вид деяния, как правило, совершается с гуманными намерениями (например, прекращение физической или психической боли тяжелобольного человека, который сам выражает просьбу о скорейшем уходе из жизни). Однако в условиях действующего российского уголовного законодательства цель и мотив поведения лица, совершающего такие действия, не имеют определяющего значения при квалификации деяния.

Перечисленные выше признаки эвтаназии как разновидности убийства отличают ее от иных, смежных составов преступлений. В частности, следует разграничивать эвтаназию и неоказание

помощи больному. Часть 2 статьи 124 УК РФ предусматривает наказание за неоказание помощи больному без уважительных причин лицом, которое обязано ее оказать, если это повлекло смерть больного. Ссылаясь на эту норму, иногда говорят, что бездействие врача, которое выразилось в неосуществлении реанимации, образует бездействие-невмешательство, которое не является убийством. При этом отмечается, что врач не имеет отношения к причинам, которые привели больного к тяжелому состоянию, требующему реанимации.

Однако такой подход неверен. Из самого текста статьи 124 УК РФ следует, что ответственность по ней возможна только при вине субъекта преступления по причине неосторожности. Если же неоказание помощи больному выступило как пассивная эвтаназия, т. е. если врач сознательно допускал и желал наступления смерти, то речь идет об убийстве. Эти два состава преступления различаются прежде всего формой вины.

Неосторожность как форма вины характеризует состав статьи 124 УК РФ, тогда как умысел относится к составу убийства по статье 105 УК РФ. При наличии доказательств целенаправленного желания лица прекратить жизнь другого человека квалификация должна быть изменена в соответствии с реальной направленностью его действий и наличием умысла на лишение жизни.

Нельзя исключать и ошибочную квалификацию деяний, имеющих признаки эвтаназии, как убийства по части 1 статьи 105 УК РФ при наличии смягчающего обстоятельства в виде мотива сострадания. При этом само по себе осуществление действий, имеющих признаки эвтаназии, не исключают наличия у субъекта преступления иного мотива. Так, не исключен корыстный мотив, который может состоять в получении вознаграждения от родственников пациента или от лиц, заинтересованных в последующей трансплантации органов потерпевшего лица. Поэтому в каждом конкретном случае необходимо тщательно выяснять мотивы обвиняемого. При наличии в его действиях иных мотивов они могут быть квалифицированы по части 2 статьи 105.

Так, лишая человека жизни по его собственной просьбе, виновное лицо может исходить из мотива сострадания, но может также, и прежде всего, преследовать материальные цели. Например, один из первых приговоров в нашей стране по делу о проведенной эвтаназии был вынесен в 2004 г. в г. Ростове. Обвиняемые несовершенно-

летние совершили убийство женщины, которая была парализована, из сочувствия. При выяснении обстоятельств дела отношение суда определило также и то, что они взяли плату за свои действия (женщина предложила забрать свое золото). В итоге суд пришел к выводу, что обвиняемые совершили умышленное убийство женщины, находящейся в беспомощном состоянии, из корыстных побуждений (по найму). Мотивы сострадания суд не учел¹.

Если при выяснении всех обстоятельств дела суд приходит к выводу о том, что обвиняемый руководствовался мотивом сострадания, чаще всего действия лица квалифицируются по части 1 статьи 105 УК РФ с назначением наказания более мягкого, нежели предусмотрено за убийство. Так, при рассмотрении судом дела об убийстве братом своей сестры, страдающей от онкологического заболевания, виновному А. Жаркину было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 3,5 года². Еще в одном рассмотренном нами случае Асбестовский городской суд назначил мужу, убившему свою смертельно больную жену из чувства сострадания, 10 лет лишения свободы³.

Особое значение при уголовно-правовой оценке эвтаназии имеет разграничение между ней и такими близкими по содержанию деяниями, как самоубийство и доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ). Несмотря на внешнее сходство (оба явления связаны с прекращением жизни человека), их правовая природа принципиально различна, что влияет на квалификацию и меру ответственности.

Самоубийство представляет собой добровольное лишение себя жизни лицом, способным осознанно принять такое решение. С точки зрения уголовного права самоубийство не образует состава преступления, поскольку отсутствует субъект уголовной ответственности. Вместе с

¹ Девушки убили соседку из сострадания? Первый в России процесс об эвтаназии // Правда.ру. – URL: https://www.pravda.ru/news/society/28428-evtanazija_podsudimye_ubiiicy_zoloto/ (дата обращения: 30.06.2025).

² Приговор Целинного районного суда Курганской области от 25 января 2011 г. по делу № 1-8/2011. – URL: <https://celinny-krf.sudrf.ru> (дата обращения: 30.06.2025).

³ Убийство из сострадания суд Асбеста «оценил» в 10 лет колонии строгого режима // Уралинформбюро. – URL: <https://www.uralinform.ru/news/crime/97472-ubiistvo-iz-sostradaniya-sud-asbesta-ocenil-v-10-let-kolonii-strogogo-rejima/> (дата обращения: 30.06.2025).

тем действия третьих лиц, направленные на склонение к самоубийству или содействие совершению самоубийства, могут быть признаны преступлением по статье 110.1 УК РФ. Если же речь идет о систематическом воздействии на психику потерпевшего, приведшем его к самоубийству, такие действия подпадают под понятие доведения до самоубийства по части 1 статьи 110 УК РФ.

Эвтаназия, напротив, представляет собой лишение жизни одного лица другим лицом по его просьбе. При этом всегда участвуют два субъекта: пациент, выразивший желание прекратить жизнь, и лицо, реализующее это желание через действие или бездействие.

Таким образом, между этими деяниями имеется существенная с правовой точки зрения разница. Эвтаназия и самоубийство различаются особенностями правовой природы. В обоих случаях речь идет о распоряжении собственной жизнью. Но имеется и существенная разница: если при самоубийстве человек лишает себя жизни сам, то при эвтаназии налицо акт лишения жизни одного человека другим. Кроме того, лицо, совершающее самоубийство, может исходить из самых разных причин, тогда как просящий об эвтаназии является неизлечимо больным и страдает от мук.

Существует мнение, что так как эвтаназия рассматривается действующим законодательством как разновидность убийства, неверно в качестве возможного субъекта преступления рассматривать только медицинских работников. Это было бы верно, если бы эвтаназия, например, в пассивной форме, была легализована, а уголовная ответственность предусматривалась бы за нарушение порядка ее проведения. В сегодняшней редакции уголовного закона в качестве субъекта убийства, совершенного по просьбе больного, могут выступать и иные лица, например, его близкие или родственники.

Однако мы не можем согласиться с таким мнением. Говоря об эвтаназии, следует иметь в виду именно то ее определение, которое следует из действующего законодательства, а именно из статьи 45 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Иной подход привел бы к путанице и большей сложности в правовой оценке деяний. В этой связи еще одним признаком, отграничивающим эвтаназию как разновидность убийства, является

то, что субъектом преступления может выступать именно медицинский работник, а не иное лицо.

Если иное лицо (например, родственник больного) лишил его жизни из сострадания, его действия следует квалифицировать как убийство, совершенное из сострадания. Если он склонил больного к самоубийству уговорами, просьбами и пр., то такие действия надлежит квалифицировать по части 1 статьи 110.1 УК РФ.

Действия врача или другого медицинского работника, если они не составили признаков эвтаназии, скорее будут подпадать под признаки части 2 статьи 110.1 – содействие совершению самоубийства. Речь идет о действиях врача, когда он не совершил прямых действий, направленных на лишение пациента жизни, но содействовал ему предоставлением сведений о возможном способе совершения самоубийства или средств для этого (лекарственных препаратов и пр.).

Субъективная сторона такого деяния медицинского работника, так же как и при эвтаназии, характеризуется прямым умыслом. Однако объективная сторона у этих деяний различается. При эвтаназии имеется только просьба пациента, а действия, в результате которых прекращается его жизнь, совершает врач, тогда как при содействии совершению самоубийства медицинский работник только предоставляет больному информацию или средства, не совершая при этом действий, прямо направленных на лишение его жизни.

При разграничении между убийством по просьбе потерпевшего и другими составами преступлений следует обращать внимание на последствия деяния, а также прежде всего на объективную сторону. При этом следует выяснить, в чем именно заключались действия (бездействие) обвиняемого, обратить внимание на наличие в его действиях прямого умысла, а также доказанной причинно-следственной связи между его действиями и наступившими последствиями.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что действующее уголовное законодательство не содержит четких правил оценки волеизъявления неизлечимо больного лица на причинение смерти. Отсутствуют такие четкие правила и в судебной практике, в том числе ввиду сравнительно небольшого количества дел об убийстве, совершенном из сострадания и по просьбе потерпевшего. Такие преступления латентны, нередко на практике они рассматриваются как простое убийство, а правоохранительные органы не

занимаются детальным выяснением мотивов преступления.

Сегодня единственным допустимым законодательством способом учесть такие условия, как личность виновного в убийстве, совершение действия с согласия потерпевшего и степень опасности содеянного, является институт смягчающих обстоятельств и правила назначения более мягкого наказания, нежели предусмотренное за преступление. Это указывает на необходимость совершенствования уголовного законодательства, введения дифференцированного подхода к проблеме лишения жизни по просьбе потерпевшего. Полагаем, назрела объективная необходимость закрепить в УК РФ отдельный состав преступления, предусматривающий ответственность за эвтаназию. В качестве ориентира для законодателя может послужить Уголовный кодекс Кыргызской республики от 28 октября 2021 г. № 127, который содержит отдельную статью 126 «Убийство из сострадания (эвтаназия)». Следует отметить, что Уголовный кодекс Кыргызской республики не включает в себя указания на специального субъекта преступления – медицинского работника, т. е. квалифицироваться как эвтаназия могут действия неопределенного круга лиц, причинивших смерть «по настоятельной просьбе жертвы и в соответствии с ее волей, в целях освобождения умирающего от физических болей». При этом отдельного внимания заслуживают установленные кыргызским законодателем пределы наказания – до шести лет, в то время, как за обычное убийство наказание начинается от восьми лет лишения свободы. Иными словами, уголовное законодательство Кыргызской Республики значи-

тельно дифференцирует ответственность за обычное убийство и эвтаназию.

Еще более гуманно к назначению наказания за эвтаназию подходит Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ, статья 135 которого гласит: «Эвтаназия, то есть удовлетворение просьбы больного об ускорении его смерти какими-либо средствами или действиями либо прекращение искусственных мер по поддержанию жизни, наказывается исправительными работами на срок до двух лет либо лишением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового».

Эвтаназия как самостоятельный состав преступления предусмотрен уголовным законодательством еще значительного количества государств, помимо названных выше (например, уголовно-правовой запрет на эвтаназию прямо предусмотрен в Албании, Италии, Кении и др.). Мы не ставим своей целью провести обзор всех существующих уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за эвтаназию. В рамках исследования мы лишь делаем вывод о том, что судебная система не в состоянии справиться самостоятельно с квалификацией деяния и назначением наказания за эвтаназию в рамках существующих (скорее, наоборот, отсутствующих) правовых норм, и наличие подобного законодательного пробела отнюдь не способствует повышению законности в нашей стране. Законодателю следует признать факт существования эвтаназии хотя бы на уровне уголовного закона, предусмотрев отдельную норму в УК РФ.

Список литературы

1. Аманкулова Б.З., Рысбекова А. Э. Эвтаназия: проблемы легализации в Кыргызстане // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. – 2024. – № 6. – С. 155–157.
2. Верескун А. К. Проблема законодательного регулирования уголовной ответственности за эвтаназию в России и за рубежом // E-Scio. – 2023. – № 2 (77). – С. 555–566.
3. Марина Е. А. Проблема уголовной ответственности за эвтаназию // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 4-2 (91). – С. 37–39.
4. Сирик М. С. Эвтаназия в уголовном праве России // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 4. – С. 175–177.
5. Чернышева Ю. А. Уголовная ответственность за эвтаназию // Закон и право. – 2022. – № 7. – С. 228–229.

Использование современных криминалистических технологий в групповой методике расследования коррупционных преступлений

Г. А. Алиева

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: alieva.ga@rea.ru

Using of Modern Forensic Technologies in the Group Method of Investigating Corruption Crimes

G. A. Alieva

PhD in Law, Associate Professor of the Department
of Civil Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: alieva.ga@rea.ru

Поступила 21.04.2025 Принята к печати 10.05.2025

Аннотация

В данной статье приводится анализ современных криминалистических технологий, которые используются при расследовании тех или иных коррупционных преступлений. Отдельное место в работе занимает анализ понятия криминалистической технологии, которое меняет свое значение по истечению определенного времени. Приводятся дефиниции ряда авторов относительно данного вопроса. К криминалистическим технологиям современности в работе отведены альтернативная световая фотография, лазерная абляция, 3D-реконструкция лица, высокоскоростная баллистическая фотография, амплификация ДНК и камера для выпаривания цианоакрилата (суперклея-выпаривание). Наряду с обозначенным рассмотрению подлежат современные возможности судебной экспертизы, которые применяют передовое программное обеспечение и цифровые технологии для повышения скорости и точности расследований, тем самым расширяя возможности криминалистической и судебно-экспертной науки в целом. Применительно к коррупционным преступлениям данные методы в значительной степени сосредоточены на цифровых доказательствах, при этом используются специализированное программное обеспечение и инструменты для анализа данных с компьютеров коррупционеров, их смартфонов и других электронных устройств, которыми они пользуются в повседневной жизни. Инженеры по цифровой судебной экспертизе могут восстанавливать удаленные файлы, анализировать интернет-активность и расшифровывать зашифрованные данные, предоставляя гораздо более широкий спектр доказательств, чем традиционные методы.

Ключевые слова: расследование, групповая методика, коррупционные преступления, коррупция, взятки, криминалистическая техника, криминалистическая технология, судебная экспертиза, искусственный интеллект.

Abstract

This article provides an analysis of modern forensic technologies that are used in the investigation of certain corruption crimes. A special place in the work is occupied by the analysis of the concept of forensic technology, which changes its meaning after a certain period of time. The definitions of a number of authors on this issue are given. Modern forensic technologies include alternative light photography, laser ablation, 3D facial reconstruction, high-speed ballistic photography, DNA amplification, and a cyanoacrylate evaporation chamber (superglue evaporation). Along with this, modern forensic capabilities are being considered, which use advanced software and digital technologies to increase the speed and accuracy of investigations, thereby expanding the capabilities of forensic science in general. In the case of corruption crimes, these methods are particularly useful.

Ключевые слова: investigation, group methodology, corruption crimes, corruption, bribes, forensic techniques, forensic technology, forensic examination, artificial intelligence.

XXI век обязывает наше общество быть ориентированным на использование мобильных телефонов, планшетов, компьютеров, множества приложений для связи, работы и прочих целей, банкинга и иных сервисов дистанционного обслуживания клиентов без необходимости посещения того или иного учреждения, а также ИТ-технологий в различных сферах человеческой деятельности, включая искусственный интеллект. Одним из ярких примеров вовлечения в обозначенный процесс служит заявление президента Российской Федерации В. В. Путин на пленарной сессии Петербургского международного экономического форума 2025: «экономика страны обязана стать более технологичной»¹.

Следует отметить, что технологичными становятся не только экономические, но и иные отрасли. С развитием общества эволюционируют и формы совершения преступлений; обозначенные выше факторы напрямую отражаются на механизме этого процесса и на оставляемых следах как в материальном мире (материальные и идеальные следы), так и в виртуальной среде (информационном и киберпространстве).

Говоря о коррупционных преступлениях, можно констатировать, что в наше время цифровых перемен невозможно представить совершение и дальнейшее расследование таких преступлений без применения новейших технологий.

Что собой представляет криминалистическая технология? В научных трудах можно встретить разные трактовки данного понятия. Р. С. Белкин понимал под таковой систему научных положений и разработанных на их основе рекомендаций по организации и осуществлению расследования и предотвращения отдельных видов преступлений². А. В. Шмонин определяет ее как абстрактное научное понятие о функционально-информационной модели, дающее представление о целенаправленной и упорядоченной совокупности действий (деятельности), обеспеченных соответствующими ресурсами [5. – С. 403]. Ю. Л. Дяблова пишет, что криминалистическая технология в широком смысле представляет собой систему научных положений и основанных на них практи-

ческих рекомендаций по использованию определенных средств с помощью конкретных методов в процессе целенаправленной деятельности для повышения ее эффективности. В узком смысле ее можно рассматривать как систему научных положений и основанных на них рекомендаций по практическому использованию технических средств в процессе целенаправленной деятельности для повышения ее эффективности [2. – С. 298–299].

Наиболее конкретизированное определение криминалистической технологии вывел В. Д. Корма, определив ее как продукт научно-исследовательской деятельности в криминалистической методике, типовую информационную модель структуры и содержания задачи (задач), процесса (процедуры) и средств ее решения, реализуемых в целях уголовно-процессуального выявления, раскрытия преступлений и уголовно-го преследования (изобличения) от имени государства подозреваемых и обвиняемых в приготовлении к совершению и (или) совершении инкриминируемых им деяний [3. – С. 71–81].

Применительно к современным реалиям, судебной и следственной практике обозначим, что криминалистические технологии включают альтернативную световую фотографию, лазерную абляцию, 3D-реконструкцию лица, высокоскоростную баллистическую фотографию, амплификацию ДНК и суперклей-выпаривание, и это лишь некоторые из них.

Большинство криминалистических технологий используются в лабораториях – это, к примеру, рабочие станции ПЦР (полимеразной цепной реакции), используемые для амплификации ДНК и РНК. Амплификация ДНК означает умножение (повторное копирование) цепей ДНК, что упрощает ученым изучение этого конкретного сегмента данных. Роль рабочих станций ПЦР заключается в том, чтобы не допускать фонового загрязнения ДНК, которое может исказить результаты. Эти рабочие станции используются не только в медицинских и экологических исследованиях, но и помогают правоохранительным органам в идентификации преступников или жертв, участвующих в расследовании на месте преступления.

При расследовании коррупционных преступлений важную роль может сыграть камера для выпаривания цианоакрилата. Еще одна важная часть криминалистической технологии – так называемые суперклеевые камеры, которые помогают в автоматическом проявлении скрытых

¹ Путин: бизнес должен удвоить расходы на исследования. – URL: <https://science.mail.ru/news/3967-putin-biznes-dolzhen-udvoit-rashody-na-issledovaniya/> (дата обращения: 20.06.2025).

² Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. – М., 2001. – Т.3. – С. 199.

отпечатков. Эти камеры помогают следователям делать скрытые отпечатки видимыми на непористых предметах, таких как банки из-под газировки, велосипеды, оружие, ключи или любые другие предметы, на которых могут быть отпечатки подозреваемого (либо потерпевшего). Они обеспечивают правоохранительные органы надежными результатами в процессе получения доказательств.

Важность использования современных криминалистических технологий в групповой методике расследования коррупционных преступлений заключается в их эффективности в выявлении подозреваемых в совершении преступлений. Выявление преступника имеет ключевое значение в связи с тем, что большинство дел могут остаться нераскрытыми либо не дойти до суда в связи с отсутствием прямых доказательств. Новые доказательства обязывают следователей соответствующим образом исследовать и в надлежащем виде сохранять их.

Для использования современных криминалистических технологий при расследовании исследуемых преступных посягательств требуются знания в области современных методов судебной экспертизы. Они, в свою очередь, предполагают применение передового программного обеспечения и цифровых технологий для повышения скорости и точности расследований, за счет чего расширяются возможности криминалистической и судебно-экспертной науки в целом и проведения более точного и всестороннего анализа.

Применительно к коррупционным преступлениям данные методы в значительной степени сосредоточены на цифровых доказательствах с использованием специализированного программного обеспечения и инструментов для анализа данных с компьютеров коррупционеров, их смартфонов и других электронных устройств, которыми они пользуются в повседневной жизни. Инженеры по цифровой судебной экспертизе могут восстанавливать удаленные файлы, анализировать интернет-активность и расшифровывать зашифрованные данные, предоставляя гораздо более широкий спектр доказательств, чем традиционные методы.

Благодаря достижениям в области технологий эксперты-криминалисты теперь могут использовать услуги аудиокриминалистики и цифровой видеокриминалистики для анализа мультимедийных доказательств. Эти методы позволяют экспертам повышать качество аудио- и видеоматериалов,

которые нередко предоставляют сами заявители, записавшие диалог с коррупционером на телефон, а также аутентифицировать записи и извлекать важную информацию, которая может быть не видна невооруженным глазом или не слышна.

Современные методы судебной экспертизы часто включают автоматизированные процессы, что снижает вероятность человеческой ошибки и значительно ускоряет анализ. Например, цифровые инструменты могут быстро сравнивать отпечатки пальцев с денежных купюр, переданных взяточполучателю, или сопоставлять образцы ДНК – это задачи, которые заняли бы гораздо больше времени, если бы выполнялись вручную. Кроме того, с помощью этих методов можно анализировать огромные объемы цифровых данных, таких как электронные письма, активность в социальных сетях и данные GPS. Криминалистическое восстановление данных мобильных телефонов является примером того, как за счет современных методов можно извлекать важную информацию из мобильных устройств, которые все чаще становятся неотъемлемой частью расследования коррупционных преступлений.

Как видно из вышеобозначенного, технологии проникают во все аспекты нашей жизни, что значительно усложняет процесс раскрытия исследуемых преступлений, но и дает специалистам новые инструменты для этого. Одной из самых быстрорастущих является область судебно-медицинских технологий, о чем говорит возросший спрос на специалистов по судебной экспертизе. Это обусловлено появлением новых методов судебной экспертизы, которые повысили доступность и надежность объективной судебной информации. Судам и правоохранительным органам необходимо привлекать дополнительных сотрудников с целью использования этих методов для анализа данных и в судебных процессах.

Некоторые из новых методов относятся к инновационным технологиям, тогда как другие представляют собой новые способы анализа доказательств в устоявшейся области. И те, и другие представляют собой новые препятствия для преступников, старающихся избежать обнаружения судебными экспертами следов преступлений.

Обозначим некоторые современные криминалистические технологии, применяемые при расследовании коррупционных преступлений.

Секвенирование следующего поколения (NGS) позволяет ученым анализировать ДНК более подробно, чем прежде. В отличие от тради-

ционных методов профилирования ДНК, которые фокусируются на ограниченном количестве маркеров, NGS позволяет исследовать целые геномы или определенные регионы с высокой точностью, что делает этот метод особенно полезным для судебно-медицинских исследований, где образцы ДНК могут быть поврежденными, старыми или отличаться чрезвычайно малым размером.

Методом NGS можно обрабатывать несколько образцов одновременно, что сокращает задержку процессов в криминалистических лабораториях значительно ускоряет ход расследования. Правоохранительные органы начинают внедрять эту технологию для повышения своей способности идентифицировать подозреваемых и жертв, делая судебную экспертизу более надежной и эффективной.

Ожидается, что по мере развития этой технологии ее роль в судебной экспертизе будет расти. Исследователи разрабатывают новые способы использования NGS для связывания доказательств ДНК с определенными местами, прогнозирования физических характеристик и даже идентификации неизвестных останков.

Система идентификации нового поколения (Next Generation Identification, NGI) – это передовая биометрическая технология, разработанная для более эффективной и точной идентификации людей в процессе работы правоохранительных органов. Система NGI объединяет современные биометрические методы, включая отпечатки ладоней, распознавание лиц, улучшенный анализ отпечатков пальцев и сканирование радужной оболочки глаза.

Одной из ключевых особенностей этой системы является система Rap Back, которая непрерывно отслеживает информацию о людях (в том числе визуальную) в базах данных правоохранительных органов и предоставляет обновления в режиме реального времени о любом новом преступном деянии. Это особенно полезно для отслеживания информации о лицах, условно-досрочно освобожденных или находящихся на испытательном сроке, что гарантирует немедленное уведомление правоохранительных органов о всем происходящем. Эта система также расширяет возможности распознавания фотографий и позволяет сравнивать и анализировать изображения в следственных целях.

Омические методы – методы, которые включают протеомику, транскриптомику, геномику, метаболомику и анализ микробиома, позволяя

проводить всестороннее и систематическое исследование биологических образцов. В контексте судебной энтомологии они используются для идентификации видов, филогенетики и скрининга генов, важных для развития, среди других вариантов применения. Они также играют решающую роль в интерпретации поведенческих характеристик видов, связанных с судебной экспертизой, на генетическом уровне.

Искусственный интеллект (ИИ) для судебной экспертизы является относительно новым направлением, хотя и использовался во многих других областях на протяжении нескольких десятилетий. Это в первую очередь связано с тем, что все доказательства и их анализ должны быть представлены в суде. Однако недавние достижения показали, что ИИ успешно используется во всех криминалистических компонентах уголовного дела. Хотя ИИ обычно применяется в цифровой криминалистике, его все чаще используют для анализа места преступления, сравнения данных отпечатков пальцев, выводов из сравнения фотографий и многого другого.

Нанотехнологии (атомные и молекулярные технологии) также находят свой путь в криминалистику. Анализ криминалистических материалов на этом уровне может предложить ученым идеи, разработка и внедрение которых ранее были недоступны.

Наносенсоры используются для проверки наличия нелегальных наркотиков, взрывчатых веществ и биологических агентов на молекулярном уровне. Конкретные достижения этого года включают технологии анализа наличия углеродных и полимерных наноматериалов, облегчающие принятие решений и оказание помощи следователям.

Углеродные порошки Dot позволяют снимать отпечатки пальцев, что необходимо для анализа многих мест преступлений. Существует множество причин, затрудняющих их распознавание, в том числе низкая чувствительность, низкая контрастность следов или высокая токсичность веществ. Для обхода этих затруднений исследователи разработали углеродный точечный порошок, который при его нанесении на отпечатки пальцев делает их флуоресцирующими (светящимися красным, желтым или оранжевым цветом) в лучах ультрафиолета и, следовательно, намного более простыми для анализа.

Кроме порошков, разработаны биосенсоры для анализа отпечатков пальцев. Как и ДНК, от-

печатки пальцев, найденные на месте преступления, сопоставляются с имеющимися данными о подозреваемом. Однако отпечатки пальцев не всегда четкие или читаемые. Теперь криминалисты могут использовать биосенсоры для анализа мельчайших следов биологических жидкостей, найденных в отпечатках пальцев, чтобы идентифицировать подозреваемого. Данные, которые можно получить в результате анализа, включают возраст, пол, принимаемые лекарства и в целом образ жизни. Биосенсоры также можно использовать для анализа других биологических жидкостей, найденных на месте преступления.

Используется также геолокация подозреваемого или жертвы с применением стабильных изотопов воды. Изотопы различаются от атома к атому и могут иметь уникальную сигнатуру. Недавние разработки в области судебной экспертизы показали, что ученые способны определить, откуда взялся образец, изолируя изотопы в образце воды, найденном у подозреваемого или жертвы. Если образцов несколько, изотопы могут воссоздать путь, пройденный субъектом. Обнаружение изотопов другими методами также может быть использовано для определения количества присутствующих на месте преступления людей.

Судебная палинология – относительно новая область для судмедэкспертов. Это изучение пыльцы, спор, зерен и семян, которое может использоваться в судебной экспертизе для определения местонахождения субъекта. Пыльца и споры могут оседать на коже и одежде, оставаясь в значительной степени незамеченными. Ученые разработали методы сбора и сравнения этих следовых материалов и использования их в качестве доказательств.

Более 50% персональных и корпоративных данных теперь хранятся в облаке, на удаленных серверах. Цифровые криминалисты разрабатывают методы сбора, анализа и оценки данных, собранных из облака. Управление этими данными сопряжено с рядом проблем безопасности и конфиденциальности. Чтобы защитить целостность данных и поддерживать цепочку хранения, специалисты по цифровой криминалистике начали использовать технологию блокчейн, поскольку ее практически невозможно подделать.

Исследование транспортных средств также дополнен цифровой экспертизой. Обычная судебная экспертиза транспортных средств заключается в том, что следователи собирают физические доказательства, включая отпечатки пальцев,

образцы жидкостей и следы, такие как грязь. Кроме того, они могут физически осмотреть автомобиль, чтобы определить, как произошла авария, крушение или террористическая атака. В области коррупционных преступлений эти данные играют особую роль. По мере того как транспортные средства становятся все более технологически сложными, появилась область цифровой криминалистики транспортных средств, в рамках которой ученые и следователи могут собирать такие данные, как недавние пункты назначения, типичные маршруты коррупционера, его личные данные и любимые места посещений.

Криминалистика социальных сетей выходит на первый план при анализе данных виртуального пространства. Более 3,6 млрд человек пользуются социальными сетями, и, по прогнозам, к концу 2025 г. количество пользователей увеличится до 4,5 млрд. Когда социальные сети только появились, у следователей и криминалистов не было такого объема данных для прочесывания. Сейчас количество данных социальных сетей по конкретному субъекту может быть пугающим. Чтобы помочь оценить их, ученые недавно разработали модели для анализа информации, почерпнутой из социальных сетей. Чтобы автоматизированный анализ данных был принят в суде, он должен быть основан на моделях, которые воспроизводимы, объяснимы и проверяемы.

Видеоспектральный компаратор 2000 – одна из самых ценных криминалистических технологий, доступных судебным экспертам и следователям на месте преступления. С помощью этой машины ученые и следователи могут посмотреть на лист бумаги и увидеть неясные или скрытые надписи, определить качество бумаги и ее происхождение, а также «поднять» вдавленные надписи. Иногда удается завершить этот анализ даже в том случае, если лист бумаги был настолько поврежден водой или огнем, что все следы на нем выглядят неразборчиво.

Цифровое наблюдение для Xbox (устройство XFT) – одна из самых новаторских криминалистических технологий для специалистов по цифровой криминалистике. Разработка этой технологии связана с участвовавшими случаями использования игровых систем преступниками для сокрытия незаконных данных. Устройство XFT предназначено для предоставления властям визуального доступа к скрытым файлам на жестком диске Xbox, а также настроено на запись сеансов

доступа для воспроизведения в реальном времени во время судебных слушаний.

Магнитная дактилоскопия и автоматизированная идентификация отпечатков пальцев (AFIS) – криминалистическая технология, позволяющая следователям, экспертам-криминалистам и полицейским быстро и легко сравнивать отпечатки пальцев на месте преступления с обширной виртуальной базой данных. Кроме того, включение магнитной дактилоскопической пыли и бесконтактного зондирования помогает следователям получать идеальный отпечаток с отпечатков пальцев на месте преступления без загрязнения.

Фолдскоп (Foldscope) – это небольшой, недорогой одноразовый бумажный микроскоп, разработанный в 2014 г. Совсем недавно он нашел

свой путь из стран третьего мира в мир судебной экспертизы. Благодаря портативности и низкой стоимости Foldscope можно использовать в полевых условиях и проводить локальное исследование образцов для судебной экспертизы, включая кровь, слюну, волосы и почву.

Хотя выводы, сделанные с помощью аппарата Foldscope, являются лишь предварительными, они могут помочь правоохранительным органам на ранних этапах расследования и ускорить процесс обнаружения доказательств. Использование Foldscope в полевых условиях также может облегчить нагрузку на судебно-медицинские лаборатории, которые часто перегружены и могут тратить значительное время на выдачу результатов.

Список литературы

1. Ваценко А. А. Применение компьютерных технологий в криминалистической идентификации личности (на примере ДНК-анализа) // Бюллетень науки и практики. – 2020. – Т. 6. – № 5. – С. 409–412.
2. Дяблова Ю. Л. К вопросу о понятии технологии в криминалистике // Известия ТГУ. Экономические и юридические науки. – 2009. – № 2-2. – С. 295–301.
3. Корма В. Д. Некоторые проблемы методики расследования преступлений // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 3 (55). – С. 71–81.
4. Смушкин А. Б. Криминалистическое значение технологий «большие данные» (BigData) // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. – 2021. – № 1 (17). – С. 17–19.
5. Шмонин А. В. Методика расследования преступлений. – М. : Юстицинформ, 2006.

Особенности изъятия электронных носителей информации в уголовном процессе

Х. Х. Рамалданов

кандидат юридических наук,
заместитель заведующего кафедрой таможенного дела
Российского нового университета.

Адрес: АНО ВО «Российский новый университет»,
105005, Москва, ул. Радио, д. 22.

E-mail: hanbulatramaldanov93@mail.ru

Features of the Seizure of Electronic Media in Criminal Proceedings

Kh. Kh. Ramaldanov

PhD in Law,

Deputy Head of the Department of Customs Affairs
of the Russian New University.

Address: Russian New University,
22 Radio Str., Moscow, 105005, Russian Federation.

E-mail: hanbulatramaldanov93@mail.ru

Поступила 20.04.2025 Принята к печати 01.04.2025

Аннотация

Предметом исследования в данной работе является анализ уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации в части, касающейся порядка изъятия и копирования информации с электронных носителей. С учетом широкого использования электронных устройств в повседневной жизни проблемы, связанные с процессуальным обеспечением их изъятия, приобретают особую значимость. В статье изучены и проанализированы научные труды отечественных ученых по исследуемой теме. Компаративный анализ норм уголовно-процессуального закона привел к выявлению в законодательстве лакуны, касающейся изъятия электронных носителей информации в рамках доследственной проверки. Автор акцентирует внимание на изъятии электронных носителей при расследовании преступлений, связанных с предпринимательской деятельностью. Проведен анализ судебной практики, содержащей факты признания в качестве доказательств электронных носителей информации. В статье упоминается о столь значимой, но слабо раскрытой в литературе особенности цифровых доказательств, которая связана с их неустойчивостью. Делается вывод о необходимости законодательного урегулирования проблемы, которая может возникнуть при изъятии или копировании информации с электронных носителей информации. Автор предлагает дополнить статью 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации частью 1.3, что в совокупности с изложенным выше подтверждает актуальность настоящего исследования.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, цифровизация, изъятие, копирование, утрата, специалист, доследственная проверка, следственные действия, сообщение о преступлении, осмотр места происшествия, предпринимательская деятельность.

Abstract

The subject of this work is the analysis of the criminal procedure legislation of the Russian Federation in terms of the procedure for the seizure and copying of information from electronic media. Given the widespread use of electronic devices in everyday life, the problems associated with the procedural provision of their seizure are of particular importance. The article examines and analyzes the scientific works of Russian scientists on the topic under study. The comparative analysis of the norms of the criminal procedure law among themselves led to the identification of a "gap" in the legislation regarding the seizure of electronic media as part of a pre-investigation check. The author focuses on the seizure of electronic media in the investigation of crimes related to entrepreneurial activity. The analysis of judicial practice, which contained the facts of recognition of electronic media as evidence, is carried out. The article mentions a significant but poorly disclosed feature of digital evidence related to its instability. It is concluded that there is a need for legislative regulation of the problem that may arise when

information is withdrawn or copied from electronic media. The author proposes to supplement Article 144 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with Part 1.3, which, together with the above, confirms the relevance of this study.

Keywords: criminal proceedings, digitalization, seizure, copying, loss, specialist, pre-investigation check, investigative actions, crime report, inspection of the scene, entrepreneurial activity.

В настоящее время информационно-телекоммуникационные технологии срослись с повседневной жизнью каждого человека, и homo sapiens стал неотделим от них, их влияния. Общественные отношения характеризуются неостановимым и во многом непрогнозируемым эволюционным процессом, в котором технический прогресс выступает как источник развития всех сфер деятельности. Необходимо принять как данность тот факт, что государство всегда стремится совершенствовать законодательство с учетом современных реалий, ведь при следовании курсу слепой незыблемости традиционных норм законодательство не будет в состоянии гарантировать правовую защиту гражданам, вступающим в новые, неурегулированные нормами права отношения. Трудно представить сегодняшнюю жизнь человека без перманентного обращения к электронным носителям информации. М. О. Румянцева верно отметила, что наше государство в последнее время активно внедряет информационные цифровые технологии во все сферы жизни общества в целях повышения эффективности их функционирования [9. – С. 182].

Появление цифровых технологий дало возможность государству снять ряд бюрократических барьеров, таких как заполнение бланков и форм от руки, стояние в очередях к кабинетам, и оптимизировать рабочий процесс, а обществу – получить доступ к широкому спектру разнообразных услуг (медицинских, юридических, консультационных, образовательных, коммерческих и т. д.).

В. Б. Вехов верно указал, что «начало XXI в. характеризуется отчетливо выраженными явлениями глобализации и перехода от индустриального общества к обществу информационному» [1. – С. 631]. Проблемы, касающиеся цифровой трансформации отечественного уголовного процесса, активно обсуждаются в юридической литературе. Думается, что дискуссии связаны с экспоненциальным ростом информационных технологий и переходом общественных отношений на цифровые рельсы. Р. В. Костенко верно отметил, что отечественный уголовный процесс переживает период глубокой цифровой трансформации [6. – С. 31].

О. А. Зайцев справедливо указал, что «происходящие изменения в области информатизации заставляют отказываться от устаревающих механизмов в работе. Данное обстоятельство касается и отечественного уголовного судопроизводства» [4. – С. 18]. Более того, С. П. Жданов отмечает, что необходимо использовать результаты научно-технических достижений для совершенствования специальных знаний [2. – С. 221].

Отправной точкой, указывающей на осознание законодателем необходимости внедрения результатов научно-технических достижений в уголовный процесс, выступает 27 декабря 2018 г. – дата, когда Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) пополнился статьей 164.1 «Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий». Указанная статья регламентирует порядок изъятия и копирования данных с различных электронных носителей. Дополнение УПК РФ статьей 164.1 недвусмысленно свидетельствует о том, что законодателем под напором всепроникающей цифровизации взят твердый курс на трансформацию отечественного уголовно-процессуального законодательства.

Согласно части 1 статьи 164.1 УПК РФ, при производстве по уголовным делам, указанным в части 4.1 статьи 164 УПК РФ (преступления в сфере предпринимательской деятельности), изъятие электронных носителей информации не допускается, за исключением случаев, когда:

- 1) вынесено постановление о назначении судебной экспертизы в отношении электронных носителей информации;

- 2) изъятие электронных носителей информации производится на основании судебного решения;

- 3) на электронных носителях информации содержится информация, полномочиями на хранение и использование которой владелец электронного носителя информации не обладает, либо которая может быть использована для совершения новых преступлений, либо копирование которой, по заявлению специалиста, может повлечь за собой ее утрату или изменение.

По общему правилу, установленному частью 2 статьи 164.1 УПК РФ, для законного изъятия электронных носителей информации в обязательном порядке необходимо присутствие специалиста. В круг его задач входит обеспечение копирования информации с ее изъятых носителя в случае поступления соответствующего ходатайства от обладателя информации. При этом ходатайство должно сопровождаться предоставлением безопасного носителя информации, на который будет произведено копирование. В случае отсутствия обстоятельств, перечисленных в пункте 3 части 1 статьи 164.1 УПК РФ и препятствующих копированию, носитель информации передается специалистом лицу, заявившему ходатайство. Следователю или дознавателю необходимо лишь задокументировать произошедшее, внося запись в протокол следственного действия.

О. С. Кучин вполне обоснованно отметил, что «следователь (дознаватель) априори не является специалистом в области IT-технологий, и их вмешательство в техническое состояние электронного носителя может просто уничтожить всю хранившуюся в нем информацию» [7. – С. 67]. А. Б. Сергеев также считает, что необходимо сохранить требования закона об обязательном участии специалиста в производстве обыска и выемке (ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ) [10. – С.30]. Схожую позицию занимает А. Б. Смушкин, который говорил «о необходимости сохранения предложенного законодателем подхода с обязательным участием специалиста» [11. – С.260].

Статья 164.1 УПК РФ предполагает участие специалиста в осуществлении изъятия электронных носителей информации. Однако электронные носители цифровой информации бывают разные: оптические (CD-ROM, DVD-ROM, Blu-ray Disc), полупроводниковые (флеш-память, SSD-диски), магнитные (магнитные ленты, дискеты, жесткие диски) [7. – С. 64].

Отметим, что в настоящее время по уголовным делам в качестве доказательств выступают флеш-накопители, жесткие диски, оптические диски, серверы и т. д.¹ Также имеется проблема,

связанная с устойчивостью цифровых доказательств. В рамках настоящего исследования мы не будем затрагивать данные вопросы, так как автором в рамках диссертационного исследования более развернуто предложены пути решения данных проблем [8. – С.162].

Возникает вопрос о целесообразности привлечения к следственному действию, например, выемке, специалиста, если изымается SSD-диск или флеш-накопители. По мнению автора, в таких случаях неэффективно привлекать должностное лицо для изъятия электронных носителей информации в смоделированной ситуации.

Сложно не согласиться с точкой зрения С. В. Зуева и В. С. Черкасова, которые считают, что «следователю необходимо предоставить право привлекать специалиста для изъятия электронных носителей информации, когда для этого действительно требуются специальные умения и знания» [5. – С.196]. Вопросы изъятия электронных носителей информации также рассмотрены такими отечественными учеными, как В. Ю. Стельмах, О. М. Ефремова, В. Ф. Васюков, в рамках монографического исследования [12. – С.60].

В поддержку высказанного учеными-процессуалистами мнения выступает личный опыт автора, которому в пору производства дознания приходилось многократно в течение одного дня осуществлять выемки электронных носителей информации, содержащих переписку по адресам электронных почт, в компаниях «Яндекс» и «Mail.ru» или выписки по счетам в различных банках в виде таблиц в формате «Excel». Изымались по факту оптические диски, сложностей с выемкой не возникало, помощь специалиста не требовалась. В этой связи не видится необходимости в привлечении специалиста для присутствия при изъятии электронных носителей информации, прочно вошедших в повседневный обиход.

Необходимо указать, что статья 164.1 УПК РФ регламентирует процесс изъятия и копирования информации с различных электронных носителей с участием специалиста в рамках возбужденного уголовного дела. Однако данная статья не регламентирует процесс производства изложенных процессуальных действий до его возбуждения. Сложно не согласиться с позицией Н. И. Зайцева, отметившего, что «невозможно точно прогнозировать движение, направление отечественного уголовного судопроизводства, не выстроив четкой, однозначной хронологии его поэтапного, поступательного развития» [3. – С.85].

¹ См., например, Апелляционное постановление Верховного суда Республики Марий Эл от 22 апреля 2019 г. по делу № 22-320/2019. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/vNGGcR3POhVw/> (дата обращения: 17.06.2025); Приговор Игарского городского суда Красноярского края от 26 июля 2019 г. по делу № 1-11/2019. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/R1c7VpQNKt6B/> (дата обращения: 17.06.2025).

До дополнения УПК РФ статьей 164.1 в рамках возбужденного уголовного дела процесс работы с электронными носителями информации нашел свое отражение в части 9.1 статьи 182 УПК РФ. Однако в указанной статье алгоритм действий, совершаемых с электронными носителями информации при производстве обысков, выемок по экономическим преступлениям, не был урегулирован. Должностное лицо, проводившее следственные действия, имело право изымать различные электронные носители информации по преступлениям, совершаемым в сфере предпринимательской деятельности, а после введения статьи 164.1 УПК РФ возможность их изъятия была сведена к минимуму.

Исходя из практики, следователь или дознаватель до сих пор могут изымать электронные носители информации в рамках доследственной проверки, а именно при производстве следственного действия, к примеру, при осмотре места происшествия. На сегодняшний день в статье 164.1 УПК РФ имеет место быть правовая лакуна, которая не позволяет считать концепцию обеспечения гарантий безопасности в сфере предпринимательства завершенной.

В этой связи полагаем возможным изменить статью 144 УПК РФ через ее дополнение частью 1.3 в следующей редакции: «Изъятие электронных носителей информации в ходе проведения следственных действий при рассмотрении сообщений о преступлениях, перечисленных в части четвертой статьи 164 настоящего Кодекса, недо-

пустимо. Разрешается копирование информации специалистом на безопасный электронный носитель информации, предоставленный дознавателем, органом дознания, следователем, руководителем следственного органа. О копировании делается отметка в протоколе следственного действия. При поступлении письменного заявления специалиста о том, что в случае копирования информации имеется вероятность ее утраты или повреждения, осуществляется изъятие электронных носителей информации с проведением в отношении них судебной экспертизы».

А. Ю. Чурикова верно указывает, что «информационные технологии и системы стали неотъемлемой частью жизни современного общества, игнорировать влияние которой, в том числе на уголовно-процессуальную деятельность, невозможно» [13. – С. 4].

Таким образом, на основании изложенного можно сделать вывод, что вопросы, связанные с цифровизацией уголовного судопроизводства, являются актуальными и дискуссионными. Даже бегло изучая юридическую литературу или тематику научных конференций, можно отметить, что независимо от отраслей знания (юридические, экономические, таможенные) наименования трудов касаются цифровизации. По мнению автора, это связано с тем, что цифровые технологии стремительно развиваются и отличаются друг от друга. Следовательно, необходим индивидуальный подход к решению возникающих в связи с ними проблем.

Список литературы

1. Вехов В. Б. Преступления в сфере цифровой экономики: совершенствование расследования на основе положений электронной криминалистики // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 630–640.
2. Жданов С. П. Криминалистическое учение о реализации специальных знаний вне судебной экспертизы (судебная специология) : монография. – М. : Проспект, 2025.
3. Зайцев Н. И. История становления доказательств и доказывания в отечественном уголовном судопроизводстве от начала правления Петра I до наших дней // Правопорядок: история, теория, практика. – 2024. – № 1 (40). – С. 84–92.
4. Зайцев О. А. Основные направления развития уголовно-процессуального законодательства в условиях цифровизации // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 3. – С. 18–20.
5. Зуев С. В., Черкасов В. С. Новые правила изъятия электронных носителей и копирования информации (статья 164.1 УПК РФ): преимущества и недостатки новеллы // Сибирское юридическое обозрение. – 2019. – Т. 16. – № 2. – С. 193–197.
6. Костенко Р. В. Допустимость доказательств в цифровую эпоху: трансформация процессуальных стандартов /// Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2025. – № 1. – С. 30–35.

7. Кучин О. С. Тактические рекомендации для работы следователя с электронными цифровыми устройствами // Проблемы борьбы с преступностью в условиях цифровизации: сборник статей XIX Международной научно-практической конференции, посвященной памяти советского и российского ученого-криминалиста Вениамина Константиновича Гавло, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации. Барнаул, 29 мая 2021 года. – Вып. XVII. – Барнаул : Алтайский государственный университет, 2021. – С. 62–70.
8. Рамалданов Х. Х. Процесс доказывания по уголовным делам в условиях тотальной цифровизации общественных отношений : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2024.
9. Румянцева М. О. Электронное правосудие в России: достижения и проблемы // Экономика. Право. Общество. – 2025. – Т. 10. – № 1 (41). – С. 181–186.
10. Сергеев А. Б. Следственные действия и типичные ошибки при обнаружении и изъятии доказательств преступных действий в сфере компьютерной информации // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2022. – № 3 (50). – С. 25–33.
11. Смушкин А. Б. К вопросу об участии специалиста в ходе изъятия электронных носителей информации // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : XXVII международная научно-практическая конференция : в 2 ч. Красноярск, 04–05 апреля 2024 года. – Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2024. – С. 259–260.
12. Стельмах В. Ю., Ефремова О. М., Васюков В. Ф. Производство следственных действий, направленных на получение и использование компьютерной информации. – М. : Проспект, 2023.
13. Чурикова А. Ю. Использование информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве: возможности, риски, правовое регулирование : дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2025.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2025-2-76-83>

Реформирование гражданского законодательства в условиях реализации национальных целей развития Российской Федерации: некоторые направления, критерии, показатели качества

Т. В. Казанинакандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права
Российской таможенной академии.

Адрес: ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», 140015, Люберцы, Комсомольский пр-т, 4.

E-mail: dogovor500@yandex.ru

Reform of Civil Legislation in the Context of the Implementation of National Development Goals of Russian Federation: Some Directions, Criteria, Quality Indicators

T. V. KazaninaPhD in Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law
of Russian Customs Academy.

Address: Russian Customs Academy,

4 Komsomolsky Avenue, Lyubertsy, 140015, Russian Federation.

E-mail: dogovor500@yandex.ru

Поступила 25.03.2025 Принята к печати 10.04.2025

Аннотация

Предметом статьи является определение основных направлений реформирования гражданского законодательства с учетом поставленных государством задач социально-экономического развития. Автор заключает, что общим направлением развития гражданского законодательства является обеспечение экономической безопасности России. Сделан вывод о том, что эффективность гражданского законодательства требует определения критериев в сфере его реформирования. Представлены показатели качества гражданского законодательства, которые должны быть учтены при определении направлений развития гражданского законодательства. В целом совершенствование гражданского законодательства должно быть основано на принципах морали и нравственности, учета баланса частных и публичных интересов и, соответственно, связано с реформированием административно-правовых и уголовно-правовых норм. В частности, автор отмечает, что давно уже назрел вопрос о реформировании минимального размера уставного капитала общества с ограниченной ответственностью и непубличного акционерного общества. Автором также поднимается вопрос о необходимости дальнейшего совершенствования гражданского законодательства в целях защиты экономических прав граждан: речь идет о защите прав граждан – заемщиков, граждан – вкладчиков, и граждан – собственников жилья.

Ключевые слова: национальные цели развития, экономическая безопасность, гражданское законодательство, национализация, экономические права граждан, критерии реформирования, показатели качества

Abstract

The subject of the article is to determine the main directions of civil law reform, taking into account the tasks of socio-economic development set by the state. The author concludes that the general direction of the development of civil legislation is to ensure the economic security of Russia. It is concluded that the effectiveness of civil legislation requires the definition of criteria in the field of its reform. The quality indicators of civil legislation are presented, which should be taken into account when determining the directions of development of civil legislation. In general, the improvement of civil legislation should be based on the principles of morality and morality, taking into account the balance of private and public interests and, accordingly, associated with the reform of administrative and criminal law norms. In particular, the author notes that the issue of reforming the minimum size of the authorized capital of a limited liability company and a non-public joint-stock company has long been overdue. The author also raises the issue of the need for further improvement of civil legislation in order to protect

the economic rights of citizens: it is about protecting the rights of citizens - borrowers, depositors, and homeowners.

Keywords: national development goals, economic security, civil legislation, nationalization, economic rights of citizens, criteria for reform, quality indicators.

Юридическая аксиома гласит, что содержание законодательства всегда обусловлено политическими и экономическими условиями и проводимой государством внутренней политикой, а на его состояние оказывают влияние социально-культурные условия, развитие техники и технологий.

Хорошо известно, что было положено в основу регулирования гражданско-правовых отношений после распада Советского Союза: принципы приватизации государственного имущества, неприкосновенности собственности, свободы договора, невмешательства государства в организацию частной деятельности. Многие политические и общественные деятели, специалисты в области экономики и права разъясняли обществу исключительно позитивное влияние свободной экономической деятельности, которая непременно урегулирует все проблемы при абсолютной неэффективности государственной собственности.

Новейшая история России показывает, что на содержание законодательства оказывает влияние и такой внешний фактор, как системное санкционное давление, осуществляемое рядом иностранных государств. Санкции значительно повлияли на экономическую ситуацию в стране, причем, как показывают статистические данные и опросы предпринимательского сообщества, это влияние имеет как негативный, так и позитивный характер. Санкции обусловили необходимость переосмысления организации многих экономических процессов, а значит, и деятельности государственных органов.

На уровне указа Президента Российской Федерации в числе национальных целей развития на перспективу до 2036 г. определены такие цели, как обеспечение устойчивого экономического и социального развития, укрепление государственного и экономического суверенитета, повышение уровня жизни граждан. В основу для их достижения положены традиционные российские духовно-нравственные ценности и принципы патриотизма, приоритета человека, социальной справедливости и равенства возможностей, обеспечения безопасности государства и общественной безопасности, экономического развития, основанного на честной конкуренции, пред-

принимательстве и частной инициативе, технологичности¹.

В научной литературе достаточно много исследований, посвященных результатам реформирования гражданского законодательства и направлениям его дальнейшего совершенствования, однако этот процесс требует не просто предложений по конкретизации отдельных норм и институтов, но системного осмысления с учетом указанных национальных целей развития российского государства.

Общим направлением развития гражданского законодательства, несомненно, является *обеспечение экономической безопасности*.

Здесь следует отметить, что краеугольным камнем и основой организации российской экономики с начала 90-х гг. XX в. стала идея приватизации. Только более чем через десять лет при практически тотальном сохранении указанного подхода было определено, что стратегические отрасли экономики, имеющие существенное значение для сохранения суверенитета и обороноспособности страны, находятся в собственности или под контролем государства. Так, отдельным Указом Президента Российской Федерации определен перечень предприятий и акционерных обществ, имеющих стратегическое значение для поддержания обороноспособности и экономической безопасности страны, приватизация которых возможна только по решению Президента Российской Федерации².

Действия ряда государств, особенно после 24 февраля 2022 г., четко показали, что для сохранения самого российского государства важно в определенной мере действовать вопреки указанным либеральным принципам, разрабатывать

¹ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 13.05.2024. – № 20. – Ст. 2584.

² Указ Президента Российской Федерации от 4 августа 2004 г. № 1009 (ред. от 25.12.2023) «Об утверждении Перечня стратегических предприятий и стратегических акционерных обществ» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 09.08.2004. – № 32. – Ст. 3313.

и внедрять публично-правовые механизмы регулирования экономических процессов, в том числе проводить обратный процесс – процесс национализации.

Как известно, основные правила национализации установлены в части I Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в том числе само понятие национализации, правило о ее проведении на основании закона и правило о возмещении стоимости имущества и других убытков (ст. 235 и 306)¹. Конституция Российской Федерации устанавливает, что это возмещение должно не только выплачиваться заранее, но и быть равноценным. Сумму или другие обстоятельства, которые связаны с выплатой, можно оспорить в суде (п. 2 ст. 235, ст. 306 ГК РФ, ч. 3 ст. 35 Конституции Российской Федерации²).

Специалисты выделяют следующие признаки национализации: переход имущества из частной собственности в государственную; смена права собственности осуществляется на основании государственных актов; национализация может проходить как на возмездной, так и на безвозмездной основе; причинами национализации являются глобальные задачи, стоящие перед государством (реструктуризация экономики, независимость страны, смена идеологической парадигмы), но не отдельные юридические факты (правонарушения, эпидемии, строительство автодорог и т. п.) [5].

Следует отметить, что в большинстве случаев национализированные предприятия изначально находились в государственной собственности и были приватизированы с нарушением закона.

Однако по состоянию на июнь 2025 г. указанный закон не принят. Его принятие с учетом уже сложившейся практики имеет важное значение: он станет ориентиром для предпринимателей, обеспечит добросовестное ведение ими дел и исполнение взятых на себя социальных гарантий.

По данным за 2022 г., 2023 г. и первую половину 2024 г. по искам прокуроров государству в целом возвращено свыше 100 предприятий, активы которых оцениваются в 1,3 трлн рублей. Этот показатель включает в себя и так называемые антикоррупционные иски, т. е. случаи, когда прокурорского реагирования требовали факты сращивания бизнеса и власти: чиновники управляли крупными предприятиями через родственников и подконтрольных лиц, использовали административный ресурс для получения имущества, госконтрактов, иных льгот и преференций.

С начала 2023 г. по искам прокуроров государству возвращено 20 ранее приватизированных предприятий со стратегическим значением, которые незаконно были из владения Российской Федерации в пользу иностранных резидентов и использовались ими в ущерб интересам нашей страны. Их активы в совокупности оцениваются более чем в 370 млрд рублей. Вмешательство прокуроров позволило вернуть активы и направить их потенциал на работу в интересах России³.

К числу национализированных предприятий относятся Соликамский магниевый завод (2022 г.), крупнейший производитель макаронных изделий «Макфа» (активы были арестованы в марте 2024 г. и в мае 2024 г. изъяты), Челябинский электрометаллургический комбинат, а также крупнейший автодилер – компания «Рольф» (2024 г.).

В 2024 г. Генеральный прокурор Российской Федерации И. Краснов заявил, что в настоящее время российские власти не собираются пересматривать итоги приватизации 1990-х гг. При этом деятельность по национализации предприятий была продолжена: за вторую половину 2024 г. и первую половину 2025 г. объем национализируемого имущества (количество компаний и их стоимость) вырос еще более значительно.

Президент Российской Федерации В. В. Путин в ходе Петербургского международного экономического форума в 2024 г. поддержал идею ограничения национализации компаний и предприятий в стране на законодательном уровне. Глава государства считает, что у масштабов национа-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 25.12.2006. – № 52 (1 ч.). – Ст. 5496.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595/> (дата обращения: 30.06.2025).

³ Игорь Краснов: работа прокуроров позволила направить активы изъятых предприятий на службу интересам России // Интекфакс. – URL: <https://www.interfax.ru/interview/965549> (дата обращения: 30.06.2025).

лизации в России «должны быть здоровые ограничительные линии»¹.

Глава Минфина России А. Силуанов заверил, что власти не собираются удерживать национализированные компании или управлять ими. Он рассматривает этот механизм как способ дополнительного заработка для государства. Однако эксперты подчеркивают, что в первую очередь необходимо определить механизм изъятия².

В отношении срока исковой давности в делах о приватизации, в том числе в 1990-е гг., принципиальное решение принял Конституционный Суд Российской Федерации: он должен исчисляться не с момента заключения сделки, а с того времени, как завершится прокурорская проверка продажи. Такое решение фиксирует приоритет публичного интереса в сохранении социальной инфраструктуры перед частной собственностью, что позволяет власти обращаться с иском об истребовании собственности в любое время (см., например, Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14.04.2025 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью “Мираж” на нарушение его конституционных прав статьями 195 и 196, пунктом 1 статьи 197, пунктом 1 и абзацем вторым пункта 2 статьи 200 Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Безусловно, национализация не может исчерпать решение проблемы обеспечения экономической безопасности. Обеспечение экономической безопасности нормами гражданского законодательства означает также и решение вопроса о минимальном размере уставного капитала общества с ограниченной ответственностью и непубличного акционерного общества: 10 000 руб. – это, несомненно, крайне мало для обеспечения интересов контрагентов самых востребованных организационно-правовых форм юридических лиц.

Важно развитие системы государственных и муниципальных предприятий, и к этому есть и экономические и, что главное, психологические предпосылки, обусловленные пониманием граждан способности государства реально обеспе-

чить их трудовые права. Такой подход, противоречащий принципам либеральной экономики, вполне может стать частью социально-экономического обеспечения граждан.

Для обеспечения экономической безопасности, особенно в ситуации санкционной войны против России, государство должно обеспечить баланс публичных и частных интересов, создать правовые основы защиты российских предпринимателей, а также стабилизировать экономическую обстановку [4. – С. 57]. Действительно, «только в единстве частных и публичных интересов, их гармоничном сочетании гражданско-правовое регулирование может обеспечить свое основное предназначение – обеспечить на деле поступательное развитие в нашей стране нормальных экономических отношений» [6. – С. 19].

Направление развития гражданского законодательства, которое вытекает из общей цели по обеспечению социально-экономической безопасности, – это *защита экономических прав гражданина*. В числе задач, выполнение которых характеризует достижение национальной цели «Устойчивая и динамичная экономика», определенной в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309, – задача по обеспечению устойчивого роста доходов населения. В связи с этим в основу корректировки и детализации норм гражданского законодательства, определяющих жизнедеятельность гражданина, должны быть положены принципы справедливости и защиты благосостояния.

Прежде всего, в этом направлении значима *защита прав граждан – заемщиков*. Если в 90-е гг. XX в. и в первое десятилетие XXI в. граждане практически не имели возможности получить заемные средства в банках, то за последние 15 лет ситуация изменилась кардинально: кредитные организации и микрофинансовые организации заинтересованы в кредитовании населения. Но постепенно возникла другая серьезная проблема – значительный объем задолженности населения. В числе причин – агрессивная рекламная деятельность указанных структур, под влиянием которой граждане нередко не способны адекватно рассчитать свои финансовые и иные возможности. Возникает вопрос о средствах борьбы с этим явлением. В законодательстве уже закреплен ряд мер, в том числе по контролю за ограничением выдачи кредитов. Полагаем, что следует применить еще одно эффективное средство – это законодательный запрет на рекламу

¹ Путин оценил идею ограничения национализации в России // Lenta.ru. – URL: <https://lenta.ru/news/2024/06/07/putin-otsenil-ideyu-ogranichit-natsionalizatsiyu-v-rossii/> (дата обращения: 30.06.2025).

² Национализированные компании отправят на рынок // Коммерсант. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6759592> (дата обращения: 30.06.2025).

кредитных договоров (договоров займа) в средствах массовой информации и в телеграмм-каналах. Контраргумент при таком варианте известен: ограничение свободы предпринимательской деятельности. Однако, полагая базовыми морально-нравственные устои общества и учитывая необходимость защиты финансов человека, навязывание кредита (а это происходит именно так) недопустимо.

Защита прав граждан – собственников жилья. Разрешение на приватизацию гражданами жилых помещений, свободное приобретение жилья стали основой формирования рынка жилья, основой экономического развития и повышения уровня благосостояния граждан. Однако помимо известных плюсов многие собственники жилья в многоквартирных домах сталкиваются с проблемой, крайне трудно решаемой, – это непрозрачный механизм ценообразования и низкое качество оказываемых услуг в сочетании с получением разного количества платежных документов от ресурсоснабжающих организаций, причем в одном населенном пункте за одни и те же услуги собственники квартир одинаковой площади платят разные суммы и по разным платежным документам.

В апреле 2025 г. Минстрой России назвал целесообразным введение унифицированного платежного документа для оплаты услуг ЖКХ. Глава ведомства И. Файзуллин заявил, что нужна единая платежка, единый оператор в регионе по сбору средств и не должно быть прямых договоров с ресурсоснабжающими компаниями¹.

Предлагаемый Минстроем России подход, несомненно, направлен на реализацию идеи справедливости в частноправовой действительности, но обязательно должен быть закреплен в подзаконных актах, причем сформулирован максимально ясно: канцелярский язык, неизбежный в такой области, должен быть понятным гражданину, не являющимся специалистом в области юриспруденции и не обладающим техническими познаниями в сфере ЖКХ.

Более чем тридцатилетний опыт показывает, что органы местного самоуправления достаточно поверхностно контролируют деятельность управляющих компаний, реально не обеспечивают за-

щиту имущественных прав граждан от действий недобросовестных управляющих компаний. В связи с этим возможно проведение эксперимента по возвращению к системе муниципальных предприятий, оказывающих гражданам услуги по содержанию многоквартирных домов, т. е. муниципальное предпринимательство. Представляется, что реализация такого подхода в определенной мере обеспечит решение задачи по повышению благосостояния как граждан – собственников жилых помещений в многоквартирных домах, так и граждан, которые заключают трудовые договоры с муниципальным учреждением, осуществляющим управление жилым фондом.

Защита сбережений граждан. Применение мошеннических схем привело к включению в законодательство ряда норм, направленных на защиту финансов граждан. Так, с 1 сентября 2025 г. вступит в силу закон о периоде «охлаждения» по кредитам для потребителей и иных мерах против мошенников².

В последние годы появилась негативная практика, получившая название «дропперство»: открытие дебетовых карт для обналичивания чужих денежных средств. В этой схеме часто задействованы несовершеннолетние, желающие заработать, поскольку обладают правом открытия банковских счетов с 14 лет. Подростки становятся соучастниками преступлений. Государственная Дума Российской Федерации в мае 2025 г. рассмотрела законопроект, запрещающий банкам заключать договоры с клиентами в возрасте от 14 до 18 лет без письменного согласия родителей или опекунов.

Это, несомненно, важная законодательная инициатива, но следует согласиться с идеей о необходимости разработки целостной концепции правового регулирования отношений с участием несовершеннолетних детей [2. – С. 67–68].

Эффективными способами защиты финансов граждан могли бы стать ограничение количества счетов гражданина (что следует отразить в нормах ГК РФ) и введение в практику ресурса (цифровой платформы), отслеживающего количество карт у гражданина и его транзакции (что должно быть закреплено в актах банковского законода-

¹ Минстрой вернулся к идее единой платежки за услуги ЖКХ. – URL: <https://www.tvc.ru/news/310021> (дата обращения: 30.06.2025).

² Федеральный закон от 13 февраля 2025 г. № 9-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 17.02.2025. – № 7. – Ст. 541.

тельства). Отметим, что такое предложение обсуждалось в Центральном банке России, но пока не нашло отражения в законодательстве.

В 2021 г. Министерство юстиции России вынесло на общественное обсуждение проект приказа, прописывающего в том числе получение нотариусами сведений из Единой государственной информационной системы социального обеспечения для выявления недееспособных. Также нотариусы смогут получать сведения об ограниченно дееспособных гражданах и несовершеннолетних, оставшихся без родительского попечения. Данная информация необходима нотариусам для защиты прав граждан при оформлении сделок. Эти предложения не получили пока законодательного закрепления.

В целом защита экономических прав граждан требует как системного внедрения цифровых технологий, так и пересмотра в определенной мере концепции свободы предпринимательства и свободы частной деятельности в плане их ограничения с учетом обеспечения реализации другими участниками гражданского оборота своих прав.

Далее возникает вопрос о *критериях в сфере реформирования гражданского законодательства*.

В. А. Бублик и М. Н. Семякин выделяют следующие критерии реформирования гражданского законодательства:

1) онтологическое обоснование предполагаемых дополнений, изменений (уточнений) и других норм гражданского законодательства, поскольку они должны быть обусловлены реальным состоянием и тенденциями развития регулируемых общественных отношений, потребностями правоприменительной практики и другими социальными обстоятельствами;

2) критерий законности конкретизации норм гражданского законодательства. Всякая правоконкретизирующая деятельность, в том числе в сфере гражданского законодательства, должна основываться на положениях закона и не нарушать права и законные интересы граждан, иных субъектов как участников различных правоотношений;

3) не должно нарушаться такое важное требование, как необходимость обеспечения определенности права;

4) при осуществлении конкретизации норм гражданского законодательства необходимо учитывать в целом логику общей (исходной) нормы права, задающей архитектуру правового регу-

лирования, что не всегда имеет место в нормотворческой практике;

5) в качестве предельного основания конкретизации (возможного дальнейшего дробления / детализации) общей нормы гражданского законодательства выступает такая логическая конструкция (операция), когда конкретизирующая норма права в своем содержании исчерпывающе полно отражает одновременно как общие, так и особенные и индивидуальные признаки (черты, свойства, характеристики) регулируемого гражданского отношения;

6) критерий системности в правоконкретизирующей деятельности. При внесении дополнений, изменений и иных конкретизирующих актов необходимо также учитывать системный характер функционирования норм гражданского законодательства, их тесную взаимосвязь и взаимодействие в процессе регулирования общественных отношений [1].

Что касается критерия системности, то его следует трактовать более широко, а именно как обеспечение взаимосвязи актов гражданского законодательства с актами административного и уголовного законодательства. Это важно прежде всего в сфере борьбы с мошенническими способами получения денежных средств граждан.

В числе критериев реформирования гражданского законодательства должны быть морально-нравственные основы, в числе которых принцип добросовестности, понимание того, что ограничение прав гражданина может быть обусловлено защитой как его прав, так и прав других участников гражданского оборота, иначе говоря, применением золотого правила нравственности – общего этического правила, известного в религиозных и философских учениях Востока и Запада, положенного в основу многих мировых религий, которое можно сформулировать так: не делайте другим того, чего вы не желаете для себя, и поступайте с другими так, как хотели бы, чтобы с вами поступили.

Реформирование гражданского законодательства требует применения принципа баланса частных и публичных интересов, что означает одновременный учет интересов и прав одного человека, группы граждан, всего общества и необходимости решения государством поставленных социально-экономических задач и в целом обеспечения социально-экономической безопасности.

По поводу частоты реформирования законодательства необходимо отметить следующее. В настоящее время в системе законодательства о защите прав потребителей в отношении иных нормативных правовых актов четко определен срок действия¹. В то же время для реализации целей развития, поставленных государством, необходима стабильность законодательства, консерватизм правовых предписаний, что упрощает деятельность предпринимателей и облегчает жизнь граждан. Таким образом, следует учитывать дихотомию «совершенствование норм – стабильность норм». В основу реформирования должен быть положен анализ судебной практики, ее обобщение высшей судебной инстанцией. Но главное при формулировании и изменении правовых положений заключается в обеспечении возможности их однозначного понимания участником правоотношения: согласно известному латинскому выражению, знание законов заключается не в том, чтобы помнить их слова, а в том, чтобы понимать их *смысл* (Scire leges non hoc est verba earum tener sed vim ac potestatem) [3. – С. 344].

Реформирование гражданского законодательства должно быть направлено на достижение конкретных, измеримых и понятных гражданину результатов. Анализ правоприменительной и судебной практики позволяет выделить следующие *показатели качества гражданского законодательства*, которые также следует учитывать в процессе его реформирования:

- количество судебных споров, рассматриваемых в судах общей юрисдикции и в арбитражных судах, их динамика;
- количество действующих юридических лиц, количество юридических лиц, прекративших свою деятельность, динамика изменения их количества;

– количество действующих индивидуальных предпринимателей, количество индивидуальных предпринимателей, прекративших свою деятельность, динамика изменения их количества;

– статистика по задолженности граждан и юридических лиц;

– статистика по кредитованию граждан и юридических лиц, в том числе ипотечному кредитованию;

– статистика по задолженности по коммунальным платежам;

– статистика Роспатента по государственной регистрации объектов интеллектуальной собственности (объектов промышленной собственности), а также по государственной регистрации перехода исключительного права на указанные объекты.

Показатели качества гражданского законодательства можно трактовать и широко, прежде всего через статистику доходов федерального бюджета от предпринимательской деятельности.

Системный подход требует анализа указанной статистики как минимум за три (пять) лет. Возникает вопрос о субъекте, на который должно быть возложена данная функция. Один из вариантов – это Минэкономразвития России – ведомство, призванное осуществлять функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере анализа и прогнозирования социально-экономического развития, развития предпринимательской деятельности².

Таким образом, с учетом установленных государством целей развития необходимо прежде всего определить основные критерии реформирования гражданского законодательства и далее разработать концепцию его совершенствования, учитывающую как появление новых отношений, так и необходимость стабильности правовых предписаний, а также обеспечивающую баланс частных и публичных интересов, разработку норм, содержание которых понято гражданину, не имеющему правовой и технической подготовки.

¹ Например: Постановление Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2020 г. № 1514 «Об утверждении Правил бытового обслуживания населения» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.10.2020. – № 40. – Ст. 6255 (срок действия ограничен 01.01.2027); Постановление Правительства Российской Федерации от 15 сентября 2020 г. № 1441 «Об утверждении Правил оказания платных образовательных услуг» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 28.09.2020. – № 39. – Ст. 6035 (срок действия ограничен 31.12.2026).

² Постановление Правительства Российской Федерации от 5 июня 2008 г. № 437 (ред. от 24.04.2025) «О Министерстве экономического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 16.06.2008. – № 24. – Ст. 2867.

Список литературы

1. Бублик В. А., Семякин М. Н. Основные тенденции современного реформирования гражданского законодательства РФ: общая характеристика, онтологические и гносеологические основания, отдельные виды // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2020. – № 4. – С. 705–737.
2. Букшина С. В. Правосубъектность несовершеннолетних: необходимость реформирования гражданского законодательства // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 5. – С. 64–68.
3. Латинские юридические изречения / сост. Е. И. Темнов. – М., 2003.
4. Рябинкин Г. Ю. Реформирование гражданского законодательства в условиях санкционной войны // Право и управление. – 2023. – № 2. – С. 55–61.
5. Ситдикова Л. Б., Помазкова С. И., Еникеев И. С. Национализация как институт гражданского права // Юрист. – 2023. – № 2. – С. 40–44.
6. Щенникова Л. В. Публичный интерес в гражданском праве // Цивилистические записки Кубанского государственного университета. Краснодар, 2012. – С. 19–25.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2025-2-84-88>

Многообразие правовых форм представительства: проблемные вопросы и перспективы развития

С. М. Слободяник

Директор ООО «Юридическая компания «Профессионал».

Адрес: ООО «Юридическая компания «Профессионал»

125167, Москва, Ленинградский пр-т, д. 47, стр. 2.

E-mail: arirang2025@mail.ru

Diversity of Legal Forms of Representation: Problematic Issues and Development Prospects

S. M. Slobodyanik

Director of LLC «Law Company «Professional».

Address: LLC «Law Company «Professional»,

47 build. 2 Leningradskiy Avenue, Moscow, 125167, Russian Federation.

E-mail: arirang2025@mail.ru

Поступила 11.03.2025 Принята к печати 25.03.2025

Аннотация

Статья посвящена юридическим формам создания отношений представительства: доверенности и договорам. В ней делается вывод о схожести процессов цифровизации и перенесения юридической личности с одного субъекта на другого. Аналогичны и основные юридические проблемы обоих процессов – проблема верификации так называемого первичного лица – доверителя и, соответственно, пользователя. Кроме того, автор высказывает версию о том, что проблема корректной идентификации пользователя стала причиной развития концепции Web 3.0, которая предполагает концептуальное изменение правовых отношений – их участниками становятся не только субъекты, но и объекты. Высказывается мнение, что отношения представительства образует не любой агентский договор, но лишь агентский договор, относящийся к договорам поручения. В статье отмечаются и юридико-технические недостатки конструкции агентских договоров – например, то, что их предметом не могут быть обычные действия, так как действия агентов могут либо быть юридическими, либо являться сделками. Также предметом проведенного в данной статье исследования являются отношения представительства с иностранным элементом. Критике подвергается право доверителя подчинить доверенность иностранному праву, что не вполне соответствует принципу невозможности возложения обязательства на третье лицо – получается, что воля доверителя, направленная на выбор права, связывает и третье лицо, которое не связано соответствующим правоотношением.

Ключевые слова: представительство, цифровизация, доверенность, агентский договор, договор поручения, договор комиссии, применимое право.

Abstract

This article is devoted to the legal forms of establishing representation relations: power of attorney and contracts. It concludes that the processes of digitalization and the transfer of legal personality from one entity to another are similar. The main legal problems of both processes are similar – the problem of verification of the so-called "primary" person – the principal and, accordingly, the user. In addition, the author suggests that the problem of correct user identification has caused the development of the Web 3.0 concept, which involves a conceptual change in legal relations – not only subjects, but also objects become their participants. The author expresses the opinion that the relations of representation are not formed by any agency agreement, but only by an agency agreement related to assignment agreements. The article also notes the legal and technical disadvantages of the design of agency agreements – for example, the fact that their subject cannot be ordinary actions – the actions of agents can be either legal or transactions. The relations of the representative office with the foreign element are also the subject of the research conducted in this article. The right of the principal to subordinate the power of attorney to foreign law is criticized, which does not fully comply with the principle of the impossibility of imposing

obligations on a third party – it turns out that the will of the principal, aimed at choosing the law, binds a third party who is not bound by the relevant legal relationship".

Keywords: legal representation, digitalization, power of attorney, agency agreement, assignment agreement, commission agreement, applicable law.

В отличие от физического мира, юридическому миру знакомо разделение личности субъекта права, при котором юридические качества (правоспособность) сохраняется у обоих лиц. Если в публичном праве это достигается путем делегирования полномочий одного органа государственной власти другому (или вообще юридическому лицу, не являющемуся органом государственной власти)¹, в результате чего компетенция передающего органа прекращается, то частное право предполагает возможность субъекта наделить своими полномочиями неопределенное количество лиц без прекращения полномочий у него самого.

Это тот редкий случай, когда право в каком-то смысле опередило практику, которая, как правило, опережает правовое регулирование [5]. Ускорение экономического оборота, усложнение социальных связей повлекло отделение функций собственника от функций управления [3]. Кроме того, феодальная раздробленность, колониальная сущность империй, приводившие к диктату местных властей, негативно сказывались на возможности ряда лиц лично явиться в определенные местности для осуществления своих полномочий. Все это потребовало от юриспруденции создания института, позволяющего субъекту частично переносить свою личность на другое лицо – возможность наделить лицо правом заключать сделки, совершать иные действия. Ответом на потребности коммерческого оборота стал институт представительства.

В физическом мире передача личности становится возможной исключительно благодаря развитию виртуальных и цифровых технологий. И для отношений представительства, и для цифровых отношений проблемой является верификация личности – соответственно, доверителя и пользователя, – в виртуальном мире. Препятствием легализации криптовалюты в Российской Федерации как раз является то, что, в отличие от цифровой валюты, она не обеспечена реальной

стоимостью, не содержит информацию о ее держателях, процесс ее выпуска децентрализован и возможность его регулирования отсутствует [2]. Затруднительность верификации личности пользователя во многом, по нашему мнению, спровоцировала дискуссию о формировании Концепции WEB.3.0, которая предполагала наделение носителя искусственного интеллекта статусом субъекта права. Однако в настоящее время перспективы развития данной Концепции не выглядят убедительными [1].

Представительство по российскому законодательству может оформляться односторонней сделкой (доверенность) или договором – агентским договором в виде договора поручительства или договора комиссии, а также смешанным или непоименованным договором, который предусматривает передачу полномочий одной стороне другой стороной. Однако ни договор, ни сделка не могут создавать обязанностей для третьих лиц, поэтому для реализации положений таких договоров необходима либо выдача доверенности, либо уведомление третьего лица о полномочиях представителя.

В сфере правового регулирования ТЭК распространены агентские правоотношения, в основе которых – обязательство агента совершать в пользу третьего лица платеж за энергетические ресурсы, отпущенные принципалу и потребленные им. В качестве встречного представления принципал обязуется возмещать агенту затраты (расходы) за потребленный энергетический ресурс. Напомним, что суть агентских отношений состоит в том, что одна сторона (агент) обязуется совершать по поручению другой стороны (принципала) юридические и иные действия либо от своего имени, либо от имени принципала, но во всех случаях за счет принципала, а не за собственный счет (абз. 1 п. 1 ст. 1005 Гражданского кодекса Российской Федерации – далее ГК РФ).

Доступ независимых организаций к газотранспортной системе ПАО «Газпром» осуществляется на основании гражданско-правовых договоров – агентских договоров в форме договоров поручения, заключаемых независимыми организациями с ПАО «Газпром» или с газотранспорт-

¹ Субъекты гражданского и торгового права зарубежных стран / Р. А. Курбанов, В. А. Гуреев, Т. Э. Зильфугарзаде [и др.]. – М. : Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2016.

ными организациями ПАО «Газпром», действующими от его имени.

Согласно пункту 2 статьи 37 Федерального закона «Об электроэнергетике», поставщики и покупатели электроэнергии вправе заключать друг с другом смешанные договоры. Например, таковым вполне может являться договор купли-продажи электроэнергии – так как может предусматриваться обязанность поставщика электроэнергии заключить договор оказания услуг по передаче электроэнергии потребителям с территориальной сетевой организацией от имени потребителя или от своего имени в интересах потребителя [3].

Разграничение юридических и иных действий (в том числе сделок) представляется крайне важным, поскольку именно это является дополнительным юридически значимым критерием разграничения двух категорий агентского договора (договора поручения и договора комиссии)¹.

Агентский договор сконструирован как возмездная сделка. Однако отсутствие условия о цене не придает ему юридического качества незаключенности – здесь применяются последствия, предусмотренные пунктом 3 статьи 424 ГК РФ.

Согласно статье 1010 ГК РФ агентский договор может быть сконструирован и как договор поручения, и как договор комиссии. Помимо уже названного критерия их разграничения по типу действий, на которые уполномочен агент, основным критерием все же является совершение агентом действий либо от собственного имени, либо от имени принципала.

Динамичность коммерческого оборота часто приводит к заключению сделок без соблюдения определенных ограничений, установленных законом. К тому же полномочия доверенных лиц не всегда прямо прописаны в тексте доверенности или договора. Часто агентами заключаются сделки, на совершение которых они формально не уполномочены. Заключение сделок вне пределов полномочий агента является именно той сферой

общественных отношений, в которой конфликт воли и волеизъявления проявляется наиболее выпукло. Вместе с тем данный конфликт далеко не всегда решается в пользу воли, поскольку для этого суду необходимо установить действительную волю стороны, предоставившей полномочия, ее намерение наделить своего агента тем или иным объемом полномочий. Особую сложность представляют случаи, в которых «истинное намерение стороны» используется недобросовестной стороной спора для целей произвольного изменения условий договора.

Нельзя не отметить такого юридико-технического недостатка конструкции агентских договоров, как то, что при формулировании предмета этих договоров законодатель не оставил места обычным действиям – действия агентов могут либо быть юридическими, либо являться сделками. Отношения представительства порождает только агентский договор в форме договора поручения. Договор комиссии предполагает предоставление права на заключение договоров от собственного имени.

Особая сложность присуща вопросам представительства с иностранным элементом, когда одна из сторон является субъектом права иностранного государства, проживает или действует на его территории. Понимание общих начал представительства в различных правовых системах может отличаться очень сильно [4].

Проблема – в многообразии видов представительства. Основанное на договоре представительство подчиняется праву, применимому к договору (ч.1 ст.1217.1 ГК РФ).

Что же касается доверенности, то она может подчиняться праву, указанному доверителем в ней, при условии извещения третьего лица и представителя об этом. По нашему мнению, это правило не вполне соответствует такому принципу гражданского права, как принцип невозможности возложения обязательства на третье лицо – получается, что воля доверителя, направленная на выбор права, связывает и третье лицо. Условие об извещении третьего лица можно считать простой формальностью – таким извещением может признаваться демонстрация доверенности.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) разделяет отношения представительства на внутренние и внешние (п. 48 и 49 Постановления Пленума ВС РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федера-

¹ Представляется, что к категории юридических могут быть отнесены действия, влекущие юридически значимые последствия: подписание документов, направление юридически значимых сообщений. Строго говоря, к юридическим действиям может быть отнесено даже бездействие – уклонение от подписания документов. Таким образом, юридические действия являются юридическими фактами. При этом такие действия, как поиск контрагентов, осмотр товаров, исследование рынка и консультирование, не являются юридическими, поскольку не влекут юридически значимых последствий.

ции»)¹, имея в виду как раз отношения между представляемым и представителем (внутренние отношения) и их отношения с третьим лицом (внешние отношения), однако внутренние отношения были сведены им к договорам, а внешние – к отношениям представительства по доверенности.

Порок волеизъявления доверителя относительно применимого права влечет за собой применение к отношениям по доверенности права порядка страны места жительства (основного места деятельности) представителя. Неосведомленность третьего лица о месте жительства (основном месте деятельности) представителя влечет применение к доверенности права страны, на территории которой преимущественно действовал представитель в конкретном случае.

Определение понятия «место жительства» осуществляется судами на основе российского права, если не будет доказано, что лицо имеет постоянное место жительства на территории иного государства, наличие которого определяется и соответствующим правовым порядком. Если французское право толкует понятие домицилия как места жительства в юридическом смысле и понимает под ним место, в котором лицо проживает с намерением основать там центр своих жизненных интересов в течение продолжительного промежутка времени², то понятие домицилия в английском праве описывает не столько связь с определенным местом, сколько принадлежность физического лица к определенной правовой области³. Австрия и ФРГ придерживаются концепции «Hauptwohnsitz», что в соответствии с положениями Закона ФРГ «О порядке представления налоговой отчетности» от 16 августа 1980 г. (Melderechtsrahmengesetz (MRRG)) определяется как «...место, где лицо осуществляет пассивное

избирательное право и где муниципальная администрация выдала гражданину карту с идентификационным номером и паспорт».

Особенность домицилия в форме «Hauptwohnsitz» по праву ФРГ состоит в том, что лицо может иметь больше одного такого домицилия. К вторичным («Nebenwohnsitze», или «Nebenwohnsitz») домицилиям относятся места регистрации лиц без права голосования на указанной территории.

Что же касается основного места деятельности представителя, то оно, очевидно, будет следовать из доверенности. Отдельные правила установлены: 1) для судебных доверенностей, к которым применяется *lex fori*, – в этом случае действует право страны для проведения судебного или третейского разбирательства, и 2) для доверенностей на совершение сделок с недвижимым имуществом и если сделка или переход прав по ней подлежит обязательной государственной регистрации – тогда действует право страны, где недвижимое имущество внесено в соответствующий государственный реестр. При этом российское международное частное право следует принципу сохранения доверенности даже вследствие порока ее формы, если она отвечает требованиям правовых порядков хотя бы одного из достаточно широкого круга правовых порядков (см. абз. 1 и 2 ч. 1 ст. 1209 ГК РФ).

Все перечисленное не снимает рисков фальсификации доверенностей, особенно выданных на территории иностранных государств – требования к доверенностям, выданным на территории иностранных государств, по российскому законодательству снижены, к тому же сводятся к пороку формы (см. абз. 1 и 2 ч. 1 ст. 1209 ГК РФ), что обесмысливает, на наш взгляд, правило – вряд ли форма доверенности относится к числу наиболее популярных способов ее фальсификации. *Представляется необходимым ввести в судебную практику принцип проверяемости достоверности сведений в доверенности, что можно легко реализовать с помощью QR-кода.*

Взаимодействие принципала и агента по испанскому праву регулируется Гражданским Кодексом Испании⁴ (Código Civil de España) и Законом Испании об агентских договорах от 27 мая 1992 г.⁵ (Ley 12/1992, de 27 de mayo, sobre Con-

¹ Российская газета. 17.07.2019. – № 154.

² Revillard M. Droit international privé et pratique notariale. – Paris, 2001 (абз. 514); Cour Cass JCP 1982. II 19920; Rev. crit. 1972, 467, 468; Cour d'appel Paris Rev. crit. 1982, 537, 542 и посл.; Sipp-Mercier. Die Abwicklung deutsch-französischer Erbfälle. – 1986. – P. 18.

³ Об английском праве см.: IPG (1965, 1966). – Nr. 50. – P. 517; Odersky F. Die Abwicklung deutsch-englischer Erbfälle. – Köln, 2001. – P. 58 и посл.; Kegel G., Schurig K. Internationales Privatrecht. – 8. Aufl. – Verlag C. H. Beck, 2000 – P. 383 (§ 13 II 1 b). Об историческом развитии понятия домицилия в Англии см. Brandt T. Das Haager Abkommen von 1989 über das auf die Erbfolge anzuwendende Recht. – Berlin : Duncker & Humblot, 1996. – P. 41 и посл.

⁴ Gaceta de Madrid. – 1889, 25 de julio. – Núm. 206.

⁵ Boletín Oficial del Estado. 1992, 29 de mayo. – Núm. 129.

trato de Agencia). Оно осуществляется на основе агентского договора (contrato de agencia) и договора о посредничестве (el contrato de mediación, el contrato de corretaje). Согласно ст.1255 Гражданского Кодекса Испании, в силу договора о посредничестве лицо обязывает другое лицо или информировать его о возможности (в тексте оригинала – «о случаях и возможностях», исп. “de la ocasión e oportunidad”) заключить сделку (el negocio jurídico) с третьим лицом, или выступать в качестве посредника (intermediario) в заключении этой сделки, предпринимая действия для согласования волеизъявлений ее будущих сторон за вознаграждение в форме премии либо комиссии retribución (prima o comisión). Агентский договор по испанскому праву предполагает, что агент (физическое или юридическое лицо) обязывается перед другим лицом осуществлять за вознаграждение действия и коммерческие операции (actos u operaciones de comercio) за счет другого лица или осуществлять их и заключать сделки от имени и за счет другого лица в качестве независимого посредника (intermediario independiente) без принятия на себя риска и при-

были с таких операций, если иное не предусмотрено соглашением между ними (ст.1 Закона Испании об агентских договорах от 27 мая 1992 г.). Указанное определение агентского договора предусматривает и то, что агент должен осуществлять свои действия в виде постоянных или стабильных действий (de manera continuada o estable). Именно в этом и состоит принципиальное различие между агентским договором и договором о посредничестве – последний предполагает совершение разовой операции (даже если для ее совершения необходимо время), тогда как агентский договор направлен на неопределенное количество операций. Если агентский договор направлен на процесс, что роднит его с договором об оказании услуг, то договор о посредничестве – на конкретный результат, что напоминает договор подряда. Закон Испании об агентских договорах основан на широкой трактовке понятия «агент», поскольку рассматривает агента в качестве независимого посредника, который стабильно продвигает и (или) заключает торговые операции от имени другого лица.

Список литературы

1. Курбанов Р. А., Налетов К. И. Статус оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26. – № 12. – С. 45–57.
2. Мехтиева М. Г. Природа криптовалют и их правового регулирования: международно-правовой и сравнительно-правовой аспекты // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2023. – Т. 19. – № 3. – С. 31–42.
3. Правовая парадигма энергетики в контексте устойчивого экономического роста / А. Н. Варламова, О. А. Символоков, В. А. Северин [и др.]. – М. : Издательская группа «Юрист», 2022.
4. Современные концепции верховенства права и правового государства: сравнительно-правовое исследование / Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер, С. В. Чиркин [и др.]. – М. : Норма : Инфра-М, 2023.
5. Экономико-правовые концепции национализации: Россия и зарубежный опыт / В. И. Гришин, Р. А. Курбанов, Р. И. Хасбулатов [и др.]. – М. : Проспект, 2019.

Договор обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств: цессия и убытки

Е. М. Чудайкин

юрист ООО Страховая компания «Сбербанк страхование».
Адрес: ООО Страховая компания «Сбербанк страхование»,
121170, Москва, Поклонная ул., д. 3, корп. 1.
E-mail: chudajkine@mail.ru

The Contract of Compulsory Insurance of Civil Liability of Owners of Vehicles: Assignment and Losses

E. M. Chudaikin

Lawyer of the Sberbank Insurance Insurance Company LLC.
Address: Sberbank Insurance Insurance Company LLC,
3 build. 1 Poklinnaya str., Moscow, 121170, Russian Federation.
E-mail: chudajkine@mail.ru

Поступила 01.04.2025 Принята к печати 10.04.2025

Аннотация

Обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств (далее – ОСАГО) является распространенным видом обязательного страхования. Закон об ОСАГО регулирует рассматриваемые правоотношения на протяжении 20 лет. Вместе с тем гражданский оборот является динамичным, что способствует появлению вопросов, прямо не урегулированных на уровне закона. В настоящее время участилось количество случаев, когда потерпевшие до первого обращения к страховщику заключают договоры цессии, что приводит к осложнению в части определения надлежащей формы страхового возмещения. Цессионарии, не являющиеся собственниками поврежденных транспортных средств (далее – ТС), требуют взыскать страховое возмещение без учета износа, а также возместить убытки, возникшие вследствие неорганизации восстановительного ремонта. В статье будет рассмотрен вопрос правомерности требований цессионариев, не являющихся собственниками поврежденных ТС, о взыскании страхового возмещения без учета износа, а также убытков с предложением о внесении изменений в действующее законодательство. Вышесказанное подтверждает актуальность исследования. Предметом исследования являются нормы материального права, регулирующие отношения в сфере ОСАГО, осложненные уступкой права требования (договором цессии). Научная новизна исследования заключается в изучении вопроса, связанного с правами цессионария, не имеющего права собственности на поврежденное ТС, по отношению к страховщику. Указанный вопрос не был должным образом исследован в теоретической плоскости, а свою актуальность в практической юриспруденции начал набирать относительно недавно, что требует его теоретико-практического осмысления. В ходе исследования были использованы как общенаучные методы познания (анализ, синтез, дедукция и индукция), так и юридические методы познания (формально-догматический, сравнительно-правовой и метод юридического толкования). По результатам исследования был сделан вывод, что цессионарий, не являющийся собственником поврежденного ТС, не должен обладать правом требовать взыскания доплаты страхового возмещения без учета износа, а также иных убытков, вызванных неорганизацией восстановительного ремонта, что согласуется с природой страхования, а также с целями регулирования Закона об ОСАГО.

Ключевые слова: договор ОСАГО, ОСАГО, Закон об ОСАГО, уступка права требования, договор цессии, цессия, cedent, цессионарий, страховое возмещение, убытки, неорганизация восстановительного ремонта, взыскание убытков за неорганизацию восстановительного ремонта, смена формы страхового возмещения, натуральная форма страхового возмещения, денежная форма страхового возмещения.

Abstract

Compulsory civil liability insurance for vehicle owners (hereinafter referred to as CTP) is a common type of compulsory insurance. The CTP Law has been regulating the legal relations in question for 20 years. At the same

time, the civil turnover is dynamic, which contributes to the emergence of issues that are not directly regulated at the level of the law. Currently, the number of cases has increased when victims conclude assignment agreements before first contacting the insurer, which leads to a complication in determining the appropriate form of insurance compensation. Assignees who are not owners of damaged vehicles (hereinafter referred to as CU) demand to collect insurance compensation without taking into account wear and tear, as well as to compensate for losses incurred as a result of non-organization of restoration repairs. The article will address the issue of the legality of claims by assignees who are not owners of damaged vehicles to recover insurance compensation without taking into account wear and tear, as well as losses, with a proposal to amend the current legislation. The above confirms the relevance of the study. The subject of the study is the norms of substantive law governing relations in the field of CTP, complicated by the assignment of the right of claim (assignment agreement). The scientific novelty of the study is to study the issue related to the rights of the assignee, who does not own the damaged vehicle, in relation to the insurer. This issue has not been properly investigated in the theoretical plane, and it began to gain relevance in practical jurisprudence relatively recently, which requires a theoretical and practical understanding of the issue under consideration. In the course of the research, both general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, deduction and induction) and legal methods of cognition (formal dogmatic, comparative legal and method of legal interpretation) were used. According to the results of the study, it was concluded that the assignee, who is not the owner of the damaged vehicle, should not have the right to demand the recovery of additional insurance compensation without taking into account wear and tear, as well as other losses caused by the failure to organize restoration repairs, which is consistent with the nature of insurance, as well as with the objectives of regulating the CTP Law.

Keywords: CTP contract, CTP, CTP law, assignment of the right of claim, assignment agreement, assignment, assignor, assignee, insurance indemnity, losses, non-organization of restoration repairs, recovery of losses for non-organization of restoration repairs, change of the form of insurance compensation, in-kind form of insurance compensation, monetary form of insurance compensation.

Возмещение причиненного вреда в натуре является приоритетной формой страхового возмещения, когда вред причинен транспортному средству (далее – ТС), находящемуся в собственности гражданина (далее – гражданин) и зарегистрированному в Российской Федерации. Данное положение содержится в пункте 15.1 статьи 12 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ (ред. от 03.02.2025) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»¹ (далее – Закон об ОСАГО). Для всех иных субъектов, претендующих на получение страхового возмещения, ремонт ТС приоритетной формой не является, что также влияет на порядок расчета стоимости ремонта ТС (с учетом износа или без учета износа).

Так, при прочих равных, если за страховым возмещением обратится гражданин, то последний вправе претендовать на ремонт ТС с учетом покрытия страховщиком стоимости ремонта без учета износа, а если за страховым возмещением

обратится юридическое лицо, то последнее вправе претендовать на ремонт ТС с учетом покрытия страховщиком стоимости ремонта с учетом износа (п. 15–15.3, 19 ст. 12 Закона об ОСАГО, абз. 2 п. 3.4 Положения Банка России от 4 марта 2021 г. № 755-П (ред. от 15.01.2024) «О единой методике определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства»²).

Классическая схема реализации вышеприведенного положения выглядит следующим образом. Происходит дорожно-транспортное происшествие (далее – ДТП) с участием гражданина А и Б. Гражданин А, согласно административным материалам, признается виновным в произошедшем ДТП. Гражданин Б обращается к страховщику с заявлением о наступлении события, имеющего признаки страхового случая. Страховщик после проведения осмотра ТС и расчета стоимости восстановительного ремонта выдает

¹ Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ (ред. от 03.02.2025) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 06.05.2002. – № 18. – ст. 1720.

² Положение Банка России от 4 марта 2021 г. № 755-П (ред. от 15.01.2024) «О единой методике определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства» (зарегистрировано в Минюсте России 10.06.2021 № 63845) // Вестник Банка России. – 15.07.2021. – № 46-47.

направление на ремонт гражданину Б. Проведя ремонт поврежденного ТС, гражданские правоотношения между страховщиком и гражданином Б прекращаются надлежащим исполнением.

Однако в настоящее время участилось количество случаев, когда к страховщику обращается не гражданин Б, являющийся потерпевшим в понимании п. 15.1 ст. 12 Закона об ОСАГО, а цессионарий. К вышеприведенному примеру добавляется промежуточный элемент, связанный с заключением между гражданами Б и В¹ договора цессии перед первым обращением к страховщику.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2022 г. № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»², по договору цессии от гражданина Б к гражданину В переходят права в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права (п. 1 ст. 384 Гражданского кодекса Российской Федерации – далее ГК РФ), за исключением некоторых прав, не являющихся объектом настоящего исследования.

Существенная оговорка по договору цессии заключается в том, что право собственности на поврежденное ТС от гражданина Б к гражданину В не переходит, иначе существо рассматриваемого вопроса не имело бы научного интереса.

Переходит ли по договору цессии от цедента к цессионарию право на приоритетную форму страхового возмещения (организация восстановительного ремонта ТС) без перехода права собственности на ТС к цессионарию? При рассмотрении данного вопроса необходимо учитывать, что если ремонт ТС производится для граждан, то действует правило о недопустимости использования бывших в употреблении комплектующих изделий. Данное правило и образует разницу между стоимостью восстановительного ремонта без учета и с учетом износа комплектующих изделий.

Законом об ОСАГО установлен закрытый перечень случаев, допускающих смену формы

страхового возмещения, например, в случае полной гибели ТС.

Следуя принципу *dura lex, sed lex* и буквальному толкованию положений, регулирующих правоотношения цессии и порядка выплаты страхового возмещения, можно утверждать, что цессионарий, не являющийся собственником ТС, как минимум имеет право рассчитывать на получение страховой выплаты без учета износа комплектующих изделий. Более того, Законом об ОСАГО не предусмотрено никаких исключений из рассматриваемой ситуации. Данное утверждение основывается сугубо на буквальном применении норм материального права, не учитывающего факторы, имеющие значение для рассматриваемого вопроса. Формальное применение норм права может не отвечать современным потребностям общества, а также не согласовываться с целями принятия закона, т. е. противоречить самому духу закона.

В настоящее время складывается судебная практика взыскания в пользу цессионариев, не являющихся собственниками поврежденных ТС, доплаты страхового возмещения без учета износа, а также убытков, вызванных неорганизацией восстановительного ремонта ТС, что, по нашему мнению, во-первых, не соответствует целевой направленности Закона об ОСАГО, во-вторых, приводит к неосновательному обогащению цессионариев, в-третьих, создает необоснованную дополнительную организационную, финансовую и юридическую нагрузку на страховой рынок, в-четвертых, не отвечает современным потребностям общества.

Необходимо обратить внимание на обстоятельства, имеющие существенное значение для ответа на поставленный вопрос. Итак, по договору цессии цессионарию право собственности на поврежденное ТС не переходит, а потому можно утверждать, что гражданин В не имеет ни экономического, ни юридического интереса в ремонте поврежденного ТС. Более того, цессионарий не имеет юридических правомочий на предоставление ТС на ремонт по Закону об ОСАГО, так как не является собственником поврежденного ТС и не оказывает услуги представительства по отношению к гражданину Б. Фактически цессионарий имеет *jus nudum*, т. е. право без возможности его реализации в полном объеме.

Придавая комплексное толкование рассматриваемым нормам материального права, можно также сделать вывод, что без перехода права

¹ В том числе юридическое лицо или индивидуальный предприниматель.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2022 г. № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2023. – № 1 (январь).

собственности на поврежденное ТС цессионарию последний теряет возможность на приоритетную форму страхового возмещения, так как реализовать права, перешедшие по договору цессии, не имея необходимого элемента в виде права собственности на поврежденное ТС, не представляется возможным. Данная концепция согласуется с целевой направленностью Закона об ОСАГО, а также начинает находить свое подтверждение в судебной практике.

Например, суд кассационной инстанции пришел к выводу, что цессионарий, не являясь владельцем и собственником ТС, не имеет интереса в ремонте ТС, а потому должен доказать возникновение убытков в результате неорганизации восстановительного ремонта ТС¹.

Следует отметить, что суд первой инстанции², в отличие от суда апелляционной инстанции³, придавал не только буквальное толкование применяемым нормам, но и телеологическое (целевое), что позволило нивелировать формальное применение норм, регулирующих приоритетную форму страхового возмещения.

Немаловажен социально-экономический аспект рассматриваемого вопроса. Лица, заключающие договоры цессии в сфере ОСАГО, а именно цессионарии, в большинстве своем являются предпринимателями, т. е. их деятельность направлена на извлечение прибыли посредством взыскания со страховщиков, помимо самого страхового возмещения, штрафных санкций, выражающихся в убытках, неустойки и т. п. Подтверждение сказанному можно обнаружить на сайтах судов, введя идентификаторы цессионария по соответствующей категории спора и посмотрев на количество споров с участием одного и того же лица.

Указанные лица не преследуют целей восстановления имущественного положения в том смысле и понимании, по которым и принимался Закон об ОСАГО. Более того, от таких действий негативные последствия возникают как на стороне страховщика, который вынужден затрачивать дополнительные ресурсы на урегулирова-

ние таких категорий споров, так и на стороне первоначальных потерпевших, которые в силу незнания своих прав заключают договоры цессии, получая взамен какой-то имущественный эквивалент, несоразмерный тому, который они могли получить от страховщика, обратившись с заявлением самостоятельно. По отдельным данным, потерпевшие при заключении договора цессии могут терять до 30% от суммы, которая причиталась бы им при самостоятельном обращении к страховщику, а цессионарии, в отдельных случаях по решению суда получали сумму свыше двух миллионов рублей⁴.

В дополнение к вышеизложенному хотим обратить внимание на следующие аспекты, которые необходимо учитывать при разрешении рассматриваемого вопроса.

Во-первых, гарантия возмещения вреда, причиненного имуществу потерпевшего, рассмотренная через призму страхования риска гражданской ответственности, относится к имущественному страхованию. Лицо, чье ТС было повреждено в результате ДТП, среди прочего должно доказать, что у него имеется основанный на законе или договоре интерес в сохранении этого имущества (п. 1 ст. 930 ГК РФ). Так, потерпевший для получения страхового возмещения по Закону об ОСАГО должен предоставить документы, подтверждающие право собственности на поврежденное ТС (п. 9.2.1 Положения Банка России от 1 апреля 2024 г. № 837-П «О правилах обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств»⁵). В случае, если заявитель (потерпевший, цессионарий) предоставит документ, подтверждающий право собственности на поврежденное ТС, то будет действовать презумпция наличия имущественного интереса в сохранении (восстановлении) поврежденного ТС.

Договор цессии, по нашему мнению, нельзя рассматривать в качестве документа, подтвер-

¹ См. определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 30 июля 2024 г. по делу № 88-6611/2024.

² См. решение Фрунзенского районного суда города Владивостока Приморского края от 21 декабря 2023 г. по делу № 2-4456/2023.

³ См. апелляционное определение Приморского краевого суда от 3 апреля 2024 г. по делу № 33-3503/2024.

⁴ Вызывайте полис: в РФ распространилась схема обмана автоюристами на дорогах. Как не попасть на уловку и получить полагающуюся по ОСАГО выплату полностью. – URL: <https://iz.ru/1859231/mariia-frai/vyzyvaite-polis-rf-rasprostranila-s-skhemu-obmana-avtoiuristami-na-dorogakh> (дата обращения: 30.06.2025).

⁵ Положение Банка России от 1 апреля 2024 г. № 837-П (ред. от 01.04.2024) «О правилах обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (зарегистрировано в Минюсте России 16.08.2024 № 79178) // Вестник Банка России. – 04.09.2024. – № 32.

ждающего имущественный интерес цессионария. В рассматриваемом договоре *de jure* происходит замена кредитора по отношению к страховщику, однако *de facto* личность кредитора заменяется в усеченном порядке, так как право собственности на поврежденное ТС к новому кредитору не переходит, что не позволяет говорить о переходе прав от одного лица к другому в полном объеме.

Во-вторых, отдельного внимания заслуживает вопрос, связанный с возможностью перехода права на приоритетную форму страхового возмещения от cedenta к цессионарию по договору цессии. Приоритетная форма для граждан была введена Федеральным законом от 28 марта 2017 г. № 49-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств”»¹ (далее – Закон № 49-ФЗ). Согласно пояснительной записке к проекту Закона № 49-ФЗ, основанием установления приоритетной формы страхового возмещения в виде организации восстановительного ремонта поврежденных ТС для граждан стала высокая активность посредников, действующих на основании доверенности или договора цессии и обращающихся за выплатой страхового возмещения в органы судебной власти, минуя страховые организации.

Вышеприведенные положения не позволяют сделать вывод о том, что право на приоритетную форму страхового возмещения является неразрывно связанным с личностью потерпевшего (гражданина). Вместе с тем нельзя не учитывать тот факт, что реализовать право на приоритетную форму страхового возмещения можно, имея поврежденное ТС в собственности (имущественный интерес).

В итоге мы сталкиваемся с ситуацией, когда по договору цессии от cedenta к цессионарию переходит право на получение страхового возмещения, однако не переходит право собственности на поврежденное ТС.

Внимания также заслуживает Информационное письмо Банка России от 8 сентября 2021 г. № ИН-06-59/71 «О порядке осуществления страхового возмещения цессионариям в рамках обязательного страхования гражданской ответствен-

ности владельцев транспортных средств»², основные доводы которого следующие:

- приоритетная форма страхового возмещения не поставлена в зависимость от заключения договора цессии (абз. 11);
- отсутствие у цессионария возможности предоставить ТС на ремонт не является основанием для выплаты страхового возмещения в денежной форме (абз. 13);
- осуществление восстановительного ремонта неразрывно связано с правом собственности на имущество, в связи с чем передача требования на страховое возмещение в натуральной форме от cedenta к цессионарию возможна только при одновременном решении между ними вопроса о правообладании поврежденным ТС (абз. 14);
- в случае, если присутствуют основания для выплаты страхового возмещения в денежной форме, страховщик обязан произвести цессионарию страховую выплату либо направить цессионарию мотивированный отказ в страховом возмещении (абз. 15).

После вышесказанного Банком России была сделана ссылка на ст. 383 ГК РФ в усеченном содержании о невозможности передачи по договору цессии требований о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, что может свидетельствовать о непризнании Банком России права на приоритетную форму страхового возмещения как неразрывно связанного с личностью cedenta (потерпевшего, в собственности которого находится поврежденное ТС). Вместе с тем Банком России было указано, что право на ремонт непосредственно связано с правом собственности на поврежденное ТС, а потому при неразрешении вопроса о правообладании поврежденным ТС между cedentом и цессионарием страховщик должен направить мотивированный отказ в выплате (абз. 14 и 15).

Вышеприведенные положения не свидетельствуют о квазиправах, неразрывно связанных с личностью. Наоборот, данный порядок урегулирования подтверждает выдвинутый ранее нами тезис о необходимости подтверждения имущественного интереса на поврежденное ТС.

¹ Федеральный закон от 28 марта 2017 г. № 49-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств”» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.04.2017. – № 14. – Ст. 2008.

² Информационное письмо Банка России от 8 сентября 2021 г. № ИН-06-59/71 «О порядке осуществления страхового возмещения цессионариям в рамках обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Вестник Банка России. – 15.09.2021. – № 64.

Можно ли говорить, что в данном случае мы имеем дело с переходом прав кредитора в неполном объеме, так как цессионарию не переходит право собственности на поврежденное ТС? В контексте рассматриваемого вопроса можно дать на него утвердительный ответ.

Вместе с тем мы не отрицаем и не умаляем возможность применения цессии к правоотношениям в области ОСАГО. На наш взгляд, такое применение должно соответствовать природе и целям принятия самого Закона об ОСАГО, не нанося вред потерпевшим, которые под влиянием заблуждения или обмана заключили договор цессии, и не принося выгоды цессионариям, которые заключают подобные договоры с целью извлечения прибыли, а не восстановления нарушенных прав.

В связи с вышесказанным предлагается дополнить пункт 16.1 статьи 12 Закона об ОСАГО

подпунктом «з» следующего содержания: «наличия уступки требования кредитора (цедентом) другому лицу (цессионарию), не являющемуся собственником поврежденного транспортного средства».

Указанное предложение не исключает применение цессии к правоотношениям в сфере ОСАГО, однако принесет единообразие в части урегулирования данной категории споров, а также закрепит норму о том, что у цессионария, не являющегося собственником поврежденного ТС, не могут возникать убытки вследствие неорганизации восстановительного ремонта, а потому выплата должна быть произведена в денежной форме с учетом износа комплектующих изделий. Указанное предложение также позволит восстановить баланс между интересами страховщиков и цессионариев, которые *de facto* занимаются предпринимательской деятельностью.

Список литературы

1. Дуванов Н. Ю., Пенс Э. А. Правовая природа возмещения ущерба по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств // Экономика. Право. Общество. – 2024. – Т. 9. – № 4 (40). – С. 100–107.
2. Каримуллина А. Э. Злоупотребление правом в автотранспортном страховании // Транспортное право. – 2024. – № 1. – С. 24–26.
3. Климов Р. Н., Чуб А. В. К вопросу формирования судебной практики взыскания судами со страховых организаций убытков согласно общим положениям Гражданского кодекса РФ сверх страховой суммы по ФЗ-40 в связи с неисполнением страховщиком обязанности по организации и оплате ремонта транспортных средств по договору ОСАГО // Страховое право. – 2024. – № 3 (104). – С. 35–42.
4. Кострюков А. Ю. Договоры и их основания при оспаривании цессии по обязательствам из договора ОСАГО // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. – 2016. – № 6. – С. 144–146.
5. Таранова О. Н. Судебная практика по договорам обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств // Экономика и право. Современное состояние и перспективы развития : сборник статей XI Международной научно-практической конференции. – Петрозаводск, 2024. – С. 179–181.
6. Тиковенко Д. В., Костюк Н. Н. Возмещение ущерба причинителем вреда при наличии договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО) // Вестник науки. – 2022. – Т. 2. – № 11 (56). – С. 167–172.

Анализ некоторых последних изменений, внесенных в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 №127-ФЗ

О. Д. Пронькина

ассистент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: pronkina.od@rea.ru

Analysis of Some Recent Amendments to the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)» dated 26.10.2002 No. 127-FZ

O. D. Pronkina

Assistant of the Department
of Civil Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: pronkina.od@rea.ru

Поступила 25.02.2025 Принята к печати 10.04.2025

Аннотация

Настоящая статья представляет собой обобщение основных изменений законодательства о банкротстве, вступивших в силу 29 мая 2024 г. и внесенных Федеральным законом от 29 мая 2024 г. №107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. №127-ФЗ. Целью исследования автор видит проведение анализа изменений, внесенных в процедуры банкротства. На основе сравнительного анализа действующей и предыдущей редакций делаются выводы о том, каким образом внесенные изменения отразились на отдельных этапах рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве). Проанализирована действующая судебная практика, статистические данные, имеющиеся в доступе на текущий момент. Предметом данного исследования выступило российское законодательство, регламентирующее проведение процедур банкротства, статус лиц, участвующих в деле о банкротстве. При написании статьи использовались общенаучные и специальные методы познания. В результате проведенного исследования автор полагает необходимым отметить, что внесенные законодателем изменения в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. №127-ФЗ прежде всего продиктованы изменениями, произошедшими в экономике, судебной практике при рассмотрении отдельных споров в рамках процедур банкротства юридических лиц. Автор полагает, что в результате применения нововведений снизится нагрузка на суды, а также будут обеспечены права лиц, участвующих в деле о банкротстве.

Ключевые слова: закон о банкротстве; изменение законодательства; совершенствование проведения процедур банкротства; повышение минимальной суммы требований; юридическое лицо; упрощение процедур банкротства; срок обжалования; апелляция; вознаграждение арбитражного управляющего; электронная форма подачи документов в суд; требования кредиторов; реестр требований кредиторов; Единый федеральный реестр сведений о банкротстве; Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности.

Abstract

This article is a summary of the main changes in the bankruptcy legislation that entered into force on May 29, 2024, introduced by the Federal Law of May 29, 2024 No. 107-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)", to the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" dated October 26, 2002 No. 127-FZ. The author sees the purpose of the study in analyzing the changes made to bankruptcy procedures. Based on a comparative analysis of the current and previous versions, conclusions are made on how the changes made affected individual stages of insolvency (bankruptcy) cases. The author analyzed the current

judicial practice, statistical data available at the moment. The subject of this study is Russian legislation regulating bankruptcy procedures, the status of persons participating in a bankruptcy case. When writing the article, general scientific and special methods of cognition were used. As a result of the conducted research, the author believes it is necessary to note that the changes introduced by the legislator to the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" dated 26.10.2002 No. 127-FZ, first of all, are dictated by the changes that have occurred in the economy, judicial practice in the consideration of individual disputes within the framework of bankruptcy procedures of legal entities. The author believes that as a result of the application of innovations, the burden on the courts will be reduced, and the rights of persons participating in the bankruptcy case will be ensured.

Keywords: bankruptcy law; changes in legislation; improvement of bankruptcy procedures; increase in the minimum amount of claims; legal entity; simplification of bankruptcy procedures; appeal period; appeal; remuneration of the arbitration manager; electronic form of filing documents with the court; creditors' claims; register of creditors' claims; Unified Federal Register of Bankruptcy Information; Unified Federal Register of Legally Significant Information on the Facts of Activities of Legal Entities, Individual Entrepreneurs and Other Economic Entities.

Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. №127-ФЗ (далее – Закон о банкротстве)¹ [1] вступил в законную силу более двадцати двух лет назад. За время его действия законодателем постепенно вносились изменения ввиду того, что банкротство организаций было новой отраслью для нашей страны при принятии закона и развивалось в принципе совместно с экономикой. Отчасти нововведения в законодательстве были продиктованы именно судебной практикой, выработанной при рассмотрении процедур банкротства.

Верховный Суд Российской Федерации 20 декабря 2023 г. внес в Государственную Думу Законопроект № 516699-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (о совершенствовании процедуры рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве))»².

И уже 29 мая 2024 г. вступили в силу изменения, внесенные Федеральным законом от 29 мая 2024 г. №107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и ста-

тью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»³.

Учитывая, что с даты внесения изменений до подготовки настоящей статьи прошел длительный период времени (почти один год), полагаем, что в текущий момент можно уже рассмотреть итоги применения нововведений.

1. Одним из главных изменений является повышение суммы требований для возбуждения дел о банкротстве организаций.

В частности, новыми положениями установлен более высокий порог требований к должнику – юридическому лицу для возбуждения производства по делу о банкротстве (статья 6 Закона о банкротстве). Теперь требования должны составлять не менее 2 млн рублей вместо 300 тыс. рублей, как было ранее, в то время как требования для возбуждения процедур банкротства граждан остались на прежнем уровне – не менее 500 тыс. рублей (статья 33 Закона о банкротстве).

Вероятно, изменение обусловлено общей экономической ситуацией в стране, увеличением масштабов деятельности экономических субъектов и вместе с тем направлено на снижение нагрузки на судебную систему для сосредоточения усилий на наиболее значимых случаях.

Также для порога в размере 3 млн рублей установлены минимальные суммы требований:

– в пункте 5 статьи 177 Закона о банкротстве к сельскохозяйственной организации (ранее – 500 тыс. рублей);

¹ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. №127-ФЗ (ред. от 29.05.2024, с изм. от 04.06.2024) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

² Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»). – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/516699-8#bh_note (дата обращения: 25.06.2025).

³ Федеральный закон от 29 мая 2024 г. № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 23 (часть I). – Ст. 3045.

– в пункте 4 статьи 190 Закона о банкротстве к стратегическому предприятию или организации (ранее – 1 млн рублей);

– в пункте 3 статьи 197 Закона о банкротстве к субъекту естественной монополии (ранее – 1 млн рублей).

Полагаем, что увеличение минимальных сумм требований к должникам – юридическим лицам также обусловлено стремлением уменьшить число мелких банкротств, которые могут быть не только затратными по времени, но и нерентабельными для кредиторов. Данное изменение также оказывает влияние на должников, стимулируя их к более ответственному исполнению своих обязательств и уменьшению случаев злоупотребления процедурой банкротства.

Следует отметить, что одним из положительных последствий данного нововведения, возможно, станет увеличение количества мировых соглашений, заключенных между должниками и кредиторами и направленных на реструктуризацию задолженности.

Относительно негативных рисков полагаем, что возможно недобросовестное поведение со стороны должников – юридических лиц, направленное на затягивание сроков погашения задолженности, если ее размер составляет менее порогового значения для возбуждения дела о банкротстве.

Однозначна важность отслеживания эффективности новой практики и ее влияния на финансовые отношения в стране. Следует заметить, что итоги внесенных законодателем изменений можно увидеть, если обратиться к статистическим данным.

Согласно информации, размещенной в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве (ЕФРСБ), в первом квартале 2025 г. число новых процедур банкротства, введенных в отношении компаний, достигло предельно низких значений; это же следует из статданных Федресурса (fedresurs.ru), собранных на основе сообщений арбитражных управляющих. Число наблюдений составило 1184 – это абсолютный минимум, если пересматривать первые кварталы всего периода сбора информации с апреля 2011 г., и при этом на 31,6% меньше, чем в январе – марте 2024 г. Количество новых ликвидационных процедур – открытых конкурсных производств – снизилось на 22,1% (до 1629), а намерений кредиторов обратиться в суд с заявлениями о банкротстве компаний упало на 39,1% (до 4205) в те же периоды.

В начале года вдвое выросла доля должников, инициирующих собственное банкротство, в общем числе заявителей, а именно с 7,1% до 14,8% в первых кварталах 2024 и 2025 гг. На этом фоне вклад Федеральной налоговой службы в качестве заявителя снизился с 26,0% до 18,1%. Тем не менее основную часть процедур по-прежнему начинают конкурсные кредиторы – 66,6% и 66,9% в те же периоды. Доля работников минимальна, соответственно, 0,2% и 0,3%. Судебные реабилитационные процедуры – внешнее управление и финансовое оздоровление – непопулярны. В январе – марте 2025 г. их оказалось всего 12, а было 14 за тот же период 2024 г., при этом доля таких процедур составила 0,7% в оба периода¹.

Итак, рассматриваемые изменения, внесенные в Закон о банкротстве, повлекли за собой снижение числа банкротств по заявлениям кредиторов, но в то же время нельзя не отметить тот факт, что выросло количество самостоятельных банкротств должников по собственному заявлению.

Резюмируя сказанное, отметим, что повышение минимального порогового значения долга для возбуждения дел о банкротстве юридических лиц на данный момент действительно значительно сократило количество возбужденных процедур банкротств, однако какое влияние данное обстоятельство окажет на экономику страны, покажет только время.

2. Еще одним изменением является упрощение порядка рассмотрения ряда обособленных споров в делах о банкротстве, которые теперь «рассматриваются судьей единолично без проведения судебного заседания и вызова лиц, участвующих в деле о банкротстве» (пункт 2 статьи 60 Закона о банкротстве). В таком же порядке рассматриваются требования кредиторов, за исключением случаев с поступившими возражениями (пункт 2 статьи 71 Закона о банкротстве).

Теперь судья может самостоятельно рассмотреть ряд вопросов в рамках дела о банкротстве, что упрощает процесс рассмотрения дела и позволяет ускорить принятие решения по отдельным вопросам.

¹ Банкротства в России: 1 кв. 2025 года. Статистический релиз Федресурса // Единый федеральный реестр сведений о банкротстве. – URL: <https://fedresurs.ru/news?limit=15&offset=0&newsSelectedType=bankrupt> (дата обращения: 25.06.2025).

Заседание с вызовом участников может быть назначено только по мотивированному ходатайству или по инициативе суда.

В частности, изменения затронули порядок рассмотрения требований кредиторов, упростив процедуру рассмотрения требований.

Данное нововведение действительно сокращает нагрузку на аппарат суда при ведении дела о банкротстве, так как исключает проведение самих судебных заседаний. Учитывая, что некоторые требования подтверждены судебными актами, вступившими в законную силу, проведение судебного заседания уже при включении требования в реестр требований кредиторов действительно не нужно.

Но следует обратить внимание, что требования кредиторов не всегда подтверждены судебными актами, соответственно, рассмотрение таких требований к должнику будет сложным и длительным процессом, который пройдет в рамках нескольких судебных заседаний.

Еще одним нововведением стало то, что судом выносятся только резолютивная часть определения. Мотивированное определение выносится при обжаловании, не позднее чем через 5 (пять) рабочих дней или по заявлению в тот же срок. Такой подход позволяет сохранить время суда и ускорить процесс вынесения судебных решений. В данном случае очевидно, что в ряде обособленных споров в делах о банкротстве не требуется вынесение судебного акта в полном объеме и достаточно лишь резолютивной части, например индексации присужденных сумм, продление срока инвентаризации, включение в реестр требований кредиторов требований, основанных на судебных актах о взыскании задолженности. Данное обстоятельство объясняется процедурным характером обособленного спора и отсутствием необходимости апелляционного обжалования.

Такое новшество не только положительно влияет на работу аппарата суда, но и сокращает сроки ведения процедур банкротства. Однако следует отметить, что необходимость соблюдения принципов арбитражного процесса в таких случаях поставит новые задачи перед судами и участниками процесса.

3. Уточнены условия и порядок подачи возражений относительно требований кредиторов.

Возражения могут быть заявлены лицами, участвующими в деле о банкротстве и в арбитражном процессе по делу о банкротстве должни-

ка, включая кредиторов, предъявивших требования к должнику. Кроме того, возражения относительно требований кредиторов также могут быть заявлены лицом, не имеющим объективной возможности предъявить требования к должнику (в том числе в силу процессуальных или процедурных особенностей возникновения (подтверждения) требований), но обосновавшим вероятность их предъявления в будущем (пункт 10 статьи 16 Закона о банкротстве).

В соответствии с пунктом 26 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 г. № 40 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года №107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»¹ [5] такими кредиторами являются: уполномоченный орган, инициировавший налоговую или иную проверку должника; кредитор, чье требование к должнику до ликвидации процедуры банкротства должника параллельно рассматривается в порядке искового производства; кредитор, имеющий требование к должнику, поставленное под условие, в том числе кредитор по субсидиарному поручительству (статья 157 ГК РФ); кредитор, не подававший заявление о признании должника банкротом, при рассмотрении обоснованности заявления о признании должника банкротом (статья 48 Закона о банкротстве); находящееся в процедуре банкротства подконтрольное должнику юридическое лицо, арбитражный управляющий или кредиторы которого намерены предъявить требование о привлечении должника к субсидиарной ответственности.

Считаем, что такие новшества в процедурах банкротства позволят избежать проявления недобросовестного поведения со стороны должников, кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов, а также проведения контролируемых банкротств.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 г. №40 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года №107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 26.12.2024. – № 295.

И самое главное то, что данное нововведение положительно скажется на проведение процедур банкротства, так как будет исключено нарушение прав и интересов кредиторов должника.

4. Установлен единый месячный срок обжалования определений о результатах рассмотрения разногласий, заявлений, ходатайств и жалоб, а также об итогах иных обособленных споров (пункт 1 статьи 61 Закона о банкротстве). Прежде срок обжалования составлял 1 месяц, 10 или 14 дней для разных определений.

Прежде всего существование разных сроков в процедурах банкротства негативно сказывалось на правах лиц, участвующих в таких делах, так как иной раз вызывало своего рода неопределенность при подготовке апелляционных жалоб.

Например, ранее определения по итогам рассмотрения споров по оспариванию сделок должника могли быть обжалованы в апелляционном порядке в течение 10 дней со дня принятия, а определение об утверждении мирового соглашения – в течение 1 месяца.

Очевидно, что принятые изменения систематизируют процессуальные требования в делах о банкротстве. Кроме того, в банкротстве часто возникают сложные правовые ситуации, требующие дополнительного времени для изучения, анализа и сбора материала.

Увеличенный срок обжалования предоставляет сторонам возможность тщательно разрабатывать дальнейшую стратегию, подготавливать аргументы и документы для защиты своих интересов. Дополнительное время на обжалование минимизирует риски пропуска срока обжалования и необходимость его последующего восстановления, а также направления в суд участниками споров дополнительных пояснений к апелляционным жалобам, что, в свою очередь, разгружает судебную систему.

Данные положения распространяются на судебные акты, вынесенные после 29 мая 2024 г.

Вместе с тем в соответствии с действующим законодательством кредиторам и другим участникам дела теперь дается трехмесячный срок для того, чтобы подать заявление об исключении своих требований из реестра или об изменении их приоритета, если эти требования считаются необоснованными (пункт 8 статьи 71 Закона о банкротстве).

Считаем, что указанное нововведение защитит права и интересы независимых кредиторов и должника.

Данные положения распространяются на заявления, поданные после 29 мая 2024 г.

5. Изменены положения о вознаграждении арбитражного управляющего.

Определено, что сумма процентов до 100 тыс. рублей определяется арбитражным управляющим самостоятельно, от 100 тыс. рублей до 1 млн рублей рассматриваются судьей в единоличном порядке, свыше 1 млн рублей – в судебном заседании (пункт 9 статьи 20.6 Закона о банкротстве).

Такое изменение не только упростит процедуру получения вознаграждения арбитражными управляющими, но и сократит нагрузку суда на рассмотрение таких споров ввиду их бесспорности.

Новая редакция закона закрепила в пункте 18 статьи 20.6 Закона о банкротстве право суда на снижение суммы процентов в случае ее явной несоразмерности.

Отметим, что суд и ранее реализовал это полномочие. Например, определением Арбитражного суда Республики Адыгея от 20 декабря 2023 г. по делу №А01-2895/2018 был уменьшен размер вознаграждения финансового управляющего З. А. Шаова в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) Н. К. Кошко, учитывая относительно небольшой объем работы, выполненной непосредственно управляющим З. А. Шаовым в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) Н. А. Кошко, допущенное нарушение по преждевременной выплате процентов по вознаграждению, а также явную несоразмерность между размером удовлетворенных требований кредиторов (7 186 741,99 руб.) и стоимостью реализации имущества должника (11 000 000 руб.)¹.

При снижении суммы процентов суд исходит из баланса интересов управляющего и должника, а также объема фактически выполненных управляющим мероприятий в процедуре реализации имущества гражданина.

Считаем, что такое изменение в законе опять же направлено на защиту интересов кредиторов должника, их материальных прав и интересов.

6. Введена электронная форма предъявления требований кредиторов к должнику (пункт 1 статьи 71 Закона о банкротстве), в том числе при

¹ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда по делу от 2 мая 2024 г. по делу № А01-2895/2018. – URL: ras.arbitr.ru/Document/Pdf/6791569b-0cff-4670-8cc8-4ea8d3d7ccfb/70ad4bb8-a9f1-455e-a69b-3579b171401b (дата обращения: 25.06.2025).

внешнем управлении (пункт 1 статьи 100 Закона о банкротстве), что облегчает процесс подачи и обработки данных требований. Ранее подача требований в электронной форме не предусматривалась, в связи с чем такие заявления судом не принимались. Электронная форма предоставила участникам арбитражного процесса более гибкий и удобный способ взаимодействия в рамках процедуры банкротства.

Более того, подача требований кредиторов посредством электронной системы «Мой арбитр» упростила для других лиц, участвующих в деле о банкротстве, процедуры ознакомления с требованием кредитора и документами, представленными в обоснование предъявленного требования, и представления в суд возражений по существу заявленного требования на основании проведенного анализа.

В заключение можно согласиться с выводом С. А. Кочкалова: «Миссия законодателя по реформированию законодательства о несостоятельности (банкротстве) в целом носит целесообразный и понятный характер, продиктованный актуальным состоянием экономики и бизнеса России» [5. – С. 4–5].

Проведенный анализ подтверждает, что нововведения, вступившие в силу 29 мая 2024 г., направлены на обеспечение более эффективно-го регулирования отдельных процедур в делах о банкротстве, защиту интересов всех участников и предотвращение возможных злоупотреблений. Главные цели в виде снижения нагрузки на суды и обеспечения прав лиц, участвующих в деле о банкротстве, могут быть достигнуты посредством внесенных изменений.

Список литературы

1. *Анисимов Г. А.* Конкурсное производство в реалиях современной России // Образование и право. – 2025. – № 2. – С. 180–184.
2. *Ерошкина С. А.* Анализ законопроекта «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)”» // Правовой альманах. – 2023. – № 5 (27). – С. 20–22.
3. *Карагулян Д. Ю.* Изменения в законе о банкротстве с точки зрения несостоятельности физических лиц – участников общей собственности // Вопросы российского и международного права. – 2024. – Т. 14. – № 11-1. – С. 377–383.
4. *Кириллова М. В.* Оспаривание сделок в трансграничном банкротстве: зарубежный опыт и его использование в российском праве // Закон. – 2025. – № 3. – С. 193–194.
5. *Кочкалов С. А., Бабанская Е. Г.* Институт банкротства в России: настоящее и будущее. Формирование новых подходов // Либерально-демократические ценности. – 2023. – Т. 7. – № 3. – С. 6–11.

Об актуальности цифровизации нотариальной деятельности в современный период

Н. В. Федоренко

доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой процессуального права

Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

Адрес: ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет»,
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69.

E-mail: gr_process38@mail.ru

М. Д. Хаутиев

магистрант кафедры процессуального права

Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

Адрес: ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет»,
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69.

E-mail: khautievmagomedamin176@gmail.com

On the Relevance of Digitalization of Notary Activity in the Modern Period

N. V. Fedorenko

Doctor of Sociology, PhD in Law, Associate Professor,

Head of the Department of Procedural Law

of Rostov State University of Economics.

Address: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Rostov State University of Economics»,

69 B. Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation.

E-mail: gr_process38@mail.ru

M. D. Khautiev

Master's Student of the Department of Procedural Law

of Rostov State University of Economics.

Address: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Rostov State University of Economics»,

69 B. Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation.

E-mail: khautievmagomedamin176@gmail.com

Поступила 01.04.2025 Принята к печати 10.05.2025

Аннотация

В настоящее время в России активно проводится цифровизация в области предоставления государственных услуг, в том числе это касается нотариальной деятельности. Предметом данной статьи является процесс цифровизации нотариальной деятельности. Автор рассматривает понятие «электронный нотариат» и основные направления его развития, в том числе возможности совершения ряда нотариальных действий в дистанционном формате, а также проблемы и риски цифровизации в нотариальной деятельности и дальнейшие перспективы применения цифровых технологий в сфере нотариата. Кроме того, авторы анализируют действующую нотариальную деятельность в России, а также применяемые методы и способы оказания услуг нотариусами в электронном формате. В данной статье рассматриваются ключевые аспекты внедрения новых технологий, таких как электронная подпись, онлайн-нотариат, автоматизированные системы, посредством которых повышается доступность и скорость оказания государственных услуг гражданам и происходит сокращение времени оформления документов по различным юридическим вопросам и

ситуациям. По результатам исследования делается вывод, что современные цифровые технологии в современный период являются значимым инструментом оптимизации нотариальной деятельности.

Ключевые слова: нотариат, цифровизация, ЕИС, электронный нотариат, реестры, электронная подпись, электронный документооборот, государство, нотариус, цифровые технологии, государственные услуги, нотариальные документы, электронная подпись, нотариальная деятельность, государственные органы.

Abstract

Currently, digitalization is being actively implemented in Russia in the field of public services, including notary activities. The subject of this article is the process of digitalization of notary activity. The author examines the concept of "electronic notary" and the main directions of its development, including the possibility of performing a number of notarial actions in a remote format, and also identifies the problems and risks of digitalization in notarial activities and further prospects for the use of digital technologies in the field of notarization. In addition, the author analyses the current notarial activity in Russia and the methods used by notaries to provide services in electronic format. This article discusses key aspects of introducing new technologies, such as electronic signatures and online notaries, which increase the availability and speed of public services for citizens and reduce the time needed to process documents on various legal issues. According to the results of the study, it is concluded that modern digital technologies in the modern period are an important tool for optimizing notary activities.

Keywords: notary, digitalization, EIS, electronic notary, registers, electronic signature, electronic document management, government, notary, digital technologies, public services, notarial documents, electronic signature, notary activities, government agencies.

Цифровизация как комплексный процесс трансформирует практически все сферы жизнедеятельности общества, государства, бизнеса и граждан, создавая новые возможности для роста и развития. Более 90% государственных услуг в нашей стране доступны в электронном формате через портал «Госуслуги», что существенно ускоряет и упрощает процесс получения документов и разрешений. По данным, озвученным Д. Н. Чернышенко, заместителем Председателя Правительства Российской Федерации по вопросам цифровой экономики и инновациям, в 2024 г. количество воспользовавшихся услугами справочно-информационного интернет-портала Федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» – «Госуслуги» превысило 112 млн человек¹.

Иными словами, процесс цифровизации – это устоявшаяся реальность. Такая ситуация в полной мере затрагивает и институт российского нотариата, и его правовую регламентацию на предмет внедрения цифровых технологий в процесс нотариальной деятельности. Актуализирует тему и то, что в последние годы в рассматриваемый институт законодатель внес ряд существен-

ных новелл. К числу наиболее дискутируемых вопросов среди представителей научной общности и практических работников нотариата относятся юридические новеллы, внесенные в законодательство о нотариате в рамках реализации национальной программы «Цифровая экономика». Это подтверждается тематикой научных публикаций: «Цифровизация нотариата: за и против», «Интеграция цифровых технологий в нотариальную деятельность: приглашение к дискуссии», «О рисках осуществления нотариальной деятельности в условиях цифровизации» и др. Эти и другие проблемы процесса цифровизации нотариальной деятельности активно обсуждаются на страницах журналов.

Действительно, цифровизация нотариальной деятельности – это закономерный процесс. При этом в отдельных источниках авторы используют в качестве тождественных такие лексико-юридические конструкции, как «цифровая деятельность нотариата», и предлагают следующую формулировку определения этого понятия: «юридическая частноправовая деятельность, основанная на цифровых технологиях и нормах, регулирующих нотариальную деятельность, обеспечивающая безошибочность и качество выполнения нотариальных функций за счет базовых алгоритмов, скорости обработки информации и возможности оперативно найти нужную информацию, не прибегая к помощи делопроизводителей и архивариусов» [5. – С. 518].

¹ Порталом «Госуслуги» воспользовались более 112 миллионов человек к концу 2024 года // <https://ria.ru/20241215/gosuslugi-1989291294> (дата обращения: 01.07.2025).

В других источниках цифровизацию нотариальной деятельности сопрягают с лексической конструкцией «электронный нотариат», которая стала активно использоваться после законодательных корректировок 2013 г., результатом которых стала новая глава VII.1. «Единая информационная система нотариата», внесенная Федеральным законом № 379 от 21 декабря 2013 г. в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (далее – Основы). В статье 34.1 установлено, что единая информационная система нотариата (далее – ЕИС) – это «автоматизированная информационная система, принадлежащая на праве собственности Федеральной нотариальной палате и предназначенная для комплексной автоматизации процессов сбора, обработки сведений о нотариальной деятельности и обеспечения всех видов информационного взаимодействия (обмена)»¹.

Назначение и суть основного функционала ЕИС – предоставить представителям нотариата возможность оперативного доступа к юридически значимой информации, которая необходима для производства нотариальных действий.

Согласимся с мнением о том, что «нотариат в электронной форме – это совокупность действий по сбору, передаче и хранению юридически значимой информации, а также совершение нотариальных действий и взаимодействие с органами государственной власти с использованием информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования и электронно-цифровой подписи нотариуса»². Это определение, предложенное профессором В. В. Ярковым, практически дословно воспроизводится во всех современных учебных пособиях по нотариату и нотариальной деятельности, а также в изданиях по нотариальному праву.

Начиная с 2018 г. можно говорить об окончательном переходе к электронному документообороту в сфере нотариата.

В современный период, российские нотариусы активно используют цифровые технологии в своей деятельности. При этом большинство таких действий урегулировано законодательно.

Так, согласно статье 44.3 Основ, ряд нотариальных действий дозволено осуществлять удаленно, т. е. дистанционно. Их перечень достаточно обширен, и это говорит о том, что процесс цифровизации нотариальной деятельности продолжается, а возможности цифрового нотариата расширяются, облегчая гражданам доступ к нотариальным услугам и повышая эффективность нотариальной деятельности³. В том числе отметим и возможность круглосуточно предоставлять сведения об открытии наследственного дела посредством сети Интернет, что в последнее время весьма актуально, так как таким образом предоставляется возможность лицам, претендующим на наследство, и заинтересованным сторонам дистанционно получить информацию и сведения, размещенные в публичном реестре, что позволяет существенно ускорить и упростить процесс разрешения и урегулирования вопросов наследства.

Для минимизации злоупотреблений и обеспечения дополнительной защиты нотариальных документов в 2020 г. вводится уникальная маркировка в виде QR-кода. Код содержит необходимые реквизиты нотариального документа, который хранится в электронной нотариальной базе данных и не доступен для копирования и переноса на другой документ без соответствующего доступа. Эта маркировка уникальна и содержит основные обязательные реквизиты нотариального документа, который находится в нотариальной базе данных в электронном формате. Его невозможно продублировать или перенести на другой документ.

Эксперты отмечают, что согласно требованиям законодательства, сегодня в электронной форме в системе ЕИС регистрируется 100% нотариальных действий [6. – С. 36]. При этом среди всех сервисов система проверки кодов (<https://notariat.ru/ru-ru/help>) отличается особой надежностью. Эксперты отмечают, что с начала запуска системы до настоящего момента не было зарегистрировано ни единого факта утечки информации и персональных данных из электронной инфраструктуры нотариата Российской Федерации.

¹ Федеральный закон от 7 октября 2022 г. № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 4. – Ст. 6941.

² Нотариальное право / под ред. В. В. Яркова. – М.: Статут, 2017. – С. 97.

³ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. Верховным Советом Российской Федерации 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 08.08.2024) // Ведомости съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 10. – Ст. 357.

На пресс-конференции в апреле 2024 г. председатель Федеральной нотариальной палаты (далее – ФНП) России К. А. Корсик отметил, что «количество нотариальных действий в онлайн-формате в 2023 г. выросло в 5,5 раз по сравнению с предыдущим годом и превысило 859 тыс. В первом квартале 2024 г. рост продолжается – совершено уже свыше 250 тыс. удаленных нотариальных действий, что в 1,7 раз больше, чем за аналогичный период прошлого года»¹.

ЕИС в современном формате – это уникальная платформа ресурсов и сервисов, которая предоставляет возможность получения юридически значимой информации, необходимой и гражданам, и бизнесу. К числу наиболее востребованных реестров относятся:

- сервис проверки доверенностей (www.reestr-dover.ru) – оператор ФНП России;
- проверка подлинности QR-кода на нотариальном документе (<https://notariat.ru/ru-ru/qqr>);
- реестр наследственных дел, позволяющий в автоматическом режиме осуществлять поиск наследников (<https://notariat.ru/ru-ru/help/probate-cases>);
- реестр уведомлений о залоге/залогах движимого имущества (www.reestr-zalogov.ru).

Данные сервисы разработаны и поддерживаются Фондом «Центр инноваций и информационных технологий» (www.fcit.ru).

Дополним эту информацию данными, представленными ФНП России по итогам 2023 г., показавшим, что в 2,2 раза увеличилось количество нотариальных действий, которые совершались дистанционно. Такая же динамика прослеживается и по итогам девяти месяцев 2024 г., число дистанционных действий в сфере нотариата увеличилось в 1,8 раз по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. При этом вся информация, размещаемая в указанных реестрах, актуальна, гарантированно достоверна и имеет юридическую силу.

Сегодня имеется возможность совершения 13 нотариальных действий онлайн. Для этого необходимо пройти авторизацию в Личном кабинете портала ФНП России посредством регистрации на портале «Госуслуги» или самостоятельно подключиться к веб-сервису ЕИС нотариата Рос-

сийской Федерации (<https://1c-etp.ru/electronic-signature>). Однако следует иметь в виду, что не допускается удаленное совершение нотариальных действий, при которых нотариус проводит проверку воли лица, обратившегося к нотариусу.

Все иные сделки и соглашения, для которых требуется нотариальное удостоверение, могут осуществляться удаленно. Это в условиях стремительного ускорения темпов жизни является удобным и практичным форматом взаимодействия с нотариусом, поскольку отпадает необходимость личной встречи и появляется возможность выбора подходящего нотариуса. Все этапы проверки сохраняются, как и гарантии безопасности сделки.

Отметим и недавно появившуюся возможность биометрической идентификации заявителя, которая может быть проведена в целях установления личности заявителя, если отсутствует документ, удостоверяющий личность или возникли сомнения на предмет его достоверности.

Цифровизация нотариальной деятельности позволила существенно повысить эффективность системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), которой активно пользуются нотариусы для получения необходимой информации у таких государственных структур, как МВД России, Росреестр, ФНС России, Центральный банк России, органы ЗАГС, Федеральная служба судебных приставов, Фонд пенсионного и социального страхования России и другие ведомства. Такое сотрудничество позволяет более оперативно проводить проверку юридически значимых сведений, предотвращать возможности мошеннических действий с нотариальными документами и тем самым оптимизировать защиту прав и интересов субъектов гражданского оборота.

Несмотря на указанные достоинства электронного нотариата, на страницах научных изданий высказываются и определенные опасения относительно процесса цифровизации нотариальных действий. Ряд специалистов указывает на наличие рисков, которые имеют место в этом процессе [2. – С. 36]. Представим некоторые из них.

Прежде всего к числу проблем относят вопрос обеспечения безопасности персональных данных лиц, которые обращаются за совершением нотариальных действий посредством ресурсов сети Интернет, поскольку проверить добровольность использования электронной подписи обратившимся лицом практически невозможно, так как

¹ Число нотариальных действий онлайн в 2023 году выросло в 5,5 раз. – URL: https://www.cnews.ru/news/line/2024-04-25_chislo_notarialnyh_dejstvij (дата обращения: 01.07.2025).

нельзя исключить, что такое обращение было сделано под давлением, что впоследствии может привести к нарушению прав граждан, а также не исключает возможность утраты имущества и денежных средств. Нельзя исключить и возможность утечки конфиденциальных данных о нотариальных действиях, которые оцифрованы и хранятся в архивах ЕИС. В связи с этим критически важным становится вопрос о сохранении нотариальной тайны и должном обеспечении безопасности баз данных.

В изученных нами публикациях, многие авторы говорят и о таком недостатке электронного нотариата, как цифровая дискриминация [3. – С. 82]. Согласимся с тем, что такое явление существует, поскольку не все граждане, особенно проживающие в отдаленных регионах, могут воспользоваться услугами нотариуса дистанционно в силу ряда объективных и субъективных причин. Одна из них – отсутствие технических возможностей, поскольку до настоящего момента покрытие сети Интернет нестабильно, качество предоставляемой связи недостаточно для того, чтобы подключиться к portalу «Госуслуги», а стоимость интернет-услуг чрезмерно высока для пенсионеров. Не у всех имеются необходимые устройства (смартфоны и др.). Также следует отметить, что в силу возрастных особенностей у лиц пожилого возраста недостаточно знаний и умений для того, чтобы воспользоваться услугами электронного нотариата, поскольку они не знакомы и не понимают механизм использования электронной подписи. При этом количество лиц пожилого возраста, которым могут потребоваться услуги нотариуса в нашей стране, достаточно велико.

Некоторые авторы отмечают и такую негативную тенденцию, как «цифровой нигилизм», который свойственен обычным, а не продвинутым пользователям и выражается в привычке автоматически соглашаться с системой, нажимая на иконки «согласен», «ОК», «да» [4. – С. 134]. Такая ситуация может быть использована криминальными элементами, которые специализируются в сфере социальной инженерии и используют доверие граждан в корыстных целях в сфере совершения нотариальных действий.

Материалы статистики и практики правоприменения демонстрируют, что программное обеспечение органов государственной власти, в том числе «Госуслуги» и ЕИС, не застрахованы от незаконных манипуляций со стороны криминалитета. Злоумышленники создают фишинговые

сайты-клоны, используют различные мошеннические схемы посредством цифровых технологий. Это актуализирует необходимость качественной системы защиты цифрового нотариата.

Отметим и объективные возможности сбоя информационных систем, и их технические недостатки, что также делает электронный нотариат уязвимым. Однако понятно, что IT-технологии продолжают активно развиваться, и большинство проблем технического характера в сфере электронного нотариата могут быть благополучно разрешены. Что касается проблем субъективного порядка, порой весьма оптимистично оцениваются возможности их решения прежде всего в части опасений о недоступности цифровой среды для значительной категории пожилых граждан.

Считаем, что нотариат способен нивелировать часть рисков, так как приобретение личного ключа электронной подписи для выполнения одноразовой сделки является нецелесообразным. Вместо этого нотариус может подтвердить нужный юридический документ своей усиленной квалифицированной электронной подписью (УКЭП), обеспечив при этом все имущественные гарантии, связанные с удостоверением сделки.

Что касается перспектив электронного нотариата, то, безусловно, они многоаспектные и многообещающие. В обобщенном виде их можно представить так:

- увеличение доступности нотариальных услуг в электронном формате;
- внедрение новых IT-технологий, платформ, электронных сервисов и площадок, в том числе технологий искусственного интеллекта (ИИ) и блокчейн в нотариальную деятельность; разработка новых АИС под эгидой общего ресурса «Нотариат.РФ» по аналогии с ГАС «Правосудие», а также приложения «Мобильный нотариат»;
- усовершенствование электронного документооборота;
- повышение информационной безопасности ЕИС и реестров данных;
- расширение перечня нотариальных действий, доступных в дистанционном формате, а также реестров данных, которые востребованы населением и субъектами гражданского оборота, к примеру, реестр лиц, признанных недееспособными и др. [1. – С. 166].

В качестве итога отметим, что цифровые инновации продолжают активно внедряться в нотариальную деятельность. Это общая тенденция

цифровизации общества и нотариальной практики, но при всех достоинствах электронного нотариата надо учитывать, что все цифровые инновации и технологии – это лишь инструмент, который оказывает помощь нотариусу, ускоряет процесс предоставления нотариальных услуг, оптимизирует нотариальную деятельность. Технологии должны находиться на службе у нотариуса и заменить его как профессионального юриста не могут, поскольку нотариус – это не просто технический посредник, а публичное должностное лицо, несущее ответственность за законность сделок и защиту прав участников. Ведь ряд юриди-

ческих действий, таких как оформление завещания, могут быть сопряжены с серьезными эмоциональными нагрузками, что наглядно подтверждает важность человеческого фактора. В связи с этим полагаем, что полная автоматизация всех процессов нотариальной деятельности не представляется возможным. На наш взгляд, будущее нотариата – это гибридная модель, которая создается и частично действует уже сегодня, в которой роль нотариуса по-прежнему остается незаменимой, поскольку именно нотариат – это гарант стабильности и законности гражданского оборота в нашей стране.

Список литературы

1. Агibalова Е. Н., Рыжова А. А. Современный нотариат в эпоху цифровой трансформации // Правовая парадигма. – 2022. – № 1. – С. 166–170.
2. Баранов Е. В., Мишечкина С. С. Цифровизация нотариата: за и против // Цифровые трансформации экономики и права : сборник научных тезисов Национальной научно-практической конференции. – Волгоград, 2022. – С. 35–38.
3. Беглова Г. З. Цифровая трансформация российского нотариата // Пробелы в российском законодательстве. – 2024. – № 2. – С. 81–85.
4. Гатауллина А.С. Цифровизация нотариальной деятельности // Грядущим поколениям завещаем: творить добро в защиту права : материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов с международным участием, Оренбург, 23–24 марта 2022 г. – Оренбург : Пресса, 2022.
5. Имашева Г. З. Изменения прав нотариуса в условиях становления цифровой экономики // E-Scio. – 2022. – № 9 (72). – С. 518–525.
6. Москаленко И. В. О рисках осуществления нотариальной деятельности в условиях цифровизации // Нотариальный вестник. – 2021. – № 9. – С. 35–41.

Применение искусственного интеллекта: защита интеллектуальных прав и развитие общества

В. М. Сайфутдинова

старший преподаватель кафедры гражданского права Института права
Уфимского университета науки и технологий.

Адрес: ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»,
450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32.

E-mail: venera-svm@mail.ru

Application of Artificial Intelligence: Protection of Intellectual Rights and Development of Society

V. M. Sayfutdinova

Senior Lecturer at the Department of Civil Law at the Institute of Law
of Ufa University of Science and Technology.

Address: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Ufa University of Science and Technology»,
32 Zaki Validi Str., Ufa, 450076, Russian Federation.

E-mail: venera-svm@mail.ru

Поступила 20.03.2025 Принята к печати 05.04.2025

Аннотация

Целью исследования являются отдельные аспекты применения искусственного интеллекта, связанные с созданием произведений и защитой интеллектуальных прав. В качестве предмета исследования выступают правовые нормы в сфере применения технологий искусственного интеллекта при создании и защите результатов интеллектуальной деятельности. В статье анализируются наиболее распространенные научные позиции, отражающие подходы к понятию искусственного интеллекта, определению возможности его правосубъектности, вопросам правомерности использования охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в целях создания и обучения искусственного интеллекта. А также оцениваются правовые нормы, связанные с созданием произведений с применением искусственного интеллекта, установления правового режима для произведений, созданных с помощью искусственного интеллекта, защитой интеллектуальных прав авторов и прав граждан при применении данных технологий. В качестве методологической основы исследования были применены общенаучные методы познания, такие как диалектический, логический, а также специальные методы: сравнительно-правовой, метод системного анализа, формально-юридический методы и др. Научная новизна заключается в проведенном анализе представленных доктринальных позициях по вопросу применения искусственного интеллекта в праве интеллектуальной собственности и защите интеллектуальных прав. Результатом исследования выступают представленные автором конкретные законодательные предложения по изменению законодательства в данной сфере правового регулирования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, обучение искусственного интеллекта, добросовестное использование, охрана голоса и изображения, дипфейк, авторское право, смежное право, автор.

Abstract

The purpose of the research is to study certain aspects of the use of artificial intelligence related to the creation of works and the protection of intellectual rights. The subject of the research is legal norms in the field of application of artificial intelligence technologies in the creation and protection of intellectual property results. The article analyzes the most common scientific positions reflecting approaches to the concept of artificial intelligence, determining the possibility of its legal personality, and the legality of using protected intellectual property results for the creation and training of artificial intelligence. It also evaluates the legal norms related to the creation of works using artificial intelligence, the establishment of a legal regime for works created using artificial intelligence, the protection of the intellectual rights of authors and the rights of citizens when using these technologies.

General scientific methods of cognition such as dialectical, logical, as well as special methods such as comparative law, the method of system analysis, formal legal methods, etc. were used as the methodological basis of the research. The scientific novelty lies in the analysis of the presented doctrinal positions on the use of artificial intelligence in intellectual property law and the protection of intellectual rights. The result of the research is the specific legislative proposals presented by the author on changing legislation in this area of legal regulation.

Keywords: artificial intelligence, artificial intelligence training, fair use, voice and image protection, deepfake, copyright, related law, author.

В последние годы одной из самых актуальных тем исследования была и остается тема, связанная с обсуждением понятия «искусственный интеллект» (далее – ИИ). Так, П. О. Семин акцентирует внимание на том, что в юридической литературе существует множество вариантов этого понятия: «в конечном итоге это около 15 естественно-научных определений и при этом отсутствует легальная дефиниция» [8. – С. 21–22]. Отметим, что на данный момент функционирует технология слабого искусственного интеллекта, т. е. это программы, обученные на данных и решающие некоторые задачи с помощью алгоритмов. Искусственный интеллект как технология оказывает сильное влияние на цифровую экономику, которая является важной частью всей экономики [7. – С. 210].

Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года¹ определяет понятие искусственного интеллекта таким образом: это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности (далее – РИД) человека или превосходящие их. Отметим, что понятие «сильный искусственный интеллект» введено в 2024 г. и в российское законодательство: под ним подразумевается тип искусственного интеллекта, который способен выполнять различные задачи, взаимодействовать с человеком и самостоятельно (без участия человека) адаптироваться к изменяю-

щимся условиям². Фактически законодатели предусматривают дальнейшие потенциальные возможности ИИ хотя и не в масштабе детального регулирования, но на уровне введения понятий и закрепления прав авторов за человеком.

Межпарламентской Ассамблеей Содружества Независимых Государств (СНГ) были приняты Рекомендации, направленные на выработку единых правовых и этических норм при использовании искусственного интеллекта в странах Содружества³. В 2025 г. планируется завершение работы над модельным законом «О технологиях искусственного интеллекта»⁴, унифицирующего правила регулирования общественных отношений, связанных с использованием ИИ. Эти правила должны улучшить жизнь людей, обеспечить безопасность и способствовать развитию экономики и социальной сферы через разработку, внедрение и использование ИИ.

В нормативных правовых актах Европарламента под ИИ понимается система, являющаяся программным обеспечением или аппаратным устройством, отображающая имитирующее интеллект поведение, в том числе путем сбора и обработки данных, анализа и интерпретации полученной информации, а также наделенная ав-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.

² Указ Президента Российской Федерации от 15 февраля 2024 г. № 124 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 “О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации” и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 8. – Ст. 1102.

³ Приложение к Постановлению МПА СНГ от 14 апреля 2023 г. № 55-23 (принято в г. Санкт-Петербурге 14.04.2023) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. – 2023. – № 78 (часть 3).

⁴ Проект модельного закона «О технологиях искусственного интеллекта» подготовили в Университете имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – URL: <https://msal.ru/news/proekt-mode-lnogo-zakona-o-tekhnologiyakh-iskusstvennogo-intellekta-podgotovili-v-universitete-imeni-/> (дата обращения: 30.06.2025).

тономностью для совершения каких-либо действий для достижения конкретных целей¹.

П. А. Каштанова [5] и Э. А. Шахназарова [9] указывают, что в европейских резолюциях произведения дифференцируются на созданные человеком с привлечением ИИ (AI-assisted human creations) и созданные непосредственно ИИ (AI-generated creations). В отношении первого вида произведений применяется действующее законодательство об интеллектуальной собственности², а по произведениям, созданным непосредственно ИИ, указано, что ИИ не наделен правоспособностью³, поэтому возможно признание их охраны, но с закреплением прав на них за физическим лицом, организовавшим их создание.

Важной вехой на пути совершенствования законодательства о правовом регулировании ИИ стало принятие Советом 27 стран – членов Евросоюза (далее – ЕС) 21 мая 2024 г. Закона об искусственном интеллекте – Регламента (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 г., устанавливающего гармонизированные правила в области ИИ (далее – Регламент об искусственном интеллекте)⁴. Это первая

в мире нормативно-правовая база в области ИИ, которая учитывает связанные с ним риски. Высказывается мнение, что это позволит Европе играть ведущую роль в мире⁵.

Обратимся к вопросу возможности наделения ИИ правосубъектностью.

Вопрос о правосубъектности ИИ в Европейском парламенте раскрывается в Резолюции от 20 января 2021 г.⁶, где рекомендовано предоставлять права на произведение, созданное ИИ, только физическому лицу.

Гражданское законодательство России также наделяет правосубъектностью только физическое лицо, которое может быть автором этого произведения, что установлено Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ)⁷. В судебной практике также отмечается: «результаты, созданные с помощью технических средств в отсутствие творческого характера деятельности человека <...> объектами авторского права не являются»⁸, что по сути и относится к созданию произведений с помощью ИИ.

Алгоритмы машинного обучения (слабый ИИ) решают конкретную задачу и не способны творить, а сильный ИИ мог бы стать субъектом права, но его еще нет. Кроме того, личные неимущественные права ИИ не нужны, а имущественные права он не может осуществлять самостоятельно. Такая позиция в будущем, с развитием ИИ, возможно, будет пересмотрена.

Не все, что создано с применением ИИ, признается произведением, ведь ключевым свойством произведения является творческий характер. Так, Бюро по авторским правам США, проанализировав изображения художника К. Каштановой, созданные при помощи нейросети

¹ Регламент Резолюции от 20 октября 2020 г. «Этические принципы в сфере искусственного интеллекта, робототехники и связанных с ними технологий». – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2020-0275_EN.html (дата обращения: 30.06.2025); Регламент Резолюции от 20 октября 2020 г. «Режим гражданской ответственности, возникающей при использовании технологий искусственного интеллекта». – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2020-0276_EN.html (дата обращения: 30.06.2025).

² Резолюция от 20 октября 2020 г. «Об интеллектуальных правах для развития технологий искусственного интеллекта». – URL: European Parliament resolution of 20 October 2020 on intellectual property rights for the development of artificial intelligence technologies. – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2020-0277_EN.pdf (дата обращения: 30.06.2025).

³ European Parliament resolution of 20 October 2020 with recommendations to the Commission on a civil liability regime for artificial intelligence. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020IP0276&from=EN> (дата обращения: 30.06.2025).

⁴ Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 года, устанавливающий гармонизированные правила в области искусственного интеллекта и вносящий поправки в Регламенты (ЕС) № 300/2008, (ЕС) № 167/2013, (ЕС) № 168/2013, (ЕС) 2018/858, (ЕС) 2018/1139 и (ЕС) 2019/2144 и Директивы 2014/90 / ЕС, (ЕС) 2016/797 и (ЕС) 2020/1828 (Закон об искусственном интеллекте) (Текст, имеющий отношение к ЕЭЗ) Официальный журнал.

⁵ Закон об искусственном интеллекте. – URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/regulatory-framework-ai> (дата обращения: 30.06.2025).

⁶ Европарламент принял резолюцию по использованию искусственного интеллекта в военных и мирных целях. – URL: <https://rdc.grfc.ru/2021/02/european-parliament-resolution-of-20-january-2021-on-artificial-intelligence/> (дата обращения: 30.06.2025).

⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 52 (1 ч.). – Ст. 5496.

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» – URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/27773/> (дата обращения: 30.06.2025).

Midjourney для комикса «Заря рассвета», творческого вклада в них не обнаружило и закрепило за ней право на авторство текста комикса и порядок расположения картинок на страницах, а изображения не получили защиту авторским правом, и их можно свободно использовать¹.

Пекинский интернет-суд (BIC) признал защиту авторских прав на изображения, созданные искусственным интеллектом, так как они соответствуют требованиям оригинальности и отражают инвестиции человека в интеллектуальную собственность². Изображение, созданное искусственным интеллектом, было признано произведением искусства, так как при его создании автором был внесен постоянный человеческий вклад в подсказки и корректировки параметров, что отражает «эстетический выбор и индивидуальное суждение».

В российской практике видеоролик, созданный при помощи технологии Deep-fake (дипфейк), был признан объектом авторского права, ведь технология Deep-fake является лишь дополнительным инструментом обработки (технического монтажа) видеоматериалов, а не способом их создания³.

Таким образом, общепризнанное правило, что ключевым критерием для признания результатом авторского труда является критерий творческого вклада человека, было применено, хотя результат в вышеописанных ситуациях оказался разный.

По мнению П. А. Каштановой [5], предоставление прав физическим лицам, а именно разработчикам или пользователям искусственного интеллекта, – это наиболее популярный поход, внедренный, в частности, в Великобритании и Новой Зеландии. Однако вопрос предоставления таких прав достаточно дискуссионный. Депутатами Государственной Думы на данный момент проводится работа по разработке законопроекта об интеллектуальных правах на произведения, созданные с участием искусственным интеллект

том⁴. Его основной задачей будет соблюдение баланса интересов технологических компаний и пользователей в сочетании со стимулированием развития творческого потенциала человека и защиты права автора на использование современных технологий в его деятельности, что позволит достичь целей и задач, поставленных Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.

Но кому предоставить права? Кто является автором – разработчик или пользователь? Разработчик создает ИИ, обучает ИИ с помощью имеющихся входных данных, задает определенные показатели, а затем на выгодных ему условиях вводит ИИ в информационное пространство. При этом процессы создания и совершенствования ИИ идут стремительными темпами. Так, приложение китайского стартапа DeepSeek для работы с фирменным ИИ-чат-ботом по своей популярности в короткие сроки успело обойти в Apple App Store знаменитый ChatGPT, что сказалось на американской ИИ-отрасли (курсы акций многих западных компаний, включая Nvidia и ASML, снизились в цене⁵). В мировой индустрии создания ИИ среди разработчиков идет настоящее соревнование за наиболее совершенный продукт, а разработчики в силу самого факта создания ими ИИ уже находятся в привилегированном положении.

В связи с этим высказывается верное опасение о возможной правовой монополизации данной сферы разработчиками, что в дальнейшем может привести и к экономической монополизации, в результате чего у обычных творцов особой мотивации к созданию новых произведений не возникнет⁶. Тенденции развития технократического общества предполагают, что обладать

¹ В США отменили защиту авторских прав на комикс, созданный с помощью нейросетей. – URL: <https://www.securitylab.ru/news/536617.php> (дата обращения: 30.06.2025).

² Китайский суд признал авторские права на изображение, сгенерированное нейросетью. – URL: <https://www.computerra.ru/290743/iskusstvennyj-intellekt-v-kitae-poluchil-avtorskie-prava-na-izobrazhenie/> (дата обращения: 30.06.2025).

³ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 8 апреля 2024 г. по делу № А40-200471/23. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/FPdEj2cpgSdC/> (дата обращения: 30.06.2025).

⁴ В Госдуме работают над законопроектом об интеллектуальных правах на произведения, созданные с участием ИИ, на основе предложений рабочей группы РАЭК. – URL: <https://www.pnp.ru/economics/tvoreniya-neyrosetey-khotyat-zashchitit-avtorskim-pravom.html> (дата обращения: 30.06.2025).

⁵ Nvidia потеряла \$384 млрд рыночной стоимости за день из-за шумихи вокруг китайского ИИ-стартапа DeepSeek. – URL: <https://3dnews.ru/1117327/uspehi-kitayskogo-iistartapa-deepseek-obvili-aktsii-nvidia-i-asml> (дата обращения: 30.06.2025).

⁶ Доклад НИУ ВШЭ «Проблема машинного творчества в системе права: регулирование создания и использования интеллектуальной деятельности с применением искусственного интеллекта, зарубежный опыт и российские перспективы» / под ред. В.О. Калятина. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. – С.7.

определенным сложным техническим уровнем знаний могут далеко не все, а передовые технологии ИИ используются во всех сферах общественной жизни, благодаря чему устанавливается зависимость людей от разработчиков ИИ.

Также приводятся аргументы в пользу того, что разработчики не могут быть авторами произведений, созданных с помощью ИИ: «конечный результат – это продукт человека, который отправляет запрос, и исключительные права должны быть только у него»¹.

На наш взгляд, разработчик, создавший ИИ, обладает правами на ИИ, а вот использование данного ИИ возможно как самим разработчиком, так и иным лицом – пользователем, и оба этих субъекта могут создать то, что будет в дальнейшем признано произведением, например, как в вышеописанной ситуации с дипфейком. В связи с этим применительно к автору произведения, созданному при помощи ИИ, более правильной представляется следующая формулировка: «лицо, создающее результат интеллектуальной деятельности с применением технологий искусственного интеллекта»; в отношении же создания и обучения именно ИИ возможна такая формулировка: «лицо, использующее охраняемые результаты интеллектуальной деятельности в целях создания и развития искусственного интеллекта».

Следующий момент, требующий регулирования, – это тип предоставляемого режима правовой охраны тому, что создается с применением ИИ. В этой связи С. А. Зуйков напоминает [4], что в России контент, созданный с помощью ИИ, попадает под квалификацию производного произведения, т. е. произведения, представляющего собой переработку другого произведения (пп. 1 п. 2 ст. 1259 ГК РФ).

Во Франции Высший совет по литературной и художественной собственности предложил создать «специальное авторское право» или применять режим смежных прав, что перекликается с итальянской доктриной о применении в отношении произведений, созданных ИИ, правового режима охраны *sui generis*, аналогичного к содержанию баз данных [3].

Режим защиты в рамках смежного права одобряется многими представителями российской науки. Например, А. И. Балашова считает наиболее подходящим правовой режим объектов, не имеющих автора, например, правовой режим фонограммы или правовой режим общественного достояния с исключительным правом публикатора [1].

Также имеется предложение ввести в ГК РФ новый объект смежных прав – «произведения, созданные искусственным интеллектом», права на которые будут у лица, организовавшего создание РИД, т. е. разработчика; кроме того, не исключается наличие прав у лица, участвовавшего в создании результата (пользователя)².

Действительно, к объектам смежных прав нет требования о применении по отношению к ним критерия творчества, в отличие от объектов авторского права, и, кроме того, для них можно установить и более короткий срок защиты.

Таким образом, можно классифицировать РИД по признаку использования ИИ: созданные автором без использования технологии ИИ, с использованием технологии ИИ, а в перспективе возможно появление произведений, созданных самим ИИ.

В то же время серьезную проблему из-за широкого использования ИИ представляет вопрос о правомерном использовании охраняемых РИД, используемых для обучения ИИ, и, соответственно, о вознаграждении за использование произведений авторам, на чьих материалах ИИ обучается, после чего созданные материалы распространяются в информационном пространстве.

Например, с нарушением авторских прав, без согласия правообладателей использовался массив данных с извлеченными субтитрами для обучения ИИ, которыми пользовались компании Apple, Nvidia, Salesforce и Anthropic. В базе данных содержались субтитры 173 536 видео с видеохостинга YouTube, выгруженные с более чем 48 тысяч каналов, и эти данные могли использоваться при обучении таких продуктов Apple, как Intelligence и OpenELM, которые были представлены в апреле 2024 г. Еще один пример: один из

¹ Бевза Д. Кому принадлежат права на произведения, созданные при помощи искусственного интеллекта. – URL: <https://rg.ru/2023/06/15/komu-prinadlezhat-prava-na-proizvedeniia-sozdannye-s-pomoshchiu-iskusstvennogo-intellekta.html> (дата обращения: 30.06.2025).

² Доклад НИУ ВШЭ «Проблема машинного творчества в системе права: регулирование создания и использования интеллектуальной деятельности с применением искусственного интеллекта, зарубежный опыт и российские перспективы» / Под ред. В.О. Калятина. – М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. – С. 27–28.

проектов по оцифровке книг Internet Archive нарушил закон об авторских правах, и Интернет-архив был вынужден удалить 500 000 книг после победы издателей в суде¹.

ИИ активно использует и музыкальные произведения как для своего обучения, так и для создания в дальнейшем новых произведений. Например, разработчики искусственного интеллекта Suno и Udio признали, что они обучали свой ИИ с помощью материалов, защищенных авторским правом². При этом компании в своей защите опираются на доктрину добросовестного использования (fair use), применяемую в США, когда в спорных ситуациях суд в каждом деле исходит из принципа свободы оценки фактов на основании четырехуровневого теста и на этой основе принимает решение. Однако Американская ассоциация звукозаписывающих компаний (RIAA) опровергла аргументы Suno, обвинив компанию в нарушении прав в промышленном масштабе. RIAA утверждает, что крупномасштабное использование компанией Suno материалов, защищенных авторским правом, без разрешения является не добросовестным использованием, а кражей, которая подрывает способность художников зарабатывать на жизнь. Такая позиция представляется верной, а действия разработчиков ИИ следует признать недобросовестными.

Между тем рассмотренный нами Регламент об искусственном интеллекте (да и в целом европейское законодательство об авторском праве) не признает принцип добросовестного использования и указывает на необходимость комплексного надзора за соответствием ИИ-систем и процессами их разработки, внедрения и использования требованиям законодательства, а также этическим нормам и гарантиям соблюдения норм авторского права при разработке, внедрении и использовании ИИ-систем.

Имеются и положительные тенденции в соблюдении авторских прав крупными игроками в информационном пространстве. Платформы

ма YouTube более тщательно стала подходить к содержанию размещаемого контента и представила политику³, в основе которой возможность пользователей подавать заявки на удаление контента, созданного ИИ с использованием голоса или изображения пользователя. При этом (если автор не согласен предоставить сторонним компаниям доступ к своему контенту для обучения ИИ-моделей) имеется возможность установления специального флажка в настройках и выбора компаний, которые смогут использовать авторские материалы. В соответствии с этой политикой YouTube создал новую форму жалобы, с помощью которой пользователи могут отправлять соответствующие запросы.

Применение таких технических средств разработчиками ИИ и иными платформами, использующими ИИ, на наш взгляд, повысило бы уровень защиты интеллектуальных прав. Вопрос об ответственности разработчиков и информационных платформ, использующих ИИ, стоит достаточно остро.

Одна из причин использования материалов для обучения ИИ без согласия автора – это нехватка так называемых входных данных, т. е. изначальных материалов для обучения. Уже в начале 2025 г. появилась информация, что ИИ столкнулся с острой нехваткой данных⁴, а компании, разрабатывающие ИИ, оказались на грани истощения доступных данных для обучения своих моделей. И. Маск заявил, что на начало 2025 г. объем публично доступной информации, необходимой для тренировки ИИ, уже был исчерпан.

На практике сложность состоит и в том, что в интернете достаточно сложно выявить неправомерное использование чужого объекта авторских прав: сам автор единолично не способен отследить всевозможные случаи использования его РИД [6], а если ИИ использует сразу несколько произведений при создании своего одного, то сложно выделить доли использованных произведений. В этих обстоятельствах задача законодателя – упорядочить данную сферу правоотноше-

¹ Интернет-архив был вынужден удалить 500 000 книг после победы издателей в суде. – URL: <https://arstechnica.com/tech-policy/2024/06/internet-archive-forced-to-remove-500000-books-after-publishers-court-win/> (дата обращения: 30.06.2025).

² Суно защищает обучение ИИ с помощью музыки, защищенной авторским правом, в рамках иска RIAA. – URL: <https://www.binance.com/ru/square/post/11620650768794> (дата обращения: 30.06.2025).

³ Правила YouTube в отношении контента с искусственным интеллектом. Использование контента для обучения сторонних ИИ-моделей. – URL: <https://support.google.com/youtu-be/answer/15509945?hl=ru> (дата обращения: 30.06.2025).

⁴ Искусственный интеллект столкнулся с острой нехваткой данных. – URL: <https://national-expertise.ru/blog/iskusstvennyj-intellekt-stolknulsya-s-ostroj-nekhvatkoj-dannyh/> (дата обращения: 30.06.2025).

ний, защитить права авторов (правообладателей) и создать условия для развития науки и техники в том числе с применением ИИ.

При обучении ИИ требуются входные данные, т. е. РИД, на использование которых должно быть получено соответствующее разрешение авторов (правообладателей). Оформление получения такого согласия возможно путем подписания лицензионного договора на условиях простой или исключительной лицензии. Возможное решение проблемы – конструкция лицензионного соглашения, созданная по аналогии с программным обеспечением: пользователи дают согласие на использование программного обеспечения перед его эксплуатацией.

Е. В. Гюльбасарова предлагает закрепить на законодательном уровне возможность использования объектов авторских и смежных прав при обучении ИИ без согласия правообладателей таких объектов, но с выплатой вознаграждения [2. – С. 87], применяя при этом механизм создания организаций по управлению правами на коллективной основе для управления исключительными правами на любые объекты авторского и смежного права в отношении конкретного способа использования соответствующих объектов (п. 2 ст. 1242 ГК РФ).

Данные предложения представляются нам подходящими для урегулирования отношений в данной сфере, и в сфере законодательства они могли бы быть внедрены в виде разработанных нами следующих изменений в ГК РФ.

А) Дополнение ГК РФ статьей, определяющей конструкцию лицензионного договора:

«Статья 1240.1. Создание результата интеллектуальной деятельности с применением технологий искусственного интеллекта

1. Лицу, создающему результат интеллектуальной деятельности с применением технологий искусственного интеллекта, а также использующему охраняемые результаты интеллектуальной деятельности в целях создания и развития искусственного интеллекта, разрешается использовать охраняемые результаты интеллектуальной деятельности с согласия авторов (правообладателей) на основании лицензионных договоров, заключаемых таким лицом с обладателями исключительных прав на соответствующие результаты интеллектуальной деятельности.

2. Лицензионный договор, по которому автором или иным правообладателем (лицензиаром) предоставляется лицензиату простая (неисключительная)

лицензия на использование произведения науки, литературы или искусства, или объекта смежных прав указанными в таком договоре способами с применением технологий искусственного интеллекта, может быть заключен в упрощенном порядке (открытая лицензия). К такому договору применяются положения о предоставлении открытой лицензии на использование произведения науки, литературы, искусства (статья 1286.1)».

Б) Дополнение пункта 1 статьи 1244 подпунктом 8, вводящим новую сферу коллективного управления для организаций по управлению правами на коллективной основе на осуществление деятельности:

«8. Осуществление прав авторов, исполнителей, изготовителей фонограмм и аудиовизуальных произведений, организаций эфирного или кабельного вещания, изготовителя базы данных, публикатора произведения науки, литературы или искусства на получение вознаграждения за использование в коммерческих целях при создании результата интеллектуальной деятельности с применением технологий искусственного интеллекта, создании и развитии искусственного интеллекта (подпункт 2 пункта 1 статьи 1228)».

Правовое регулирование применения ИИ требует и информирования граждан о том, что в том или ином случае использовались технологии с применением ИИ. Это важно не только с целью защиты интеллектуальных прав, но и в целом защиты прав человека, в частности его биометрических данных, что особенно актуально в связи с участвовавшими случаями использования дипфейков, цифровых двойников с целью обмана граждан и лишения их собственности. Добросовестность должна быть во всем.

В данном контексте еще раз обратимся к Регламенту об искусственном интеллекте. Обязательства по обеспечению прозрачности определенных систем ИИ для поставщиков и разработчиков обозначены в статье 50, в пункте 2 которой указано, что поставщики систем ИИ, генерирующих синтетический аудио-, видео- или текстовый контент, должны обеспечить представление выходных данных системы ИИ в машиночитаемом формате и распознавание их как искусственно созданных или обработанных. А разработчики системы ИИ, генерирующие или обрабатывающие изображения, аудио- или видеоконтент, представляющие собой дипфейк, должны раскрывать информацию о том, что контент был сге-

нерирован или обработан искусственным образом, за исключением случаев, когда использование разрешено законом для выявления, предотвращения, расследования или судебного преследования за уголовное преступление. При этом данная информация должна быть предоставлена заинтересованным физическим лицам в понятной и доступной форме не позднее момента первого взаимодействия или ознакомления. В статье 53 в качестве обязательства для поставщиков моделей ИИ общего назначения называется внедрение политики, обеспечивающей соблюдение законодательства Союза в области авторских прав и смежных прав.

В российское законодательство также необходимо ввести нормы об информировании о применении технологий ИИ. Возможным вариантом может быть дополнение абзацем 2 пункта 1 статьи 1300 ГК РФ:

«Созданные или обработанные с применением технологий искусственного интеллекта результаты интеллектуальной деятельности должны распознаваться как искусственно созданные или обработанные. Указанная информация должна быть предоставлена лицом, осуществляющим создание или обработку результатов интеллектуальной деятельности с применением технологий искусственного интеллекта, всем за-

интересованным лицам в доступной форме перед первым ознакомлением или использованием».

Подводя итоги, можно сделать выводы, что ИИ является двигателем мирового прогресса, а его применение требует особого правового подхода в каждой стране и в мировом сообществе в целом. Несмотря на то, что сам ИИ создает новые результаты, все-таки основными источниками для его обучения становятся в первую очередь охраняемые РИД. Как мы видим, компании и сейчас используют охраняемые материалы без согласия правообладателей, поэтому данный вопрос требует скорейшего законодательного регулирования. Первоочередными должны стать меры, направленные на профилактику, контроль и санкции за неправомерное использование авторского контента со стороны крупных игроков в цифровом пространстве, т. е. тех, кто обладает ресурсами для создания ИИ и его обучения. Дальнейшими действиями должны быть действия законодателя по усовершенствованию законодательной базы в данной сфере, в том числе решению вопроса о выплатах вознаграждений правообладателям за использование их охраняемых РИД, а также об информировании субъектов правоотношений о применении другой стороной технологий искусственного интеллекта.

Список литературы

1. Балашова А. И. Правовой режим результатов деятельности искусственного интеллекта: единство и дифференциация подходов // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – Сентябрь 2023. – Вып. 3 (41). – С. 190–206.
2. Гюльбасарова Е. В. Обеспечение охраны интеллектуальных прав в условиях развития передовых технологий // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – 19 (10). – С. 81–89.
3. Ерохина Е. Авторские права на произведения, созданные искусственным интеллектом // Zakon.ru. – 25.05.2024. – URL: https://zakon.ru/blog/2024/5/25/avtorskie_prava_na_proizvedeniya_sozdannye_iskusstvennym_intellektom
4. Зуйков С. А. Обзор: О проблеме обучения генеративных нейросетей на объектах, охраняемых авторским правом // Журнал суда по интеллектуальным правам. – URL: <http://jursite.garant.ru/re-views/on-the-problem-training-generative-neural-networks-objects-protected-by-copyright>
5. Каштанова П. А. Перспективы правовой охраны произведений, создаваемых с использованием искусственного интеллекта в России // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – Март 2023. – Вып. 1 (39). – С. 120–132.
6. Кухно М. О. Искусственный интеллект – новый субъект авторского права: недалекое будущее или фикция? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – Сентябрь 2023. – Вып. 3 (41). – С. 72–86.
7. Рахматулина Р. Ш., Савина В. С., Свиридова Е. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта и роботизации – новый этап развития экономики // Гуманитарные и юридические исследования. – 2019. – № 4. – С. 209–216.

8. *Сёмин П. О.* Правовые аспекты искусственного интеллекта и смежных технологий: права на контент, созданный с помощью машинного обучения // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2022. – № 2 (36). – С. 21–32.

9. *Шахназарова Э. А.* Правовое регулирование отношений, возникающих по поводу объектов интеллектуальной собственности, созданных технологией искусственного интеллекта, на примере опыта Великобритании, США и ЕС // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2021. – № 2 (32). – С. 34–45.

Актуальные вопросы противодействия деструктивному контенту

С. А. Воробьев

заместитель начальника отдела Департамента законодательства и правоприменения
в сфере некоммерческих организаций
Министерства юстиции Российской Федерации.
Адрес: Министерство юстиции Российской Федерации,
119049, Москва, Житная ул., д. 14, стр. 1.
E-mail: mr.vorobiev@bk.ru

Current Issues of Countering Destructive Content

S. A. Vorobiev

Deputy Head of the Department of Legislation and Law Enforcement
in the field of Non-profit Organizations
of the Ministry of Justice of the Russian Federation.
Address: Ministry of Justice of the Russian Federation,
14 b. 1 Zhitnaya str., Moscow, 119049, Russian Federation.
E-mail: mr.vorobiev@bk.ru

Поступила 15.04.2025 Принята к печати 30.04.2025

Аннотация

Статья посвящена анализу правовых механизмов противодействия деструктивному контенту в интернете. Рассматриваются российские нормативные правовые акты, регулирующие ограничения распространения вредоносной информации, проводится сравнительный анализ международных подходов к решению данной проблемы. Так, российская правовая система демонстрирует поступательное развитие, формируя комплексный механизм ограничения граждан, особенно несовершеннолетних, от вредоносной информации. Однако отсутствие законодательно закрепленного определения деструктивного контента создает правовой пробел. Кроме того, есть необходимость в систематизации правового регулирования в рассматриваемой сфере и последующей кодификации норм. Несмотря на существующее разнообразие регулирования – от либерального (США) до жесткого (Европейский союз), прослеживается единая тенденция в стремлении противодействовать деструктивному контенту как одной из ключевых угроз цифровой эпохи. В свете трансграничной природы таких угроз актуальной представляется инициатива создания международной организации, которая бы координировала усилия по противодействию деструктивному контенту. Одной из задач такой организации может выступать формирование и ведение единого международного реестра, использование которого позволило бы эффективно ограничивать доступ к деструктивному контенту на территориях стран-участниц.

Ключевые слова: интернет, правовое регулирование, российское законодательство, международный опыт, международные организации, экстремистская деятельность, противодействие терроризму, международный реестр, традиционные ценности, средства массовой информации, информация, информационные технологии, защита информации.

Abstract

The article is devoted to the analysis of legal mechanisms for counteracting destructive content on the Internet. Russian regulatory legal acts regulating restrictions on the dissemination of malicious information are considered, and a comparative analysis of international approaches to solving this problem is made. Thus, the Russian legal system demonstrates progressive development, forming a comprehensive mechanism for restricting citizens, especially minors, from harmful information. However, the absence of a legally enshrined definition of destructive content creates a legal gap. In addition, in the author's opinion, there is a need for systematization of legal regulation in this area and subsequent codification. Despite the existing diversity of regulation (from liberal (USA) to rigid (European Union)), there is a common tendency to strive to counteract destructive content as one of the key threats of the digital era. In light of the transboundary nature of such threats, the initiative to create an international organization that would coordinate efforts to counter destructive content seems relevant. One of the tasks of such

an organization could be the formation and maintenance of a unified international registry, the use of which would make it possible to effectively restrict access to destructive content on the territories of participating countries.

Keywords: Internet, legal regulation, Russian legislation, international experience, international organizations, counteraction, extremist activity, countering terrorism, international register, traditional values, mass media, information, information technology, information protection.

В современном мире интернет является неотъемлемой частью жизни любого человека. Менее чем за полвека он превратился в основной и наиболее доступный источник информации, стал средством коммуникации, развлечения, а также инструментом для получения образования, работы и бизнеса.

Однако наряду с этими преимуществами существует ряд серьезных угроз, связанных со свободным распространением в интернете информации, способной причинить вред человеку, а также поставить под угрозу общественные институты, государственную безопасность и международные отношения.

В ответ на эти вызовы государство как регулятор общественных отношений стремится к разработке эффективных мер правового регулирования, направленных на ограничение доступа и пресечение создания такой информации. Президент России В. В. Путин отметил, что обмен информацией в мире через интернет должен быть свободным, но обществу необходимо оградить себя от деструктивного влияния¹.

На сегодняшний день в законодательстве Российской Федерации отсутствует официальное понятие «деструктивный контент».

Буквальное толкование выражения «деструктивный контент» (от лат. *destructivus* – «разрушительный», и *contentum* – «содержимое») показывает, что такой контент представляет собой разрушительную информацию, способную нанести вред. Исходя из комплексного анализа правовых норм российского законодательства и представленных в научной литературе подходов [1; 2; 3; 4; 5] автор предлагает следующее определение.

Деструктивная информация (контент) – это сведения (сообщения, данные), распространяемые (демонстрируемые) в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет), которые в силу установленного законодательством

Российской Федерации запрета и (или) содержания представляют угрозу традиционным ценностям, физическому, психологическому, социальному, нравственному, духовному здоровью и развитию граждан, их правам и законным интересам, общественной и государственной безопасности.

Несмотря на отсутствие законодательно определенного понятия деструктивного контента, в Российской Федерации уже сформирован и функционирует организационно-правовой механизм противодействия ему, включающий в себя меры административного и уголовного воздействия на лиц, причастных к созданию и распространению такого контента. Наряду с этим предусмотрены механизмы судебного и внесудебного ограничения доступа к подобной информации.

Ключевую роль в борьбе с таким явлением, как деструктивный контент, играет Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который регулирует отношения, возникающие при реализации права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, а также применении информационных технологий и обеспечении защиты информации.

Вышеуказанный закон, закрепляя основные понятия и принципы регулирования распространения информации, в том числе в интернете, определяет перечень запрещенной информации, порядок и основания для применения мер, связанных с ограничением доступа к такой информации.

В целях ограничения доступа к ряду сайтов указанным законом предусмотрено ведение Единого реестра доменных имен, указателей страниц сайтов в сети и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети интернет².

Также одним из основополагающих нормативных актов в борьбе с деструктивным контентом является Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности». Сочетая в себе основные принципы противодействия экс-

¹ Владимир Путин принял участие в пленарной сессии XXI ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/75521>

² Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31. – Ст. 3448.

тремизму, этот нормативный акт устанавливает порядок признания информационных материалов экстремистскими и вводит запрет на их распространение на территории Российской Федерации.

В целях предупреждения и пресечения экстремистской деятельности указанным выше законом предусмотрено ведение Федерального списка экстремистских материалов, который подлежит обнародованию путем размещения в сети Интернет¹. На 10 апреля 2025 г. в федеральном списке содержатся сведения о 5461 экстремистском материале².

Нельзя не обратить внимание на судебный прецедент, которым запрещена деятельность американской компании Meta Platform Inc (до 28.10.2021 г. Facebook Inc.) по реализации продуктов – социальных сетей на территории России по основаниям, связанным с осуществлением экстремистской деятельности, в частности, систематическим распространением экстремистских материалов. На фоне геополитической обстановки в мире в 2022 г. указанная компания отменила запрет на призывы к насилию против военнослужащих и высших должностных лиц Российской Федерации³.

Важным элементом системы защиты от деструктивного контента является также Федеральный закон «О противодействии терроризму», который регулирует борьбу с пропагандой терроризма, включая положения, направленные на предотвращение распространения материалов, оправдывающих или поддерживающих такую деятельность⁴. Не менее значимым элементом противодействия деструктивному контенту является Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», устанавливающий перечень вредоносной информации, которая может нанести ущерб развитию ребенка (материалы, содержа-

щие призывы к членовредительству, самоубийству, а также пропагандирующие нетрадиционные сексуальные отношения, педофилию, изменение пола и др.)⁵.

По данным Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций за 2024 год удалено либо заблокировано почти 800 тыс. материалов, сайтов и их отдельных страниц с запрещенной законом информацией (на 19% больше, чем в 2023 г.), из них:

- пронаркотический контент – 127 тыс.;
- детская порнография – 66,5 тыс.;
- контент экстремистского и террористического характера – 48,3 тыс.;
- пропаганда ЛГБТ¹, педофилии и смены пола – 45,3 тыс.;
- суицидальный контент – 33,8 тыс.;
- фейки о Вооруженных Силах Российской Федерации – 26,9 тыс.⁶

Кроме того, в настоящее время разработан и внесен в Государственную Думу законопроект о деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации, целью которого является минимизация рисков причинения вреда здоровью граждан, особенно детей, а также установление требований к организаторам сервиса распространения видеоигр и распространителям видеоигр. Анализ иностранного опыта по решению проблемы деструктивного контента свидетельствует о разрозненности подходов к решению обозначенной проблемы.

Так, в Соединенных Штатах Америки раздел 230 Закона о связи 1934 г., который принят в рамках Закона о пристойности в сфере связи 1996 г., входящего в раздел V Закона о телекоммуникациях 1996 г., освобождает интернет-ресурсы от ответственности за контент, размещенный пользователями, и дает им право самостоятельной определять неприемлемый или вредоносный контент⁷.

¹ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.

² Федеральный список экстремистских материалов // Министерство юстиции Российской Федерации: – URL: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/>

³ Решение Тверского районного суда г. Москвы от 21 марта 2022 г. // Московский городской суд – URL: <https://mosgorsud.ru/rs/tverskoj/services/cases/civil/details/de7ea6a0-a3ab-11-ec-8a7e-51b31fb55b35?participant=Meta>

⁴ Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.

⁵ Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 48.

⁶ Статистические данные Роскомнадзора за 2024 г. // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: телеграм-канал. – URL: https://t.me/rkn_tg/1349

⁷ Cornell Law School. – URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/47/230>

По мнению автора, именно этот закон позволил компании Meta Platform Inc ослабить контроль за очевидно дискриминирующим в отношении граждан России контентом.

В последние годы растет общественное и политическое давление на пересмотр положений раздела 230. Критики утверждают, что широкая иммунитетная защита, предоставляемая этим законом, позволяет онлайн-платформам уклоняться от ответственности за распространение дезинформации, экстремистского контента и других форм вредоносной информации, что усугубляет проблемы онлайн-экстремизма и манипулирования общественным мнением. С другой стороны, защитники раздела 230 утверждают, что его сохранение необходимо для обеспечения свободы выражения мнений в интернете и развития цифровых сервисов. Они полагают, что изменения в законодательстве могут привести к чрезмерной цензуре и снижению инновационного потенциала онлайн-платформ¹.

В отличие от либерального подхода США, законодательство ряда стран демонстрирует более жесткую и нормативно насыщенную модель борьбы с деструктивным контентом в интернете.

Например, в 2017 г. в Германии принят Закон об обеспечении соблюдения права в социальных сетях – *Netzwerkdurchsetzungsgesetz* (NetzDG), который обязывает поставщиков цифровых услуг оперативно реагировать на поступающие жалобы граждан, требующих удаления материалов, которые содержат экстремистские высказывания, дезинформацию и способствуют разжиганию ненависти. В соответствии с положениями NetzDG, нарушение установленных сроков или неадекватное реагирование на жалобы может повлечь за собой наложение штрафа в размере до 500 тыс. евро². Такой жесткий механизм ответственности нацелен на стимулирование платформ к разработке эффективных систем мониторинга и модерации, позволяющих оперативно выявлять и блокировать контент, нарушающий законодательство. Германский опыт NetzDG стал ориентиром в борьбе с деструктивным контентом для таких

стран, как Франция (Закон «О борьбе с ненавистью в интернете» – *Loi Avia*), Австрия (*Koppl-G / Kommunikationsplattformen-Gesetz* – Закон о коммуникационных платформах) и Великобритания (Закон о безопасности в интернете – *Online Safety Bill*), которые с учетом сложившейся у них правовой системы внедрили отдельные положения NetzDG в национальное законодательство.

В конечном счете NetzDG повлиял на формирование концептуальной и нормативной основы Закона о цифровых услугах (*Digital Services Act – DSA*), принятого Европарламентом в 2022 г., который представляет собой комплекс мер, направленных на модернизацию устаревшей правовой системы, установленной Директивой об электронной торговле 2000/31/EC (*E-Commerce Directive*), принятой в 2000 г.

Указанный закон направлен на обеспечение безопасности пользователей, защиту их прав, повышение прозрачности и ответственности операторов цифровых услуг, а также устанавливает обязанность по немедленному удалению незаконного или вредоносного контента. В случае отказа цифровой платформы удалить противоправный контент к ней может быть применена мера административного воздействия в виде штрафа, размер которого может достигать до 6% от глобального годового дохода компании.

Особое внимание уделяется крупным платформам, число активных пользователей которых превышает 45 млн человек в месяц и которые способны оказать значительное влияние на информационное пространство и политические процессы. Эти платформы должны ежегодно проводить оценку системных рисков, связанных с распространением незаконного контента, и принимать меры по их снижению, что подкрепляется независимым аудитом и строгими требованиями по прозрачности алгоритмов и рекламных механизмов³.

Евросоюзу в 2018 г. принят Кодекс по борьбе с дезинформацией (*Code of Practice on Disinformation*) и приняты меры для его реализации⁴ – создан Центр прозрачности, позволяющий

¹ Forbes: What Is Section 230 – Why Does Trump Want To Change It? – URL: <https://www.forbes.com/sites/abrambrown/2020/05/28/what-is-section-230-and-why-does-trump-want-to-change-it/> (дата обращения: 17.06.2025).

² Bundesministerium der Justiz: Gesetz zur Verbesserung der Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerken (*Netzwerkdurchsetzungsgesetz – NetzDG*). – URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/netzdg/BJNR335210017.html>

³ EUR-Lex: Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act). – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj/eng> (дата обращения: 17.06.2025).

⁴ An official EU website: The 2022 Code of Practice on Disinformation. – URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/code-practice-disinformation> (дата обращения: 24.06.2025).

общественности отслеживать выполнение обязательств, и сформирована постоянная рабочая группа для адаптации мер в условиях быстро меняющейся цифровой среды. Сам Кодекс представляет собой инструмент саморегулирования и направлен на ограничение распространения ложной и вводящей в заблуждение информации в интернете.

Данный документ стал первым в мире соглашением, в рамках которого крупнейшие онлайн-платформы, рекламные агентства, организации по проверке фактов, исследовательские институты и представители гражданского общества добровольно взяли на себя обязательства по борьбе с дезинформацией.

В обновленной редакции 2022 г. Кодекс конкретизировал меры по демонетизации дезинформационного контента, обеспечению прозрачности политической рекламы, повышению целостности цифровых сервисов, а также расширению возможностей пользователей в распознавании ложной информации.

Проведенный анализ современных подходов к противодействию деструктивному контенту позволяет сделать ряд выводов.

Российская правовая система демонстрирует поступательное развитие, формируя комплексный механизм ограничения граждан, особенно несовершеннолетних, от вредоносной информации. Однако отсутствие законодательно закрепленного определения понятия «деструктивный контент» создает правовой пробел. Кроме того, имеется необходимость в систематизации правового регулирования в рассматриваемой сфере и последующей кодификации норм.

Несмотря на существующее разнообразие регулирования – от либерального (США) до жесткого (Европейский союз), – прослеживается единая тенденция в стремлении противодействовать деструктивному контенту как одной из ключевых угроз цифровой эпохи.

В свете трансграничной природы таких угроз актуальной представляется инициатива создания международной организации, которая координировала бы усилия по противодействию деструктивному контенту. Одной из задач такой организации может выступать формирование и ведение единого международного реестра, использование которого позволило бы эффективно ограничивать доступ к деструктивному контенту на территориях стран-участниц.

Список литературы

1. Бабакова А. В. Противодействие деструктивному контенту в сети Интернет // Противодействие терроризму и экстремизму в информационных сферах : сборник статей. – М., 2021. – С. 135–138.
2. Беликова К. М. Некоторые направления и риски использования нейросетей для борьбы с деструктивным контентом: мнение юриста // Юрист. – 2025. – № 2. – С. 8–13.
3. Ткачева Н. В. Проблемы противодействия деструктивной пропаганде в сети Интернет // Актуальные вопросы цивилистики : материалы всероссийской научно-практической конференции. – Улан-Удэ, 2024. – С. 115–120.
4. Шуликов К. А. Акты «мягкого права» как средство противодействия распространению деструктивного контента в сети Интернет // Санкт-Петербургские встречи молодых ученых : материалы II всероссийского конгресса. – СПб., 2024. – С. 443–447.
5. Шуликов К. А. Деструктивный контент: понятие, административно-правовая характеристика, виды // Вестник Нижегородского университета им Н. И. Лобачевского. – 2023. – № 2. – С. 176–182.

Особенности разработки патентов на основе договора о патентной кооперации

Т. Э. Зульфугарзаде

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: zulfugarzade.te@rea.ru

Б. Т. Чан

магистрант Высшей школы права РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: bichthao19119@gmail.com

Features of Patent Development Based on a Patent Cooperation Agreement

T. E. Zulfugarzade

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Civil Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: zulfugarzade.te@rea.ru

B. T. Chan

Master's Student at the Higher School of Law of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: bichthao19119@gmail.com

Поступила 11.03.2025 Принята к печати 01.04.2025

Аннотация

Современное развитие промышленности, цифровой и креативной экономики в целом практически невозможно без развития правового института интеллектуальной собственности, объективно требующего в условиях многополярности обеспечения его юридической защиты, что представляется особенно важным в связи с достаточно резким увеличением контрафактной продукции на мировом рынке, необходимостью легализации параллельного импорта в связи с неблагоприятным воздействием санкций и контрсанкций на национальном уровне индустриально развитых государств мира, к которым относится и Российская Федерация. В работе приведены основные критерии инноваций и креативности, выступающих в качестве основы стратегии предпринимательской деятельности и являющихся в свою очередь интеллектуальной собственностью, что также требует их надлежащей охраны и надежного обеспечения справедливого вознаграждения за использование объектов авторских и смежных прав. В качестве основных методов познания при проведении исследования были использованы логический, сравнительный, эмпирический, описательный и другие. В процессе проведения исследования, в частности, выявлено, что на сегодняшний день изобретения, полученные в результате работы человеческой мысли, в рамках защиты интеллектуальной собственности имеют достаточно строгие ограничения, находящиеся между разработкой технологии как части предыдущих инноваций. Это нередко используется в качестве оправдания для цифровой индустрии прежде всего на том основании, что ее продукция считается результатом модернизации и развития уже существующей интеллектуальной собственности. Данное положение в свою очередь требует проведения анализа правового обеспечения деятельности поверенных по правам интеллектуальной собственности,

появление которых планируется в обозримом будущем. Научную новизну исследования составили выводы, которые обозначают основополагающие направления развития концепции реализации мер по совершенствованию правового регулирования существующей системы международной патентной регистрации. Эти меры реализуются в соответствии с процедурами, регламентированными правилами Договора о патентной кооперации (ДПК), посредством внедрения в последующем приоритетных прав, что позволит улучшить новизну патента и обеспечить изобретателям более надежную защиту.

Ключевые слова: право, авторский, смежный, интеллектуальная собственность, международный, национальный, государство, цифровой, креативный, экономика, система, договор, регистрация, классификация, технологии, приоритет, охрана, защита, использование, поверенный, владелец, изобретатель, Инкотермс.

Abstract

The modern development of industry, the digital and creative economy as a whole is almost impossible without the development of the legal institute of intellectual property, which objectively requires legal protection in a multipolar environment, which is especially important due to the rather sharp increase in counterfeit products on the world market, the need to legalize parallel imports due to the adverse effects of sanctions and counter-sanctions at the national level industrially developed countries of the world, including the Russian Federation. Among other things, the paper presents the main criteria for innovation and creativity, which serve as the basis of an entrepreneurial strategy, which in turn are intellectual property, which also requires their proper protection and reliable provision of fair remuneration for the use of copyright and related rights. Logical, comparative, empirical, descriptive and others were used as the main methods of cognition during the research. In the course of the research, it was revealed, in particular, that to date, inventions obtained as a result of the work of human thought in the framework of intellectual property protection have rather strict limitations between the development of technology as part of previous innovations, which is often used as an excuse for the digital industry primarily on the grounds that its products are the result of modernization. and the development of existing intellectual property. This, in turn, requires an analysis of the legal support for the activities of intellectual property attorneys, whose appearance is planned in the foreseeable future. The scientific novelty of the study was also reflected in the conclusions, according to which the fundamental directions for the development of the concept of implementing measures to improve the legal regulation of the existing system of international patent registration in accordance with the procedures regulated by the rules of the Patent Cooperation Treaty (PCT) were outlined, through the subsequent introduction of priority rights, which will improve the novelty of the patent and provide more reliable protection for inventors.

Ключевые слова: law, copyright, related, intellectual property, international, national, state, digital, creative, economy, system, contract, registration, classification, technology, priority, protection, guard, use, attorney, owner, inventor, Incoterms.

Развитие правового института интеллектуальной собственности в отношении промышленности и деловой активности (бизнес-активности), которые должны иметь сильное юридическое обеспечение, растет не только в сфере торговли, в том числе электронной, но и конкурентной области отношений, неуклонно расширяя ассортимент продукции, а также количество ее продаж и поставок. Одним из наиболее значимых доказательств того, что продукт может считаться одним из лучших в своей области, является общественное признание данного факта, другими словами, речь идет об узнаваемости бренда. Это признание не обязательно возникает сразу, но должно пройти через процесс упорной работы заинтересованных сторон, использующих различные стратегии, которые подкрепляются доказательствами в виде ощутимых результатов. Тогда можно утверждать, что продукт действительно может быть принят и

признан сообществом. Вышеперечисленные стратегии включают в том числе инновации в области технологий по созданию новых продуктов (услуг), а именно таких, которые, как правило, ранее не существовали (по крайней мере, не появлялись в свободной продаже), а также инновации, осуществляемые в области модернизации уже существующих продуктов [7. – С. 1180].

В данной связи отметим, что инновация и креативность как бизнес-стратегия являют собой интеллектуальную деятельность, которая в свою очередь является интеллектуальной собственностью, что в соответствии со статьей 11bis (2) Бернской конвенции¹, пунктом 1 статьи 7 Догово-

¹ Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (ред. от 28.09.1979) // Бюллетень международных договоров. – 2003. – № 9.

ра ВОИС по авторскому праву¹ и другими международными договорами предусматривает получение справедливого вознаграждения за использование объектов авторских и смежных прав. При этом рассматриваемая интеллектуальная деятельность должна вознаграждаться, а ее исключительность – охраняться (защищаться) посредством действенных правовых инструментов, в том числе принудительных, в форме санкций гражданско-правового, административно-правового и уголовно-правового (в случае каких-либо нарушений) характера. Правовая определенность, в таких случаях гарантирующая защиту активов интеллектуальной собственности, будет стимулировать промышленные отрасли к дальнейшему развитию посредством внедрения собственных инноваций, что, безусловно, оживит локальный (внутригосударственный) промышленный рынок и с течением времени позволит ему конкурировать с аналогичной зарубежной продукцией [5. – С. 54].

На использование изобретений, появившихся в результате работы человеческой мысли, в рамках защиты интеллектуальной собственности установлены строгие ограничения в период разработки технологии как части предыдущих инноваций, но это часто используется в качестве оправдания для отрасли на том основании, что ее продукция является результатом развития существующей интеллектуальной собственности. Оценка инноваций и творчества выступает стратегической задачей поверенных по правам интеллектуальной собственности, которые должны быть вовлечены в ее развитие в будущем. Проблемные вопросы юридического обеспечения и сопровождения, возникающие в цифровой индустрии и неизбежные в дальнейшем, имеют важность не только для законодателей, но и для других заинтересованных сторон, в том числе для производителей и заказчиков (потребителей), которые связаны со стратегией развития патентов через международную систему регистрации, регламентированную еще в 1970 г. Договором о патентной кооперации² (ДПК). При этом вызов

для поверенных по правам интеллектуальной собственности, который имеет последствия для аспектов универсальной патентной защиты в будущем, в обязательном порядке должен учитывать последствия для интеллектуальной собственности в таких областях, как торговля, финансы и соответствие бизнесу.

Кроме того, интеллектуальная собственность, которая может быть использована в качестве объекта обеспечения долга, представляет собой такую собственность, которая была зарегистрирована в соответствующем государственном органе (например, в патентном ведомстве) и, соответственно, может обмениваться на интеллектуальную собственность, которая либо управлялась самостоятельно, либо права на которую были переданы на легитимных основаниях другой стороне. Поэтому, чтобы избежать вышеозначенных сложностей, необходимо начинать с планирования продукта до его запуска на рынок, учитывая, что в отрасли успех организации-производителя зависит не только от творческих людей (личностей), занимающихся поиском оригинальных, инновационных идей и разработкой инновационных продуктов, но и от реализации хорошо продуманной концепции защиты всех имеющихся активов интеллектуального труда, выраженных как в форме обладающих креативностью и новизной идей, так и в форме инноваций. В данном контексте представляется ошибочным считать, что юристы по правам интеллектуальной собственности являются всего лишь инструментом или средством для подачи заявок на регистрацию интеллектуальной собственности или лицензий на нее.

На самом деле, когда изобретение открыто изобретателем и имеет в себе элемент новизны как требование патентоспособности, но еще не зарегистрировано, это может быть пагубным для изобретателя и владельца прав. Предположим, что регистрация осуществляется и предоставляется (принимается) в каких-либо юрисдикционных странах в рамках международной регистрации через систему ДПК. В этом случае патентообладатель имеет исключительные права в юрисдикции соответствующих стран, например, в России, в соответствии с правилами, установленными статьей 1129 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

Напротив, роль поверенного по правам интеллектуальной собственности необходима в деловом потоке отрасли с самого начала, а именно

¹ Договор ВОИС по авторскому праву (Вместе с «Согласованными заявлениями в отношении Договора ВОИС по авторскому праву») (подписан 20.12.1996) // Бюллетень международных договоров. – 2016. – № 12. – С. 4–11.

² Договор о патентной кооперации (PCT). – URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/dogovor-o-patentnoy-kooperacii> (дата обращения: 25.06.2025).

начиная с этапа планирования продукта и вплоть до запуска этого продукта на рынок. Существование недостоверных представлений в сочетании с отсутствием понимания и осведомленности субъектов предпринимательской деятельности о защите прав на интеллектуальную собственность делает безудержные акты так называемого пиратства незаконными, но государство и другие заинтересованные стороны мало что могут сделать, поскольку в таких случаях права интеллектуальной собственности не представлены заблаговременно для охраны и защиты.

Исследование проблемных вопросов юридического характера, связанных с современными вызовами, с которыми сталкиваются патентные поверенные при осуществлении международной регистрации патентов, может открыть дополнительные возможности и стратегическое развитие данной сферы. То же можно сказать о роли таких поверенных в патентной системе ДПК и ее охране. К этому имеют отношение, в частности, процедуры регистрации и записи, а также исключительные права владельцев интеллектуальной собственности на осуществление торговли (т. е. публикацию и воспроизведение, например, в России, в соответствии с положениями гл. 71 ГК РФ), фиксируемые посредством системы лицензирования интеллектуальной собственности.

В этом исследовании дополнительно рассматриваются случаи, которые достаточно часто возникают из-за имитации патента. Речь идет об объекте в форме продукта или в формате производственного процесса или системы. В связи с этим возникает вопрос, как можно зарегистрировать изобретение (патент), если имеет место дублирование в национальном или международном масштабе. Отвечая на данный вопрос, отметим, что проблема заключается в том, что если у кого-то есть новый продукт или процесс (революционный продукт) [6. – С. 12], то через несколько месяцев может оказаться, что на рынках есть продукт или процесс с похожими качествами, и это весьма пагубно сказывается и на владельце, и на изобретателе.

Патентная система должна быть способна предотвратить возникновение вышеозначенных ситуаций и предоставлять эксклюзивность (исключительные права) для защиты интеллектуальной собственности (заявки на изобретение в виде продуктов или процессов), принадлежащей патентной системе, используя систему регистрации в качестве глобальной бизнес-стратегии для

изобретателей и владельцев патентов. Таким образом, регистрация патента в стране-участнице ДПК является местной, или национальной, стратегией регистрации на пути к последующей, международной фазе.

Различные исследования подчеркивают важную роль интеллектуальной собственности в содействии инновациям и экономическому росту [4. – С. 33]. Например, известно, что эффективные патентные системы могут значительно повысить конкурентоспособность страны, предоставляя изобретателям необходимую защиту в случае инвестиций в исследования и разработки. Другие исследования изучали проблемы, с которыми сталкиваются изобретатели при навигации по национальным и международным патентным системам, особенно в развивающихся странах [1. – С. 147].

В представленном исследовании рассматривается в том числе роль патентных поверенных по правам интеллектуальной собственности как профессиональных экспертов в регистрации и судебном преследовании патентов, особенно в контексте ДПК. Предпринимается попытка проанализировать последствия имитации и дублирования патентов и оценить экономическую эффективность национальных и международных стратегий регистрации патентов.

Результаты настоящего исследования, по нашему мнению, предоставят ценную информацию изобретателям, патентным поверенным и законодателям. Подчеркивая необходимость всесторонних знаний как национальных, так и международных систем регистрации патентов, это исследование поможет изобретателям принимать обоснованные решения относительно стратегий патентной защиты. Кроме того, оно подчеркнет важную роль патентных поверенных в руководстве изобретателями в процессе регистрации патентов, тем самым усиливая защиту от имитации и оптимизируя использование ресурсов (см., в частности, положения гл. III ДПК).

Обращаясь в указанной связи к профессиональной деятельности юристов по интеллектуальной собственности и вопросам преследования регистрации патентов, отметим, что существующее законодательство, регламентирующее реализацию прав интеллектуальной собственности, предназначено для представления автора (правообладателя), создателя, изобретателя, дизайнера или других заинтересованных сторон в рамках получения защиты и регистрации в об-

ласти интеллектуальной собственности в странах, где каждая область интеллектуальной собственности имеет свои собственные характеристики и процедуры соответственно. Для сравнения, поверенные по правам интеллектуальной собственности также должны предоставлять различные консультации заявителям на права интеллектуальной собственности (как клиентам в рамках консультаций) в отношении требований к заявкам в области интеллектуальной собственности. Важно понимать, что представление о поверенных по правам интеллектуальной собственности как всего лишь о лицах, действующих на основании доверенности, отличается от понятия юридического консультанта при оказании (представлении) помощи клиентам в суде или вне суда либо в случае осуществления действий от имени и в интересах клиентов в контексте поиска справедливости или отстаивания их прав. Такого рода подход означает, что поверенные по правам интеллектуальной собственности, выступая в качестве особых уполномоченных от лица заявителя, вправе подавать заявки на регистрацию и осуществлять все необходимые сопроводительные действия в области реализации интеллектуальных прав, называемых действиями по администрированию рассматриваемых процессов и процедур.

Общеизвестно, что профессия означает прежде всего призвание, требующее в свою очередь серьезного образования. При этом профессия определяется как выполняемая работа на определенной должности, предполагающая интеллектуальную компетентность. Таким образом, профессию можно свободно толковать как постоянную работу в определенной области, основанную на определенной компетентности, которая выполняется ответственно с целью получения дохода. Другая формулировка определения понятия «профессия»: деятельность или должность, в пределах которой лицо обладает специальными знаниями, полученными посредством обучения или другого опыта, или того и другого, так что в результате оно может направлять деятельность других людей или давать им советы/рекомендации, а также служить другим людям, используя свой собственный опыт в определенных областях [2. – С. 52].

Развитие профессии патентных поверенных очень тесно связано с сектором интеллектуальной собственности, который в настоящее время по-прежнему рассматривается в целом как сфера

зарегистрированной интеллектуальной собственности и ее защита в пределах границ государства (защита прав интеллектуальной собственности на основе территориального признака страны), поэтому в то же время патентный поверенный является исключительно дополнительным агентом (агент патентных поверенных) для юридических или физических лиц по получению защиты или регистрации интеллектуальной собственности, когда необходимо выполнение минимальных требований к ней для получения патентов на изобретения, авторские права на фильмы, произведения искусства, литературы, музыки и т. д., на бренды для защиты брендов, наименований, включая географические указания.

Однако профессиональные патентные поверенные играют очень важную роль в контексте растущего цифрового развития и экономических интересов в области интеллектуальной собственности (активов). Цифровое развитие и экономические интересы в области интеллектуальной собственности (активы) становятся основой для субъектов бизнеса, потребности которого неуклонно повышаются за счет активизации отрасли прикладных информационных технологий, интернета вещей и т. д.

Портфель активов интеллектуальной собственности как «материальное обеспечение» для творческих отраслей влияет на потенциал развития и на возможности субъекта деятельности как на микро-, так и на мезоуровне. Деловые операции с портфелем активов интеллектуальной собственности могут иметь последствия в виде проблем, которые способны привести к спорам (вплоть до возбуждения судебных дел), в том числе с участием активов интеллектуальной собственности в качестве обеспечения (залога) для движимых объектов с фидуциарными гарантиями.

В настоящий период развитие заключается в том, что все больше субъектов бизнеса, владеющих несколькими активами в сфере интеллектуальной собственности, используют исключительные права и управляют ими (управление активами прав интеллектуальной собственности) для увеличения доходов (например, посредством лицензирования – см. в том числе ст. 1226 ГК РФ) или достижения дальнейших корпоративных стратегических целей. Стратегическая роль прав интеллектуальной собственности может проявляться в форме перепозиционирования юристов по правам интеллектуальной собственности, а также эксперта (аудитора), например, при аудите

интеллектуальной собственности [3. – С. 128]. Такого рода перепозиционирование включает обязательства по юридическим действиям против сторон, использующих их интеллектуальные права и(или) промышленные технологии недобросовестно либо без предварительного получения соответствующих прав или разрешений (лицензий), предусмотренных действующими нормативными правовыми актами соответствующего государства, а также нормами международного права, если соответствующие отношения приобретают трансграничный характер.

Позиция профессиональной организации патентных поверенных заключается не только в сборе или обсуждении текущих вопросов, что обычно является стандартной практикой. Так, юристы по интеллектуальной собственности при выполнении своих обязанностей, как правило, ограничиваются административной стороной заявки и не наделены по доверенности компетенциями защиты интересов своих клиентов от возможных нарушений их прав интеллектуальной собственности, но также могут играть роль в сделках, связанных с коммерциализацией интеллектуальных активов, которые очень уязвимы для споров. Права интеллектуальной собственности в промышленном секторе играют важную роль в развитии и прогрессе нации: через интеллектуальную собственность рождаются инновации, в том числе передовые технологии. Чем больше внедряется инноваций, тем более высокий уровень мастерства в области науки и техники демонстрируют специалисты в сфере интеллектуальной собственности, таким образом способствуя дальнейшему развитию промышленного сектора и проникновению субъектов деятельности на внутренние и международные рынки. По нашему мнению, профессия юриста по интеллектуальной собственности может быть связана с различными дисциплинами в зависимости от обязанностей, которые должны выполняться юристами-практиками в различных областях промышленности, торговли и даже искусства, связанных с передовыми технологиями.

В других сферах интеллектуальной собственности, например, в практике использования товарных знаков, патентные поверенные будут осуществлять поиск соответствующего обозначения или наименования бренда в письменных и материальных данных, чтобы выяснить, существуют ли уже похожие бренды для того же класса товаров или услуг (зарегистрированные либо

поданные заявителями по правилам, изложенным в гл. I ДПК), а также иметь возможность контролировать весь процесс регистрации знака и обеспечения его актуальности, в том числе сталкиваясь с препятствиями в виде вмешательства со стороны лиц, злоупотребляющих не принадлежащими им товарными знаками.

Более подробно рассматривая процедуры регистрации патентов на национальном и международном этапах, отметим, что в целом существуют три системы подачи заявки на регистрацию патента, а именно: 1) национальная, или страновая система; 2) региональная система и 3) международная система. Остановимся на них более подробно.

1. Национальная, или страновая система: патентообладатель или заявитель может подать заявку на регистрацию изобретения (патента) в патентное ведомство страны, где запрашивается патентная защита. В национальной системе заявка на регистрацию патента подается вместе с необходимыми документами (минимальным набором документов) в стране назначения (целевой стране), при этом оплачиваются необходимые пошлины (официальный сбор и гонорар патентного поверенного) в процессе регистрации заявки на патент.

2. Региональная система: владельцы патентов или заявители могут использовать региональные механизмы для подачи заявок на патенты в нескольких странах, использующих региональную патентную систему (для регистрации патента в некоторых странах-членах, использующих патентную региональную систему). Процессы регистрации и защиты осуществляются с использованием системы валидации в странах-членах (валидация во всех или некоторых странах-членах). Заявки могут быть обработаны путем подачи заявки на патент в определенное региональное патентное ведомство (соответствующее региональное патентное ведомство). К региональным патентным ведомствам отнесены в том числе (указываем в алфавитном порядке): Африканская организация интеллектуальной собственности (OAPI); Африканская региональная организация интеллектуальной собственности (ARIPO); Евразийская патентная организация (ЕАПО) и Европейская патентная организация (ЕПВ).

3. Международная система: при международной регистрации с выбором международных механизмов (особенно системы ДПК) необходимо обращать внимание на тип изобретения (продукт или процесс), подаваемого на патент.

Если изобретение представляет собой продукт, оно может потенциально принести различные выгоды, если патентная регистрация осуществляется на национальном уровне. Защита, связанная с устройствами (продуктами) в национальном масштабе, позволяет упростить решение различных правовых вопросов в рамках этого процесса. Например, продукты зарегистрированы на патентные права, такие как инновации в области машин и электроприборов. Владелец патента или заявитель регистрирует продукт с целью защиты и внедрения изобретений в нескольких странах – участницах ДПК. На основании системы стандартных требований ДПК и для осуществления процесса регистрации владелец патента или заявитель должен иметь гражданство или место жительства в странах – участницах ДПК, вести бизнес или иметь рынок сбыта в одной из стран – участниц ДПК, при этом регистрация с использованием механизма ДПК будет эффективной и окажет влияние на процесс.

Права интеллектуальной собственности также гармонизируются с положениями ВТО (Соглашение ТРИПС¹). В состав ВТО в настоящее время входят более 155 стран (стран – участниц ДПК). Заявки на патенты могут быть поданы в патентное ведомство определенных стран (соответствующей страны), региональное патентное ведомство или представителю бюро ДПК в Женеве (Швейцария).

Система классификации в ДПК зависит от территории, на которой патенты являются территориальными правами, и основана на рекомендациях ВОИС. Процесс регистрации для подачи патентной заявки в национальной (страновой) или в международной системе не сложен, однако целесообразно регистрировать патентные заявки, назначая экспертов или патентных поверенных (консультантов по интеллектуальной собственности). Таким образом, положения ДПК упрощают этот процесс и предлагают более легкий путь к патентной защите во всем мире.

Помимо того, что поверенные по правам интеллектуальной собственности последовательны в предоставлении консультаций по интеллектуальной собственности в каждой ее области, при-

держиваются четких принципов своей деятельности и проходят с заявителем все этапы подачи заявки на регистрацию интеллектуальной собственности, они должны уметь предоставлять требуемые заключения: по форме «Мнения по интеллектуальной собственности» и о возможности регистрации интеллектуальной собственности, включая портфель интеллектуальной собственности. Оценка включает в себя сведения о том, является ли актив интеллектуальной собственности подходящим как для регистрации, так и для продления защиты, включая экономическую стоимость интеллектуальной собственности, которая все еще действительна.

По нашему мнению, корректно, если патентный поверенный обладает опытом работы в области права, и оптимально, если он сведущ в других областях, таких как, например, инженерия, поскольку базовые знания в других дисциплинах могут дополнять профессионализм специалиста именно как компетентного патентного поверенного. В частности, когда изобретателю (новатору) удастся открыть новую технологию, патентный поверенный может подтвердить, является ли эта технология инновационной, и предоставить квалифицированную помощь в осуществлении процесса регистрации заявки на патент вплоть до его выдачи. Таким образом, обязанности патентных поверенных в области патентного права заключаются в обеспечении того, чтобы другие лица не нарушали права обладателя патента.

В свою очередь, права интеллектуальной собственности, включая авторские права, относятся к правам, закрепленным за владельцем авторских прав или принадлежащим ему. Экономические и правовые сложности возникают, как правило, при залоге объектов в виде прав интеллектуальной собственности для выплаты долгов и обеспечения гарантий финансирования. Указанная проблема касается авторского права как объекта фидуциарной гарантии. Данная гипотеза связана с тем фактом, что не существует четкого механизма наделения авторского права статусом объекта фидуциарной гарантии, хотя правила, касающиеся гарантий, тесно связаны с усилиями по экономическому развитию стран – участниц ДПК. Таким образом, сектор собственности, являющейся материальными активами, и его реализация нередко нецелесообразна и зачастую не соответствует целям предоставления гарантий по долговым обязательствам для повышения экономической устойчивости справедливого об-

¹ Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) (заключено в г. Марракеше 15.04.1994) (с изм. от 06.12.2005) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 37 (приложение, ч. VI). – С. 2818–2849.

щества из-за активного развития сектора не являющихся реальными (ощутимыми) нематериальных объектов интеллектуальной собственности, что объективно подтверждает важность вышеприведенной концепции прав на интеллектуальную собственность.

Резюмируя вышеперечисленное, отметим, что система ДПК упрощает международную регистрацию патентов. В принципе ДПК означает глобальное соглашение, призванное (в соответствии с его преамбулой в виде вводных положений) упростить процесс получения патентных прав в нескольких странах-участницах с использованием одной заявки. Согласно Договору ВОИС по авторскому праву, ДПК позволяет владельцам патентов (изобретателям) последовательно регистрировать международные заявки на регистрацию и защиту (всемирные патентные заявки и их защита) в более чем 155 странах-участницах. Отдельные патентные заявки (с разделением на национальные и региональные) и множественные административные требования, выставляемые в каждом государстве, включая материальные расходы, требуют в свою очередь достаточно серьезных административных усилий и финансовых затрат.

С точки зрения процедуры присоединение к ДПК состоит из двух этапов: международного и локального (национального). На международном этапе заявитель (уполномоченное лицо) подает одну заявку на регистрацию патента, после чего проводится поиск возможных аналогов по всему миру и первое рассмотрение заявки. На этой фазе предоставляется подробная информация о патентоспособности инновации, после чего процесс переходит в национальную фазу.

Значение ДПК существенно, так как на национальном уровне национальные патентные ведомства нескольких стран-участниц оценивают заявку на регистрацию патента и в ходе экспертизы принимают решение о принятии или отклонении заявки на регистрацию патента с решением о выдаче патента или отказе в ней.

Обсуждение креативной экономики на основе интеллектуальной собственности, основанной на маркетинговой системе и осуществляемой субъектами креативной экономики, сможет вылиться в формирование маркетинговой системы, поддерживаемой на государственном уровне, для продвижения предпринимательской деятельности этих субъектов. Как отмечено выше, одной из основных сложностей в индустрии креативной

экономики является отсутствие маркетинговой экосистемы для продвижения бизнеса, особенно микро-, малых и средних предприятий. При этом до сих пор не существует четких руководящих принципов оценки экономической стоимости нематериальных объектов, таких как патент, что требует внесения соответствующих изменений и дополнений в нормативные правовые акты об охране интеллектуальной собственности и патентных прав.

По нашему мнению, регистрация патента должна проводиться либо локально, либо по международной стратегии с целью использования коммерческого потенциала компаний. Фактически регистрация патента является верным способом и стратегией регистрации в локальной системе для получения международной охраны (защиты) интеллектуальных прав, и если у субъекта бизнеса есть коммерческий потенциал, и очень важно, чтобы международная регистрация осуществлялась через систему ДПК. Далее приведено описание процесса подачи заявки на международную регистрацию патента:

- 1) анализ коммерческого потенциала интеллектуальной собственности как на национальном, так и на мировом рынке;

- 2) рассмотрение потенциала коммерциализации в случаях, если изобретение (патент) имеет высокие промышленные перспективы в национальном масштабе;

- 3) соблюдение приоритетности регистрации патентов как на национальном, так и на международном уровне для обеспечения множества преимуществ (применений); например, инновации программного обеспечения компьютерных алгоритмов для различных типов приложений могут быть применены к мобильным устройствам (компьютерам);

- 4) обеспечение защиты, связанной с процессом (патент на процесс) в национальном и международном масштабе путем регистрации патента (процесса) с преимуществами подачи заявки на регистрацию патента на международном уровне;

- 5) рассмотрение вопросов сотрудничества на мировом рынке, к которым относятся: совместное предприятие; прямые инвестиции (материальное национальное право в сфере инвестиций); схема лицензирования (исключительная и неисключительная лицензии); перекрестная лицензия (патент) или бизнес-система; агентские, дистрибьюторские и другие договорные схемы;

международная торговля (экспорт/импорт), осуществляемая с помощью стандарта Инкотермс.

Завершая исследование, отметим, что схема международной патентной регистрации (ДПК) предлагает улучшенные возможности защиты для изобретателей путем внедрения приоритетных прав, что позволяет подчеркнуть новизну патента. Такой механизм особенно выгоден для организаций или инвесторов, которые решают регистрировать патенты как на национальном (в странах-участниках), так и на международном уровне. Когда изобретение демонстрирует многообещающий рыночный потенциал в международном масштабе, это становится решающим фактором при подаче международной патентной заявки с приоритетными правами. Понимание требований ДПК имеет важное значение для обеспечения новизны патента и решения потенциальных проблем, связанных с имитацией патентов. Международная заявка не только защищает представленное изобретение, но и снижает

риски дублирования и нарушения прав, наносящие вред изобретателю или владельцу патента.

Таким образом, механизм ДПК обеспечивает универсальные преимущества для изобретателей и владельцев патентов, позволяя подавать одну заявку на одобрение патента в нескольких целевых странах. Каждое национальное или региональное патентное ведомство рассматривает заявки на основе своих собственных правил и направлений проводимой политики. В свою очередь, патентные поверенные играют важную роль в руководстве изобретателями в этой системе, подчеркивая ее преимущества для получения глобальной патентной защиты. Кроме того, гармонизация права интеллектуальной собственности с положениями ВТО (Соглашение ТРИПС) подчеркивает важность прав интеллектуальной собственности в международной торговле, что требует эффективного разрешения коммерческих споров.

Список литературы

1. Воробьев Н. С. К вопросу о роли Суда Европейского союза при толковании договоров, связанных с защитой прав на интеллектуальную собственность // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2023. – № 2. – С. 144–149.
2. Кисин В. Р., Хадисов Г. Х. Специальные субъекты административных правонарушений, подлежащие ответственности как должностные лица // Административное право и процесс. – 2023. – № 3. – С. 50–54.
3. Лепешин Д. А., Даутия Т. В. Роль судебной экспертизы в спорах о защите авторских и смежных прав в сети Интернет // Правосудие. – 2024. – № 4. – С. 108–131.
4. Шахназаров Б. А., Близнец И. А. Инструменты правовой охраны интеллектуальной собственности при осуществлении внешнеторговой деятельности // Международное публичное и частное право. – 2024. – № 3. – С. 29–34.
5. Шереметьева Н. В. Зарубежный опыт регулирования (охраны) прав на объекты интеллектуальной собственности // Администратор суда. – 2020. – № 4. – С. 53–56.
6. Lazuardi A., Gunawan T. (2024). Perlindungan Hukum Terhadap Hak Kekayaan Intelektual Di Era Revolusi Industri 4.0. Sciential // Journal Of Social Sciences And International Relations. – 2024. – Vol. 1(1). – P. 1–20.
7. Margono S. Patent Development Strategy through PCT (Patent Cooperation Treaty) International Registration System // Challenge for Intellectual Property (IP) Attorneys in Indonesia, Edunity. – 2024. – Vol. 3 (12). – P.1180–1198.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2025-2-130-137>

Категориальный аппарат внешнеэкономической и внешнеторговой деятельности и особенности контроля, осуществляемого таможенными органами Российской Федерации

Е. С. Недосекова

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры административного и таможенного права Российской таможенной академии.
Адрес: ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»,
140015, Люберцы, Комсомольский пр-т, 4.
E-mail: e.nedosekova@customs-academy.ru

The Categorical Apparatus of Foreign Economic and Foreign Trade Activities and the Specifics of Control Carried out by the Customs Authorities of the Russian Federation

E. S. Nedosekova

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Administrative and Customs Law
of the Russian Customs Academy.
Address: Russian Customs Academy,
4 Komsomolsky Avenue, Lyubertsy, 140015, Russian Federation.
E-mail: e.nedosekova@customs-academy.ru

Поступила 10.04.2025 Принята к печати 25.04.2025

Аннотация

В статье проанализированы категориальные и понятийные особенности осуществления внешнеэкономической, внешнеторговой и таможенной деятельности, приведены особенности определения таких принципиально важных дефиниций, как внешнеэкономическая деятельность, внешнеторговая деятельность, импорт и экспорт, ввоз на таможенную территорию Евразийского экономического союза и в Российскую Федерацию и вывоз с таможенной территории Евразийского экономического союза и из Российской Федерации, товар, а также сформулированы их общие характеристики, содержание и существенные признаки. Поднят вопрос контрольной деятельности таможенных органов при перемещении товаров через таможенную границу Евразийского экономического союза и через государственную границу Российской Федерации. Сделан акцент на перемещении такого вида товаров, как валюта и ценные бумаги (денежные инструменты). Описаны правила таможенного декларирования данных объектов при перемещении через таможенную границу Евразийского экономического союза, а также проанализированы изменения 2022 г., устанавливающие ограничения по вывозу из Российской Федерации иностранной валюты и денежных инструментов в иностранной валюте. Вместе с этим проанализированы такие функции Федеральной таможенной службы, как таможенный и валютный контроль, установлены различия между ними и имеющиеся у них точки пересечения.

Ключевые слова: внешнеторговая деятельность, таможенное регулирование, ЕАЭС, ввоз и вывоз товаров, экспорт и импорт, валютный контроль, таможенные органы, Федеральная таможенная служба.

Abstract

The article analyzes the categorical and conceptual features of foreign economic, foreign trade and customs activities, provides the specifics of defining such fundamentally important definitions as: foreign economic activity, foreign trade activity, import and export, import into the customs territory of the Eurasian Economic Union and the Russian Federation and export from the customs territory of the Eurasian Economic Union and the Russian Federation, goods – general characteristics, content and essential features are formulated for them. The issue of control activities of customs authorities when moving goods across the customs border of the Eurasian Economic Union and across the state border of the Russian Federation was raised. The emphasis is placed on the movement of such types of goods as currency and securities (monetary instruments). The rules of customs

declaration of these objects when moving across the customs border of the Eurasian Economic Union are described.

Keywords: foreign trade activity, customs regulation, Eurasian Economic Union, import and export of goods, export and import, currency control, customs authorities, Federal customs service.

Справедливым будет утверждение, что в соответствии с Федеральным законом «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности»¹ (далее – ФЗ № 164) под внешне-торговой деятельностью понимается «деятельность по осуществлению сделок в области внешней торговли товарами, услугами, информацией и интеллектуальной собственностью». Приведенное определение не дает четкого понимания, что такое внешняя торговля и с кем она осуществляется.

Традиционно таможенные и государственные границы стран совпадают, в результате чего не возникает сложностей с определением контрагентов во внешней торговле, и внешняя торговля связывается с перемещением товаров через таможенную (государственную) границу. Однако Российская Федерация с 2010 г. стала членом Таможенного союза, который в 2014 г. преобразован в Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС, Союз), и государственная и таможенная границы перестали совпадать, так как между государствами – членами Союза установлена зона свободной торговли («таможенные территории, на которых в соответствии с международным договором с одним или несколькими государствами либо группами государств отменены таможенные пошлины и другие меры ограничения внешней торговли товарами, происходящими с данных таможенных территорий, в отношении практически всей внешней торговли такими товарами в пределах данных таможенных территорий»²) и единая таможенная территория.

В процессе дальнейшего анализа ФЗ №164 выясняется, что закон разъясняет некоторые составные части понятия «внешнеторговая деятельность», такие как «товар», «услуга», «информация» и «интеллектуальная собственность», являющиеся объектами внешней торговли. В свою очередь, «внешняя торговля товарами

– это импорт и (или) экспорт товаров»³. «Импорт товара – ввоз товара в Российскую Федерацию без обязательства об обратном вывозе. Экспорт товара – вывоз товара из Российской Федерации без обязательства об обратном ввозе»⁴. Во-первых, представляется, что данные определения не учитывают специфику категории «торговля», которая отсылает к положениям гражданского законодательства и предполагает совершение возмездных сделок, по которым «одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму (цену)»⁵. Термины «ввоз» и «вывоз» не обязательно подразумевают двустороннюю сделку и возмездность, что противоречит сущности торговли.

Во-вторых, из приведенных определений видно, что внешняя торговля (импорт – ввоз и экспорт – вывоз) связана с перемещением товаров через государственную границу России. Следовательно, актуален вопрос об организации внешнеторговой деятельности как между государствами – членами ЕАЭС, так и с третьими странами.

В-третьих, из этого вытекает необходимость проанализировать особенности и целесообразность правового регулирования и ведения внешней торговли в рамках единой таможенной территории ЕАЭС, а также определить особенности контроля за внешнеторговой деятельностью между государствами – членами ЕАЭС и с третьими странами [5].

Чтобы осветить данное направление, необходимо проанализировать сущность категории «товар». Товар – «являющиеся предметом внешнеторговой деятельности движимое имущество, отнесенные к недвижимому имуществу воздушные, морские суда, суда внутреннего плавания и смешанного (река-море) плавания и космические

¹ Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 50. – Ст. 4850.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 52. – Ст. 5496 (Часть I).

объекты, а также электрическая энергия и другие виды энергии. Транспортные средства, используемые по договору о международных перевозках, не рассматриваются в качестве товара»¹.

Так как товары могут перемещаться и за пределы ЕАЭС (что часто именуется внешнеэкономической деятельностью), проанализируем Таможенный кодекс Евразийского экономического союза² (далее – ТК ЕАЭС), в котором дано иное определение товара – «любое движимое имущество, в том числе валюта государств-членов, ценные бумаги и (или) валютные ценности, дорожные чеки, электрическая энергия, а также иные перемещаемые вещи, приравненные к недвижимому имуществу».

Представляется, что так как внешнеэкономическая и внешнеторговая деятельность тесно связана с таможенной деятельностью, то желательно, чтобы не существовало терминологической разницы и расхождения в основных дефинициях [5].

Аналогично этому в ФЗ №164 «внешняя торговля товарами – это импорт и (или) экспорт товаров». Соответственно, понятие «внешняя торговля» законом и экономическими словарями определяется как торговля между странами посредством двух инструментов: экспорта и импорта [8]. Однако ни международные договоры и акты в сфере таможенного регулирования, ни законодательство России о таможенном регулировании не используют терминов «импорт/экспорт». Так назывались ранее (до 2010 г.) таможенные режимы, однако с изменением законодательства они были преобразованы в таможенные процедуры и получили название экспорт и выпуск для внутреннего потребления. Данная особенность и содержание указанных таможенных процедур не позволяют найти соответствия с операциями экспорта и импорта из ФЗ № 164. Соответственно, не рекомендуется нормативное использование категорий «импорт» и «экспорт», дабы не вводить в заблуждение правоприменителей.

Следует отметить, что ТК ЕАЭС оперирует только категориями «ввоз товаров на таможенную территорию Союза – совершение действий, которые связаны с пересечением таможенной границы Союза и в результате которых товары прибыли на таможенную территорию Союза любым способом, включая пересылку в международных почтовых отправлениях, использование трубопроводного транспорта и линий электропередачи, до выпуска таких товаров таможенными органами» и «вывоз товаров с таможенной территории Союза – совершение действий, направленных на вывоз товаров с таможенной территории Союза любым способом, в том числе пересылка в международных почтовых отправлениях, использование трубопроводного транспорта и линий электропередачи, включая пересечение таможенной границы Союза»³.

Отличие ввоза и вывоза, охарактеризованных в законодательстве о таможенном регулировании и в ФЗ № 164, – момент пересечения границы: в таможенном аспекте – это таможенная граница, в целях внешнеторговой деятельности – государственная граница [5]. Но у внешнеторговой деятельности есть и другие признаки, которые будут отличать ее от внешнеэкономической [1] (исключительная возмездность и двусторонний характер сделки).

Таким образом, можно сделать следующие выводы и предложить следующие определения.

1. Внешнеторговая деятельность является частью внешнеэкономической деятельности. Внешнеэкономическая деятельность может осуществляться на возмездной и безвозмездной основе, может выражаться в односторонних и многосторонних сделках.

2. Внешнеэкономическая деятельность – деятельность хозяйствующих субъектов, направленная на ввоз объектов на таможенную территорию Союза или в Российскую Федерацию или вывоз товаров с таможенной территории Союза или из Российской Федерации.

3. Внешнеторговая деятельность – деятельность хозяйствующих субъектов по осуществлению двусторонних возмездных сделок в области внешней торговли, по которым одна сторона (продавец) обязуется передать объект сделки в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять его и уплатить за него определенную денежную сумму (цену), в

¹ Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 50. – Ст. 4850.

² Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). – URL: <https://eaeunion.org/upload/iblock/93c/TK-EAES.pdf> (дата обращения: 24.06.2025).

³ Там же.

результате которых осуществляется ввоз товаров на таможенную территорию Союза или в Российскую Федерацию или вывоз товаров с таможенной территории Союза или из Российской Федерации.

4. Объектами внешнеэкономической и внешнеторговой деятельности являются имущество (товары), в том числе информация, результаты работ и оказание услуг, интеллектуальная собственность.

5. Товар – движимое имущество, в том числе валюта государств-членов, ценные бумаги и (или) валютные ценности, дорожные чеки, электрическая энергия и другие виды энергии, а также иные перемещаемые вещи, приравненные к недвижимому имуществу (в том числе воздушные, морские суда, суда внутреннего плавания и смешанного (река-море) плавания и космические объекты), являющиеся объектом внешнеэкономической деятельности. Транспортные средства, используемые по договору о международных перевозках, не рассматриваются в качестве товара.

Таким образом, существенным признаком внешнеторговой деятельности является пересечение объектом торговли границы. Однако насколько верно говорить о внешней торговле товарами в рамках Союза (таможенного, ЕАЭС) при том, что законодательство о внешнеторговой деятельности у каждого государства-члена собственное, а таможенное законодательство – общее? Также при осуществлении внешнеторговой деятельности особое место занимает контроль, а значимую роль играют таможенные органы, которые в пределах своих полномочий осуществляют таможенный контроль над хозяйствующими субъектами при перемещении товаров через таможенную границу ЕАЭС [5]. Встает вопрос, будут ли осуществлять таможенные органы контроль за перемещением товаров через государственную границу Российской Федерации?

ФЗ №164 дает такое определение «таможенного союза» (хотя с 1 января 2018 г. актуально говорить о Евразийском экономическом союзе, что является более высокой формой международной интеграции): «единая таможенная территория, которой на основе международного договора с одним или несколькими государствами либо группами государств заменяется две или несколько таможенных территорий и в пределах которой отменяются таможенные пошлины и другие меры ограничения внешней торговли товарами, происходящими с единой таможенной терри-

тории, в отношении практически всей торговли такими товарами в пределах этой таможенной территории, за исключением возможности применения при необходимости таких мер». При этом каждый участник таможенного союза применяет одинаковые таможенные пошлины и другие меры регулирования внешней торговли товарами с третьими странами. Следовательно, таможенные органы внутри Союза не должны осуществлять контроль за перемещением товаров.

Однако в предложенном выше определении к товарам (в том числе на основе законодательства о таможенном регулировании) относится валюта. Если указано, что благодаря функционированию таможенного союза осуществляется свободное перемещение товаров без осуществления таможенного контроля, то значит ли это, что в рамках Союза осуществляется свободное перемещение валюты без применения мер ограничения и осуществления контроля (в данном случае валютного контроля)? Абсолютно нет. И в данном случае будет применяться Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле»¹ (далее – ФЗ о валютном регулировании) и осуществляться валютный контроль не только при перемещении валюты через таможенную границу ЕАЭС, но и при перемещении валюты через государственную границу Российской Федерации. Это объясняется тем, что между государствами – членами ЕАЭС не создан валютный союз, и у каждого государства – своя валюта и свои правила валютного регулирования и валютного контроля.

Полномочия по осуществлению такого валютного контроля возложены на таможенные органы [4]. Основной целью валютного контроля является обеспечение соблюдения участниками внешнеэкономической деятельности установленных правил валютного законодательства при осуществлении различных валютных операций². Валютный контроль занимает особое место в системе мер государственного регулирования внешнеэкономической деятельности. Под валютным контролем понимается деятельность Правительства Российской Федерации, органов и аген-

¹ Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 50. – Ст. 4859.

² Недосекова Е. С. Финансовое право. – М.: Изд-во РТА, 2014.

тов валютного контроля, направленная на обеспечение соблюдения валютного законодательства и актов органов валютного регулирования при осуществлении валютных операций¹. Так, валютный контроль включает в себя проверки операций с иностранной валютой, регулируемые валютным законодательством, а также операций с наличной иностранной валютой и т. д. [7].

Следует обратить внимание, что по содержанию все валютные операции, перечисленные в ФЗ о валютном регулировании, можно разделить на три группы:

- приобретение, отчуждение и использование в качестве средства платежа объектов валютных правоотношений между субъектами;
- банковский перевод объектов валютных правоотношений субъектами со счета на счет, открытые как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами;
- ввоз в Российскую Федерацию и вывоз из Российской Федерации объектов валютных правоотношений².

В контексте настоящего исследования интересна последняя группа валютных операций, а именно ввоз в Российскую Федерацию и вывоз из Российской Федерации валютных ценностей, валюты Российской Федерации и внутренних ценных бумаг в документарной форме, которые осуществляются резидентами и нерезидентами при соблюдении требований актов валютного законодательства Российской Федерации, актов органов валютного регулирования, права ЕАЭС и законодательства Российской Федерации о таможенном регулировании. Во-первых, данное утверждение также доказывает отсутствие единого валютного регулирования на территории Союза. Во-вторых, следует обратить внимание, что данная сделка, несмотря на то, что осуществляется ввоз или вывоз определенных объектов, не относится к внешнеторговой деятельности, так как является односторонней безвозмездной сделкой.

Если анализировать общие правила перемещения валюты и ценных бумаг через таможенную границу ЕАЭС, то действуют единые для

всех государств – членов ЕАЭС правила, касающиеся перемещения и декларирования товаров для личного пользования. Пункт 7 статьи 260 ТК ЕАЭС устанавливает, что таможенному декларированию подлежат «наличные денежные средства и (или) дорожные чеки, если общая сумма таких наличных денежных средств и (или) дорожных чеков при их единовременном ввозе на таможенную территорию Союза или единовременном вывозе с таможенной территории Союза превышает сумму, эквивалентную 10 тыс. долларов США по курсу валют, действующему на день подачи таможенному органу пассажирской таможенной декларации»³. При этом с 4 февраля 2020 г. пассажирская таможенная декларация сопровождается представлением документов для подтверждения происхождения наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, если общая сумма таких наличных денежных средств и (или) денежных инструментов при их единовременном ввозе на таможенную территорию ЕАЭС или единовременном вывозе с таможенной территории ЕАЭС превышает сумму, эквивалентную 100 тыс. долларов США по курсу валют, действующему на день подачи таможенному органу пассажирской таможенной декларации⁴.

Ценные бумаги ТК ЕАЭС относит к специфической категории «денежные инструменты» (аналога такой категории в валютном законодательстве России нет, что также является коллизией) и устанавливает следующие правила их перемещения через таможенную границу ЕАЭС: все денежные инструменты, за исключением дорожных чеков, подлежат таможенному декларированию. В данном контексте необходимо отметить, что ТК ЕАЭС к денежным инструментам относит «дорожные чеки, векселя, чеки (банковские чеки), а также ценные бумаги в документарной форме, которые удостоверяют обязательство эмитента (должника) по выплате денежных средств и в которых не указано лицо, которому осуществля-

¹ Добробаба М. Б., Калинина Л. Е., Мызникова Е. А., Недосекова Е. С. Финансовое право. – М. : РИО Российской таможенной академии, 2024.

² Недосекова Е. С., Туганов Ю. Н. Актуальные проблемы финансового права. – М. : РИО Российской таможенной академии, 2019.

³ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). – URL: <https://eaeunion.org/upload/iblock/93c/TK-EAES.pdf> (дата обращения: 24.06.2025).

⁴ Решение Коллегии Евразийской Экономической Комиссии от 6 августа 2019 г. № 130 «О представлении документов для подтверждения происхождения наличных денежных средств и (или) денежных инструментов». – URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/335/4574/> (дата обращения: 24.06.2025).

ется такая выплата»¹. Несмотря на включение дорожных чеков в категорию «денежные инструменты», правила их декларирования приравнены к правилам декларирования валюты, что вводит в заблуждение лиц, перемещающих данные объекты. Что касается вопроса единообразного правового регулирования смежных областей, представляется необоснованным введение в законодательство о таможенном регулировании такой отдельной специфической категории как «денежные инструменты». С целью соблюдения данных правил о таможенном декларировании и перемещении валюты и денежных инструментов через таможенную границу ЕАЭС таможенные органы будут осуществлять таможенный и валютный контроль одновременно [2].

Но более пристальное внимание необходимо уделить валютному контролю со стороны таможенных органов за ввозом в Российскую Федерацию и вывозом из Российской Федерации валютных ценностей, валюты Российской Федерации и внутренних ценных бумаг. Таможенные органы всегда осуществляли валютный контроль за данными операциями как минимум в целях противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма [3]. Однако особую актуальность валютный контроль за этими операциями приобрел с 2022 г.

Однако сначала важно описать особенности правового положения таможенных органов (во главе с Федеральной таможенной службой – далее ФТС России) в системе субъектов, осуществляющих валютный контроль.

Валютный контроль в Российской Федерации осуществляется Правительством Российской Федерации, органами и агентами валютного контроля. Функциями органов валютного контроля наделены Банк России, а с февраля 2016 г. – ФТС России и Федеральная налоговая служба (далее – ФНС России)².

В 2016 г. произошли очередные изменения в системе федеральных органов исполнительной власти: в частности, ФТС России из-под прямого подчинения Правительству Российской Федерации перешла в подчинение Министерству финан-

сов. Вместе с этим коренным образом изменилось законодательство в сфере валютного регулирования и валютного контроля при осуществлении внешнеэкономической деятельности. Так, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 2 февраля 2016 г. № 41 «О некоторых вопросах государственного контроля и надзора в финансово-бюджетной сфере»³, Постановлению Правительства Российской Федерации от 13 апреля 2016 г. № 300 «Об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации»⁴ ФТС России и ФНС России получили функции ликвидированной Федеральной службы финансово-бюджетного надзора (Росфиннадзора), которая осуществляла функции органа валютного контроля [6]. Таким образом, ФТС России и ФНС России из агентов валютного контроля перешли в статус органа валютного контроля, получив часть полномочий Росфиннадзора.

Можно выделить два основных направления деятельности таможенных органов как органов валютного контроля: 1) контроль за перемещением товаров, осуществлением расчетов и получением валютной выручки (репатриация) по внешнеторговым сделкам; 2) контроль за соблюдением правил перемещения валютных ценностей, валюты Российской Федерации, внутренних ценных бумаг и дорожных чеков преимущественно физическими лицами⁵. В пунктах 1 и 5 Положения о ФТС России⁶ перечислены полномочия,

³ Указ Президента Российской Федерации от 2 февраля 2016 г. № 41 «О некоторых вопросах государственного контроля и надзора в финансово-бюджетной сфере». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201602020057?ysclid=maolzxxiu8173810521> (дата обращения: 24.06.2025).

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 13 апреля 2016 г. № 300 «Об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201604180025?ysclid=maok5ilcch307935230> (дата обращения: 24.06.2025).

⁵ Добробаба М. Б., Калинина Л. Е., Мызникова Е. А., Недосекова Е. С. Финансовое право. – М. : РИО Российской таможенной академии, 2024.

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 23 апреля 2021 г. № 636 «Об утверждении Положения о Федеральной таможенной службе, внесении изменений в Положение о Министерстве финансов Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 18. – Ст. 3146.

¹ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). – URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/93c/TK-EAES.pdf> (дата обращения: 24.06.2025).

² Добробаба М. Б., Калинина Л. Е., Мызникова Е. А., Недосекова Е. С. Финансовое право. – М. : РИО Российской таможенной академии, 2024.

которыми была наделена ФТС России для достижения поставленных целей. Среди этих полномочий – контроль и надзор за валютными операциями при перемещении товаров через границу (не только ЕАЭС, но и России); контроль за товарами, перемещаемыми через границу при бартере; контроль полноты и достоверности отчетности при совершении валютных операций.

Также ФТС России, сменив статус с агента на орган валютного контроля за осуществлением валютных операций на государственной границе России, получила не только право осуществлять контрольные мероприятия и выявлять нарушения, но и дополнительные полномочия по выдаче предписания об устранении правонарушения, по применению мер ответственности, что, безусловно, относится к важным и необходимым полномочиям для обеспечения экономической безопасности России.

Далее проанализируем изменения в правилах перемещения валютных ценностей, валюты Российской Федерации, внутренних ценных бумаг через государственную границу России.

На ввоз данных объектов на территорию России ограничений нет и правила не менялись. Однако существенно изменились в последние годы правила и ограничения по вывозу валюты и ценных бумаг.

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 1 марта 2022 г. № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» со 2 марта 2022 г. запрещено вывозить из России наличную иностранную валюту и денежные инструменты в иностранной валюте в сумме, превышающей эквивалент 10 тыс. долларов США. Указанный запрет распространяется на вывоз из Российской Федерации (как через таможенную границу ЕАЭС, так и че-

рез государственную границу России в государства – члены ЕАЭС) наличных денежных средств и (или) денежных инструментов в иностранной валюте физическими лицами (резидентами и нерезидентами), включая несовершеннолетних. На вывозимые наличные денежные средства и (или) денежные инструменты в российских рублях запрет не распространяется.

Таким образом, в настоящее время разрешен вывоз наличных денежных средств и (или) денежных инструментов в иностранной валюте в сумме, не превышающей 10 тыс. долларов США в эквиваленте, а также в российских рублях без ограничений.

И именно за соблюдением данного жесткого ограничения в рамках внешнеэкономической деятельности (в форме односторонней сделки) таможенные органы России осуществляют валютный контроль на государственной границе Российской Федерации.

Таким образом, на основе проведенного комплексного анализа содержания категорий «внешнеэкономическая и внешнеторговая деятельность», «импорт и экспорт», «ввоз и вывоз» были выявлены правовые коллизии и предложены пути их устранения, в том числе путем применения сформулированных определений и характеристик. На основе анализа полномочий таможенных органов по контролю за внешнеэкономической деятельностью было выявлено, что таможенные органы Российской Федерации реализуют свои функции и осуществляют контрольную деятельность не только на таможенной границе ЕАЭС, но и на государственной границе Российской Федерации, а также установлена тесная связь таможенного и валютного контроля на таможенной границе и особенности осуществления валютного контроля на государственной границе Российской Федерации.

Список литературы

1. Бутова Т. В., Мурар В. И., Елесина М. В., Рашкеева И. В. Внешнеэкономическая деятельность: понятие и сущность // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – №12-1. – С. 9–10.
2. Еремеева А. С., Сидоров Ю. В. Контроль за перемещением наличных денежных средств и денежных инструментов через таможенную границу // Вестник магистратуры. – 2019. – №12-1 (99). – С. 29–31.
3. Мантусов В. Б., Шкляев С. В. Деятельность таможенных органов по противодействию легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма // Вестник Российской таможенной академии. – 2018. – № 4. – С. 9–17.

4. Недосекова Е. С. Направления и особенности правового регулирования и осуществления валютного контроля таможенными органами Российской Федерации // Зеленый коридор. Наука и образование в таможенном деле. – 2019. – № 2 (8). – С. 16–25.
5. Недосекова Е. С. Особенности внешнеторговой деятельности в рамках ЕАЭС и значение валютного контроля при осуществлении внешнеторговой деятельности // Таможенное дело. – № 2. – 2019. – С. 26–28.
6. Недосекова Е. С. Ретроспективный анализ изменений правового положения таможенных органов в системе валютного контроля за 25 лет // Российская таможенная академия – 25 лет: итоги и перспективы : сборник материалов X Международной молодежной научно-практической конференции Российской таможенной академии. – М. : РИО Российской таможенной академии, 2018. – С. 150–154.
7. Попова К. Н. Правовая характеристика финансовой деятельности таможенных органов // Проблемы и перспективы развития современного законодательства: сборник материалов VII Межкафедральной научно-практической конференции юридического факультета. – М. : РИО Российской таможенной академии, 2018. – С. 64–68.
8. Суюнова К. Б., Саидова Ф. С. Различные подходы к пониманию внешнеэкономической деятельности // Journal of Marketing, Business and Management. – 2024. – № 5. – С. 1–9.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2025-2-138-145>

Актуальные вопросы квалификации недобросовестной конкуренции и взыскания убытков

Р. А. Курбанов

заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Kurbanov.RA@rea.ru

А. М. Моисеев

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: moiseev.am@rea.ru

Current Issues of Unfair Competition Qualification and Recovery of Losses

R. A. Kurbanov

Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: Kurbanov.RA@rea.ru

A. M. Moiseev

PhD in Law, Associate Professor
of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: moiseev.am@rea.ru

Поступила 20.03.2025 Принята к печати 10.04.2025

Аннотация

В статье поднимаются вопросы об особенностях квалификации актов недобросовестной конкуренции, их отграничения от иных близких по форме нарушений. Схожие составы нарушений можно обнаружить и в законодательстве о рекламе, в сфере торговли. Авторы подчеркивают важность и сложность квалификации актов недобросовестной конкуренции, что связано с применением ряда оценочных понятий, таких как добросовестность, разумность и справедливость. В статье проводится анализ ряда дел, рассмотренных арбитражными судами и управлениями федеральной антимонопольной службы, возбужденных по причине увода клиентов от одной компании к другой. Будучи не поименованными на специальном нормативном уровне, компании сталкиваются с отсутствием действенного механизма компенсации причиненных убытков, что часто возникает по причине сложности установления причинно-следственной связи, а также нежелания клиентов включаться в судебные тяжбы между хозяйствующими субъектами. В результате даже подтвержденные в административном порядке акты недобросовестной конкуренции не всегда стано-

вятся основой для взыскания убытков, а также для возмещения вреда деловой репутации. Авторы приходят к выводу о необходимости пересмотра вопроса об ответственности за недобросовестную конкуренцию, а также создания действенных механизмов для защиты от подобных явлений.

Ключевые слова: конкуренция, недобросовестная конкуренция, арбитражный суд, антимонопольная служба, реклама, судебная практика, торговля, налоги, административная ответственность, услуги, бизнес, риски, преимущество, убытки, деловая репутация, упущенная выгода.

Abstract

In the article, the authors raise questions about the specifics of the qualification of acts of unfair competition, their differentiation from other similar violations. Similar patterns of violations can be found in the legislation on advertising and in the field of trade. The authors emphasize the importance and complexity of qualifying acts of unfair competition, which is associated with the use of a number of evaluative concepts such as integrity, reasonableness and fairness. The article analyzes a number of cases considered by arbitration courts and departments of the Federal Antimonopoly Service, initiated due to the withdrawal of clients from one company to another. Being unnamed at a special regulatory level, companies face the lack of an effective compensation mechanism for losses, which often arises due to the difficulty of establishing a cause-and-effect relationship, as well as the disinterest of customers to engage in litigation between business entities. As a result, even administratively confirmed acts of unfair competition do not always become the basis for recovery of losses, as well as for compensation for damage to business reputation. The authors conclude that it is necessary to reform the issue of liability for unfair competition, as well as to create effective mechanisms to protect against such manifestations.

Keywords: competition, unfair competition, arbitration court, antimonopoly service, advertising, judicial practice, trade, taxes, administrative responsibility, services, business, risks, advantage, losses, business reputation, lost profits.

Любой акт недобросовестной конкуренции вредит как конечному потребителю, так и экономике в целом. «Действовать смело. Никого не расспрашивать. Побольше цинизма. Людям это нравится», – так говорил Остап Бендер. Подобный лозунг часто берется на вооружение в конкурентной борьбе, при этом механизмы полноценного противодействия актам недобросовестной конкуренции и компенсации вызванных ими убытков очень несовершенны.

Совершенная конкуренция в том виде, как ее понимал один из основоположников экономической теории Адам Смит, позволяет более эффективно распределять и использовать ресурсы. Также мы можем вспомнить про «невидимую руку» рынка, представления о которой вполне справедливо подвергаются критике более современных авторов. Например, Дж. Стиглиц говорил, что «невидимая рука» Адама Смита потому и невидима, что ее не существует [5. – С. 270].

Стоит выделить и мнение Ю. Тая, согласно которому «общепринятое представление о том, что, борясь с монополиями и иногда даже уничтожая их, государственные органы ускоряют экономическое развитие страны, а также способствуют развитию конкуренции, не имеет эмпирических подтверждений. <...> Зачастую непонятно, почему одни отрасли находятся под постоян-

ным контролем, а другие, в которых дела обстоят много хуже, остаются без внимания» [4. – С. 15].

Относительно противодействия недобросовестной конкуренции мы наблюдаем ситуацию, схожую с самыми обычными преступлениями. Конечно же, это сравнение весьма условно. Но мы понимаем, что как борьба с преступностью бесконечна, так и борьба Федеральной антимонопольной службы (далее – ФАС) и участников рынка с недобросовестными формами конкуренции тоже будет бесконечной. Выдача предписания и даже штраф не всегда останавливают от аналогичного или повторного нарушения.

Развитие законодательства, проработка правовых позиций по отдельным видам недобросовестной конкуренции безусловно способствуют более точной квалификации, укрепляют позицию ФАС, помогают удержать судебное решение, но не пресекают само явление. Задачей антимонопольных органов и государства в целом становится создание таких механизмов защиты рынка, которые помогали бы обеспечить эту самую защиту, взыскать убытки от неправомерных действий.

Законодатель подошел к контролю недобросовестной конкуренции путем разделения актов недобросовестной конкуренции на отдельные формы, или составы, в самом законе установлением ответственности на уровне Кодекса Российской Федерации по административным пра-

вонарушениям (далее – КоАП РФ), а также положениями о полномочиях антимонопольного органа и порядке рассмотрения дел.

В своем общем виде недобросовестная конкуренция представляет собой «любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам – конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации» – именно такое общее определение содержится в статье 4 закона «О защите конкуренции»¹.

Ключевыми в данном случае являются следующие формулировки:

– «действия хозяйствующих субъектов». Таким образом, недобросовестная конкуренция не может быть совершена в форме бездействия, это всегда будет волевой поступок;

– «противоправный характер». Тут мы видим, что законодатель существенно расширил границы-маркеры. Это не только законодательство, но и требования добропорядочности, разумности и справедливости. С одной стороны, такие формулировки могут показаться неточными. Но это свойственно любому из оценочных понятий. Кроме того, добросовестность уже имеет свое измерение в рамках концепции ожидаемого поведения². Да и в целом применение оценочного понятия (или его неточность) не равняется неопределенности в ситуации, когда оно может быть исследовано в конкретном деле.

На наш взгляд, здесь вполне применима неоднократно применяемая по многим делам³ правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации: «некоторая неточность, допущенная законодателем при формулировании

нормы, хотя и затрудняет уяснение ее действительного смысла, однако не дает оснований для вывода о том, что она является неопределенной <...> Кроме того, в судебной практике должно обеспечиваться конституционное истолкование подлежащих применению норм, а при расхождении в понимании нормы судами обеспечение надлежащего уровня гарантий конституционных прав граждан возможно посредством ее конституционно-судебного истолкования».

Использование оценочного понятия позволяет не ограничивать квалификацию акта недобросовестной конкуренции только формами, конкретно установленными в нормативном акте, что также часто встречается в случаях, когда законодатель определяет запрещенное поведение. Если мы создаем закрытый перечень запрещенного поведения, то столкнемся с тем, что неупомянутое недобросовестное поведение станет законным, а лицо не будет нести негативных последствий.

Однако, бесспорно, такая широкая терминологическая амплитуда (добропорядочность, разумность, справедливость) создает возможность интерпретировать любое действие конкурента на рынке как недобросовестную конкуренцию, что приводит к попыткам использовать ФАС как средство решения хозяйственных споров.

Возьмем в качестве примера уплату налогов. Компания А работает на рынке и исправно платит налоги. С учетом налоговой нагрузки, других обязательных платежей она может установить цену на свои услуги в 1000 рублей. Компания Б является конкурентом компании А, но налоги и обязательные платежи занижаются, что позволяет продавать свои услуги по цене 500 рублей. Можно ли считать это нарушением принципов конкуренции, или же это будет только нарушением налогового законодательства? И в случае, если услуги компании без лицензии становятся дешевле услуг конкурентов с лицензией, будет ли это актом недобросовестной конкуренции, либо мы уходим сугубо в законодательство о лицензировании и соответствующие статьи КоАП РФ? Сюда же можно отнести таможенное оформление.

Вопрос о налогах поднимался в 2016 г.⁴, но не нашел своего нормативного урегулирования.

¹ Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Российская газета. – 27.07.2006. – № 162.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 30.06.2015. – № 140.

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 марта 2023 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 17 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П. Е. Бахирева» // Российская газета. – 31.03.2023. – № 69.

⁴ Юристы просят приравнять неуплату налогов к недобросовестной конкуренции. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/03/16/633735-yuristi-prosyat-priravnyat-neuplatu-nalogov-nedobrosovestnoi-konkurentsii> (дата обращения: 26.05.2025).

Также в феврале 2025 г. Ассоциация торговых компаний и товаропроизводителей электробытовой и компьютерной техники (РАТЭК) обратилась с жалобой на то, что маркетплейсы устанавливают заниженные цены, и это усложняет для физических розничных магазинов возможности для конкуренции¹.

Тем не менее в судебной практике можно обнаружить важную правовую позицию, которая вытекает из дела № А04-1665/2018, связанного с платностью передачи данных в региональную навигационно-информационную систему (РНИС).

ООО «Система мониторинга» подала жалобу на необоснованное установление платы за услуги АО «РНИЦ Амурской области» (далее – АО) по организации информационного обмена между программным комплексом локальных операторов и РНИС, а также платы за прием ретранслируемых мониторинговых данных. К этой системе должны в обязательном порядке подключаться школьные автобусы, транспортные средства категорий М1, М2 и М3, тяжеловесные и другие транспортные средства. Их владельцы могут осуществить подключение двумя способами:

- заключить договор с АО;
- через локального оператора заключить договор с АО о ретрансляции мониторинговой информации.

Претензии сводились к тому, что клиенты ООО «Система мониторинга» перешли к АО, так как последнее запросило пароли от спутникового оборудования (в том числе клиентов ООО «Система мониторинга») и осуществило их переностройку. В результате на серверы ООО «Система мониторинга» перестала поступать мониторинговая информация с бортового оборудования. У ряда компаний отпала целесообразность в услугах компании, так как они могли получать аналогичные услуги у АО.

Амурское УФАС возбудило дело по статье 14.8 Закона о защите конкуренции с трактовкой «запрет иных (не поименованных) форм недобросовестной конкуренции». Кстати, эта статья часто используется как форма защиты от «увода» клиентов. В этом деле Амурское УФАС посчитало

также, что ООО «Система мониторинга» может нести убытки в виде недополученного дохода. Почему Амурское УФАС пришло к такому выводу?

1. ООО «Система мониторинга» и АО являются конкурентами.

2. Действия АО являются недобросовестными. Данный вывод обоснован ссылками на гражданское законодательство: взимание АО платы за ретрансляцию не соответствует принципам и общему смыслу гражданского законодательства, обуславливающим возмездность договора получением потребителем какого-либо блага (товара, работы, услуги). АО, взимая плату за вышеуказанные действия, не предоставляет ни локальному оператору, ни клиентам локального оператора какого-либо встречного исполнения.

Фактически это означает, что владельцы платят не за получение какой-либо услуги для себя, своей коммерческой деятельности, а для того, чтобы работала система, необходимая государственным органам для выполнения функций контроля и надзора. Обратим внимание на трактовку антимонопольным органом гражданского законодательства, даже его основ и начал, за что не всегда берутся даже суды.

3. АО создало для себя преимущество, пользуясь статусом оператора РНИС.

4. Владельцы транспортных средств, заключающие прямые договоры с АО, поставлены в более выгодное положение по сравнению с клиентами, имеющими договоры с локальными операторами, что приводит или может привести к убыткам локальных операторов при оказании мониторинговых услуг либо к отказу клиентов от договорных отношений с локальными операторами в пользу АО (в случае увеличения стоимости мониторинговых услуг в связи с необходимостью дополнительной оплаты услуг по ретрансляции мониторинговых данных в РА).

АО попыталось обжаловать данное решение в арбитражном суде, который встал на сторону УФАС. Однако решение было отменено на уровне кассации, и, соответственно решение УФАС было признано незаконным. Окружная инстанция отметила, что затраты АО носят обоснованный характер (они идут на первоначальную организацию обмена данными с локальным оператором, на хранение, обработку, анализ полученных от локального оператора в режиме реального времени данных о перемещении транспортных средств). Кроме того, кассационная инстанция отметила, что обязательная передача информа-

¹ Магазины пожаловались в ФАС на низкие цены на маркетплейсах. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/11/02/2025/67aa34a29a7947291d7a7950?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2Fbd421647-14ae-50c7-87d6-c5fc446627f3 (дата обращения: 26.06.2025).

ции необходима не для всех транспортных средств и была возможна только при участии АО.

В итоге дело ушло в Коллегию по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), которая отменила это решение, восстановив в силе решение первой инстанции, тем самым поддержав позицию УФАС. Для нас чрезвычайно важна использованная судом мотивировка, определяющая, что для квалификации деятельности в качестве недозволенной (недобросовестной) конкуренции значение имеет не как таковое соблюдение (нарушение) гражданского или отраслевого законодательства, а иные обстоятельства:

- затрагивает ли действие права и законные интересы иных участвующих на рынке хозяйствующих субъектов и потребителей (т. е. является ли оно актом конкуренции);
- направлено ли оно на получение преимуществ не за счет собственных экономических ресурсов, а за счет иных участников рынка;
- совместим ли избранный способ получения преимуществ с честным предпринимательством.

И опять же ВС РФ отмечает необходимость оценки действий в контексте ожидаемого поведения, которое хотя и имеет имущественный интерес, но не должно выходить за пределы осуществления гражданских прав. Продемонстрированный подход позволяет опираться на оценку действий по факту нежели на формальный подход оценки законности.

Впоследствии эта правовая позиция ВС РФ была развита в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 5 сентября 2019 г. № 307-ЭС19-9220 по делу № А56-47995/2018¹, которая постановила необходимость разделения нарушений законодательства.

В деле № А56-47995/2018 оспаривалось решение регионального УФАС, посчитавшего продажу табачной продукции с нарушением установленной отраслевым законодательством (об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака) 100-метровой зоны преимуще-

ством перед другими продавцами. ВС РФ, отменяя решение УФАС (при поддержке суда первой инстанции, а также несмотря на апелляцию и кассацию УФАС), отметил «необходимость ограничивать нарушения лицом положений гражданского законодательства, законодательства о налогах и сборах, законодательства о лицензировании, иного законодательства, влекущие за собой получение различного рода выгод и преимуществ, от нарушений, которые направлены на получение выгод и преимуществ в результате недобросовестной конкуренции».

Из этого мы можем сделать вывод, что нарушение отраслевого законодательства будет являться актом недобросовестной конкуренции только в случае установления намерений хозяйствующего субъекта использовать преимущества от нарушения для извлечения выгоды, причинения убытков конкурентам либо умаления их деловой репутации.

Похожий водораздел просматривается и при сравнении норм законодательства о рекламе и закона о защите конкуренции. КоАП РФ содержит отдельные составы нарушений:

- статья 14.3 (Нарушение законодательства о рекламе);
- статья 14.33 (Недобросовестная конкуренция).

Сами составы нарушений, которые касаются дискредитации, введения в заблуждение, некорректного сравнения и др., весьма похожи. Надо отметить только, что законодательство о рекламе оперирует понятиями «недобросовестная» (в случае некорректного сравнения, порочащих сведений, создание смешения) и «недоверенная» (введение в заблуждение).

Пункт 7 Постановления Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ) от 8 октября 2012 г. № 58 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона “О рекламе”»² направляет по пути квалификации деяния как нарушения закона о рекламе, если недобросовестная информация распространяется посредством рекламы. Если же это, например, перепис-

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 5 сентября 2019 г. № 307-ЭС19-9220 по делу № А56-47995/2018. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0ed71c7d-945e-481b-a9e3-226fc38b4336/fe5dd4d2-cdc2-4d2f-9f0e-e8305527724e/A56-47995-2018_20190905_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 26.06.2025).

² Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 8 октября 2012 г. № 58 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона “О рекламе”» // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 12.

ка с отдельными клиентами, то ответственность будет уже по статье 14.33 КоАП РФ.

На наш взгляд, пункт 8 Постановления Пленума ВАС РФ создает определенную сложность. ВАС РФ указывает на следующее: «8. Судам следует учитывать, что если информация, распространение которой отвечает признакам недобросовестной конкуренции, распространяется не только посредством рекламы, но и другим способом (например, на этикетках товара, в переписке с контрагентами по договорам), лицо подлежит привлечению к административной ответственности на основании статьи 14.33 КоАП РФ». Отметим, что санкции для юридического лица в части первой статьи 14.3 и части первой статьи 14.33 совпадают: от ста до пятисот тысяч рублей. Используя слово «не только» в пункте 8, ВАС РФ поглощает нарушение рекламного законодательства нарушением законодательства антимонопольного.

То есть если компания А распространяет дискриминационные сведения посредством переписки с клиентами, то это будет актом недобросовестной конкуренции, предполагающим ответственность по статье 14.33, если же посредством рекламы – 14.3. Следуя логике пункта 8, если компания распространяет дискредитирующие сведения посредством рекламы и переписки, то это будет статья 14.33 КоАП РФ. Как мы отмечали выше, ответственность для юридического лица одинакова, однако причиненный вред будет отличаться.

Очевидно, что вопрос соотношения положений закона о рекламе и закона о защите конкуренции требует совершенствования. Стоит обсудить проблему дополнения КоАП РФ положениями о недобросовестной конкуренции, сопряженной с недобросовестной рекламой отдельным составом. Кроме того, множественность / систематичность нарушения законодательства о рекламе как в отношении одного конкурента, так и в отношении многих также свидетельствует о недобросовестной предпринимательской практике, а не просто о нарушении законодательства о рекламе и влечет причинение убытков конкурентам, а также нанесение вреда/возможности вреда их деловой репутации.

Антимонопольное законодательство рассматривает убытки с позиции гражданского права, где они носят компенсаторный характер – расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстано-

вления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также недополученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода) (пункт 2 статьи 15 ГК РФ)¹.

Подача иска о возмещении убытков сопряжена с доказыванием трех обстоятельств по делу:

- совершение противоречащего законодательству действия/бездействия, акта;
- убытки истца и их размер;
- причинно-следственная связь между убытками и действиями ответчика.

Разъяснение Президиума ФАС России № 11 отмечает: «потерпевший должен доказать, что нарушитель совершил определенное антиконкурентное действие или не совершил требуемое от него в соответствии с антимонопольным законодательством действие (допустил бездействие) (например, это может быть необоснованный отказ лица, занимающего доминирующее положение, от заключения договора – *прим. авт.*), заключил соглашение или принял акт, противоречащие законодательству о защите конкуренции».

Можно согласиться с позицией о том, что подавать иск о компенсации убытков стоит после обращения в антимонопольный орган. Это важное доказательство, и формально для суда оно является одним из прочих в этом деле. Что же касается преюдициального характера, то он зависит от участвующих в этом деле лиц. И тут потенциальный ответчик рискует, обжалуя решение ФАС о квалификации его действий в качестве акта недобросовестной конкуренции, так как, если суд будет на стороне надзорного ведомства, то задача истца существенно упрощается, так как останется доказать убытки, их размер и причинно-следственную связь.

Кроме того, важно помнить, что факт недобросовестных действий, хотя и может быть признан судом, не всегда будет вести к компенсации убытков. Например, в деле по компенсации убытков в результате дискредитации ФАС установил

¹ Разъяснение Президиума ФАС России от 11 октября 2017 г. № 11 «По определению размера убытков, причиненных в результате нарушения антимонопольного законодательства» (утв. протоколом Президиума ФАС России от 11.10.2017 № 20) // Правовые позиции коллегиальных органов ФАС России (книга вторая) : сборник / отв. ред. С. А. Пузыревский, О. А. Москвитин. – Москва : Проспект, 2020. С. 35.

факт совершения недобросовестных действий: направление клиентам конкурента дискредитирующих сведений о качестве услуг, «непрозрачность счетов», что повлекло расторжение договоров (Постановление Карельского УФАС России от 10 ноября 2015 г. о наложении штрафа по делу № 03-17/79-2015 об административном правонарушении)¹. ФАС путем запросов установил, что у клиентов «сложилось устойчивое мнение о намеренном введении в заблуждение, некорректном сравнении». Факт обращения к конкурентам был установлен подтверждением звонков с номера, принадлежащего компании. То есть существует вполне сильное и обоснованное решение регионального УФАС, подтверждающее недобросовестные действия.

Далее компания обращается в арбитражный суд за взысканием убытков в размере 35 000 рублей (расходы на юридические услуги, связанные с представлением в ФАС, что не является судебными издержками), а также опровержением порочащих деловую репутацию сведений и взысканием упущенной выгоды (после уточнения – 36 000 рублей, а изначально убыток превышал 200 000 рублей). В суд привлекались контрагенты, с которыми были расторгнуты договоры. Тем не менее суд отказывает в удовлетворении требований по следующим основаниям:

- некоторые контрагенты не участвовали в рассмотрении дела в антимонопольном органе;
- те компании, которые участвовали в рассмотрении дела в ФАС, дали объяснение, что «в отношении них ответчиком не было допущено фактов недобросовестной конкуренции, расторжение договоров с истцом вызвано исключительно коммерческими интересами». На наш взгляд, ожидать, что контрагенты пояснят, что причиной расторжения является сформированное негативное впечатление, довольно сложно;
- сам по себе факт расторжения договоров с истцом не свидетельствует о наличии со стороны ответчика фактов недобросовестной конкуренции;
- установленные антимонопольным органом факты распространения путем телефонных переговоров порочащих деловую репутацию истца

сведений в отношении конкретных контрагентов не свидетельствуют о наличии указанных фактов в отношении других контрагентов.

В результате арбитражным судом были взысканы только расходы на представительство в антимонопольном органе. В вышестоящих инстанциях дело не оспаривалось. Конечно, данное решение не является типичным, но подобных примеров можно найти массу, что подтверждает некоторую оторванность дел о недобросовестной конкуренции от иных форм нарушений в сфере антимонопольного законодательства, предусматривающего оборотные штрафы. И продуманная политика в области взыскания убытков положительно сказалась бы на удержании конкурентов от подобных практик. Анализ дел о об оспаривании решений ФАС о недобросовестной конкуренции показывает, что не всегда потерпевшая от недобросовестной конкуренции сторона обращается в суд за взысканием убытков.

Можно согласиться с подходом, что суд должен установить однозначную причинно-следственную связь между актом недобросовестной конкуренции и убытками, исключив неподтвержденный, предположительный их характер. Кроме того, звонки и письма с предложением перейти от услуг одной компании к другой сложно признать неподобающей практикой в отсутствие дискредитации; обратное как раз свидетельствовало бы о разделе рынка. Стоит согласиться и с подходом о непредвзятости суда относительно позиции антимонопольного органа об оценке и убытков, и причинно-следственной связи. Но мы задаемся вопросом о целесообразности для потерпевшей стороны обращаться в ФАС, а затем и в суд с его инстанциями. Является ли сложившаяся система защиты от недобросовестной конкуренции эффективной, предотвращающей подобное поведение, не тратит ли добросовестный конкурент силы на доказывание правоты существенно больше, нежели признанный нарушитель? Ситуация тут похожа на защиту деловой репутации, что также далеко не всегда находит ожидаемого отклика в судах, по мнению заявителей.

Когда возникает вопрос о том, что можно сделать в конкретной ситуации, с конкретным конкурентом, невольно вспоминается «Монолог о любви» Е. Гришкова: «Есть такое чувство, вообще которое хоть и называется одним словом, но это такое чувство. Вот это чувство называется таким словом, которое на родном языке произносить крайне сложно. На чужом, иностранном,

¹ Постановление Карельского УФАС России от 10 ноября 2015 г. о наложении штрафа по делу № 03-17/79-2015 об административном правонарушении. – URL: <https://br.fas.gov.ru/to/karelskoe-ufas-rossii/03-17-79-2015/?query=03-16/19-2015> (дата обращения: 26.06.2025).

сколько угодно безответственно его можно говорить. А скажешь на родном языке, тут же об него споткнешься и как бы извиняясь откашляешься. И даже если это слово подумать, там у себя в мозгу, подумаешь, и тут же как бы извиняясь споткнешься об него и откашляешься... Это слово – любовь». С убытками ситуация очень похожая: что делать в случае акта недобросовестной конкуренции? И юрист скажет, что можно взыскать убытки, немного перед этим споткнувшись. Существуют положения гражданского законода-

тельства, положения законодательства антимонопольного, может, будет и решение антимонопольного органа в защиту потерпевшей стороны. Но будет ли этого достаточно? Эти дела, помимо объективной стороны, имеют еще и богатую субъективную сторону (умысел, целеполагание, позиции клиентов, которых приходится приглашать в ФАС, а затем и в суд) у всех участников правоотношений, что в конечном счете повлияет на мнение арбитражного суда по вопросу убытков.

Список литературы

1. Буранбаева А. С. Понятие и признаки недобросовестной конкуренции: проблемы квалификации // Юридическое обозрение: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей II Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2024. – С. 110–112.
2. Выродова Д. Н., Тугульдурова Э. Б. Доказательства, необходимые для взыскания убытков от недобросовестной конкуренции // Актуальные вопросы современной науки: теория, технология, методология и практика : сборник научных статей по материалам IV Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2020. – С. 174–177.
3. Елисеева В. А. Иные формы недобросовестной конкуренции: проблемы квалификации // XVI Итоговая студенческая научная конференция : сборник статей. – СПб, 2024. – С. 78–83.
4. Тай Ю. Предисловие // Рокфеллер Э. Антимонопольная религия / пер. с англ. под ред. В. Новикова. – Челябинск : Социум, 2012.
5. Stiglitz J. E. Towards a Broader View of Competition Policy // Competition Policy for the New Era: Insights from the BRICS Countries / ed. by Tembinkosi Bonakele, Eleanor M Fox, Liberty Mncube. – Oxford : Oxford University Press, 2017.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2025-2-146-152>**Контроль при осуществлении государственных и муниципальных закупок****И. А. Алексеев**

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин и международного права
Астраханского государственного университета.
Адрес: ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева»,
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20а.
E-mail: alekseev12.06@yandex.ru

И. М. Вильгоненко

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Пятигорского государственного университета.
Адрес: ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»,
357532, г. Пятигорск, Калинина пр., д. 9.
E-mail: vilirina74@yandex.ru

Р. Э. Арутюнян

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Пятигорского государственного университета.
Адрес: ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»,
357532, г. Пятигорск, Калинина пр., д. 9.
E-mail: radmila.arutyunian@yandex.ru

Control over the Implementation of State and Municipal Procurement**I. A. Alekseyev**

PhD in Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Public Law and International Law at Astrakhan State University.
Address: Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev,
20a Tatishcheva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation.
E-mail: alekseev12.06@yandex.ru

I. M. Vilgonenko

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of Pyatigorsk State University.
Address: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Pyatigorsk State University",
9 Kalinina Avenue, Pyatigorsk, 357532, Russian Federation.
E-mail: vilirina74@yandex.ru

R. E. Arutyunyan

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of Pyatigorsk State University.
Address: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Pyatigorsk State University",
9 Kalinina Avenue, Pyatigorsk, 357532, Russian Federation.
radmila.arutyunian@yandex.ru

Поступила 25.03.2025 Принята к печати 08.04.2025

Аннотация

В представленной статье предметом исследования выступают государственные (муниципальные) закупки и система контроля за соблюдением требований законодательства. В качестве методов исследования применены анализ, синтез, сравнительно-правовой метод и метод правового моделирования. Проблемы осуществления контроля государственных и муниципальных закупок являются актуальными и рассматриваются в современных научных трудах, но научная новизна предпринятого анализа заключается в установлении связи между контрольными и надзорными мероприятиями и их правовыми последствиями в виде возможности применения мер юридической ответственности. Авторы приходят к выводу о том, что оценка заявок участников торгов не входит в компетенцию контролирующих органов. Процедурные аспекты закупок претерпели изменения: утратили актуальность требования к разработке обоснований начальной максимальной цены контракта (НМЦК), а также к определению объектов закупки. Теперь упор делается на стратегическое планирование в форме плана-графика. Особое внимание уделяется вопросам, которые не касаются планирования напрямую, но критически важны для законности проведения закупок. Несмотря на отсутствие четких формализованных обязательств, вопросы корректности обоснования НМЦК остаются важными, и нарушение установленных правил может привести к административным санкциям.

Ключевые слова: государственный (муниципальный) контракт, контроль, государственные (муниципальные) закупки, самоконтроль, финансовый контроль, антимонопольный контроль, бюджетные средства.

Abstract

In the presented article, the subject of research is state (municipal) procurement and the system of monitoring compliance with legal requirements. The research methods used are analysis, synthesis, comparative law and the method of legal modeling. The problems of monitoring state and municipal procurement are relevant and are considered in the works of modern scientific research, but the scientific novelty of the analysis undertaken is to establish the link between control and supervisory measures and their legal consequences in the form of the possibility of applying legal liability measures. The authors conclude that the evaluation of bidders' bids is not within the competence of the regulatory authorities. The procedural aspects of procurement have changed: the requirements for developing justifications for the initial maximum contract price, as well as for determining the objects of procurement, have lost their relevance. Now the emphasis is on strategic planning in the form of a schedule plan. Special attention is paid to issues that are not directly related to planning, but are critically important for the legality of procurement. Despite the lack of clear formalized obligations, the issues of the correctness of the NMCC justification remain important, and violation of the established rules can lead to administrative sanctions.

Keywords: state (municipal) contract, control, state (municipal) procurement, self-control, financial control, antimonopoly control, budgetary funds.

Организация процедур закупок на государственном уровне представляет собой многогранную задачу, которая требует комплексного подхода в разработке мероприятий контрольного характера. Осуществление надзора за соблюдением законодательных актов в сфере приобретения товаров, выполнения работ и предоставления услуг для государственных и муниципальных нужд подразумевает установление строгой систематики в оценке деятельности участников процесса и методов пресечения нарушений. Определение структуры и последовательности контрольных операций, выработка критериев для аудита и утверждение регламентов проверок являются ключевыми аспектами обеспечения законности и порядка в этой области.

Контрольные процедуры в рамках контрактной системы разделяют на три категории: внешний, который не зависит от заказчика; внутренний –

самоконтроль заказчика; проверки, проводимые общественными организациями. Спектр органов, наделенных полномочиями на внешний контроль, обширен и включает в себя органы, осуществляющие регулирование в сфере закупок, а также финансовые институты и контрольно-ревизионные учреждения.

Внутренний контроль охватывает проверки заказчиком собственных операций, в том числе соблюдения условий контрактов и выполнения обязательств по привлечению предпочтительных поставщиков, среди которых могут быть субъекты малого предпринимательства, а также контроль на уровне ведомства.

Проверки подразделяются на плановые и внеплановые. Плановые осуществляются в строгом соответствии с утвержденным графиком, а внеплановые проводятся в случае выявления нарушений или по специальным требованиям.

В зависимости от обстоятельств и задач контроль может быть осуществлен путем изучения документации или в ходе непосредственного визита к месту деятельности заказчика [3. – С. 3–6]. Документальная проверка фокусируется на анализе представленных документов, тогда как выездная инспекция предполагает личное присутствие контролеров на объектах.

Важно отметить, что вне зависимости от типа проверки оценка заявок участников торгов не входит в компетенцию контролирующих органов. Для каждого участника процесса закупок, будь то заказчик, контрактная служба, контрактный управляющий, члены комиссий, уполномоченные органы или операторы электронных площадок, плановые инспекции осуществляются не чаще, чем раз в полгода – в соответствии с регламентом, установленным органом власти, ответственным за сферу закупок.

В рамках регулирования и надзора за процессами государственных закупок Федеральная антимонопольная служба (далее – ФАС) России выступает в качестве основного регулирующего органа. Данная служба несет ответственность за систематический анализ и оценку закупочной деятельности на всех уровнях, а также за исследование информации о возможных нарушениях в этой сфере. В региональном аспекте функции по контролю за соблюдением нормативных требований исполняют местные органы власти и специализированные контрольные структуры.

Проверка финансовых рамок и соответствие установленным правилам бюджетного процесса ложится на плечи Казначейства России и региональные финансовые учреждения. Контроль за действиями органов заказчика осуществляется через их вышестоящие структуры.

На федеральном уровне деятельность по финансовому контролю ведет Федеральное казначейство. В рамках субъектов Российской Федерации такую же роль выполняют государственные контрольные органы субъектов или же назначенные должностные лица из числа представителей исполнительной власти. На уровне муниципальных образований функции финансового контроля возлагаются на соответствующие местные органы или должностных лиц местных администраций.

ФАС России также берет на себя задачу контроля за закупками, осуществляющимися в рамках государственной оборонной программы и другими федеральными структурами, информа-

ция о которых имеет статус государственной тайны. Детали такого контроля и его механизмы четко определены в законодательных актах, в частности в Федеральном законе № 44-ФЗ и постановлениях Правительства РФ¹.

Кроме того, исключительное право на проведение проверок операторов всех форм электронных торговых площадок также принадлежит ФАС России. Такие полномочия закреплены в части четвертой статьи 99 Федерального закона № 44-ФЗ.

В свою очередь, Федеральное казначейство осуществляет проверочную деятельность не только на федеральном уровне, но и в отношении государственных и муниципальных закупок, проводимых с привлечением целевых средств из федерального бюджета. Эта мера позволяет обеспечить более тщательный контроль и рациональное использование бюджетных ассигнований.

Ведомства исполнительной ветви власти в субъектах Российской Федерации имеют право проводить аудит деятельности заказчиков на муниципальном уровне, а также осуществлять надзор за другими контролирующими организациями. Основание для такого взаимодействия закреплено в договоренностях между региональными и муниципальными структурами, что предусмотрено в соответствующих разделах Федерального закона № 44-ФЗ [3. – С. 126]. Кроме того, существует возможность дополнительной проверки закупок, осуществляемых субъектами Российской Федерации и муниципалитетами, представителями Федерального казначейства в ситуациях, прописанных в статье закона.

В целях координации действий в области контроля и аудита закупок создан Межведомственный совет, функционирующий при Министерстве экономического развития России. Этот совещательный орган задуман как платформа для унификации контрактной системы, выработки общих принципов контроля и аудита закупок, а также разработки методологических основ для данных процессов. Действие совета регламентировано приказом Минэкономразвития России.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 26 августа 2013 г. № 728 «Об определении полномочий федеральных органов исполнительной власти в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 35. – Ст. 4514.

В функции Межведомственного совета входит анализ эффективности систем контроля в сфере закупок. Совет также занимается изучением предложений, направленных на улучшение функционирования контрольных и аудиторских органов, выдает соответствующие рекомендации и вносит свой экспертный вклад в оценку проектов нормативных актов, затрагивающих усовершенствование законодательства о контрактной системе в части контроля и аудита. Еще одна важная роль совета заключается в разработке предложений по изменениям в действующем законодательстве, которые затрагивают контроль и аудит в сфере закупок [5. – С. 83].

Область государственных закупок находится под усиленным вниманием со стороны регулирующих органов. Важно подчеркнуть, что спектр информации, подлежащей запросу в рамках надзора общественных организаций, является практически безграничным, за исключением данных, отнесенных к категории государственной тайны.

Совершенствование подсистемы контроля закупок имеет множество аспектов. Основные из них направлены:

- 1) на уменьшение затрат, связанных с контрольными процедурами, как для поставщиков, так и для заказчиков;
- 2) гармонизацию практики применения законодательных норм, регулирующих контрактные отношения;
- 3) предотвращение правонарушений путем усиления контроля (вместо реакции на нарушения постфактум);
- 4) увеличение объема закупок, попадающих под надзор контрольных органов;
- 5) усиление открытости действий контролирующих органов и повышение уровня доверия к ним со стороны общества и участников рынка;
- 6) создание трехуровневой системы контроля, включающей проверку процедур, финансовую диагностику и информационное сопровождение.

В контексте Федерального закона № 44-ФЗ, помимо прочего, закреплена норма об общественном обсуждении закупок с четким указанием случаев, когда такое обсуждение является обязательным по решению Правительства Российской Федерации. Граждане, объединения граждан, а также ассоциации юридических лиц имеют возможность инициировать запросы, касающиеся хода закупочных процессов. При этом общественные объединения могут иметь или не иметь

статус юридического лица, что не влияет на их право подавать такие запросы.

С переходом к контрактной системе предполагается повышение степени прозрачности в сфере государственных закупок и усиление возможностей контрольных механизмов. Общественный контроль открывает перед гражданским сообществом и корпоративными участниками новые горизонты для проведения аналитических оценок, мониторинга эффективности закупок и исполнения контрактов. Такая практика общественного участия ранее не имела законодательного основания, но сейчас данное направление работы получило закрепление в законе. Это предоставляет гражданам, некоммерческим организациям и бизнес-сообществу право на контроль за использованием государственных финансов и участие в планировании закупок, способствуя тем самым налаживанию взаимодействия между государственными органами и гражданским обществом [4. – С. 191].

В соответствии с нормативными положениями статьи 107 Федерального закона № 44-ФЗ, нарушения в сфере государственных и муниципальных закупок могут повлечь за собой разнообразные виды ответственности, в том числе дисциплинарную, административную, гражданско-правовую и даже уголовную. В случае нарушения условий контракта стороны обязаны уплатить неустойку, которая может быть выражена в форме штрафов или пени. Контракт при определенных обстоятельствах может быть расторгнут. Для предотвращения недобросовестных практик введена такая мера наказания, как внесение в список недобросовестных исполнителей [1. – С. 273].

В соответствии с законодательной нормой, в случае невыполнения или некачественного выполнения контракта заказчик имеет право удерживать средства, внесенные в качестве гарантии выполнения контракта, или же истребовать платеж по независимой гарантии. В частности, пени за задержку выполнения обязательств взыскиваются всегда, тогда как штрафы применяются за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств. Детализация их размеров и процедура взыскания должны быть четко прописаны в контрактных условиях, при этом обычно они

определяются исходя из установленных Правил, утвержденных Постановлением № 1042¹.

В контексте необходимости обеспечения выполнения контракта исполнитель имеет возможность внести на счет заказчика необходимую сумму или предоставить независимую банковскую гарантию согласно части 3 статьи 96 Федерального закона № 44-ФЗ. При обнаружении фактов невыполнения или ненадлежащего выполнения контракта поставщиком заказчик вправе взыскать гарантийное обеспечение или его часть, эквивалентную размеру начисленной неустойки, если поставщик не произвел уплату добровольно и такое условие закреплено в контракте.

Следует отметить, что конкретный механизм осуществления данных мер не урегулирован законодательством в полной мере. Вероятно, при одностороннем расторжении контракта заказчиком или по решению суда заказчик имеет полное право на удержание внесенных средств или предъявление требования по независимой гарантии в соответствии с размерами, установленными контрактом [8. – С. 99].

Для обеспечения гарантии надежности исполнения контрактных обязательств особенно важно четко оговорить в договорных условиях ситуации, когда возможно не производить возврат средств, выступавших гарантом обязательств, или применять меры по взысканию по банковской гарантии. Кроме того, следует четко прописать процедуру применения данных мер. Такие договоренности должны быть точно оформлены, включая и те, что касаются обязательств, подкрепленных гарантиями.

Также договор должен содержать положения, позволяющие заказчику удержать из залога сумму, равную неустойке за нарушение гарантийных

условий, в случае, если исполнитель не покрыл ее по собственной инициативе и если такая возможность предусмотрена договорными условиями.

Сторона договора в соответствии с действующим гражданским законодательством Российской Федерации вправе прекратить договорные отношения односторонним решением, если для этого имеются законные основания, указанные в Гражданском кодексе Российской Федерации для соответствующего вида договоров.

Заказчик или исполнитель, чьи действия или бездействие привели к нарушению обязательств, вследствие чего был нанесен серьезный урон общественным или государственным интересам, могут столкнуться с применением мер ответственности в соответствии с административным законодательством, в частности, в том виде, как это определено в статье 7.32 Кодекса Российской Федерации по административным правонарушениям (далее – КоАП РФ).

Необходимо также акцентировать внимание на необходимости включения в контрактные условия точных критериев оценки качества товаров, выполнения работ или предоставления услуг, а также на определение механизмов контроля за их соблюдением. Это позволит в случае обнаружения дефектов или несоответствий осуществить надлежащее регулирование ситуации и применить договорные санкции в полном объеме, обеспечивая тем самым исполнение контрактных обязательств в установленные сроки и с ожидаемым уровнем качества.

В случаях, когда величина ущерба превысила 1,5 млн рублей, согласно статье 293 Уголовного кодекса России это признается крупным ущербом. К примеру, задержка в подготовке плана по ремонту дорог может привести к сбоям в поставках важнейших товаров в удаленные районы, что, помимо неустоек, повлекло бы административные меры в отношении исполнителя.

Важно помнить, что задержки в выплатах по договору не могут быть подведены под статью 7.32 части 7 КоАП РФ, но для этих случаев существует отдельная статья – 7.32.5 КоАП РФ. Несоблюдение условий Федерального закона № 44-ФЗ влечет за собой финансовые санкции. При этом есть возможность не только штрафовать, но и лишать права занимать определенные должности.

Штрафы могут быть наложены как на заказчика, так и на ответственное лицо в рамках одного правонарушения согласно части 3 статьи 2.1 КоАП РФ. Ответственность предусмотрена за

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 30 августа 2017 г. № 1042 «Об утверждении Правил определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения заказчиком, неисполнения или ненадлежащего исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом (за исключением просрочки исполнения обязательств заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем), о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 15 мая 2017 г. № 570 и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 25 ноября 2013 г. № 1063» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 36. – Ст. 5458.

неисполнение или неправомерное исполнение должностными лицами своих обязанностей.

Среди должностных лиц, подпадающих под эту категорию, выделяют руководителя компании, члена комиссии по закупкам, сотрудника, ответственного за проведение закупочных процедур, что определено статьей 2.4 КоАП РФ. Если же согласно внутренним документам никто из сотрудников компании не несет ответственность за закупки, то она ложится на плечи руководителя организации.

Для лиц, которые уже неоднократно привлекались к ответственности за нарушения, схожие с теми, что указаны в части 1 статьи 7.32.3 КоАП РФ, предусмотрена дисквалификация по части 2 той же статьи. ФАС и ее территориальные подразделения занимаются большинством дел, связанных с административными правонарушениями, как это указано в части 1 статьи 23.83 КоАП РФ. Однако суд является тем органом, который рассматривает дела о дисквалификации или штрафах за проведение закупок вне электронной формы, когда это является обязательным, а также в случаях многократных нарушений. Судебное разбирательство может проводиться в районном суде (при наличии предварительного расследования) или в суде мирового судьи, если расследования не было, соответственно частям 2 и 3 статьи 7.32.3, а также части 3 статьи 23.1 КоАП РФ. В подавляющем большинстве случаев за нарушения в сфере госзакупок законодательство предусматривает финансовые взыскания.

В контексте административной ответственности законодательством Российской Федерации предусмотрены конкретные меры воздействия за повторение нарушений. Они могут включать дисквалификационные санкции, подразумевающие запрет на занятие определенных должностей или деятельность в определенной сфере, как это указано в КоАП РФ. Величина финансового наказания за правонарушения может быть выражена через точную сумму или задана диапазоном, минимальные и максимальные пределы которого оговорены законодательно. При этом при определении размера штрафа учитывается целый ряд факторов, в том числе серьезность нарушения, а также наличие обстоятельств, которые могут как смягчать, так и усиливать ответственность правонарушителя.

Отдельно стоит заметить, что ФАС России выделяет особые условия для предприятий, имеющих определенные организационно-

правовые формы, такие как автономные некоммерческие организации и общества с ограниченной ответственностью, действующие в качестве заказчиков в рамках федерального законодательства. Эти организации, осуществляющие закупки в соответствии с отдельными законами, могут подпадать под иные правила относительно административной ответственности, что требует детального анализа и, возможно, индивидуального подхода в каждом конкретном случае, когда дело касается интерпретации законодательных положений.

Для получения развернутых пояснений касательно нюансов применения административных норм рекомендуется запросить официальные разъяснения непосредственно у ФАС России. К примеру, необходимо уточнить, ограничивается ли их толкование лишь определенным порядком закупок, прописанным в соответствующих статьях федерального законодательства.

Согласно действующему законодательству, начиная с периода планирования на 2022 год обязанность по составлению полного плана закупок и обоснования таких закупок отсутствует. Отныне заказчики обязаны разрабатывать только план-график закупок. В связи с этим, согласно положениям КоАП РФ, если организация-заказчик не выполнила требования по подготовке указанных документов, которые уже не предусмотрены законом, то привлечение к ответственности за такое упущение в 2022 г. не является законным.

Важно учитывать, что в случаях нарушения процедур формирования плана-графика закупок закон предусматривает санкции для ответственных лиц. Штрафные санкции могут варьироваться в широких пределах в зависимости от характера и серьезности нарушения.

Таким образом, правильное понимание и применение законодательных требований имеет критическое значение для избежания административной ответственности и сопутствующих финансовых потерь.

В соответствии с правовыми предписаниями, органы власти осуществляют контроль за соблюдением процесса закупок. В последнее время процедурные аспекты закупок претерпели изменения: в частности, утратили актуальность требования к разработке обоснований начальной максимальной цены контракта (далее – НМЦК), а также к определению объектов закупки. Теперь упор делается на стратегическое планирование в

форме плана-графика. В то же время особое внимание уделяется вопросам, которые не касаются планирования напрямую, но критически важны для законности проведения закупок. Несмотря на отсутствие четких формализованных обязательств, вопросы корректности обоснования НМЦК остаются важными, и нарушение установленных правил может привести к административным санкциям.

Определим следующие ключевые аспекты.

Системный контроль в рамках контрактной системы продолжает развиваться с целью минимизации

расходов участников закупочной деятельности и контролирующих органов, гармонизации практики применения законодательства о закупках, профилактики правонарушений вместо реакции на уже произошедшие инциденты. Также важно расширение контрольного охвата совершаемых закупок и увеличение прозрачности процессов в контролирующих структурах для укрепления доверия общественности и участников рыночных отношений к контролирующим инстанциям [2. – С. 43].

Список литературы

1. Евсикова Е. В., Севастьянов Е. М. К вопросу о привлечении к административной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – Т. 5. – № 2. – С. 270–281.
2. Казанцев Д. А. Реформа контрактной системы: проект или реальность? // Бюджетный учет. – 2023. – № 4 (220). – С. 42–45.
3. Кузнецов К. В. Прокуратура-2019. Практика проверок по закону № 44-ФЗ // Госзаказ: управление, размещение, обеспечение. – 2019. – № 58. – С. 126–131.
4. Ливенцева А. А., Стуров А. В., Стурова В. А. Актуальные изменения в контрактной системе для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Современные проблемы материаловедения. Сборник научных трудов IV Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. – Липецк, 2023. – С. 190–194.
5. Налоева Л. З. Камеральные и выездные проверки в сфере контрактных отношений, осуществляемые казначейством России // Материалы Афанасьевских чтений. – 2023. – № 1 (43). – С. 82–86.
6. Пахомова Л. М. Банковская гарантия как способ обеспечения заявок и обеспечения исполнения государственных и муниципальных контрактов в системе контрактных отношений // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2019. – № 4. – С. 97–111.
7. Шестакова М. Уточнены правила проведения проверок в сфере госзакупок // ЭЖ-Юрист. – 2019. – № 14. – С. 3–8.

Правовая природа фактического принятия наследства: анализ пробелов законодательства и судебной практики

А. В. Потапова

ассистент кафедры гражданско-правовых дисциплин

РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: potapova.av @rea.ru

Legal Nature of Actual Acceptance of Inheritance: Analysis of Gaps in Legislation and Judicial Practice

A. V. Potapova

Assistant of the Department
of Civil Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.

E-mail: potapova.av @rea.ru

Поступила 20.04.2025 Принята к печати 10.05.2025

Аннотация

Феномен фактического вступления в наследственные права давно занял устойчивое положение в системе наследственного регулирования Российской Федерации. При наличии предусмотренного законом порядка, основанного на подаче соответствующего волеизъявления нотариусу, на практике именно неформализованное вступление в наследство сохраняет свою ведущую роль. Проблематика настоящего исследования обусловлена отсутствием однозначных критериев, позволяющих правоприменителю точно квалифицировать действия наследника как свидетельствующие о его намерении принять наследство. Разброс судебных подходов, неопределенность категорий, а также затрудненность в сборе и оценке доказательств в указанных спорах указывают на необходимость более четкого теоретического и практического осмысления данного института. Объектом рассмотрения выступают общественные связи, складывающиеся при переходе наследственного имущества. В качестве предмета избраны нормы гражданского права, регулирующие механизмы принятия наследства, а также судебные акты, в которых сформулированы правовые позиции по вопросу доказанности фактического принятия. Исследование опирается на совокупность юридико-догматических, логико-аналитических и сравнительно-правовых методов, дополненных интерпретацией судебных решений и оценкой правовых позиций. Также поднимается вопрос унификации судебной практики через издание Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и обновление Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. В исследовании анализируются предложения ведущих ученых – таких как Е. А. Суханов и М. Ю. Барщевский, которые подчеркивают важность законодательного закрепления презумпции принятия наследства и разработки гибкой модели для признания фактического принятия. Важным элементом работы является также опора на судебные акты Верховного Суда Российской Федерации, которые играют ключевую роль в обеспечении правовой определенности. В исследовании автором обоснована необходимость законодательного закрепления презумпции фактического принятия наследства, основанной на поведении наследника, свидетельствующем о намерении вступить в наследственные правоотношения (владение, распоряжение, несение расходов, уплата налогов и др.) при отсутствии возражений со стороны иных лиц. Предложен систематизированный перечень юридически значимых действий, позволяющих установить факт принятия наследства без обращения к нотариусу. Перечень имеет открытый характер и ориентирован на нужды правоприменительной практики. Обоснована целесообразность уточнения правовых позиций Пленума Верховного Суда Российской Федерации, направленных на единообразную оценку фактического поведения наследников в отсутствие формального волеизъявления. На основе анализа зарубежного опыта (Франции, Германии, США)

предложена модель заимствования презумпционного подхода, адаптированная к российским реалиям с сохранением гибкости правовой оценки.

Ключевые слова: фактическое принятие наследства, молчаливое согласие, наследственное право, правовая неопределенность, презумпция принятия, судебная практика, международный опыт, применение фактических действий, постсоветское наследственное право, законодательное регулирование, нотариальная регистрация.

Abstract

The phenomenon of actual entry into inheritance rights has long occupied a stable position in the system of inheritance regulation of the Russian Federation. In the presence of the statutory procedure based on the submission of the relevant will to the notary, in practice it is the informalized entry into inheritance that retains its leading role. The problems of this study are caused by the lack of unambiguous criteria that allow the law enforcer to accurately qualify the actions of the heir as evidence of his intention to accept the inheritance. The scattered judicial approaches, the uncertainty of categories, as well as the difficulty in collecting and evaluating evidence in these disputes indicate the need for a clearer theoretical and practical understanding of this institution. The object of consideration is the social relations formed in the process of transfer of inherited property. As a subject we have chosen the norms of civil law regulating the mechanisms of acceptance of inheritance, as well as judicial acts, which formulate legal positions on the issue of proving the actual acceptance. The study relies on a combination of legal-dogmatic, logical-analytical and comparative legal methods, supplemented by interpretation of court decisions and evaluation of legal positions. It also raises the issue of unification of judicial practice through the publication of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and updating of the Review of Judicial Practice. The study analyzes the proposals of leading scientists such as E.A. Sukhanov and M.Y. Barshchevsky, who emphasize the importance of legislative consolidation of the presumption of acceptance of inheritance and the development of a flexible model for the recognition of actual acceptance. An important element of the work is also the reliance on judicial acts of the Supreme Court of the Russian Federation, which play a key role in ensuring legal certainty. In the study, the author substantiated the need for legislative enshrinement of the presumption of actual acceptance of inheritance, based on the behavior of the heir, indicating the intention to enter into inheritance legal relations (possession, disposal, incurring expenses, payment of taxes, etc.) in the absence of objections from other persons. A systematized list of legally significant actions that allow to establish the fact of acceptance of inheritance without going to a notary is proposed. The list has an open character and is oriented to the needs of law enforcement practice. The expediency of clarifying the legal positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, aimed at a uniform assessment of the actual behavior of heirs in the absence of formal will. Based on the analysis of foreign experience (France, Germany, USA) the model of borrowing the presumption approach adapted to Russian realities with preservation of flexibility of legal assessment is proposed.

Keywords: actual acceptance of inheritance, tacit consent, inheritance law, legal uncertainty, presumption of acceptance, judicial practice, international experience, application of actual actions, post-Soviet inheritance law, legislative regulation, notarial registration.

Фактическое принятие наследства представляет собой форму реализации наследственных прав, при которой воля наследника выражается не через обращение к нотариусу, а посредством совершения конкретных, направленных на принятие имущества действий. Такая модель вступления в наследственные отношения, несмотря на формальную альтернативность, по существу, выполняет ту же правовую функцию – закрепление правопреимства.

Согласно пункту 2 статьи 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024), к числу действий, свидетельствующих о фактическом принятии наследства, относятся, в частности, владение, управле-

ние, защита имущества, его содержание, а также внесение платежей, связанных с имуществом. Однако приведенный перечень носит примерный характер, что неизбежно влечет за собой сложности в правоприменении и требует комплексного толкования в контексте конкретных жизненных ситуаций.

Формальные признаки фактического принятия включают прежде всего наличие материального интереса наследника, устойчивость и направленность совершаемых им действий, а также внешнюю демонстрацию отношения к имуществу как к собственному. Однако глубинная правовая природа фактического принятия обусловлена не только этими объективными характеристиками, но и субъективным элементом – намерением

приобрести наследственное имущество в полном объеме.

Вопрос фактического принятия наследства продолжает оставаться одним из наиболее актуальных и спорных в области гражданского права. Разнообразие теоретических подходов к этому явлению оказывает значительное влияние на правоприменительную практику, что позволяет выявить как сходства, так и важные различия в трактовке доказательств и методах установления факта вступления в наследственные правоотношения. Указанные подходы представляют собой важный аспект правовой теории, поскольку они определяют, какие действия и обстоятельства могут быть признаны юридически значимыми для признания факта принятия наследства.

Е. А. Суханов, один из ведущих специалистов в области гражданского права, выдвигает формализованный подход к установлению факта принятия наследства. Он подчеркивает, что в качестве доказательства вступления в наследственные отношения должны быть использованы исключительно документальные материалы. В частности, он акцентирует внимание на значении свидетельств, подтверждающих факт управления имуществом наследодателя, а также на активных действиях наследника, таких как использование наследуемых объектов. По мнению автора, отсутствие прямых доказательств принятия наследства не исключает возможности установления факта вступления в наследственные правоотношения при условии, что такие действия могут быть подтверждены косвенными доказательствами, такими как факты использования имущества наследодателя. Эти косвенные доказательства, по его мнению, являются важными индикаторами воли наследника, направленной на принятие наследства¹.

В противоположность этому более гибкую позицию занимает М. Ю. Барщевский. Он утверждает, что факт принятия наследства может быть подтвержден не только посредством активных действий наследника с имуществом, но и через свидетельства о его намерении вступить в наследственные отношения. М. Ю. Барщевский вводит концепцию презумпции фактического принятия наследства, согласно которой совместная регистрация наследника и наследодателя по

одному адресу рассматривается как косвенное доказательство вступления в наследственные отношения. Однако при этом такая презумпция может быть опровергнута, если будут представлены доказательства, указывающие на отсутствие фактического проживания или управления имуществом. Автор акцентирует внимание на необходимости учета всех обстоятельств дела, в том числе доказательств, подтверждающих отсутствие владения имуществом наследодателя [1. – С. 368].

Подобное понимание фактического принятия наследства находит свое отражение и в труде М. С. Абраменкова и А. Г. Сараева. В их учебнике «Наследственное право» подчеркивается, что для признания факта принятия наследства необходимо учитывать как активные действия наследника, так и его намерения, которые могут быть выражены через такие формальные признаки, как регистрация по месту жительства наследодателя. Авторы утверждают, что указанные действия должны подкрепляться объективными доказательствами, что является необходимым для установления факта владения или использования наследуемого имущества².

Одной из ключевых проблем, возникающих в контексте правоприменения норм о фактическом принятии наследства, является отсутствие единообразных критериев для квалификации тех или иных действий наследника в качестве надлежащего волеизъявления на принятие наследства. Законодатель, предлагая лишь открытый перечень возможных форм поведения (п. 2 ст. 1153 ГК РФ), фактически делегирует судам значительную степень усмотрения при оценке конкретных обстоятельств.

Сложности в правовой квалификации усугубляются тем, что однотипные действия в различных делах могут трактоваться по-разному. Так, нахождение наследника в жилом помещении, принадлежавшем наследодателю, в одних случаях расценивается как владение наследственным имуществом, а в других – как проживание по семейным или иным не связанным с наследованием основаниям. Аналогичным образом оплата коммунальных услуг, ремонт или охрана имущества могут быть признаны как действия, направленные

¹ Гражданское право : в 4 т. – Т. 4. / отв. ред. Е. А. Суханов. – М. : Статут, 2019. – С. 552.

² Абраменков М. С., Сараев А. Г. Наследственное право : учебник для вузов / отв. ред. В. А. Белов. – М. : Юрайт, 2025.

на принятие наследства, либо как акты текущего управления или заботы, не предполагающие намерения вступить в наследственные права.

Юридическая неопределенность порождает значительные трудности в доказывании. При отсутствии письменного подтверждения намерения наследника суды вынуждены прибегать к анализу совокупности косвенных признаков: свидетельских показаний, платежных документов, переписки, заключенных с третьими лицами договоров. При этом оценка доказательств носит преимущественно субъективный характер, что создает угрозу правовой непредсказуемости.

Кроме того, разрозненность судебных подходов проявляется при рассмотрении дел о восстановлении срока для принятия наследства. В ряде решений суды исходят из того, что фактические действия по принятию имущества в пределах установленного срока сами по себе исключают необходимость его восстановления. В других случаях подобные действия не признаются достаточными для констатации принятия, и наследнику отказывается в удовлетворении иска.

Среди сложных и неоднозначных аспектов российского наследственного права особое место занимает вопрос: можно ли расценивать покрытие расходов по содержанию имущества наследодателя – в частности, оплату коммунальных платежей – как акт фактического принятия наследства? В правоприменительной плоскости подобные кейсы встречаются с регулярностью, однако решения по ним не всегда следуют единой логике. Рассмотрим два конкретных дела из практики Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), иллюстрирующих противоположные подходы к интерпретации схожих ситуаций.

В определении ВС РФ от 1 октября 2024 г. по делу № 5-КГ24-99-К2 ключевым элементом анализа стало поведение вдовца, который, несмотря на формальное бездействие в нотариальной процедуре, продолжил управлять совместным с супругой имуществом. Он не только оставался проживать в жилом помещении, ранее принадлежавшем наследодателю, но и систематически покрывал расходы, связанные с его эксплуатацией, включая платежи за жилищные и коммунальные услуги. Суд, оценивая характер этих действий, пришел к выводу, что они в своей совокупности однозначно свидетельствуют о фактическом принятии наследственной массы. Такой подход соотносится с положениями пункта 2 статьи 1153 ГК РФ, допускающего альтернативный,

неформализованный способ вхождения в наследственные права – посредством объективного выражения воли на принятие имущества.

Напротив, в определении ВС РФ от 7 сентября 2021 г. по делу № 5-КГ21-90-К2 прослеживается другая оценка аналогичной ситуации. Истец настаивала на том, что после смерти родственника она проживала в его квартире и осуществляла оплату жилищно-коммунальных услуг, полагая, что тем самым вступила в наследство. Однако нижестоящие инстанции не усмотрели в ее действиях достаточной степени вовлеченности в управление объектом. В обоснование отказа суды ссылались на отсутствие у заявительницы регистрации по адресу спорного помещения, а также на нерегулярность оплаты услуг. ВС РФ, отменяя состоявшиеся судебные акты, указал, что регистрация по месту жительства не может служить абсолютным критерием, а доказательства фактического обладания имуществом должны оцениваться с учетом конкретных жизненных обстоятельств. Дело было направлено на повторное рассмотрение.

Обобщая, можно отметить, что судебная практика в вопросах фактического принятия наследства через совершение действий, направленных на владение и сохранение имущества, подвержена оценочному восприятию. Покрытие коммунальных платежей само по себе не всегда служит достаточным аргументом, но в комплексе с иными факторами – такими как продолжительное проживание, поддержание объекта в пригодном состоянии, распоряжение им – может рассматриваться как правовое поведение, эквивалентное подаче нотариального заявления о принятии наследства.

Такая неоднородность правоприменительной практики требует доктринального переосмысления и формирования подходов, способствующих стабилизации судебной линии.

Особое внимание следует уделить оценке субъективного элемента – внутреннего намерения наследника принять наследство. Данный критерий, будучи малоподдающимся верификации, в то же время играет важнейшую роль при разрешении споров. В этом контексте возникает необходимость в развитии доктрины добросовестного поведения наследника, а также выработке презумпций, способных устранить пробелы в доказательственной базе.

В совокупности обозначенные проблемы указывают на необходимость выработки как норма-

тивных, так и практико-ориентированных механизмов, обеспечивающих юридическую определенность в вопросах квалификации и доказывания фактического принятия наследства. Потенциальным направлением развития может стать закрепление более детализированных признаков и действий, приравниваемых к принятию, либо законодательное оформление презумпции принятия наследства в случаях, когда наследник вступает во владение и пользование имуществом без возражений со стороны иных претендентов.

Институт фактического принятия наследства, несмотря на свою относительную универсальность как правовой конструкции, демонстрирует значительную вариативность в законодательных решениях различных юрисдикций. Сравнительно-правовой анализ позволяет выявить как общие тенденции, так и существенные отличия, обусловленные правовыми традициями, историческим развитием и особенностями гражданского оборота.

Исследование зарубежного опыта в области молчаливого согласия при принятии наследства предоставляет ценную информацию для совершенствования правового регулирования в России. В странах континентальной Европы, таких как Германия и Франция, законодательство о фактическом принятии наследства более подробно урегулировано, что исключает правовую неопределенность. Например, во Франции принятие наследства может происходить молчаливо, если наследник совершает действия, которые предполагают наличие у него прав на имущество, такие как управление имуществом или его продажа. Французская судебная практика выработала четкие критерии для квалификации таких действий, что способствует правовой определенности.

В Германии также существует возможность молчаливого принятия наследства, но при этом действия наследника должны быть неоспоримыми и исключать возможность отказа от наследства. В соответствии с § 1943 Гражданского уложения Германии (BGB), наследник может принять наследство через действия, не требующие дополнительного заявления, при условии, что его намерение вступить в наследственные права не вызывает сомнений. Судебная практика в Германии основывается на строгих критериях для минимизации правовой неопределенности.

В праве США ситуация разнообразна в зависимости от штата. Некоторые штаты признают принятие наследства через фактические действия, такие как управление имуществом, однако

для этого требуются убедительные доказательства намерений наследника. В некоторых случаях допускается признание принятия наследства по умолчанию при определенных обстоятельствах, что приближает американскую модель к концепции презумпции принятия.

Несмотря на стремление к формализации наследственного процесса в большинстве стран, правопорядки различных юрисдикций сохраняют признание фактического поведения наследника как правомерного способа вступления в наследственные отношения. Однако степень допустимости таких действий и подходы к их оценке варьируются. Российская правовая модель представляет собой промежуточный вариант, поскольку фактическое принятие наследства допустимо, но отсутствие четкого законодательного регулирования и презумпций приводит к правовой неопределенности и рискам разночтений в судебной практике.

Международный опыт демонстрирует как возможность успешного внедрения презумпций фактического принятия, так и важность законодательной конкретизации перечня допустимых действий. Эти выводы следует учитывать при разработке предложений по совершенствованию российского законодательства и правоприменительной практики.

Современная правовая регламентация института фактического принятия наследства в российском гражданском законодательстве выявляет ряд значительных проблем, требующих детального теоретического осмысления и комплексного реформирования. Одной из наиболее острых является неопределенность в вопросе перечня действий, свидетельствующих о принятии наследства, а также правовая неопределенность относительно правовой природы этих действий. Также остается актуальной проблема неоднородности судебной практики и отсутствия правовых презумпций, что затрудняет единообразное применение норм.

Одним из ключевых направлений совершенствования законодательства является введение презумпции фактического принятия наследства в случае совершения наследником определенных юридически значимых действий. Это могло бы значительно повысить правовую определенность и защиту добросовестных наследников, особенно в тех случаях, когда отсутствует формальное волеизъявление.

Рекомендуется внести в статью 1153 ГК РФ дополнение, устанавливающее, что выполнение наследником шагов по распоряжению, обеспечению сохранности или текущему управлению унаследованным активом (а также иных актов, имеющих целью защиту имущественных интересов наследственной массы) создает презумпцию согласия на вступление в наследство – при условии отсутствия доказательств обратного. Такая правовая конструкция могла бы быть введена по аналогии с частью 2 статьи 1270 ГК РФ, где подразумевается согласие владельца интеллектуального объекта на его использование исходя из его поведения. Применение подобного механизма в наследственном праве может стать инструментом правовой устойчивости и сократить количество конфликтов по поводу факта принятия наследства.

В законодательную часть следует внести положения об ориентировочном списке поступков, способных говорить о намерении наследника вступить в наследство. Среди таких поступков можно выделить:

- финансирование мероприятий по содержанию имущества;
- осуществление платежей налогового и аналогичного характера, связанных с имуществом умершего;
- оформление соглашений, направленных на эксплуатацию, охрану либо менеджмент наследственного объекта (в том числе аренда, договор с охранной организацией);
- инициирование разбирательств в суде для защиты интересов, сопряженных с унаследованной собственностью;
- распоряжение объектом наследства как личной собственностью.

Открытый характер этого перечня сохранит возможность гибкой правовой оценки, одновременно создавая для судов некий ориентир для анализа поведения наследников в конкретных обстоятельствах.

Существующий порядок восстановления пропущенного срока для вхождения в наследство требует конкретизации. Целесообразным видится добавление в статью положения, позволяющего признавать как самостоятельное основание для восстановления срока поведение наследника, объективно указывающее на фактическое принятие наследства даже при отсутствии формального волеизъявления. Однако при этом необходимо

учитывать добросовестность участника и длительность соответствующего поведения.

Для устранения колебаний в правоприменительной практике и обеспечения единообразия решений требуется либо принятие новой позиции Пленума ВС РФ, либо переработка уже существующего Обзора судебной практики ВС РФ с учетом критериев оценки реальных поступков наследников. Подобные разъяснения будут способствовать единообразию подходов к толкованию норм и улучшат правовую предсказуемость при рассмотрении подобных дел.

Важно подчеркнуть: при реформировании механизма признания фактического вступления в наследство необходимо не допустить перекоса в сторону одной из сторон – будь то наследники, кредиторы или иные вовлеченные участники. Несмотря на то, что учет фактического поведения наследника способствует более оперативному оформлению прав, важно предусмотреть гарантии, предотвращающие возможные манипуляции.

К примеру, в ситуациях, когда преемник скрывает от других заинтересованных лиц факт своего вступления в наследственные права, это может создать препятствия для удовлетворения требований кредиторов. Поэтому имеет смысл предусмотреть процессуальные меры, обеспечивающие доступность информации и возможность контроля. В их числе могут быть:

- обязанность уведомления других претендентов и кредиторов о совершении действий, указывающих на принятие наследства;
- право обратиться в суд с запросом о проверке законности и добросовестности таких действий.

Реализация подобных процедур создаст барьеры для злоупотреблений и обеспечит более объективное урегулирование конфликтов, связанных с наследованием.

Переосмысление института молчаливого принятия наследства требует не только законодательных новшеств, но и корректировки правоприменительной системы. Учитывая актуальные юридические реалии, научные подходы и зарубежные практики, возможно выработать продуманную модель регулирования, способную одновременно охранять интересы наследников, обеспечивать права взыскателей и поддерживать стабильность гражданских отношений.

Отдельное значение при формировании подходов к вопросам фактического принятия наследства занимает судебная позиция ВС РФ.

Так, в Постановлении Пленума ВС РФ от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» подчеркивается, что действия, направленные на управление, защиту или сохранение наследства, могут свидетельствовать о его принятии. При этом судебные органы обязаны учитывать не отдельные эпизоды, а совокупность факторов: характер поведения, его длительность, направленность и наличие/отсутствие возражений других наследников. Эта позиция заслуживает нормативного закрепления и дальнейшего развития.

Применение единых подходов в правоприменении, что предполагается в рамках предложен-

ных изменений, поможет избежать противоречий в судебной практике и обеспечит защиту прав наследников. Унификация правоприменительной практики посредством обновления Обзора судебной практики ВС РФ с учетом современных реалий и научно обоснованных предложений позволит судьям системно подходить к вопросам фактического принятия наследства, снижая правовую неопределенность и обеспечивая стабильность правоприменительной практики.

Комплексный подход к совершенствованию института фактического принятия наследства, включающий как изменения в законодательстве, так и улучшение правоприменительной практики, позволит обеспечить более справедливое и предсказуемое правовое регулирование в области наследственных правоотношений.

Список литературы

1. Барщевский М. Ю. Наследство и наследники : в 2 т. – Т. 1. – М. : АО «Издательский дом «Аргументы недели», 2020.
2. Гомонова Э. С. К вопросу о доказывании фактического принятия наследства // Альманах лектория. Майские правовые чтения на Енисее : сборник материалов круглых столов обучающихся. – Красноярск, 2023. – С. 28–31.
3. Распашинова А. В. Фактическое принятие наследства по законодательству Российской Федерации // Оригинальные исследования. – 2024. – Т. 14. – № 1. – С. 233–237.
4. Четырева Л. Л. Презумпция фактического принятия наследства, проблемы, возникающие в правоприменительной практике и возможные пути их решения // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 6 (222). – С. 131–134.
5. Читаева Л. Е. Фактическое принятие наследства как один из способов его принятия // Нотариус. – 2021. – № 3. – С. 33–36.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2025-2-160-168>

Применение документа "The BRT Standard" как основы для российского законодательства, регулирующего системы скоростного автобусного транспорта

А. А. Антипов

аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин

РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.E-mail: arsenij-antipow@mail.ru

Application of The BRT Standard Document as the Basis for Russian Legislation Regulating Rapid Bus Transport Systems

A. A. Antipov

Postgraduate Student of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.E-mail: arsenij-antipow@mail.ru*Поступила 01.05.2025 Принята к печати 15.05.2025*

Аннотация

В статье анализируются положения документа "The BRT Standard", содержащие определение и критерии классификации систем скоростного автобусного транспорта. Важно проанализировать положения данного документа для выработки предложений по созданию нового нормативного правового акта, а также изменению действующего законодательства в целях повышения эффективности регулирования требований к оснащению инфраструктуры коридоров скоростного автобусного и троллейбусного транспорта в Российской Федерации. Развитие скоростного автобусного и троллейбусного транспорта в городах Российской Федерации может обеспечить население более предсказуемым и вместительным общественным транспортом большей провозной способности, а также увеличить показатели пропускной способности улично-дорожной сети, увеличить среднюю маршрутную скорость движения общественного транспорта. Технологические решения, применяемые при строительстве и эксплуатации систем скоростного автобусного и троллейбусного транспорта, влияют на параметры предсказуемости, скорости, доступности, информированности и провозной способности. В качестве основных методов познания при проведении исследования были использованы логический, сравнительный, эмпирический, аналитический, историко-правовой, описательный и другие методы. Научную новизну исследования составил следующий вывод: для повышения эффективности правового регулирования скоростного автобусного и троллейбусного транспорта в Российской Федерации необходимо закрепить базовые технические и инфраструктурные характеристики его коридоров и ввести множественные изменения в понятийный аппарат. Необходимо дать законодательное определение «скоростной автобусный транспорт», а также расширить перечень технических и эксплуатационных характеристик. Прямое заимствование понятийного аппарата и критериев оценки из документа "The BRT Standard" представляется затруднительным, поскольку функциональное значение документа носит неправовой характер и порождает некоторые неопределенности и допущения, однако заимствование критериев с адаптацией и расширением понятийного аппарата в целях наиболее полного и точного правового регулирования позволит использовать вышеуказанный стандарт как основу правового регулирования скоростного автобусного транспорта в Российской Федерации.

Ключевые слова: транспортное право, российское правовое регулирование, правовое регулирование автомобильного транспорта, скоростной автобусный транспорт, The BRT Standard, международный стандарт скоростного автобусного транспорта, стандартизация транспортной инфраструктуры.

Abstract

The article analyzes the provisions of the document "The BRT Standard", which contain the definition and classification criteria for rapid bus transport systems. It seems important to analyze the provisions of this

document in order to develop proposals for the creation of a new regulatory legal act, as well as to amend current legislation in order to increase the effectiveness of regulating the requirements for equipping the infrastructure of high-speed bus and trolleybus transport corridors in the Russian Federation. The development of high-speed bus and trolleybus transport in the cities of the Russian Federation can provide the population with more predictable and spacious public transport with greater carrying capacity, as well as increase the capacity of the road network, increase the average route speed of public transport. Technological solutions used in the construction and operation of high-speed bus and trolleybus transport systems affect the parameters of predictability, speed, accessibility, awareness and carrying capacity. Logical, comparative, empirical, analytical, historical-legal, descriptive and other methods were used as the main methods of cognition during the research. The scientific novelty of the study was the following conclusion: in order to increase the effectiveness of the legal regulation of high-speed bus and trolleybus transport in the Russian Federation, it is necessary to introduce multiple changes in the conceptual framework, as well as consolidate its basic technical and infrastructural characteristics of its corridors. It is necessary to provide a legal definition of "high-speed bus transport", as well as expand the list of technical and operational characteristics. Direct borrowing of the conceptual framework and evaluation criteria from The BRT Standard document seems difficult, since the functional meaning of the document is non-legal and generates some uncertainties and assumptions, however, borrowing criteria with adaptation and expansion of the conceptual framework for the most complete and accurate legal regulation will allow using the above standard as the basis for legal regulation of high-speed bus transport in the Russian Federation.

Keywords: transport law, Russian legal regulation, legal regulation of motor transport, high-speed bus transport, The BRT Standard, international standard of high-speed bus transport, standardization of transport infrastructure.

В обязательных к исполнению нормативно-правовых актах Российской Федерации отсутствует непосредственное регулирование сферы строительства и эксплуатации скоростного автобусного и троллейбусного транспорта. Отсутствуют понятийный аппарат, классификация, общие принципы организации и эксплуатации, специальные требования к дорожному покрытию в коридорах скоростного автобусного транспорта; отсутствуют общие требования, предъявляемые к обустройству остановочных пунктов, и технические требования к средствам обеспечения приоритета движения общественного транспорта в дорожном потоке, что может негативно отразиться на скоростных характеристиках и стабильности движения транспортной системы. Подобное отсутствие специального регулирования способствует возникновению фундаментальных ошибок на стадии проектирования, строительства или эксплуатации объекта, что влечет за собой отрицательные социально-экономические последствия, а также может негативно влиять на пассажиропоток транспортной системы. На основании изложенного предлагается внесение изменений в существующее законодательство.

Отдельно следует отметить, что в российском законодательстве есть федеральные законы и иные нормативные правовые акты, регулирующие требования к организации работы автобусного и троллейбусного транспорта и к их инфраструктуре. К ним относятся, например, Феде-

ральный закон от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта»¹, а также Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 220-ФЗ «Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»². Более детально требования к инфраструктуре сформулированы в отраслевом стандарте «Автобусные остановки на автомобильных дорогах. Общие технические требования. ОСТ 218.1.002-2003»³, а также ГОСТ Р 58653-2019 «Национальный стандарт Российской Федерации. Дороги автомобильные общего поль-

¹ Федеральный закон от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 12.11.2007. – № 46. – Ст. 5555.

² Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 220-ФЗ «Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 20.07.2015. – № 29 (часть I). – Ст. 4346.

³ Автобусные остановки на автомобильных дорогах. Общие технические требования. ОСТ 218.1.002-2003 (утв. распоряжением Минтранса Российской Федерации от 23 мая 2003 г. № ИС-460-р). – М., ФГУП "Информавтодор", 2003.

зования. Пересечения и примыкания. Технические требования»¹; требования к контактно-кабельной сети троллейбусного транспорта закреплены в СП 98.13330.2018 «Трамвайные и троллейбусные линии»².

Однако оптимальным представляется создание нового федерального закона (далее – Федеральный закон «Об общих принципах организации и эксплуатации городского общественного транспорта»), который содержал бы в себе понятийный аппарат для всех видов городского и агломерационного общественного транспорта, определял бы базовые инфраструктурные требования, предъявляемые к каждому виду общественного транспорта, а также содержал бы информацию о полномочиях, правах, обязанностях и мерах ответственности муниципальных, региональных и федеральных органов власти, владельцев транспортной инфраструктуры и перевозчиков в сфере организации и эксплуатации систем транспорта. Элементы, содержащиеся в вышеперечисленных нормативных правовых актах, предлагается частично имплементировать в предлагаемый Федеральный закон «Об общих принципах организации и эксплуатации городского общественного транспорта», а некоторые из элементов рекомендуется также переработать.

Следует обратить внимание, что обоснование предлагаемой теоретической модели единого Федерального закона «Об общих принципах организации и эксплуатации городского общественного транспорта» для всех видов городского и агломерационного общественного транспорта является предметом отдельного исследования. В контексте данной исследовательской работы важным аспектом для правового регулирования скоростного автобусного транспорта является создание специальных правовых норм в дополнение к нормам, регулирующим эксплуатацию троллейбусного и автобусного транспорта в действующем законодательстве Российской Феде-

рации. Значимым аспектом является обязательность предлагаемых в данной работе норм для исполнения всеми субъектами правоотношений.

Отметим, что существующее законодательство, регулирующее инфраструктуру наземного городского пассажирского транспорта, предъявляет ограниченный набор требований к остановочным пунктам и их оборудованию, а также к устройствам и элементам инфраструктуры, обеспечивающим безопасность движения и позволяющим увеличить среднюю маршрутную скорость трамвайных вагонов.

Во-первых, на сегодняшний день российское законодательство не требует создавать инфраструктуру коридоров скоростного автобусного и троллейбусного транспорта, доступную для маломобильных пассажиров, также отсутствуют минимальные требования по оснащению остановок местами для сидения и навесами, защищающими от осадков. Это негативно влияет на базовый комфорт при ожидании транспорта и на возможность использования транспорта социально-уязвимыми категориями населения.

Во-вторых, в России не существует обязательных требований и нормативов по предоставлению конкретного набора информации о работе систем общественного транспорта (включая информирование пассажиров коридоров скоростного автобусного и троллейбусного транспорта) со стороны операторов транспортных систем и/или муниципальных органов, что ухудшает качество пользования таким транспортом и делает его малопредсказуемым для пассажиров в случаях отсутствия или неполноты предоставляемой информации.

В-третьих, отсутствуют критерии, при которых на эксплуатируемом участке коридора скоростного автобусного или троллейбусного транспорта обеспечивается приоритет его движения на регулируемых и нерегулируемых перекрестках, а также пересечениях с примыкающими дорогами. Отсутствие таких критериев может снижать эффективность коридора скоростного автобусного/троллейбусного транспорта из-за необходимости ожидания маршрутными транспортными средствами разрешающего сигнала на регулируемых перекрестках и проследования с пониженными скоростями нерегулируемых перекрестков, а также пересечений с примыкающими дорогами.

В качестве обоснования необходимости включения таких требований в российское законодательство можно привести тезис о том, что отсутствие юридического закрепления обязательных

¹ ГОСТ Р 58653-2019. Национальный стандарт Российской Федерации. Дороги автомобильные общего пользования. Пересечения и примыкания. Технические требования (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 13.11.2019 № 1120-ст). – М.: Стандартинформ, 2019.

² Свод правил СП 98.13330.2018 «Трамвайные и троллейбусные линии» СНиП 2.05.09-90 (утв. и введен в действие приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 20 ноября 2018 г. № 735/пр). – М., 2023.

базовых требований к чему-либо означает легальную возможность не исполнять данные требования или исполнять их частично, что приводит к снижению качества обслуживания [1].

В связи с тем, что скоростной автобусный и троллейбусный транспорт является не самостоятельным видом транспорта, а только совокупностью инфраструктурных элементов и эксплуатационных специфик, применяемых на автобусном и троллейбусном транспорте, в данной исследовательской работе будут изложены предложения о требованиях, предъявляемых непосредственно к инфраструктуре и эксплуатационным спецификам, отличающим скоростной автомобильный и троллейбусный пассажирский общественный транспорт от нескоростного.

Для более точного определения предмета исследования рассмотрим признаки системы скоростного автобусного транспорта, закрепленные некоммерческой организацией Institute for Transportation and Development Policy в критериях соответствия инфраструктурных элементов понятию «скоростной автобусный транспорт» (BRT¹) – «The BRT Standard» в редакции 2024 г. (далее – Стандарт).

Согласно вышеуказанному документу, первый аспект соответствия системы определению «скоростной автобусный транспорт» – непрерывная протяженность выделенных полос для общественного транспорта (далее – выделенные полосы) и/или автомобильных дорог, предназначенных для эксклюзивного использования автомобильным общественным транспортом (далее – басвей²), составляющая не менее 3 километров.

Допустима протяженность выделенных полос и/или басвеев 2 километра с имеющимися между

ними участками протяженностью не более километра, где движение автомобильного общественного транспорта осуществляется в общем потоке с иными транспортными средствами. В Стандарте существует оговорка, что автобусные полосы будут учитываться в рейтинге соответствия даже в случае, когда по ним разрешено движение иного автомобильного трафика на протяжении одного квартала, причем автомобильный трафик не должен блокировать движение общественного транспорта.

При этом выделенные полосы и басвеи, доступные для движения такси, мотоциклов и иных транспортных средств, не относящихся к специальным службам, считаются неподходящими для классификации системы в качестве скоростного автобусного транспорта. Не учитываются в оценке также полосы, предназначенные для движения транспортных средств, имеющих на борту более 1 человека, – так называемые полосы для транспорта с повышенной загрузкой (далее – полоса ХОВ³, от англ. High Occupancy Vehicles lanes – HOV lanes).

Выделенные полосы в Стандарте классифицированы по категориям – отделенные от остальных полос движения на проезжей части физически (посредством бордюров, делиниаторов, ограждений); выделенные полосы, оборудованные средствами наблюдения; выделенные полосы, отделенные от остальной проезжей части другим цветом дорожного полотна без физического обособления; выделенные полосы, отделенные от остальной проезжей части разметкой.

Помимо оценки имеющих специальные коридоры движения, предоставляющих автомобильному общественному транспорту эксклюзивное право проезда (выделенные полосы / басвеи), второй аспект системы – описание Стандартом и оценка конфигурации таких коридоров в рамках дороги и дорожного пространства.

Стандартом описаны следующие виды конфигурации выделенных полос и басвеев:

а) две выделенные полосы общественного транспорта, предназначенные для двухстороннего движения автобусов и троллейбусов в центре

¹ Термин «BRT» (англ. Bus Rapid Transit – «скоростной автобусный транспорт») будет использоваться в данной статье в отношении инфраструктуры и способа организации эксплуатации как автобусного (автомобильного общественного транспорта), так и троллейбусного транспорта: если в предложении указано слово «автобус», то оно верно и в отношении троллейбуса, если прямо не изложено иное.

² Термин «басвей» является прямым заимствованием из английского языка (busway) и обозначает дорогу, по которой разрешено движение автомобильного общественного транспорта, а также транспортных средств специальных служб. При наличии рельсового полотна возможно также использование термина «busway» и для движения рельсового общественного транспорта, однако в таком случае представляется уместным применение более точного термина «transitway» («дорога для общественного транспорта»).

³ Термин «полоса ХОВ» является прямым заимствованием из английского языка, где есть термин «High Occupancy Vehicles lane» («HOV lane»), обозначающий полосу движения на проезжей части, которая предназначена для движения транспортных средств, в салоне которых находится более 1–2 человек.

проезжей части на дороге с двухсторонним движением;

б) басвей, не дублируемый другими автомобильными дорогами;

в) басвей, проходящий рядом с краем набережной или рядом с парком с ограниченным количеством пересечений;

г) двухсторонний басвей, проходящий параллельно односторонней дороге, либо две выделенные полосы общественного транспорта, предназначенные для двухстороннего движения автобусов и троллейбусов на дороге с односторонним движением для прочего автомобильного транспорта;

д) односторонние выделенные полосы, находящиеся в центре проезжих частей односторонних параллельных и противонаправленных относительно друг друга автомобильных дорог;

е) выделенные полосы, находящиеся на крайних правых полосах проезжей части автомобильной дороги, у которой есть дороги-дублеры;

ж) выделенные полосы, находящиеся на крайних левых полосах проезжей части автомобильных дорог-дублеров, следующих параллельно основной, у которой есть дороги-дублеры;

з) односторонние выделенные полосы, находящиеся в крайней правой полосе проезжих частей односторонних параллельных и противонаправленных относительно друг друга автомобильных дорог;

и) «виртуальный автобусный коридор» – выделенная полоса, находящаяся на разделительной полосе по центру двухсторонней дороги. Данная полоса предназначена для пропуска общественного транспорта в двух противоположных направлениях на разных участках. Перед регулируемым перекрестком такая выделенная полоса предназначается для автобусов, которые должны совершить опережение попутного трафика и проследовать на специальную фазу сигнала светофора, которая предназначается только для общественного транспорта, в то время как для всех транспортных средств, у которых траектории потенциально могут пересекаться с автобусами и троллейбусами, горит красный. По мере проследования перекрестка единицы автомобильного общественного транспорта смещаются на одну полосу вправо, поскольку разделительная полоса, идущая после регулируемого перекрестка, является для них полосой встречного движения. Организация виртуального автобусно-

го коридора на дорогах, где есть нерегулируемые перекрестки, не имеет смысла [5].

Иные конфигурации выделенных полос, не описанные в Стандарте, не считаются подлежащими классификации в качестве коридора «скоростной автобусный транспорт». Стандартом допускается комбинация различных видов выделенных полос и басвеев, а также различные комбинации их расположения на проезжей части дорог.

Третьим аспектом оценки и классификации систем в качестве скоростного автобусного транспорта является такой критерий, как способ оплаты проезда, который позволит заплатить за поездку вне борта транспортного средства. Стандарт предлагает несколько способов его реализации.

А) Организация турникетов на остановочных пунктах скоростного автобусного транспорта позволяет взимать оплату непосредственно перед моментом прохода через турникет.

Б) Организация предварительной оплаты проезда с предварительным гашением проездного документа подразумевает покупку и погашение билетов в киоске, у билетного автомата, через электронное приложение на электронном устройстве с подтверждением оплаты проезда через приходящий электронный документ – таким образом, оплата и погашение проездного документа осуществляется вне транспортного средства. Для контроля за предварительной оплатой проезда пассажирами на территории транспортной системы необходимо организовать работу специальной службы, производящей выборочный контроль за соблюдением правил оплаты проезда [7].

В) Организация предварительной оплаты проезда с гашением проездного билета в салоне транспортного средства подразумевает покупку билетов в киоске, у билетного автомата, через электронное приложение на электронном устройстве с подтверждением оплаты проезда через приходящий электронный документ. Пассажир обязан погасить полученный в электронном или бумажном виде проездной документ в момент начала поездки в салоне транспортного средства, задействовав специально предусмотренные для этого внутрисалонные технические средства. Для контроля за предварительной оплатой проезда и своевременным погашением проездных документов пассажирами на территории транспортной системы необходимо организовать работу специальной службы, производя-

щей выборочный контроль за соблюдением правил оплаты проезда.

Г) Организация бесплатного проезда в системе скоростного автобусного транспорта – мера, позволяющая полностью избежать проблем с безбилетным проездом и исключить контроль оплаты проезда пассажирами, однако для оплаты стоимости работы транспорта предприятию потребуется заключение муниципального или регионального контракта с органом публичной власти – так называемого брутто-контракта, за счет чего 100% стоимости работы транспорта будет выплачивается перевозчику органом публичной власти исходя из бюджета муниципального образования либо из бюджета субъекта Российской Федерации. Важно, чтобы статья расходов, содержащаяся в бюджете публичного образования, предусматривала 100%-ное исполнение обязательств по контракту с перевозчиком во избежание судебных и досудебных разбирательств.

Четвертым аспектом, позволяющим отличить скоростной автобусный транспорт от обычного, является наличие у первого приоритетов при движении на регулируемых перекрестках, а также как можно меньшее количество пересечений с трафиком автомобильных дорог.

Стандартом предусмотрены различные варианты практической реализации данной меры.

А) Полное отсутствие перекрестков и каких-либо пересечений с улично-дорожной сетью общего пользования. Данный вариант является достаточно редким и обычно используется на участках, где линия железнодорожного транспорта, проходящая на полностью обособленном полотне (включая туннели, выемки, эстакады), конвертирована в коридор скоростного автобусного транспорта путем демонтажа железнодорожной инфраструктуры и строительства басвея на месте ее расположения. Допустима также организация совмещенного коридора, подразумевающая движение по басвею трамваев и автобусов (так называемый транзитвей¹) и включающая меры по конвертации открытой рельсошпальной решетки трамвайной линии в дорогу с твердым покрытием с сохранением рельсов и контактной сети.

Б) Организация приоритета автобусов над другими участниками дорожного движения при проезде регулируемых перекрестков (так называемый *signal priority*²), которая обеспечивается особой настройкой фаз светофоров и/или монтажом дополнительных светофорных объектов. В дополнение к светофорам перед перекрестками монтируются специальные датчики, которые фиксируют приближение общественного транспорта, отправляя сигнал в контрольный центр либо непосредственно на светофорные объекты и тем самым обеспечивая их переключение для пропуска автобуса в момент его подъезда к регулируемому перекрестку. Системой «*signal priority*» должны быть оборудованы участки от 100 до 20% коридора скоростного автобусного транспорта.

В) Организация запрета пересечения выделенных полос коридора скоростного автобусного транспорта на перекрестках для участников дорожного движения, следующих параллельно вышесказанному коридору. Допускается, что от 100 до 30% всех перекрестков коридора скоростного автобусного транспорта должны иметь соответствующее ограничение.

Следует отметить, что в случае, когда в коридоре скоростного автобусного транспорта есть перекрестки, формально для его надлежащей идентификации необходимо соответствие хотя бы одному из двух критериев обеспечения приоритета общественного транспорта при движении через регулируемые перекрестки либо уменьшение точек пересечения с трафиком автомобильных дорог. Интересно, что Стандарт в качестве более ценного и важного критерия по шкале оценки определяет именно наличие запретов на пересечение выделенных полос коридора скоростного автобусного транспорта на перекрестках для трафика, следующего параллельно BRT, по сравнению с организацией приоритета автобусов на перекрестках [6].

Пятым базовым критерием отнесения транспортной системы к скоростному автобусному транспорту является организация посадки и высадки пассажиров таким образом, чтобы между дверными проемами подвижного состава и посадочными платформами была минимальная раз-

¹ Термин «*transitway*» используется в англоязычной научной литературе в значении «дорога для общественного транспорта».

² Термин «*signal priority*» используется в англоязычной научной литературе в значении «приоритет на светофорах».

ница по высоте, а также минимальный горизонтальный зазор.

Этот критерий определяет доступность общественного транспорта для пассажиров с ограниченной мобильностью, таких как инвалиды, пожилые люди, маленькие дети, пассажиры с чемоданами или колясками. Для реализации мер по минимизации горизонтального зазора между автобусными вагонами и посадочными платформами допустимо применять специальные технические средства, корректирующие траекторию движения транспортного средства – такие как кассельский бордюр¹, системы автоматизированного ведения автобуса².

Возможно также применение технических средств, физически устраняющих зазор, но не влияющих на траекторию движения транспортного средства, – например, выдвижные мостки³.

Допустимым является и корректировка траектории движения вручную – с помощью вспомогательной разметки и набора дополнительных камер.

В числовом выражении Стандартом излагаются следующие критерии.

А) Допускается горизонтальный зазор размером не более 15 сантиметров, оптимальным является зазор размером не более 10 сантиметров.

Б) Разница по высоте между посадочной платформой и дверным проемом транспортного средства размером более 2 сантиметров делает процесс посадки для людей с инвалидными колясками довольно сложным, и многие не могут взойти на ступеньку такой высоты без посторон-

ней помощи в лице сопровождающего или работника транспортного предприятия. Кроме того, вертикальные зазоры представляют собой опасные точки спотыкания для всех пассажиров и замедляют процесс посадки и высадки. Разница высот между автобусом и платформой должна быть такой, чтобы позволить развернуть пандус с соотношением 1:12 и с уклоном меньше 8,3%, в таком случае вертикальный зазор будет считаться нулевым.

В) Как можно большее количество автобусов, обслуживающих коридор скоростного автобусного транспорта, должно быть без ступенек в салоне.

Вышеизложенные критерии не являются абсолютными, т. е. допустимо наличие определенного количества остановочных пунктов и подвижного состава, которые не соответствуют вышеуказанным требованиям.

В рамках Стандарта системы BRT дифференцируются на «базовый», «бронзовый», «серебряный» и «золотой» уровни технологического оснащения, который эти системы получают, проходя оценку не по основным, а по дополнительным критериям.

Важно также отметить, что сам Стандарт не дает унифицированное определение скоростного автобусного транспорта (BRT), равно как и не подразделяет разные категории BRT по технологическим параметрам. Иными словами, полностью обособленный от других участников дорожного движения коридор скоростного автобусного транспорта, на котором работают автобусные маршруты, не выходящие за рамки данного коридора, в ходе оценки может быть отождествлен по уровневой классификации с BRT, проходящим по выделенным полосам посреди проезжей части, автобусные маршруты которого задействуют данные выделенные полосы не на всем протяжении трассы, несмотря на различные эксплуатационные характеристики и среднюю маршрутную скорость [2].

Однако мировой опыт организации выделенных полос, а также наличие иных аспектов, повышающих эффективность автобусного сообщения, не ограничены практиками, указанными в “The BRT Standard”.

Некоторые системы не проходили специальную сертификацию экспертами организации Institute for Transportation and Development Policy, однако полностью или частично соответствуют параметрам скоростного автобусного транспорта. Несмотря на то, что какого-либо отдельного тер-

¹ Кассельский бордюр – термин, заимствованный из англоязычной транспортной литературы и означающий бордюрные камни, которые имеют вогнутое закругление со стороны проезжей части, что позволяет автобусам более близко и безаварийно подъезжать к посадочным платформам остановочного пункта. Бордюр такой конструкции был впервые представлен в немецком городе Кассель для трамвайной системы с низкопольными вагонами, но с тех пор используются и на автобусных остановках в некоторых городах ЕС.

² Системы, позволяющие автобусу корректировать свою траекторию движения без участия водителя. Могут быть реализованы посредством оптического радиоуправления или магнитного наведения, являющегося частью бортового компьютера автобуса.

³ Станции или подвижной состав может быть оборудован специальными автоматизированными складными/выдвижными рампами, по которым осуществляется посадка/высадка пассажиров на платформу остановочного пункта. Визуально система напоминает трап для посадки/высадки пассажиров на водном транспорте.

мина, получившего широкое распространение для описания таких систем автобусного транспорта, в научной литературе не встречается, они также позиционируются как скоростной автобусный транспорт (BRT).

Существуют также системы, которые, однако, позиционируются как BRT, но не соответствуют ни одному, либо соответствуют одному-двум критериям, указанным в "The BRT Standard". Часто это делается в целях маркетинга и привлечения пассажиров за счет имиджа систем скоростного автобусного транспорта. Вышеописанный подход получил в международной литературе описание как BRT creper¹.

Ключевой проблемой оценки по вышеуказанным пяти аспектам скоростного автобусного транспорта является вариативность критериев оценки некоторых из них – т. е. возможность оценки некоторых критериев исходя из разных мер. Например, оценка организации посадки и высадки пассажиров может осуществляться таким образом, чтобы между дверными проемами подвижного состава и посадочными платформами была минимальная разница по высоте. Минимальный горизонтальный зазор может считаться по параметру «процент автобусов» или «процент остановочных пунктов», соответствующих критериям. Вышеизложенное позволяет выбирать параметр, который может дать заведомо большее или меньшее количество баллов при оценке той или иной системы транспорта. Это способствует порождению приравнивания в статусе систем с различными техническими параметрами и эксплуатационными характеристиками между собой.

Второй значительной проблемой является отсутствие ряда технических решений, которые могут улучшать работу систем скоростного автобусного транспорта, но никак не упомянуты и не оцениваются Стандартом.

В Майами действующий коридор скоростного автобусного транспорта в период с 2023 по 2025 г. находился в стадии модернизации инфраструктуры без остановки движения автобусов. В ходе одного из этапов модернизации на перекрестках коридора BRT с дорогами общего пользования были установлены шлагбаумы и сигнализация, аналогичная той, что устанавливается на железнодорожных переездах².

При приближении автобуса к перекрестку раздается звуковой сигнал, одновременно с которым включаются переездные светофоры, попеременно мигая двумя красными огнями, после чего срабатывает механизм, опускающий шлагбаумы по обоим концам перекрестка, преграждая путь для проезда транспортных средств и прохода пешеходов по дороге общего пользования.

Следует отметить, что система скоростного автобусного транспорта в Майами не проходила оценку на соответствие требованиям Стандарта.

Третьим примером дискуссионности оценочных мероприятий является требование к автобусам, обслуживающим коридор скоростного автобусного транспорта, не иметь ступенек в салоне несмотря на то, что наличие ступенек на входе в автобус (высокий уровень пола в автобусе) и наличие ступенек в части салона (частично низкий уровень пола с доступностью входа и выхода в части салона с низким уровнем пола) являются не тождественными и по-разному влияют на скорость посадки и доступность подвижного состава для лиц с ограниченной мобильностью.

Четвертым примером дискуссионности критериев оценки Стандарта является частый их пересмотр и дополнение со стороны Institute for Transportation and Development Policy, который происходит один раз в год.

Стандарт не является обязательным: и у публичных органов власти различных государств, и у частных компаний отсутствует обязательность применения различных технологических решений, указанных в Стандарте, на 100% остановочных пунктов маршрутов подвижного состава системы скоростного автобусного транспорта. Для формального получения системой статуса BRT необходимо иметь 3 километра выделенных

¹ Термин "BRT creper" дословно можно перевести примерно как «примазывание» к скоростному автобусному транспорту». Научным языком это передается как мимикрия систем обычного автобусного и троллейбусного транспорта под категорию скоростного автобусного транспорта за счет использования самоназвания "BRT", а также применения особенных дизайнерских решений в части оформления подвижного состава и остановочных пунктов общественного транспорта, отличающих их от других систем транспорта, работающих в той же местности, без соблюдения критериев обособленности и приоритета общественного транспорта на перекрестках.

² Мини-отчет Департамента транспорта и общественных работ Майами-Дейда о монтаже шлагбаумов на перекрестках дорог общего пользования с коридором скоростного автобусного транспорта. – URL: <https://www.miamidade.gov/transit/library/2024-12-02-gate-arms-deployed-list.pdf>

полос или басвеев, получить оценку не менее 4 баллов в аспекте «демаркация выделенных полос и басвеев» и 4 баллов в аспекте «конфигурация выделенных полос и басвеев», а также совокупный балл оценки системы по пяти аспектам не ниже 20 баллов.

Несоответствие хотя бы одному из аспектов (например, отсутствие выделенных полос; отличная от указанного в стандарте конфигурация выделенных полос; отсутствие внебортной оплаты проезда; недостаток приоритета на перекрестках; отсутствие или недостаточное количество остановочных пунктов, где посадочная платформа расположена на одном уровне с подножкой подвижного состава, либо отсутствует низкопольность подвижного состава, указанная в стандарте) приводит к тому, что такую систему нельзя относить к скоростному автобусному транспорту по классификации организации Institute for Transportation and Development Policy.

Пятой проблемой использования Стандарта являются априори неравные условия строительства систем скоростного автобусного транспорта с точки зрения географических, юридических, инфраструктурных и иных особенностей различных стран и городов. Города, имеющие законсервированные коридоры железнодорожного транспорта и/или менее плотную городскую застройку, могут иметь преимущество в реализации системы скоростного автобусного транспорта более высокой категории, задействовав меньшее количество финансовых и технических ресурсов [3].

Шестым важным оспариваемым аспектом объективности оценки «The BRT Standard» является наличие в дополнительных аспектах оценки неуниверсальных критериев, которые не подхо-

дят полностью или частично для некоторых параметров эксплуатации систем скоростного автобусного транспорта (таких как двери на посадочных платформах, расстояние между остановочными пунктами в 300–800 метров, наличие центральных посадочных платформ на остановках, наличие различных маршрутов в рамках одного коридора скоростного автобусного транспорта), однако являются оцениваемыми и могут повысить оценку BRT в счет уровня технологического оснащения [4].

Учитывая отсутствие отдельного законодательного регулирования систем скоростного автобусного транспорта в Российской Федерации, а также неуниверсальность Стандарта и наличие в нем множества допущений и специфических аспектов, прямое заимствование из него полного массива норм в российское законодательство представляется затруднительным. Важно понимать, что такой стандарт оценки не является единственным в мировой практике, а для классификаций систем скоростного автобусного транспорта характерна международная вариативность. Представляется серьезной проблемой отсутствие в Стандарте единого определения для описываемых систем автомобильного общественного пассажирского транспорта.

Исходя из вышеизложенного, возможно лишь частичное заимствование критериев оценки и классификаций систем скоростного автобусного транспорта с формированием на их основе более доработанного понятийного аппарата и системы оценки технической инфраструктуры, подходящей именно для правового регулирования систем BRT в Российской Федерации.

Список литературы

1. Дудкин Е. П., Черняева В. А., Дороничева С. А. Основные аспекты проектирования систем рельсового транспорта в городах // Современные проблемы транспортного комплекса России. – 2016. – Т. 6. – № 1. – С. 38–43.
2. Angelina S., Louen C., Vallée D. The barriers in the implementation process and the operation of innovative urban transport: The case of BRT Jakarta // Urban Transport XXIII. – 2017. – URL: https://www.scipedia.com/public/Angelina_et_al_2017a (дата обращения: 18.06.2025).
3. Feldman L. P. Behavioral Factors in the Marketing of Urban Mass Transit. – University of Chicago, 1973.
4. Ferreri M. G. Improving Urban Bus Operations // Transportation Engineering Journal. – August 1970. – TE3.
5. Hrelja R., Khan J., Pettersson, F. How to create efficient public transport systems? A systematic review of critical problems and approaches for addressing the problems // Transport Policy. – 2020. – Vol. 98. – P. 186–196.
6. Pettersson F., Sørensen C. H. Why do cities invest in bus priority measures? Policy, polity, and politics in Stockholm and Copenhagen // Transport Policy. – 2020. – Vol. 98. – P. 185–187.
7. Vuchic V. R. Urban Public Transportation Systems and Technology. New Jersey : Prentice-Hall, 1981.

Проблемы формирования единообразной судебной практики по вопросам трансграничного банкротства юридических лиц

А. З. Зинуров

аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин

РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,

109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: advokat@24pravo.ru

Problems of Formation of Uniform Judicial Practice on Cross-Border Bankruptcy of Legal Entities

A. Z. Zinurov

Postgraduate Student of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics,

36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.

E-mail: advokat@24pravo.ru

Поступила 10.04.2025 Принята к печати 25.04.2025

Аннотация

Предметом настоящего научного исследования выступают проблемы формирования единообразной судебной практики по вопросам трансграничного банкротства юридических лиц. Автор рассматривает особую роль Верховного Суда Российской Федерации в данной области, анализирует наиболее актуальные судебные постановления высшей судебной инстанции, пишет не только о позитивном характере таких решений, но и об их проблемности. В выводах автор отмечает, что главным препятствием в формировании единообразной судебной практики выступает отсутствие профильного правового регулирования, хотя необходимые предпосылки для этого в российской правовой практике уже давно созданы. Методология исследования включает такие теоретические методы, как формально-юридический, сравнительно-правовой, аналитический, диалектический, исторический, а также некоторые другие. Научная новизна работы заключается в формировании автором комплексного научного исследования по заявленной теме с обзором правового регулирования и судебной практики, анализом проблемных вопросов. В заключении автор кратко формулирует некоторые ключевые проблемные точки, на которые необходимо обратить внимание для достижения потенциального единства, системности судебной практики по вопросам трансграничного банкротства юридических лиц в современной России.

Ключевые слова: трансграничное банкротство, трансграничное банкротство юридических лиц, судебная практика, правовое регулирование, проблемы правоприменения, российское право, правоприменительная практика, обзор практики, проблемы и перспективы, банкротство юридических лиц, иностранный элемент, банкротное право, вопросы теории и практики, правоприменение, формирование судебной практики.

Abstract

The subject of this scientific research is the problems of formation of uniform judicial practice on cross-border bankruptcy of legal entities. The author considers the special role of the Supreme Court of the Russian Federation in this area, analyzes the most relevant judicial decisions of the highest judicial authority, writes not only about the positive nature of such decisions, but also about their problematic nature. Ultimately, the author notes that the main obstacle to the formation of uniform judicial practice is the lack of specialized legal regulation, although the necessary prerequisites for this have long been created in Russian legal practice. The methodology of the study includes such methods of theoretical level of scientific knowledge as formal-legal, comparative-legal, analytical, dialectical, historical, as well as some others. Scientific novelty lies in the formation by the author of a comprehensive scientific study on the stated topic with an overview of legal regulation and judicial practice, analysis of problematic issues. In conclusion of this scientific article, the author also briefly formulates some key

problematic points that need to be addressed in order to achieve potential unity and consistency of judicial practice on issues of cross-border bankruptcy of legal entities in modern Russia.

Keywords: cross-border bankruptcy, cross-border bankruptcy of legal entities, judicial practice, legal regulation, problems of law enforcement, Russian law, law enforcement practice, review of practice, problems and prospects, bankruptcy of legal entities, foreign element, bankruptcy law, issues of theory and practice, law enforcement, formation of judicial practice.

В последние годы трансграничное банкротство в российской юридической практике набирает обороты, становится все более привычным для современного юриста. Это касается трансграничного банкротства и юридических, и физических лиц, хотя в большей степени распространена реализация процедуры именно в отношении корпораций и предприятий. Однако достаточно проблемными продолжают быть и правовое регулирование, и формирование единообразной судебной практики [2; 5].

Эксперты отмечают: тенденция банкротить иностранные юридические лица в российских судебных инстанциях стала актуальной только в последние 2-3 года, и к настоящему времени еще сложно говорить о наличии какого-либо четкого, детально проработанного механизма. Тем более что, по оценкам специалистов, в таких процессах слишком много нюансов, и пока еще сложно вывести какой-то общий знаменатель, что, собственно, и выступает ключевым препятствием для формирования на местах единообразной судебной практики по данному вопросу.

Так, самым первым делом по банкротству иностранного юридического лица в России стал спор относительно находящегося на территории России имущества зарегистрированной на острове Невис компании Pandora Consulting LC. Дело № А76-31536/2021 было рассмотрено Арбитражным судом Челябинской области и стало прецедентным. Важно, что впоследствии судебное решение по данному делу было неоднократно обжаловано, но в вышестоящих судебных инстанциях постановление АС Челябинской области устояло, что и позволило ему стать устойчивым прецедентом, остаться в истории отечественной правовой практики по трансграничному банкротству юридических лиц первым и уникальным делом [4].

Далее количество рассматриваемых судами дел о трансграничном банкротстве организаций и предприятий только набирало обороты. Это привело к тому, что в конце 2023 г. Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) попробовал проанализировать существующую судебную практику, тем более что на рассмотрение

Судебной коллегии ВС РФ по экономическим спорам попало дело кипрской фирмы Westwalk Projects Ltd (№ А40-248405/2022). В результате высшей судебной инстанцией было принято довольно подробное определение, которое также стало знаковым для формирования судебной практики по вопросу трансграничного банкротства юридических лиц.

Эксперты отмечают: данный спор крайне интересен и с правовой, и с практической точек зрения. С одной стороны, несостоятельность юридического лица в данном случае особого интереса не представляет, поскольку задолженность у него отсутствовала, и поэтому непосредственно сама по себе процедура банкротства прошла безболезненно. Однако одновременно определением по данному делу ВС РФ фактически установил реализуемые впоследствии правила для производства трансграничного банкротства, т. е. создал прецедент.

Важно отметить, что для российской правовой системы прецедентное право не является актуальным, судебный прецедент не рассматривается как основной правовой источник, однако на практике суды все же стараются исходить из ценности судебных решений как таковых. Особенно это касается тех постановлений, которые приняты высшими судебными инстанциями России – Конституционным судом Российской Федерации и ВС РФ (а ранее также Высшим арбитражным судом Российской Федерации, хотя многие положения, прежде закрепленные в принятых этой инстанцией актах, являются действующими и в настоящее время) [3].

Проанализируем указанный выше документ.

Так, мотивировочную часть судебного постановления ВС РФ разделил на 3 составных элемента. Первая содержала положения относительно разрешения вопросов подсудности на начальной стадии рассмотрения дела о трансграничном банкротстве юридического лица. Предполагалось, что ключевым критерием становится наличие, как сказано в документе, «тесной связи» между Россией и спорным юридическим лицом. Например, это может подтверждаться тем, что предпринимательская деятельность

постоянно велась на территории России или была ориентирована на население страны (если, к примеру, речь идет об организации, реализующей в России производимые товары или оказывающей услуги населению). Однако могут быть и менее очевидные признаки – например, привлечение российской судебной инстанцией к субсидиарной ответственности контролирующих компанию лиц. Важно, что в каждом конкретном случае суду прежде всего необходимо проверить, соблюдены ли правила подсудности, используя для этого установленные критерии.

Таким образом, основное производство по делам рассматриваемой категории допустимо только в том случае, если юридическое лицо, обладая номинальной регистрацией за пределами России, фактически имеет центр основных интересов на территории Российского государства. Может быть возбуждено также и вторичное производство, основанием для которого выступает обратная ситуация. Важно, что в этих двух случаях мы наблюдаем различные юрисдикции, на которые распространяется эффект от принятого судебного постановления по делу [3; 5].

Также ВС РФ в своем определении отмечает равный правовой статус и российских, и иностранных юридических лиц в случае возникновения банкротного спора. То есть любой участник арбитражных правоотношений имеет право на возбуждение дела о несостоятельности должника, если для этого есть соответствующие основания. В рассматриваемом судебном споре нижестоящие инстанции, увы, данный аспект не учли, и это повлияло на принятие решения по делу. Интересно, что, по оценкам экспертов, процессуальная сторона спора предпринимала активные попытки перевести проблему из непосредственно правовой плоскости в политическую, однако результата это не дало.

Перечислим иные актуальные положения, на которых, в числе прочих, сделал акцент в своем определении ВС РФ:

- подтверждение факта отчуждения спорного имущества в пользу компании-«двойника» (интересно, что до ВС РФ доводы одной из сторон об этом не принимались ни одной судебной инстанцией);

- установление сущности центра основных интересов должника и его признаков – причем данный перечень, равно как и признаки так называемой национальной компетенции, не является исчерпывающим, т. е. подлежит расширительно-

му толкованию, в том числе в рамках правоприменительной практики [8].

Эксперты в области банкротного права отмечают, что, несмотря на фактический правоустанавливающий характер рассматриваемого судебного постановления, оно тем не менее представляется довольно дискуссионным, особенно если сравнивать его с реализацией трансграничного банкротства юридических лиц в зарубежных странах. К примеру, об этом довольно детально пишет в своем исследовании Н. Горяев, приводя соответствующий анализ зарубежного опыта. Однако дело *Westwalk Projects Ltd* – это первый спор в области трансграничного банкротства юридических лиц, рассмотренный ВС РФ, и поэтому его правовое значение для функционирования института нельзя умалять.

Таким образом, формирование судебной практики в рассматриваемом направлении, с одной стороны, в значительной степени основывается на прецедентном постановлении ВС РФ, однако одновременно необходимо учитывать правовые особенности конкретного судебного спора и признавать, что само по себе определение ВС РФ несовершенно. Идеальным ему быть крайне сложно, ведь для российского права трансграничное банкротство юридических лиц – это относительно новый вопрос, по которому профильное правовое регулирование, как уже отмечалось выше, к настоящему времени еще не сформировалось [4].

По этой причине сегодня продолжает оставаться актуальным запрос предпринимательского сектора на создание и практическое внедрение доступного и понятного для всех участников процесса механизма трансграничного банкротства юридического лица – это залог не только стабильности собственной предпринимательской деятельности, но и фактор более успешного привлечения инвестиций. Однако важно понимать, что в реальности даже наличие такого механизма может не привести к желаемому результату – к примеру, если у должника отсутствуют имущество или иные активы на территории России, заявитель может только потратиться на процедуру банкротства, не достигнув планируемых итогов.

В рассматриваемой ситуации основным источником хотя бы попытки формирования единообразной судебной практики продолжает оставаться ВС РФ. Примечательно, что именно ВС РФ выносит большое количество судебных решений в сфере несостоятельности банкротства

по наиболее актуальным проблемам. Это говорит не только о большой значимости данных вопросов, но и об их практической необходимости в ситуации отсутствия нормативного урегулирования. Например, это касается актуальной проблемы выбора применимого права, системности правоприменения.

К примеру, это дело ООО «Автомобильная компания Дер Вейс» (№ 308-ЭС20-18927), рассмотренное в марте 2021 г. Суды нижестоящих инстанций трижды аргументировали продолжительный характер процесса необходимостью разрешения проблемы о применимом праве, однако подобная ситуация противоречит основополагающим началам отправления правосудия в России. Впоследствии ВС РФ в своем постановлении довольно подробно расписал, как именно необходимо разрешать вопрос о применимом праве в проблемной ситуации [3].

В частности, ВС РФ обозначил, в числе прочих, следующие базовые моменты:

- определение применимого права – это главный и первоочередной для разрешения суда вопрос;

- необходимо буквально толковать на русском языке оговорку о применимом праве, кроме случаев, когда сторона ссылается на различность трактовок;

- диспозитивность в отношении определения применимого права по вопросам, не урегулированным международными правовыми источниками, т. е. стороны сами определяют, право какого государства применять в подобной ситуации;

- если при рассмотрении арбитражного дела применяется иностранное законодательство, необходимо использовать его официальное толкование, практику применения и правовую доктрину в соответствующем зарубежном государстве.

Таким образом, ВС РФ обозначил определенную систему принципов, лежащих в основе разрешения вопроса о применимом в каждом конкретном случае праве. Однако важно понимать, что данный перечень – не исчерпывающий.

Формированию единообразной судебной практики препятствует и динамичное изменение характеристик самих по себе судебных споров в области трансграничного банкротства юридических лиц. К примеру, концепция территориальности актуальна для российской правовой системы, однако в последнее время в этом направлении наблюдается неоднозначная трактовка. Напри-

мер, сразу в нескольких своих постановлениях ВС РФ указал на центр основных интересов должника как на определенное место, где должник на постоянной основе реализует управленческие функции, что также подтверждается и третьими лицами [7]. С одной стороны, эксперты отмечают, что такая практика носит позитивный характер, ведь в отдельных ситуациях только таким образом можно защитить нарушенные права и законные интересы. Однако параллельно необходимо говорить о том, что мы наблюдаем в подобном случае чрезмерную ориентацию на СОМІ-стандарт, – на это обращают внимание и российские, и иностранные исследователи.

Сложной представляется также терминологическая составляющая. К примеру, это касается использования термина «предприятие», которое, с одной стороны, закреплено в нормах статьи 132 Гражданского кодекса Российской Федерации, а потому подразумевает четкую нормативную трактовку. Тем не менее в определениях ВС РФ мы можем наблюдать существенную неоднозначность. Так, К. В. Трифонова и Д. С. Смоляр в своем научном исследовании поднимают вопрос о соотношении терминов «предприятие» и «постоянное представительство», поскольку ВС РФ применяет первое понятие, хотя на практике его смысловое содержание не в полной мере отражает актуальным запросам [4]. Аналогичную проблему можно наблюдать и в некоторых других определениях ВС РФ.

В результате в контексте разрешения вопроса о формировании единообразной судебной практики мы наблюдаем существенную двойственность, обозначенную выше. Необходимо понимать, что и проблема рассмотрения арбитражных дел нижестоящими инстанциями, и работа ВС РФ в данном направлении существенно осложняется отсутствием профильного правового регулирования. Собственно, все проблемы правоприменительной практики именно от этого. Уже очевидно, что сегодня трансграничное банкротство юридических лиц стало в России широко применимым явлением, а потому и законодателю необходимо обратить на это более пристальное внимание.

При этом нельзя сказать, что постановления ВС РФ бессмысленны, – напротив, если не брать точечного разрешения конкретных дел, проблемных вопросов, то весьма значим уже сам факт, что ВС РФ отмечает высокую практическую значимость трансграничного банкротства для современной российской арбитражной практики.

Однако бессистемность и обширность судебной практики высшей судебной инстанции Российской Федерации, ее фрагментарный подход – ключевые проблемы, на которые обращают внимание и исследователи, и практики. Полагаем, что если в случае корректировки правового регулирования столь значительный акцент делать именно на ВС РФ, то излишняя нагрузка перестанет быть актуальной, и работа ВС РФ в рассматриваемом направлении будет проще [3; 9].

Это подтверждается и комментариями практикующих банкротных юристов. Так, в настоящее время все эксперты сходятся во мнении, что институт трансграничного банкротства в российском правовом поле продолжит свое развитие, причем это касается как создания соответствующей правовой базы, так и последовательного формирования единообразной судебной практики. В частности, среди актуальных направлений для развития специалисты выделяют в том числе следующие:

- собственно, наиболее значимым направлением выступает необходимость разработки законодательной базы, чтобы не складывалась ситуация, когда фактически даже постановления ВС РФ выносятся на основании «отказного» дела компании Pandora. Ведь решения ВС РФ не имеют прецедентного характера, не содержат конкретных правовых норм, а потому никоим образом не могут рассматриваться в тождественном смысле;

- ВС РФ должен уделять более детальное внимание подготовке новых обзоров судебной практики и/или формулированию обоснованных выражений по конкретным проблемным правовым ситуациям.

В итоге необходимо говорить о том, что сегодня институт трансграничного банкротства юридических лиц в России является довольно проблемным, хоть и все более распространенным. Предполагается, что ключевой проблемой в данном отношении выступает отсутствие профильного правового регулирования, что впоследствии становится главным препятствием для формирования единообразной судебной практики. Увы, в настоящее время не предполагается каких-либо существенных позитивных изменений в данном вопросе.

Кратко обозначим ключевые итоги представленного выше научного исследования по теме.

Так, предметом настоящего научного исследования выступают проблемы формирования

единообразной судебной практики по вопросам трансграничного банкротства юридических лиц.

Автор исследует ретроспективную составляющую вопроса, обращает внимание на первое в российской судебной практике высшей судебной инстанции арбитражное дело по данной теме. Так, в статье представлен анализ судебного постановления ВС РФ по делу о банкротстве компании Westwalk Projects Ltd, в котором три нижестоящие инстанции вынесли отказ, а итоговое судебное постановление ВС РФ стало «прорывным» в контексте формирования судебной практики по трансграничному банкротству юридических лиц. В дальнейшем это повлияло и на качественный результат (в документе ВС РФ был сформулирован ряд наиболее существенных положений относительно функционирования самого по себе института трансграничного банкротства в России), и на количественный – заявители стали более активно обращаться в суды, а суды, соответственно, – более активно принимать подобные дела к рассмотрению. Это можно наблюдать и по статистическим показателям Судебного департамента при ВС РФ [2; 5].

Далее автор кратко отмечает проблемный характер таких документов, ведь если ВС РФ и анализирует практику применения законодательства в рассматриваемой области, то делает это точно, бессистемно, недостаточно обширно, хотя причины этого вполне объяснимы. В итоге существенная проблемность правоприменения как в отношении ВС РФ, так и в отношении нижестоящих судебных инстанций обосновывается отсутствием профильного правового регулирования. Эксперты и ученые-правоведы уже давно говорят о необходимости разработки и применения специального нормативно-правового акта о трансграничном банкротстве, который одновременно регламентировал бы данную процедуру и отношения и юридических, и физических лиц, однако до настоящего времени этот вопрос остается лишь дискуссией в профессиональной среде [4].

Полагаем, в дальнейшем законодатель рано или поздно все же вернется к вопросу качественного совершенствования правового регулирования, поскольку институт трансграничного банкротства в современной российской правовой практике продолжает развиваться и распространяться все более широко – очевидно, что эта тенденция сохранится и преумножится.

Список литературы

1. Амирханян Н. А. Банкротство юридических лиц: правовые и экономические вызовы : монография. – М. : Издательские решения, 2024.
2. Бандурина Н. В., Гаврилов В. С., Сироткин И. А. К вопросу о трансграничном банкротстве в современной юридической практике // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Том 13. – № 6А. – С. 136–144.
3. Загайнов М. Р., Слепко Г. Е. К вопросу исполнения за рубежом решений российских судов в делах о банкротстве и позиций Верховного Суда РФ // Правовое регулирование экономической деятельности. – 2024. – № 7. – С. 27–33.
4. Ильин В. П. Об основных концепциях трансграничного банкротства // Российская наука в современном мире : сборник статей LXV Международной научно-практической конференции. – М. : Научно-издательский центр «Актуальность.РФ», 2024. – С. 316–322.
5. Катаева Е. В., Давудов Д. А. Трансграничное банкротство корпораций: правовое регулирование // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 6. – С. 20–29.
6. Коваленко Е. Ю., Лицкас М. В. Актуальные вопросы института трансграничного банкротства // Российско-азиатский правовой журнал. – 2023. – № 13. – С. 9–20.
7. Колчина Е. И., Гольшев В. Г. К вопросу о правоприменительной практике в делах о несостоятельности (банкротстве) иностранных физических и юридических лиц // Право и управление. – 2023. – № 11. – С. 10–18.
8. Коляда З. Н. Новый подход к применению института трансграничного банкротства // Бизнес и общество. – 2023. – № 10. – С. 118–122.
9. Кравченко В. С., Давудов Д. А. Трансграничное банкротство корпораций: правовое регулирование // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 11. – С. 18–27.
10. Руднев В. О. Трансграничное банкротство, проблемы реализации и привлечения к ответственности контролирующих лиц корпорации // Образование и право. – 2024. – № 7. – С. 294–298.
11. Смирнов И. А., Новикова Л. В. Трансграничное банкротство иностранных юридических лиц в российском правовом порядке // Международный научно-исследовательский журнал. – 2025. – № 4 (154). – URL: <https://research-journal.org/archive/4-154-2025-april/10.60797/IRJ.2025.154.9>

Трансформация правового регулирования редомициляции и ее влияние на статус международной компании

Ю. А. Крохина

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Krokchina.YUA@rea.ru

Transformation of the Legal Regulation of Redomiciliation and Its Impact on the Status of an International Company

Yu. A. Krokchina

Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: Krokchina.YUA@rea.ru

Поступила 01.04.2025 Принята к печати 10.04.2025

Аннотация

Российская Федерация концентрирует силы на укреплении своего экономического суверенитета и увеличении привлекательности страны для иностранного бизнеса. В августе 2020 г. Российская Федерация приступила к корректировке соглашений об избежании двойного налогообложения, заключенных с иностранными государствами. Изменение налоговых соглашений соотносится с правовым институтом редомициляции иностранных компаний в российскую юрисдикцию (в специальные административные районы на островах Октябрьский и Русский). Новые положения соглашений об избежании двойного налогообложения в совокупности с процедурой редомициляции, а также ранее созданным механизмом добровольного декларирования счетов и активов потенциально способны вывести борьбу с офшоризацией отечественной экономики на новый уровень. До настоящего времени российская финансово-правовая доктрина и законодательство в достаточной мере не восприняли новый институт – редомициляцию – и не выработали достаточные механизмы правового регулирования. В работе исследованы понятие международной компании и источники ее правового регулирования, особенности создания и ликвидации международной компании в соответствии с российским правом, определение личного закона компании, а также вопросы ответственности международной компании по своим обязательствам. Произведена оценка фискальной, налоговой и политической конъюнктуры в государстве. Определены системные проблемы редомициляции, заключающиеся, в частности, в ограниченности сферы применения данной процедуры, и предложены способы их решения. В результате констатируется необходимость комплексного подхода к совершенствованию процедуры редомициляции для получения положительного экономического эффекта. Установлено, что действующий порядок определения минимального размера обязательных инвестиций препятствует расширению практики редомициляции в российскую юрисдикцию иностранных организаций: отсутствие дифференциации величины инвестиций влечет диспропорцию (неравенство) их правового положения. В результате процедура редомициляции в Российской Федерации для более крупных компаний выглядит привлекательнее, чем для менее крупных (что снижает заинтересованность последних в ее использовании). Сделан ряд выводов по совершенствованию российского законодательства в сфере редомициляции.

Ключевые слова: международная компания, редомициляция, специальные административные районы, инвестиции, международная холдинговая компания, инвестиционное обременение, офшор, трансграничная миграция, личный закон, острова Октябрьский и Русский.

Abstract

The Russian Federation is concentrating its efforts on strengthening its economic sovereignty and increasing the country's attractiveness for foreign business. In August 2020, the Russian Federation began to adjust the agreements on the avoidance of double taxation concluded with foreign states. The change in tax agreements is related to the legal institution of redomiciliation of foreign companies to Russian jurisdiction (to special administrative regions on the Oktyabrsky and Russky Islands). The new provisions of the agreements on the avoidance of double taxation, together with the redomiciliation procedure, as well as the previously created mechanism for voluntary declaration of accounts and assets, have the potential to take the fight against offshorization of the domestic economy to a new level. Until now, the Russian financial and legal doctrine and legislation have not sufficiently accepted the new institution – redomiciliation and have not developed sufficient mechanisms of legal regulation. The paper examines the concept of an international company and the sources of its legal regulation, the specifics of creating and liquidating an international company in accordance with Russian law, defining the personal law of a company, as well as issues of liability of an international company for its obligations. An assessment of the fiscal, tax and political situation in the country is made. The systemic problems of redomiciliation are identified, consisting, in particular, in the limited scope of application of this procedure, and ways to solve them are proposed. As a result, the need for an integrated approach to improving the redomiciliation procedure in order to obtain a positive economic effect is stated. It has been established that the current procedure for determining the minimum amount of mandatory investments hinders the expansion of the practice of redomiciliation of foreign organizations to the Russian jurisdiction: the lack of differentiation of the amount of investments leads to a disproportion (inequality) of their legal status. As a result, the redomiciliation procedure in the Russian Federation looks more attractive for larger companies than for smaller ones (which reduces the interest of the latter in using it). A number of conclusions have been made on improving Russian legislation in the field of redomiciliation.

Keywords: international company, redomiciliation, special administrative regions, investments, international holding company, investment encumbrance, offshore, cross-border migration, personal law, Oktyabrsky and Russky Islands.

В настоящее время Российская Федерация испытывает нехватку финансовых ресурсов для обеспечения реализации возложенных на государство задач, в том числе в сфере привлечения иностранных инвестиций. Объем иностранных организаций, осуществляющих свою деятельность на территории России, в последние года незначительный. Одной из причин послужила высокая налоговая нагрузка.

Налоги выступают одним из основополагающих признаков любого государства в мире. Однако роль налогов состоит не только во внутригосударственном обеспечении пополнения бюджета страны, но и в регулировании внешних отношений с другими странами. Наряду с этим государства осознают, что для функционирования аппарата необходимы большие денежные вложения. По этой причине страны вынуждены предпринимать меры по усилению налогового контроля за деятельностью иностранных организаций, ужесточать правила налогообложения таких компаний, дабы не допустить утечку получаемых доходов от источников на территории государства за рубеж.

Институт редомициляции – процедура перерегистрации компании в новой юрисдикции – смены юридического адреса с сохранением всех прав и обязанностей, статуса, внутренней структуры,

банковских счетов, активов и обязательств. Иностранные организации решаются на такой шаг с целью поиска более выгодных налоговых условий, ухода от законодательных актов, ухудшающих их положение и препятствующих свободному осуществлению их деятельности, т. е. предпочитают перейти в благоприятную юрисдикцию.

Справедливо утверждение, что многие государства заинтересованы в привлечении иностранных активов на свою территорию и поэтому стремятся внести изменения в правовое регулирование регистрации иностранных компаний, установить выгодные ставки налогообложения для повышения спроса со стороны зарубежных инвесторов [3; 7].

Российская Федерация не уступает иностранным юрисдикциям и следует мировому опыту привнесения изменений в свою правовую систему в части разрешения перерегистрации иностранных компаний под свою юрисдикцию.

Конституция Российской Федерации гарантирует свободу экономической деятельности (п. 1 ст. 8)¹ всем лицам, осуществляющим деятель-

¹ Конституция Российской Федерации (принята 12.12.1993, с изменениями от 01.07.2020). – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 27.06.2025).

ность на ее территории, будь то отечественные компании или иностранные организации.

Правовое регулирование института редомициляции в Российской Федерации было впервые законодательно закреплено сравнительно недавно. В частности, были приняты Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах»¹ (далее – Закон об МК) и Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 291-ФЗ «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края»² (далее – Закон о САР). Первый закон устанавливает правовой механизм института редомициляции иностранных организаций, а второй – статус отдельных районов, на территорию которых возможно осуществить перерегистрацию компаний.

Под международной компанией в ФЗ об МК понимается иностранное юридическое лицо, которое отвечает определенным признакам. Согласно пункту 2 статьи 1 данного закона, во-первых, это корпорация, во-вторых, ее деятельность направлена на извлечение прибыли, и в-третьих, такое лицо приняло соответствующее решение о смене юрисдикции. Согласно пункту 1 статьи 1 того же закона, такая компания зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц и у нее произошла смена личного закона ввиду редомициляции. Деятельность компании может вестись через филиалы и представительства. Местом нахождения международной компании считается, согласно пункту 1 статьи 2 Закона об МК, место на территории специальных административных районов (далее – САР), а ее структурные подразделения не ограничены территориальным признаком и могут быть размещены на всей территории Российской Федерации.

Статус международной компании подразумевает под собой, конечно же, прохождение государственной регистрации юридического лица, которое, в свою очередь, должно быть создано

до 1 марта 2022 г. в своей первоначальной иностранной юрисдикции; также учитывается подача заявления на возможность ведения бизнеса на территории САР, т. е. на получение статуса участника такой территории; обязательно осуществляется внесение инвестиций в российскую экономику (минимум 50 млн рублей, которые поступают на счета в течение 1 года после регистрации компании на территории Российской Федерации); государство, являющееся первоначальной юрисдикцией, входит в члены группы по борьбе с легализацией (отмыванием) доходов. Такой статус ежегодно подтверждается по итогам проведения ревизионной проверки управляющей компанией.

После получения соответствующего статуса деятельность бывшей иностранной компании регулируется нормами российского права, которое становится ее личным законом (п. 1 ст. Закона об МК). Организация сохраняет свою правосубъектность в полном объеме и неизменном виде, а также получает судебную защиту, осуществляемую российской системой судов [2; 7].

Таким образом, компания может получить данный статус в случае положительного решения регистрирующего органа и может быть внесена в реестр участников САР. В последующем иностранной компании требуется в течение двух лет предоставить документ об исключении ее из реестра юридических лиц на территории первоначальной юрисдикции. Однако законодательно не закреплены меры принуждения и ответственности за непредставление сведений о ликвидации компании и фактического исключения сведений о ней из реестра первоначальной юрисдикции. Требуется законодательно разрешить данный спорный момент.

В случае желания организации произвести перерегистрацию компании в другую юрисдикцию из Российской Федерации законодательство предоставляет возможность проведения данной процедуры, однако предварительно требуется получение разрешения от Правительства Российской Федерации. Учитывая то, что законом не установлены критерии запрета выхода компании из САР, исполнительный орган таким образом наделен неограниченным правом немотивированного отказа организациям, что вызывает некую озабоченность о целесообразности такого разрешительного порядка обратной редомициляции. Поскольку выход из этого статуса может быть осложнен или вовсе невозможен, это

¹ Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 06.08.2018. – № 32 (часть I). – Ст. 5083.

² Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 291-ФЗ «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 06.08.2018. – № 32 (часть I). – Ст. 5084.

наталкивает на мысли о снижении спроса со стороны иностранных организаций на перенос своих активов на территорию Российской Федерации.

Правовое регулирование деятельности международных фондов схоже с регулированием международных компаний, но тем не менее первые ограничены в праве обратной редомициляции, хотя детали этого порядка отсутствуют в законе. В связи с этим перерегистрированный фонд при желании выйти из российской юрисдикции не будет иметь такой возможности.

Международные компании в обязательном порядке регистрируют головной офис на территориях с льготным налогообложением, к которым относятся САР. Деятельность может вестись по всей территории Российской Федерации, но центру важно находиться на специальных территориях [4]. Таковыми, согласно пункту 1 статьи 1 Закон о САР, являются остров Русский (Приморский край) и остров Октябрьский (Калининградская область).

С заявлением компания подает в управляющую компанию заявку на заключение договора об осуществлении деятельности на территории САР, которым в дальнейшем будут установлены права и обязанности сторон (иностранной и управляющей компаний), ответственность, а также описаны виды и условия осуществления деятельности компании. В заявке надлежит указывать сведения о заявителе, виды деятельности, срок действия договора, способы связи с компанией. Управляющая компания по итогам рассмотрения заявки может как одобрить ее, т. е. разрешить заключение договора или продлить его, так и отклонить. При положительном решении в течение пяти рабочих дней иностранной компании направляется проект будущего договора.

Прохождение иностранной организацией процедуры государственной регистрации является основанием для внесения сведений о компании в реестр участников САР, которое осуществляется не позднее одного дня после регистрации. После прохождения всей процедуры редомициляции компания получает статус международной компании и может начать вести свою деятельность на территории Российской Федерации.

Справедливо утверждать, что САР представляют собой районы, в которых существует более гибкое налогообложение и валютное регулирование. На таких территориях законодатель постарался создать максимально комфортные условия для ведения иностранными организациями биз-

неса. Благодаря этому стало возможным активное привлечение нового капитала и инвестиций в страну, а также появились дополнительные механизмы, препятствующие сокрытию доходов российскими компаниями, которые находятся в юрисдикциях с особыми режимами налогообложения и условиями ведения бизнеса (деофшоризация).

Среди валютных преференций выделяют отсутствие валютного контроля и ограничений на любые банковские операции с российскими и иностранными банками и счетами в любой валюте.

В отношении международных компаний на территории САР не проводятся налоговые проверки по эпизодам, которые были до перерегистрации компании; не подлежат уплате следующие налоги: НДС на ввоз судов, транспортный налог и налог на имущество на различные суда; не учитывается доход от эксплуатации, если была пройдена регистрация таких объектов и информация внесена в открытый реестр судов; не подлежит уплате налог на имущество компании за пределами Российской Федерации по деятельности в геологической сфере. В этом состоят общие преимущества в отношении каждого участника САР.

Международные компании могут улучшить и детализировать свой статус, превратившись в международную холдинговую компанию, на которую распространяются более выгодные налоговые условия [1].

Создание САР, выступающих в роли внутренних офшоров (не являются таковыми на законодательном уровне), не противоречит политике государства в сфере деофшоризации экономики, поскольку они играют роль института возврата утекших за границу активов обратно в страну.

Государство в первую очередь приняло решение о создании института редомициляции как ответной меры на санкции со стороны иностранных юрисдикций и механизма защиты исконно российского капитала и бизнеса, зарегистрированного в государствах с льготными условиями ведения деятельности (офшорах).

Для претворения такой возможности в жизнь законодатель ввел понятие САР, на которых возможна редомициляция. Такое решение основывалось на желании развития отдельных регионов в связи с возможным переходом на их территорию новых компаний. Согласно пункту 1 статьи 1 Закона о САР, это решение реализуется с учетом геополитического положения регионов и направ-

лено на ускорение их социально-экономического развития.

Для возможности осуществления возврата российских активов обратно на территорию государства была проведена процедура так называемой амнистии капитала¹, поскольку при подаче соответствующей декларации заявитель должен был указывать информацию о контролируемых редомицилированных иностранных компаниях на территории САР [5].

Благодаря амнистии капитала предусматривается освобождение от отдельных видов юридической ответственности тех лиц, которые перерегистрировали на территорию САР контролируемые ими иностранные компании или переместили денежные средства с иностранных счетов на счета в российских банках. Данные действия проходили в период третьего этапа добровольного декларирования активов.

Таким образом, законодательство Российской Федерации в целом следует принципу недискриминации по отношению к правовому положению иностранных организаций и инвесторов в сравнении с российскими, опираясь на общепризнанные принципы и нормы международного права.

Вместе с тем следует учитывать, что процедура перерегистрации компании не предусматривает получения особого разрешения от первоначальной юрисдикции, что вполне может привести к некоторым проблемам у иностранной компании, желающей перейти под российскую юрисдикцию. Процедура обратной редомициляции осложнена обязательным получением разрешения со стороны Правительства Российской Федерации, основания отказа в котором законодательно не регламентированы². Внесение обязательных инвестиций в размере 50 млн рублей отсекает возможность для малого и, возможно, среднего предпринимательства перейти в российскую юрисдикцию в связи с дороговизной обязательного требования для регистрации компании.

Узким местом, препятствующим росту спроса на перерегистрацию компаний в Российскую Федерацию, видится неуверенность предпринимателей в стабильности правового регулирования данного института. В связи с этим одним из путей совершенствования института редомициляции в Российской Федерации является создание гарантий, подтверждающих стабильность и долгосрочность правового режима для перерегистрированных компаний, который не будет подвержен серьезным изменениям, в корне меняющим положение иностранных организаций.

Перенос бизнеса – не значит автоматический перенос активов, которые, в свою очередь, могут так и остаться на чужой территории. Отключение Российской Федерации от международных банковских операций прибавило проблем в сфере денежных переводов в иностранные банки вплоть до блокировки расчетных счетов компаний.

Важно определиться с юридической ответственностью за невыход из первоначальной юрисдикции, а также выбрать способ удостовериться в разрешении со стороны этой юрисдикции на выход из нее компании. На данный момент закон не регулирует правовые последствия того, что компания продолжает числиться в реестре юридических лиц иностранного государства. Например, в Республике Кипр до подтверждения факта исключения компании из числа резидентов страны выдается временное разрешение на осуществление деятельности, которое может быть отменено ввиду работы компании в ранее зарегистрированном государстве.

Необходимо стремиться к созданию максимально привлекательных условий для осуществления деятельности будущими редомицилированными компаниями, а также вернуть практику освобождения лиц от возможной юридической ответственности за ранее совершенные правонарушения, т. е. как минимум начать четвертый этап амнистии капитала. Скорее всего, введение бессрочного статуса действия такого правового акта будет более интересным и привлекательным для будущей редомициляции компаний. В таком случае даже обязательные инвестиции не станут большой преградой для смены резидентства, поскольку один раз заплатив, бизнес будет спокойно и уверенно продолжать существовать в рамках новой юрисдикции с удобными условиями осуществления деятельности.

Положительным решением было бы снижение или полная отмена обязательного требования

¹ Федеральный закон от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 15.06.2015. – № 24. – Ст. 3367.

² Возможна обратная редомициляция лишь для международных компаний. Процедура редомициляции международных фондов законом не установлена.

внесения установленной суммы инвестиций в российские компании. Бесплатный вход станет прекрасной возможностью для небольшого бизнеса включиться в субъекты, осуществляющие редомициляцию на территорию Российской Федерации.

Вопрос также вызывает процедура обратной редомициляции. В порядке статьи 11 Закона о МК такая разрешительная процедура вводится с согласия Правительства Российской Федерации. Возможность выхода международной компании из своей юрисдикции и перехода ее в другую юрисдикцию регламентируется на федеральном уровне, что вызывает некоторые сомнения. Во-первых, почему в целом законодатель устанавливает ограничения для компаний и запрещает фондам покинуть юрисдикцию? Даже несмотря на желание удержать бизнес, оставив его на своей территории на долгосрочный период, государство, таким образом, вызывает колебания компаний, думающих о смене своего юридического адреса и снижении объема налогового бремени. Потенциальная сложность или невозможность выхода приводит к отказу входа в принципе. Во-вторых, нерегламентированность оснований для отказа в смене юрисдикции и излишняя строгость в связи с решением вопроса на федеральном уровне отталкивает потенциальных инвесторов. Более уместным решением кажется регламентация хотя бы примерного круга вопросов для отказа от выхода компаний с территорий САР, например, наличие или отсутствие задолженностей и судебных споров у компании, а также снижение уровня власти компетентного органа, который решает вопрос перерегистрации компании, например, передача полномочий по разрешению споров о выходе управляющим компаниям самих САР.

Изменения в соглашениях об избежании двойного налогообложения, к сожалению, негативно влияют на количество желающих сменить юрисдикцию. В этом также видится нестабильность правового регулирования и опасения бизнеса, связанные с тем, что их преференции могут

быть отменены или снижены в любой момент по желанию российской юрисдикции. Однако это не значит, что нужно прекращать такую работу. Наоборот, правильным представляется путь продолжения работы по корректировке налоговых соглашений, поскольку спустя время для государства это станет преимуществом, способствующим привлечению иностранного капитала и исключению возможности использования офшоров для уклонения от налоговой обязанности.

Важно сосредоточиться на поощрении отдельных, особо важных для российской экономики видов деятельности и на привлечении инвестиций в эти сферы. Например, можно сформировать приоритет на инвестирование высокотехнологичных отраслей, таких как развитие космоса, атомная промышленность, информационные технологии; в обязательном порядке использовать ресурсный потенциал регионов Российской Федерации для эффективного привлечения инвестиций в соответствующие административные центры или местоположения промышленных и иных комплексов. Стоит также иметь в виду, что привлечение инвестиций не должно зависеть от категории страны – развитой или развивающейся, так как вклад любого государства может помочь развитию Российской Федерации.

В последнее время мировая экономика ступила на путь деофшоризации, что с каждым годом будет оказывать все большее давление на юрисдикции с льготными условиями ведения бизнеса. В результате таких действий компании захотят выйти с таких территорий и найти новое место для продолжения своей деятельности. Таким образом, у Российской Федерации как одной из богатейших стран по природным, территориальным и человеческим ресурсам есть прекрасная возможность урегулировать институт редомициляции, который позволит стране в перспективе стать центром притяжения иностранных и возврата собственных активов, преобразить экономику, сместив лидеров во многих направлениях, и усилить свое положение на мировой арене.

Список литературы

1. Батяева А. Р., Адиширинов М. Редомициляция иностранных компаний в Российскую Федерацию // Образование и право. – 2023. – № 4. – С. 201–204.
2. Древаль М. И. О правовом статусе международной компании // Государственная служба и кадры. – 2020. – № 3. – С. 63–65.

3. Кондукторов А. С. Правовое регулирование минимального размера обязательных инвестиций, осуществляемых иностранной компанией при редомициляции в РФ // *Lex russica*. – 2022. – Т. 75. – № 3. – С. 43–52.
4. Кондукторов А. С. Правовое регулирование редомициляции в Российской Федерации // *Актуальные проблемы российского права*. – 2021. – Т. 16. – № 9. – С. 43–56.
5. Орлова А. П., Лебедев И. А., Капустина Н. В. Редомициляция российских компаний в призме обеспечения экономической безопасности бизнеса и государства // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. – 2024. – № 2. – С. 134–139.
6. Прудник Р. М. Правовые последствия редомициляции бизнеса // *Вестник магистратуры*. – 2022. – № 12-5 (135). – С. 19–21.
7. Шварц К. А. Соотношение понятий «релокация» и «редомициляция» и различных критериев определения личного закона юридического лица // *Legal bulletin*. – 2024. – № 2. – Том 9. – С. 51–59.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2025-2-182-187>

Подходы к пониманию государственно-частного партнерства: русский и зарубежный опыт

Э. Д. Нагибнев

аспирант Астраханского государственного университета.

Адрес: ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева»,
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20 а.

E-mail: andro1mo@yandex.ru

Approaches to Understanding Public-Private Partnership: Russian and Foreign Experience

E. D. Nagibnev

Postgraduate Student of Astrakhan State University.

Address: Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev,
20a Tatishcheva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation.

E-mail: andro1mo@yandex.ru

Поступила 25.03.2025 Принята к печати 10.04.2025

Аннотация

В статье рассматриваются преобладающие подходы к дефиниции государственно-частного партнёрства (ГЧП) в зарубежных странах и Российской Федерации, сущность данного института в различных правовых системах. Целью данной статьи является сравнительно-правовой анализ ключевых особенностей, тенденций и возможностей совершенствования данной формы взаимодействия государства и бизнеса на основе проведенного автором исследования. Предмет статьи включает правовые, экономические и организационные модели ГЧП, их реализацию в различных секторах экономики, а также сравнительную оценку эффективности в российском и международном контексте. В качестве методов исследования использованы сравнительно-правовой анализ законодательства России, стран Европы, Азии и Северной Америки, а также обзор докладов некоторых международных межправительственных организаций. Особое внимание уделено экспертной оценке и обзору научных публикаций, что позволило выделить общие и специфические черты моделей ГЧП. Изучив доктринальные подходы к определению сущности ГЧП, особенностей и специфических черт данного современного правового института и инструмента, автор предложил свое определение государственно-частного партнерства, которое в большей степени акцентирует внимание на использовании и внедрении современных технологий, что призвано повысить качество жизни общества.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, сотрудничество государства и бизнеса, концессия, партнерство, инвестиции, проекты, технологии, инновации, бизнес, государство, ГЧП, концессионное соглашение.

Abstract

The article examines the prevailing approaches to the definition of public-private partnership (PPP) in foreign countries and the Russian Federation, the main essence of this institution in various legal systems. The purpose of this article is a comparative legal analysis of the key features, trends and opportunities for improving this form of interaction between government and business, based on the research conducted by the author. The subject of the article includes legal, economic and organizational models of PPPs, their implementation in various sectors of the economy, as well as a comparative assessment of effectiveness in the Russian and international context. The research methods used are comparative legal analysis of the legislation of Russia, Europe, Asia and North America, as well as a review of the reports of some international intergovernmental organizations. Special attention is paid to expert assessment and review of scientific publications, which allowed us to identify common and specific features of PPP models. Having studied the doctrinal approaches to defining the essence of PPP, the features and specific features of this modern legal institution and instrument, the author proposed his definition of public-private partnership, which focuses more on the use and implementation of modern technologies, which is designed to improve the quality of life of society.

Keywords: public-private partnership, government-business cooperation, concession, partnership, investments, projects, technologies, innovations, business, government, PPP, concession agreement.

Государственно-частное партнерство (далее – ГЧП) представляет собой долгосрочное сотрудничество государства и бизнеса для реализации проектов в общественно значимых сферах, таких как инфраструктура, транспорт, здравоохранение и иные. Наиболее яркими примерами ГЧП в России являются строительство Центральной кольцевой автодороги, скоростной трассы М11, Хабаровского аэропорта, стадионов к Чемпионату мира по футболу 2018 г. Тоннель под Ла-Маншем, железная дорога High Speed 1 в Великобритании, Гонконгский международный аэропорт, ряд больниц в Канаде также демонстрируют активное использование механизмов такого вида партнерства за рубежом.

Исходя из примеров, можно предположить, что подобные механизмы сотрудничества между государством и частным бизнесом имеют непродолжительную историю и ведут свое начало с конца прошлого века. Однако, согласно аналитическим материалам Государственной Думы, впервые механизмы концессии были применены во Франции при строительстве канала в 1552г¹. Эти же материалы обращают внимание на то, что концессии наиболее активно использовались при строительстве железных дорог в конце XIX – начале XX в. не только зарубежными странами, но и Россией. Затем в силу различных причин интерес к сотрудничеству государства и бизнеса угас, но возродился с 90-х гг. прошлого века и уже активно вошел в практику многих государств, в том числе нашей страны. Считается, что одной из основных причин возрождения интереса к партнерству государства и бизнеса стало развитие частной финансовой инициативы в Великобритании.

Если обратиться к самому термину «государственно-частное партнерство», то он связан с дословным переводом английского выражения “public-private partnership”. Как отмечают В. Лихачев и М. Азанов, за рубежом под данной формой сотрудничества понимают достаточно обширный перечень способов сотрудничества государства и

частного сектора – совместные предприятия, приватизацию, контрактацию, аутсорсинг, привлечение инвестиций, ноу-хау и даже опыт менеджеров крупных компаний [3. – С. 14]. При этом в русской версии понятие “public” рассматривается в значении не просто «общественный», но как «государственный» в широком смысле этого термина, включая все уровни – национальный, региональный и местный (муниципальный), что представляется актуальным в условиях федеративного государственного устройства, характерного для России. Данный подход отражен и в Федеральном законе «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации»² (далее – ФЗ о ГЧП).

Несмотря на то, что государство все чаще и активнее сотрудничает с бизнесом в таких традиционных государственных сферах, как транспорт, здравоохранение, образование или энергетика, единой правовой или доктринальной дефиниции тому, что понимать под ГЧП, пока не сложилось.

Если обратиться к определениям ФЗ о ГЧП, регламентирующего данную сферу, то, согласно статье 3, «государственно-частное партнерство, муниципально-частное партнерство – юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнерстве, соглашения о муниципально-частном партнерстве в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества». Так как ФЗ о ГЧП предусматривает возможность ГЧП не только на федеральном уровне, то логично предположить,

¹ Зарубежный опыт использования государственно-частного партнерства // Информационно-аналитические материалы Государственной Думы. – URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4669/16626>

² Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изменениями на 30.11.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. – 14.07.2015. – № 0001201507140006. – URL: www.pravo.gov.ru

что такого рода деятельность может регламентироваться и на иных уровнях власти. Так, Закон Санкт-Петербурга «Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах» определяет ГЧП как взаимовыгодное сотрудничество между городом и российским или иностранным юридическим либо физическим лицом в реализации социально значимых проектов в различных отраслях и секторах экономики, которое оформляется соглашением, в том числе концессионным¹. Достаточно схожее понятие содержится в Законе Республики Татарстан «О государственно-частном партнерстве в Республике Татарстан», в котором под ГЧП понимается взаимовыгодное сотрудничество Республики и частных партнеров по реализации социально значимых проектов и программ, которое оформляется соглашениями о государственно-частном партнерстве и допускает участие муниципальных образований².

Если обращаться к определениям, которые могут быть использованы в международном бизнесе в сфере сотрудничества государства и частного сектора, то единое определение также отсутствует. Но есть дефиниции, которые предлагаются достаточно авторитетными международными межправительственными организациями как субъектами международного права. Несмотря на то, что все эти определения содержатся в нормах рекомендательного характера, авторитет разработавших данные определения организаций позволяет обратиться к ним в рамках данной статьи.

В руководстве по заключению контрактов государственно-частного партнерства Всемирного Банка данная организация вновь обращает внимание на то, что ГЧП – долгосрочное или среднесрочное соглашение между государственным и частным сектором, в соответствии с которым ряд услуг передается из государственной сферы под ответственность частных лиц³.

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) понимает ГЧП как соглашение между государством и частным партнером (представленным одним или несколькими лицами), в соответствии с которым некоторые задачи государства по предоставлению услуг объединяются с задачами частных лиц по извлечению выгоды⁴. При этом, в отличие от группы Всемирного банка, ОЭСР использует именно термин «государственно-частное партнерство», а не «частно-государственное партнерство»; это позволяет предположить, что данная организация в подобном сотрудничестве возлагает на государство большую степень ответственности.

Согласно данным Международного валютного фонда, ГЧП представляет собой совокупность соглашений, в соответствии с которыми частная сторона создает инфраструктурные объединения и предоставляет услуги, изначально и традиционно предоставлявшиеся только государством⁵.

Еще одна организация, которая активно продвигает идеи ГЧП и призывает свои государства члены развивать стратегии подобного рода сотрудничества, – Европейский Союз. Согласно проанализированным материалам, доступным на официальном сайте ЕС, под ГЧП следует понимать форму сотрудничества между государственными органами и бизнес-сообществом для оказания услуг или с целью обеспечения финансирования, строительства или реконструкции, содержания инфраструктурных объектов и управления ими⁶.

Некоторый анализ зарубежной практики сотрудничества государства и частного сектора в различных отраслях экономики, подходов к определению ГЧП в рамках международных организаций позволяет рассуждать о том, что в подобном партнерстве государство не выступает в качестве акционера, т. е. не ожидает получения

¹ Закон Санкт-Петербурга от 25 декабря 2006 г. № 627-100 «Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах» (ред. от 06.12.2010) // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. – 29.01.2007. – № 2.

² Закон Республики Татарстан от 1 августа 2011 г. № 50-ЗРТ «О государственно-частном партнерстве в Республике Татарстан» (ред. от 09.06.2014). – URL: <https://base.garant.ru/22544027/> (дата обращения: 19.06.2025).

³ Группы всемирного банка. – URL: https://ppp.worldbank.org/public-private-partnership/PPP_Online_Reference_Guide/Introduction (дата обращения: 19.06.2025).

⁴ ОЭСР. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/public-private-partnerships_978926404673_3-en.html (дата обращения: 15.04.2025).

⁵ Международный Валютный фонд. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/technical-assistance-reports/Issues/2024/05/17/Guinea-Technical-Assistance-Report-Public-Private-Partnership-PPP-Institutional-and-Fiscal-549156> (дата обращения: 15.04.2025).

⁶ Официальный сайт Европейского Союза. – URL: https://european-union.europa.eu/institutions-law-budget/institutions-and-bodies/search-all-eu-institutions-and-bodies/innovative-health-initiative-joint-undertaking-ihj-ju_en (дата обращения: 19.06.2025).

какой-либо материальной выгоды от участия в мероприятии, но является стейкхолдером, т. е. заинтересованным лицом, зачастую представляя интересы многих групп лиц.

В научной среде предлагаемые определения государственно-частного партнерства во многом аналогичны друг другу. Так, В. Е. Сазонов полагает, что ГЧП основано на комплексных механизмах сотрудничества государственного и частного партнеров для достижения и удовлетворения публичных интересов [7. – С. 107–108]. И. А. Губанов прежде всего акцентирует внимание на том, что ГЧП – это общественные отношения, связывающие государство и частных партнеров в лице физических или юридических лиц, направленные на достижение общественно важных благ и полезных целей и способствующие достижению функций государства [4. – С.13–14]. А. В. Белицкая в своем определении больше акцентируется на правовом регулировании и оформлении, полагая, что ГЧП – это «юридически оформленное на определенный срок, основанное на объединении вкладов и распределении рисков сотрудничество публичного и частного партнеров в целях решения государственных и общественно значимых задач, осуществляемое путем реализации инвестиционных проектов в отношении объектов, находящихся в сфере публичного интереса и контроля» [1. – С. 54].

Вероятно, одним из наиболее фундаментальных определений является дефиниция ГЧП, приведенная А. Б. Пономаревым. Согласно его определению, «государственно-частное партнерство и муниципально-частное партнерство – это юридически закрепленный специальным соглашением механизм совместной деятельности публичного и частного партнера, основной целью которого является повышение качества и доступности публичных товаров, работ и услуг, посредством привлечения частного финансирования и использования частного интеллектуального и управленческого опыта; основными признаками которого являются долгосрочность, справедливое распределение рисков, объединение различных (материальных и нематериальных) ресурсов партнеров и экономическая эффективность» [6. – С. 17].

Если обратиться к региональным нормам или доктринальным определениям, то следует согласиться с мнением В. Г. Варнавского о том, что многие формулировки являются спорными и не имеют четкой правовой дефиниции [2. – С.41–50].

В частности, речь идет о таких формулировках, как «взаимовыгодное сотрудничество», «социально значимые или социально полезные», «публичный интерес», «общественно значимые». Так, несмотря на то, что критерий взаимности достаточно часто является основой для применения многих правовых режимов, например, национального или режима наибольшего благоприятствования, какими должны быть критерии оценивания взаимной выгоды? Аналогичный вопрос возникает и при использовании формулировок «социально значимый», «общественно значимый» или «социально полезный» – каковы их критерии и кто отвечает за их разработку? Не менее важным является и определение публичного интереса. Данный термин, вероятно, один из самых «правовых» в данном перечне, но и самый спорный. Известная оговорка о публичном порядке, которая нацелена на защиту публичного или национального интереса, оставляет решение о том, чем же является публичный интерес и что в него входит, на усмотрение правоприменителя. Полагаем, что применение подобных нечетких, спорных определений может пагубно отразиться на эффективности ГЧП.

Исходя из всех приведенных определений, допустимо сделать вывод о том, что ГЧП имеет своей целью объединить ресурсы, компетенции и риски сторон для повышения эффективности проектов, которые сложно реализовать только за счет государственного бюджета.

Основными формами ГЧП в России следует назвать концессионные соглашения, когда частный партнер управляет объектом, построенным за свой счет, окупает потраченные средства и извлекает прибыль за счет дохода от эксплуатации. Еще одной формой является собственно соглашение о ГЧП, которое характеризуется гибкими условиями для распределения рисков и финансирования. И последним вариантом называют проекты жизненного цикла, когда частный партнер отвечает за проектирование, строительство, эксплуатацию и обслуживание общественно значимого объекта.

Важно отметить, что концессионное соглашение и соглашение о ГЧП являются самостоятельными правовыми институтами и имеют между собой принципиальное отличие. Несмотря на то, что оба соглашения регламентируют основные модели ГЧП в России, основное отличие заключается в подходе к вопросу о праве собственности на объект соглашения. Если концессионное

соглашение предполагает, что объект соглашения остается в государственной или муниципальной собственности, то соглашение непосредственно о ГЧП акцентирует внимание на том, что объект соглашения будет находиться в частной собственности при соблюдении законодательных требований.

За рубежом основными формами ГЧП следует назвать концессионные соглашения, совместные предприятия и такие механизмы, как строительство-эксплуатация-переход, или сборка-эксплуатация-передача (англ. Build-Operate-Transfer – BOT) – когда частный партнер сначала строит объект и эксплуатирует его, а затем передает государству. Вариантом этого механизма является строительство-владение-эксплуатация: в этом случае частная сторона возводит объект, осуществляет эксплуатацию и сохраняет за собой право собственности, но государство в течение некоторого времени выплачивает стоимость услуг, обычно в срок до 30 лет [3. – С. 43].

На основе рассмотренных определений и наиболее успешных примеров можно предположить, что подходы к ГЧП в России и за рубежом имеют некоторые различия и связаны прежде всего с самой формулировкой. Если в нашей стране на первом месте стоит именно государство, то подавляющее большинство экспертных определений международных организаций и зарубежных государств на первое место преимущественно ставят частный сектор. Полагаем, можно заключить, что в России на данном этапе государство в большей степени берет на себя риски в реализации проектов, в то время как зарубежная практика свидетельствует об обратном.

Как подчеркивает Н. В. Локшин, в российской практике ГЧП достаточно часто и активно используются «как инструмент привлечения бюджетных денег в проекты, которые по тем или иным причинам не попали в адресные федеральные и региональные инвестиционные программы» [5. – С. 5]. Это, в свою очередь, требует повышения подконтрольности и эффективности использования бюджетных средств в подобного рода проектах, а не только привлечения и замещения их частными инвестициями.

Для успешной реализации проектов ГЧП необходимо учитывать те недостатки, которые исследователи в данной области выделяют чаще всего. Прежде всего, многие аналитики называют в качестве недостатка высокую стоимость привлечения частного капитала. Так, зачастую ожи-

дания инвесторов по доходности значительно превышают стоимость государственных займов. Помимо этого, можно назвать и бремя долгосрочных обязательств, которые связаны с тем, что бюджеты различных уровней бывают перегружены выплатами по концессиям или иным гарантиям со стороны государства, что может осложняться при изменении экономических условий. Несмотря на декларируемое распределение рисков, кризисные ситуации, например, связанные с падением спроса, чаще всего перекладываются на государство. Это, в свою очередь, порождает еще один из вариантов рисков для государства, а именно «моральные риски», которые обусловлены тем, что частные компании могут принимать излишне рискованные решения, рассчитывая на государственную поддержку.

Чаще всего к числу недостатков, причем как в России, так и во многих зарубежных странах, относят коррупционную составляющую и отсутствие достаточной прозрачности. Институт лоббирования интересов крупных компаний давно известен, недостаток публичной отчетности о проведении торгов значительно влияет на успешное и эффективное привлечение частных инвесторов.

Еще одним недостатком ГЧП является конфликт интересов, который, безусловно, возникает при подобного рода партнерствах. Нахождение баланса между общественным благом и ориентацией на прибыль может привести к повышению тарифов или снижению качества услуг. Аналогичный компромисс требуется находить и в вопросах социального блага и экологических стандартов. Нередко экологическими стандартами пренебрегают ради снижения издержек и быстрого возведения объекта инфраструктуры.

К недостаткам также можно отнести и то обстоятельство, что долгосрочные контракты, рассчитанные на 20 и более лет, затрудняют адаптацию к быстро меняющимся технологическим достижениям и рыночным изменениям.

Достаточно часто основные проекты ГЧП можно признать монопольными, так как в них можно отметить доминирование одного представителя частного сектора, что подавляет конкуренцию и инновации.

В любом случае преимущества ГЧП очевидны. К ним, в первую очередь следует отнести привлечение инвестиций в развитие инфраструктуры. ГЧП дает возможность реализовывать масштабные инфраструктурные и социальные

проекты без полного финансирования из государственного или муниципального бюджета. Частные инвестиции дополняют государственные ресурсы. Эффективность реализации многих проектов повышается за счет использования опыта бизнес-структур. Распределение рисков делает подобные партнерства привлекательными для частного сектора. Государство и частный сектор делят финансовые, управленческие и операционные риски. Это снижает нагрузку на бюджет и позволяет эффективнее управлять проектами, особенно в условиях неопределенности.

Частные компании часто внедряют инновационные технологии и оптимизируют процессы, что сокращает затраты и сроки реализации проектов по сравнению с традиционными госзакупками. Бизнес приносит специализированные знания, опыт и современные решения (которые могут отсутствовать у государственных структур), улучшая качество проектов. ГЧП-проекты часто выполняются быстрее благодаря гибкости частного сектора и его заинтересованности в скорейшем завершении работ для начала окупаемости. Соглашения о ГЧП обычно рассчитаны на десятилетия, что мотивирует частного партнера поддерживать высокое качество инфраструктуры и услуг на протяжении всего срока реализации проекта.

Строительство инфраструктуры создает рабочие места, развивает смежные отрасли и улучшает условия для ведения бизнеса, способствуя экономическому росту. Государство же может направить высвободившиеся ресурсы на другие приоритетные задачи (здравоохранение,

образование), пока частный сектор управляет проектом.

ГЧП позволяет сочетать ресурсы государства и эффективность бизнеса, создавая взаимовыгодные решения для общества, экономики и частного сектора. Партнерство государства и бизнеса является важным инструментом для развития инфраструктуры, но его успех зависит от прозрачности, баланса интересов и грамотного распределения рисков. В России эта модель еще развивается, тогда как за рубежом накоплен значительный опыт, который можно адаптировать с учетом местных особенностей.

Мы полагаем, что в современных условиях ГЧП следует рассматривать как инновационную модель долгосрочного сотрудничества между государством и частным сектором, основанную на синергии ресурсов, компетенций и рисков, направленную на создание общественных благ или услуг, которые традиционно находятся в зоне государственной ответственности. В рамках такого альянса государство обеспечивает правовые гарантии и защиту публичных интересов, а частные участники привлекают инвестиции, применяют современные технологические решения и управленческую гибкость, что позволяет достигать социально-экономических целей, недоступных при изолированном подходе. Ключевой особенностью ГЧП является баланс между общественной пользой и коммерческой устойчивостью, где успех измеряется не только финансовой отдачей, но и повышением качества жизни общества.

Список литературы

1. Белицкая А. В. Правовое регулирование государственно-частного партнерства. – М. : Статут, 2012.
2. Варнавский В. Г. Государственно-частное партнерство: некоторые вопросы теории и практики // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 9. – С. 41–50.
3. Государственно-частное партнерство в зарубежных странах, или как реализовать ГЧП в России / ред. И. Н. Сосна. – М. : Изд-во журнала «Финансы, экономика, безопасность», 2009.
4. Губанов И. А. Государственно-частное партнерство в реализации функций российского государства (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2010.
5. Локшин Н. В. Влияние институциональных условий на выбор формы государственно-частного партнерства в России : дис. ... канд. экон. наук. – М., 2023.
6. Пономарев Б. А. Понятие государственно-частного партнерства в Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 4. – С. 217–221.
7. Сазонов В. Е. Государственно-частное партнерство: гражданско-правовые, административно-правовые и финансово-правовые аспекты. – М. : Буки Веди, 2012.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2025-2-188-193>

Россия и Китай: вопросы международно-правового регулирования сотрудничества в области прикладной космонавтики

Е. В. Чигрина

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Байкальского государственного университета.
Адрес: ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»,
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11.
E-mail: ChigrinaEV@bgu.ru

А. Д. Жамбалова

магистрант Института мировой экономики и международных отношений
Байкальского государственного университета.
Адрес: ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»,
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11.
E-mail: zhambalova3000@mail.ru

Russia and China: Issues of International Legal Regulation of Cooperation in the Field of Applied Cosmonautics

E. V. Chigrina

PhD in Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of Baikal State University.
Address: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Baikal State University»,
11 Lenin Str., Irkutsk, 664003, Russian Federation.
E-mail: ChigrinaEV@bgu.ru

A. D. Zhambalova

Master's Student at the Institute of World Economy and International Relations
of Baikal State University.
Address: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Baikal State University»,
11 Lenin Str., Irkutsk, 664003, Russian Federation.
E-mail: zhambalova3000@mail.ru

Поступила 25.03.2025 Принята к печати 10.04.2025

Аннотация

Предметом исследования в статье стали анализ и оценка нормативных правовых актов, составляющих основу международного сотрудничества в сфере освоения космоса и реализации прикладных космических проектов Российской Федерации при участии Китая. Между двумя странами начиная с 2001 г. ведется активная работа по реализации соглашения о совместном исследовании и использовании космического пространства в мирных целях. Основными методами исследования являются исторический анализ, ивент-анализ и контент-анализ ключевых двусторонних договоров и соглашений России и Китая, в основе сотрудничества которых в космической отрасли лежат межправительственные и межведомственные соглашения. В опровержение прогнозов западных экспертов о скором обвале российской экономики авторы акцентируют внимание на факте использования Российской Федерацией радикальных механизмов международного правового и экономического сотрудничества – контрсанкций в сфере космической деятель-

ности для защиты государственного суверенитета и сохранения за Россией позиций влиятельной экономической державы с развитым научно-технологическим и аэрокосмическим потенциалом. Сделан вывод о том, что в условиях сегодняшней геополитической ситуации сотрудничество России и Китая в сфере космонавтики является перспективным в плане наращивания темпов освоения космического пространства.

Ключевые слова: международно-правовое сотрудничество, международные соглашения, российско-китайское сотрудничество, международные проекты, космическое пространство, космическое сотрудничество, международная кооперация, кооперация России и Китая в космической сфере, космические технологии, международные отношения, международная космическая деятельность, научно-технологическое развитие, контрсанкции, перспективы российско-китайского сотрудничества, прикладные проекты, геополитическая ситуация.

Abstract

The subject of the research in the article is the analysis and evaluation of regulatory legal acts that form the basis of international cooperation in the field of space exploration and the implementation of applied space projects of the Russian Federation with the participation of China, between which, since 2001, active work has been underway to implement the agreement on the joint exploration and use of outer space for peaceful purposes. The main research methods are historical analysis, event analysis, and content analysis of key bilateral treaties and agreements between Russia and China, whose cooperation in the space field is based on intergovernmental and interdepartmental agreements. In order to refute the forecasts of Western experts about the imminent "collapse" of the Russian economy, the authors focus on the fact that the Russian Federation uses radical mechanisms of international legal and economic cooperation – counter-sanctions in the field of space activities to protect state sovereignty and preserve Russia's position as an influential economic power with developed scientific, technological and aerospace potential. It is concluded that in the current geopolitical situation, cooperation between Russia and China in the field of space exploration is promising in terms of accelerating the pace of space exploration.

Keywords: international legal cooperation, international agreements, Russian-Chinese cooperation, international projects, outer space, space cooperation, international cooperation, cooperation between Russia and China in the space sector, space technologies, international relations, international space activities, scientific and technological development, counter-sanctions, prospects for Russian-Chinese cooperation, applied projects, the geopolitical situation.

Космос долгие столетия тревожит как величайшие умы человечества, так и воображение простых обывателей. И те, и другие в разной степени осознавали и осознают, что за освоением этого бесконечно перспективного пространства без преувеличения стоит наше будущее. Развитие космонавтики с середины XX в. (с момента запуска первого искусственного спутника Земли Советским Союзом) и по сей день является приоритетным направлением в науке всего мира. Все государства так или иначе стремятся приблизить себя к этому «окну» возможностей и в движении к своей общей цели находят точки соприкосновения для сотрудничества в космической сфере. Однако некоторые исследователи сходятся во мнении, что сегодня освоение космоса доступно лишь трем державам, обладающим передовыми космическими технологиями, – США, России и КНР.

В научных работах, которые были написаны к концу прошлого десятилетия, встречается мнение о том, что Китай обладает недостаточным потенциалом для участия в международных прикладных проектах, в отличие от США или России, на космические успехи которых и ориентирована

китайская космическая программа догоняющего развития. Так, до событий февраля 2022 г. некоторые исследователи отмечали, что в рамках международного космического сотрудничества именно Россия и США наиболее успешно разрабатывали и реализовывали прикладные проекты, а китайская сторона рассматривалась лишь как второстепенный участник [10]. Сегодня стремительное изменение геополитической ситуации предопределило изменения и в перспективах развития международного космического сотрудничества.

Во-первых, огромное количество санкций коллективного Запада, направленных на подрыв российской экономики и обороноспособности страны [6], нашли противодействие в контрсанкциях, в том числе введенных Роскосмосом за последние пару лет. Так, например, в контексте перспективного российско-американского взаимодействия в космосе стоит отметить решительный отказ России поставлять в Штаты ракетные двигатели РД-180 и РД-181. Западные эксперты, уверенные ранее в неуязвимости США как мирового гегемона, теперь говорят о кризисе, с которыми столкнулась страна из-за нехватки пуско-

вых мощностей. Вывод из Международной космической станции (далее – МКС) российских ракет-носителей семейства «Союз-2», не имеющих аналогов по характеристикам на сегодняшний день, также сорвал ряд исследовательских миссий Европейского космического агентства (далее – ЕКА). Конечно, не стоит игнорировать факт убытков, которые несет Российское космическое агентство из-за разрыва сотрудничества со странами – участницами ЕКА и МКС и которые составляют около 180 млрд рублей. Однако, несмотря на понесенные убытки во благо будущего нашей страны, Западу стоит напомнить, что на любые действия найдется противодействие, и Россия не станет жертвовать своей безопасностью, ставя под угрозу суверенитет государства ради исследовательских миссий.

Так, в эпоху перехода к многополярному миру в ответ на санкции против России Роскосмос выдвинул контрсанкции, которые наносят не меньший урон научно-техническим комплексам стран-санкционеров, чем их действия, направленные против нашей экономики, инфраструктуры и других важнейших сфер государства. Такой жесткий справедливый ответ бывшему западному союзнику является точкой отсчета новой истории в изучении и освоении космоса, так как ситуация в космическом пространстве будет точным отражением будущей ситуации на политической арене. Стоит понимать, что Российская Федерация является одним из новых центров силы наметившегося многополярного строя, который консолидирует страны в рамках БРИКС, что позволяет ей ориентироваться в контексте космической деятельности на сотрудничество с мощными космическими державами – Китаем, Индией, а также содействовать развитию космических программ стран Глобального Юга.

Во-вторых, о серьезных изменениях в международной конъюнктуре свидетельствуют международные западные проекты при участии Роскосмоса, прервавшие свое (весьма успешное и перспективное) существование с 24 февраля 2022 г. К ним относится проект Ехо-Mars-2022 – российско-европейский проект по исследованию Марса на предмет существования жизни на планете, который де-юре завершился 12 июля 2022 г. с выходом из него ЕКА. Также стоит упомянуть эпизод с отказом России от участия в американских «Соглашениях Артемиды» (Artemis Accords) и окололунном проекте Gateway, в ответ на которые Россия выступила инициатором междуна-

родного проекта по созданию Международной научной лунной станции (далее – МНЛС). Данный жест России говорит о том, что на мировой арене наметился новый перспективный игрок, который обладает высокими амбициями в отношении космического пространства и на взаимовыгодное сотрудничество с которым для совместной реализации прикладных проектов настроено наше государство.

Ярким примером такого сотрудничества, по мнению ряда исследователей, является международная кооперация России и Китая [5; 11]. Однако стоит отметить, что она берет начало еще в советский период, а именно в 1950-е гг., и с переменным успехом продолжается в сфере международной космической деятельности и сегодня. Точкой отсчета российско-китайского сотрудничества в космической сфере принято считать соглашения 1956–1957 гг. «О поставке ракет и техники в Китай» и «О новом военно-техническом сотрудничестве», действовавшие до 1987 г. [2. – С. 42].

В начале постсоветского периода были подписаны документы, знаменующие начало нового витка отношений России и КНР в космосе: межправительственное соглашение от 18 декабря 1992 г. «О сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях», а также межведомственное соглашение от 25 марта 1994 г. «О сотрудничестве в области пилотируемой космонавтики» [2. – С. 43].

Стоит отметить, что после распада Советского Союза и отказа России от коммунистической идеологии, приверженцем которой КНР остается и по сей день, российско-китайское сотрудничество в области освоения космоса не только не сошло на нет, но и продолжило активно развиваться. Данное мнение, которого придерживается ряд исследователей, подтверждается подписанием сторонами ряда юридически значимых международных соглашений в период 2001–2024 гг. Их можно условно разделить на 3 группы и соответствующие программы:

- по совместному исследованию и использованию космического пространства в мирных целях;
- о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве и предотвращении угрозы или применения силы против космических объектов;

— по сотрудничеству в сфере ракетно- и двигателестроения; в исследованиях дальнего космоса.

Данные соглашения регулируют не только экономическую сферу, но и придают важное правовое значение совместным проектам о совместном изучении и освоении Луны и осуществлении работы в области дистанционного зондирования Земли и борьбы с космическим мусором, которые сегодня представляют научно-практический интерес для исследовательских центров нашего государства и китайского партнера [1. – С. 120].

Продуктом эффективного двустороннего сотрудничества России и Китая в прикладной космонавтике является проект международной аэрокосмической системы глобального мониторинга (IGMASS/MAKCM). Также является значимым открытие в Пекине Центра космической погоды китайско-российского консорциума в 2021 г. Что касается совместного изучения Луны, то на 2024 год был запланирован старт миссий «Луна-Ресурс-1» и «Чанъэ-7», которые будут реализованы в связи со сложной геополитической ситуацией немного позднее намеченных сроков, в рамках двустороннего соглашения от 2019 года. На 2024 год также была запланирована реализация проекта, заключающегося в совместном роботизированном исследовании астероида [3. – С. 228].

Не теряет своей актуальности и российско-китайское сотрудничество в сфере навигационных услуг «ГЛОНАСС-BeiDou». Проект активно реализуется с прошлого десятилетия, и стороны проводят работы по совершенствованию и гармонизации спутниковых систем. 13 октября 2014 г. сторонами был подписан меморандум между Федеральным космическим агентством и Комиссией по китайской спутниковой навигационной системе «О сотрудничестве в области глобальных навигационных систем». В мае того же года было подписано заявление о совместимости и взаимодополнении систем ГЛОНАСС и «BeiDou» [8. – С. 87–88]. В 2020 г. КНР завершила развертывание национальной навигационной системы, позволив приступить к проекту по гармонизации с ГЛОНАСС¹. На сегодняшний день проведены «разведочные работы для размещения китайских

станций в городах Обнинск, Иркутск и Петропавловск-Камчатский и российских станций в городах Урумчи, Чанчунь и Шанхай» [8. – С. 89]. Эксперты отмечают, что «после завершения создания системы “BeiDou” и окончательной ее гармонизации с ГЛОНАСС для стран откроется возможность использования совместной навигационной системы в сфере логистики» [8. – С. 90]. Для координации работы в рамках данного проекта планируется создание специальной подкомиссии по сотрудничеству².

С момента подписания меморандума в марте 2021 г. наиболее перспективным на сегодняшний день прикладным проектом в рамках международного космического сотрудничества России и Китая остается строительство МНЛС [4. – С. 95]. В научной литературе встречается предположение, что проект МНЛС может стать противовесом в отношении вышеупомянутых Artemis Accords [3. – С. 226]. Дорожная карта проекта была представлена летом 2021 г. на международной конференции GLEX-2021. Согласно этому документу, строительство начнется в 2025–2026 гг. после согласования космическими агентствами наиболее удачного места расположения будущей МНЛС, начало работы которой запланировано уже на 2036 год. По окончании строительства МНЛС будет состоять «из космической станции на лунной орбите, лунной базы на поверхности спутника, множества мобильных вездеходов и интеллектуальных “прыгающих” роботов» [7. – С. 74]. Исследователи считают, что станция будет иметь огромное прикладное значение не только для наблюдения за нашей планетой и дальним космосом с поверхности спутника Земли, но и в области изучения лунной топографии, геоморфологии, химического состава Луны и т. д.

Обслуживанием базы будет заниматься окололунная орбитальная станция, которая должна будет обеспечивать регулярное движение между Землей и Луной. В рамках данного проекта можно говорить о перспективном расширении двустороннего соглашения, так как дорожная карта содержит информацию о потенциальных миссиях других государств. В этой связи ведутся переговоры с ОАЭ и Саудовской Аравией, не исключено

¹ Китай завершил развертывание глобальной навигационной системы Beidou // Военное обозрение. – URL: <https://topwar.ru/172472-kitaj-zavershil-razvertyvanie-globalnoj-navigacionnoj-sistemy-beidou.html> (дата обращения: 31.10.2024).

² Россия и Китай создадут подкомиссию по сотрудничеству ГЛОНАСС и Beidou // РИА Новости. – 2023. – 20 марта. – URL: <https://ria.ru/20230320/navigatsiya-1859308987.html> (дата обращения: 31.10.2024).

дальнейшее присоединение к проекту Таиланда [3. – С. 227].

Еще одним перспективным совместным проектом России и КНР является разработка основы будущей МНЛС – полностью замкнутой экспериментальной системы жизнеобеспечения для космонавтов БИОС-4. Данный проект был реализован еще советскими учеными в 1970-е гг. (проект БИОС-3) и представлял собой «герметичный бункер с четырьмя равными по площади отсеками: жилым модулем и тремя с растениями и водорослями», созданный для обеспечения космонавтов кислородом и продуктами питания¹.

Актуальность нового проекта БИОС-4 состоит в том, что предыдущий БИОС-3 не был полностью замкнутой системой, однако «в настоящее время в Красноярске созданы уникальные установки переработки и вовлечения в замкнутый цикл всех типов органических отходов». О реализации совместного проекта и начале испытаний на территориях обеих стран российская и китайская стороны заявили еще в 2013 г. Наконец 8 апреля 2021 г. на научной сессии общего собрания СО РАН, посвященной 60-летию полета Юрия Гагарина в космос, российские ученые объявили об успешном создании технологической базы для будущего проекта МНЛС. Директор Института биофизики СО РАН заявил: «осталось соединить все имеющиеся технологии в одну систему и сделать БИОС-4. Буквально на днях между государственной корпорацией “Роскосмос” и Китайским национальным космическим управлением подписан меморандум о создании научной лунной станции. Медлить нельзя, ведь только базовые эксперименты займут 3-4 года»². Таким образом, по прогнозам ученых научного центра СО РАН проект БИОС-4 будет завершен к 2025 г., примерно за десятилетие до начала эксплуатации МНЛС.

Как было отмечено исследователями, космические технологии – особая сфера научно-технологического развития, требующая правового обеспечения, экономического обоснования и максимально эффективной взаимоувязки краткосрочных планов и достижения долгосрочных це-

лей, которые в случае реализации крупномасштабных проектов простираются на десятилетия [9. – С. 65]. Отсюда следует, что международная кооперация в космонавтике необходима и актуальна, так как служит катализатором разработки и реализации прикладных проектов.

Таким образом, первая четверть XXI в. в контексте российско-китайского сотрудничества в космосе, несмотря на все трудности и неоднозначность геополитической ситуации, богата на прикладные масштабные проекты. Россия и Китай в тандеме разрабатывают космические технологии и развивают спутниковую навигацию, регулярно юридически закрепляя свое сотрудничество с момента подписания Соглашения 1992 г. Российско-китайская ракетно-космическая деятельность уже приносит первые плоды, которые не имеют аналогов на Западе: проекты МНЛС и наработки БИОС-4 по завершении станут настоящим прорывом в изучении дальнего космоса для всего человечества, а после завершения гармонизации ГЛОНАСС с Beidou российско-китайская спутниковая навигационная система может стать достойной альтернативой американской GPS.

В Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия говорится об эффективности сотрудничества в сфере космических исследований, дистанционного зондирования Земли, спутниковой навигации, изучения дальнего космоса и пилотируемой космонавтики. Заявление подписано Председателем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином и Президентом Российской Федерации В. В. Путиным³.

Этому результату предшествовали серьезные усилия. Начиная с 2001 г. ведется активная работа по реализации соглашения о совместном исследовании и использовании космического пространства в мирных целях. Непосредственное взаимодействие между участвующими в работе организациями осуществляется в рамках Программы российско-китайского сотрудничества в

¹ Основой лунной базы должна стать замкнутая система жизнеобеспечения нового типа // Научная Россия. – URL: <https://scientificrussia.ru/articles/osnovo-j-lunnoj-bazy-dolzhna-stat-zamknutaya-sistema-zhizneobespecheniya-novogo-tipa> (дата обращения: 09.01.2025).

² Там же.

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2018 г. № 2378-р «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области применения глобальных навигационных спутниковых систем ГЛОНАСС и Бэйдоу в мирных целях» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 46. – Ст. 7087.

области космоса. Большая территория страны, стабильный экономический рост, выдающиеся успехи в освоении космических технологий – все это привело к тому, что сотрудничать с КНР стремятся многие ведущие мировые державы. Между нашими странами подписано более ста контрактов, а Программа российско-китайского сотрудничества рассчитана на долгосрочный период. Единственное зарубежное представительство российского Федерального космического агентства находится в Пекине, что, безусловно, способствует успешному развитию отношений между странами в космических программах.

В заключение отметим, что в данной статье сделан акцент на российско-китайском международном сотрудничестве в освоении космоса, так как в условиях сегодняшней геополитической ситуации именно Китай предлагает России лучшие перспективы. Россия же в свою очередь предлагает Китаю богатый опыт в области пилотируемых полетов и космических атомных электростанций. Это не исключает дальнейшего расширения сотрудничества до трехсторонних (и с участием большого количества сторон) международных соглашений, что в будущем позволит наращивать темпы освоения космического пространства.

Список литературы

1. Валеев Д. А. К вопросу о двустороннем сотрудничестве России по исследованию и использованию космического пространства // *Право и государство: теория и практика*. – 2022. – № 10 (214). – С. 119–123.
2. Гаськова Д. О., Леконцева К. В. Сотрудничество России и Китая в освоении космического пространства // *Россия – Китай: развитие регионального сотрудничества в XXI веке : материалы XVII Международной научно-практической конференции, Чита, 26 апреля 2019 года / отв. ред. Ц. С. Дондоков*. – Чита : Забайкальский государственный университет, 2019. – С. 41–48.
3. Зайнуллина П. Р., Махнёв В. А. Проблемы развития российско-китайского сотрудничества в авиакосмической отрасли // *Теории и проблемы политических исследований*. – 2022. – Т. 11. – № 4А. – С. 222–230.
4. Ли Янь. Китай и Россия. Сотрудничество в сфере безопасности // *Свободная мысль*. – 2022. – № 5 (1695). – С. 91–106.
5. Лузянин С. Г. «Возвышение» Китая как фактор мировой политики // *Baikal Research Journal*. – 2014. – № 5. – URL: <https://brj-bguerp.ru/reader/archive.aspx?id=584>
6. Медик И. Н., Чепинога О. А., Деревцова И. В. Внешние угрозы экономической безопасности России // *Baikal Research Journal*. – 2022. – Т. 13. – № 3. – URL: <https://brj-bguerp.ru/reader/archive.aspx?id=969>
7. Муратова М. А., Котельникова Т. В. Перспективы сотрудничества между КНР и РФ в сфере освоения космического пространства // *Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра*. – 2021. – № 24. – С. 72–76.
8. Николаева А. А. Взаимодействие РФ и КНР в космической сфере: достижения, проблемы и перспективы // *Россия и Китай в АТР: трансграничное взаимодействие: материалы III международ. науч.-практ. конф. : в 2 ч.* – Благовещенск, 20–23 апреля 2016 года / под ред. Л. А. Понкратовой. – Ч. 1. – Благовещенск : Амурский государственный университет, 2016. – С. 87–91.
9. Панкова Л. В., Гусарова О. В. Космическое измерение инновационно-технологического прорыва // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2020. – Т. 64. – № 11. – С. 62–73.
10. Сырин С. А. Анализ прогнозов научно-технологического развития России, США, Китая и Европейского Союза как лидеров мировой ракетно-космической промышленности // *Труды МАИ: электронный журнал*. – URL: <http://www.mai.ru/science/trudy/>
11. Ульянов А. О. Основные аспекты инновационного развития транснациональных корпораций Китая // *Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права)*. – 2015. – Т. 6. – № 2. – URL: <https://brj-bguerp.ru/reader/archive.aspx?id=616>

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2025-2-194-197>

Особенности урегулирования споров во время туристических круизов в Антарктике на примере инцидента с круизным судном SH Diana

Ю. С. Цветкова

старший преподаватель кафедры международного и морского права

ГУМРФ имени адмирала С. О. Макарова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Государственный университет морского и речного флота

имени адмирала С. О. Макарова»,

198035, Санкт-Петербург, Двинская ул., д. 5/7.

E-mail: yultsvetkova@mail.ru

Features of Dispute Settlement During Tourist Cruises in Antarctica on the Example of the Incident with the Cruise Ship SH Diana

Yu. S. Tsvetkova

Senior Lecturer of the Department of International and Maritime Law

of Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping.

Address: Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping,

5/7 Dvinskaya Str., St. Petersburg, 198035, Russian Federation.

E-mail: yultsvetkova@mail.ru

Поступила 12.04.2025 Принята к печати 25.04.2025

Аннотация

В настоящей статье автор исследует особенности антарктических круизов и проблематику их урегулирования на примере инцидента с круизным судном SH Diana, произошедшего в 2024 г., когда на 14-й день круиза было объявлено о наличии неисправностей и изменении маршрута для проведения ремонта. Туристы из России и Китая, не согласившись с предложенным вариантом компенсации, объявили голодовку. Автор анализирует стратегии разрешения спора, выбранные сторонами конфликта. В исследовании использован такой метод, как сравнительный анализ: сравниваются кейсы конфликтов между пассажирами круизных лайнеров и круизными компаниями, а также подходы круизных компаний к разрешению спора. Обосновывается необходимость принятия решения о стратегии поведения в конфликте на круизном лайнере с учетом специфики путешествия и принадлежности круизной компании к недружественной юрисдикции. Рассмотрены также особенности антарктических круизов, обуславливающие интерес туристов и обосновывающие высокую стоимость путешествий.

Ключевые слова: полярный туризм, Антарктика, полярные круизы, Swan Hellenic, морские круизы, высокие широты, туризм, договор морского круиза.

Abstract

In this article, the author examines the features of Antarctic cruises and the problems of their settlement using the example of the incident with the cruise ship SH Diana, which occurred in 2024, when on the 14th day of the cruise it was announced that there were malfunctions and a change in the route for repairs. Tourists from Russia and China, not agreeing with the proposed compensation option, went on a hunger strike. The author analyzes the dispute resolution strategies chosen by the parties to the conflict. The study uses a method such as comparative analysis: it compares cases of conflicts between cruise ship passengers and cruise companies, as well as cruise companies' approaches to dispute resolution. The necessity of making a decision on the strategy of behavior in conflict on a cruise ship is substantiated, taking into account the specifics of the trip and the cruise company's belonging to an unfriendly jurisdiction. The features of Antarctic cruises, which determine the interest of tourists and the high cost of travel, are also considered.

Keywords: polar tourism, Antarctica, polar cruises, Swan Hellenic, sea cruises, high latitudes, tourism, sea cruise agreement.

С географической точки зрения Антарктика представляет собой неблагоприятный для развития туризма регион ввиду удаленности, сложной транспортной доступности и неблагоприятных природных условий для пребывания людей. Данные особенности делают антарктический туризм «немассовым», что, однако, и является привлекательной особенностью для ряда туристов.

Туристический сезон в Антарктике продолжается с октября по март. Как отмечает А. В. Афанасьев, существующие сложности, связанные с географическим положением, возможностью проживания только на территории научно-исследовательских станций, передвижением по территории Антарктики на специальной технике, обуславливают превалирующую роль морских круизов (примерно 99% всех туров) в туристической отрасли в Антарктиде [1].

В частности, круизные суда выходят из Аргентины – из города Ушуаи, расположенного на архипелаге Огненная Земля¹. Круизный лайнер проходит мыс Горн², минуя самый широкий на планете знаменитый пролив Дрейка (один из самых коварных, непредсказуемых и штормовых водных бассейнов на планете, соединяющий Атлантический и Тихий океаны). В пути туристы могут наблюдать морских птиц (альбатросов и буревестников), китов, пингвинов, а при благоприятных погодных условиях – осуществить поездки на «зодиаках»³ и знакомство с научными базами.

По достижению Южных Шетландских островов навигация осуществляется по заливам с огромными ледяными айсбергами, где возможно наблюдение за антарктическими и субантарктическими морскими птицами, пингвинами, тюленями и китами, а далее производится посадка на «зодиаки» для первой высадки на берег антарктической пустыни и экскурсия к колонии пингвинов.

По прибытии на остров Кинг Джордж туристам предлагается высадка на берег полуострова Файлдс-Бей, который является самым крупным участком суши, свободным ото льдов. Далее туристы ждут знакомство с антарктическими пейзажами и исследование территории чилийской базы «Фрей» и российской антарктической станции

«Беллинсгаузен». В районе базы «Беллинсгаузен» можно встретить несколько видов гнездящихся и залетных птиц, среди представителей пингвинов здесь можно увидеть пингвинов Адели, антарктических и ослиных пингвинов. Морские млекопитающие представлены тюленями Уэдделла, морскими слонами, тюленями-крабоедами, морскими львами и южными морскими котиками.

В зависимости от программы и стоимости антарктического круиза туристы также могут посетить пролив Пенола, пролив Жернаш, заснеженные острова Мельхиор и пролив Шолларт, пройти между островами Брабант и Анверс, увидеть обломки китобойного судна *Guvernoren*, потерпевшего крушение в 1915 г.

Большинство круизов в Антарктику начинается в Аргентине, но также есть круизы со стартом из Чили, Новой Зеландии, ЮАР, Австралии. Основу антарктического туризма составляют круизные суда, которые также вовлечены и в арктический туризм.

В целях снижения нагрузки на экосистемы региона и с учетом ограниченной портовой инфраструктуры в Антарктике запрещена высадка на берег туристов с судов, пассажировместимость которых превышает 500 человек.

Особенностью развития туризма в Антарктике является правовой статус территории. Территория Антарктики – объект международного права (регулируется Договором об Антарктике 1959 г.), и вопросы туризма находятся в юрисдикции международных организаций.

Большинство туроператоров, осуществляющих деятельность в Антарктике, входят в состав Международной ассоциации антарктических туристических операторов, целью которой является обеспечение соблюдения стандартов и принципов экологической безопасности в туризме. В деятельности организации принимают участие наземные и круизные операторы, правительственные и неправительственные операторы, природоохранные организации, туристические агенты.

Осенью 2024 г. экипаж круизного судна *SH Diana*, принадлежащего компании *Swan Hellenic* и следовавшего в Антарктиду со 170 туристами на борту, на 14-й день круиза объявил об обнаружении поломки, в связи с чем было объяснено, что судно изменит маршрут и проследует к месту ремонта в соответствии с правилами технической эксплуатации. Вместо запланированных в маршруте 15 высадок туристы вышли на сушу только 3 раза.

¹ Около 900 км от Антарктиды.

² Национальный Парк «Мыс Горн» внесен в список всемирного наследия ЮНЕСКО.

³ Надувная лодка, которая используется на экспедиционных судах для коротких морских экскурсий и высадки пассажиров на берег.

Круизная компания Swan Hellenic предложила компенсацию в размере 50% от стоимости круиза. Пассажиры круизного лайнера по-разному отреагировали на сообщение об изменении маршрута и, соответственно, невозможность увидеть Антарктиду, что было главной целью путешествия, учитывая, что цена за путевку варьировалась от 972 тысяч до 1,3 миллиона рублей.

В частности, несколько туристов из России объявили голодовку, требуя возврата полной стоимости круиза¹.

По итогам переговоров круизная компания Swan Hellenic урегулировала ситуацию с российскими туристами, предложив следующие варианты разрешения сложившейся ситуации:

- 1) возврат стоимости круиза в размере 50%;
- 2) сертификат на следующую поездку в размере 65% от оплаченной стоимости².

Несмотря на сложность ситуации, в которой оказались российские туристы, при принятии решения об исходе конфликта следует обратить внимание на следующие факторы.

1. Круизная компания Swan Hellenic является круизной компанией, зарегистрированной в Великобритании, которая входит в перечень иностранных государств и территорий, совершающих в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия. Это существенно осложнит возможное судебное разбирательство, а также исполнение решения, если оно будет вынесено.

2. Полностью вернуть стоимость круиза невозможно, так как поломка произошла на 14-й день круиза, а в предыдущие дни круиз проходил по запланированному маршруту. Данный принцип отражен и в российском законодательстве, в частности, в статье 782 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которой заказчик вправе отказаться от исполнения договора возмездного оказания услуг при условии оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов.

Рассмотрим другие случаи конфликтов пассажиров круизных лайнеров с круизными компаниями.

1. Круизный лайнер Queen Mary 2, 2006 г. Маршрут круизного лайнера был изменен в связи

с повреждением одного из двигателей судна, что привело к замедлению скорости судна³. Круизной компанией были отменены остановки на Барбадосе, Сент-Китсе и в Сальвадоре. Пассажирам было предложено возмещение половины стоимости круиза, однако туристов это не устроило, часть из них устроили забастовку, отказавшись покинуть судно по прибытии в Рио-де-Жанейро, а коллективный иск подписали 200 пассажиров.

В данном случае мы видим явное стремление круизной компании к мирному урегулированию спора посредством возврата пассажирам половины стоимости оплаченного круиза, к тому же смена маршрута была обусловлена технической поломкой судна, которая могла угрожать безопасности туристов.

2. Круизный лайнер Norwegian Spirit, 2019 г. Маршрут судна был изменен в связи с невозможностью пришвартоваться в Гавре (Франция) и Амстердаме (Нидерланды) вследствие сильных штормов. Заранее согласованные в маршруте остановки были заменены, однако в новых точках судну также было отказано в швартовке⁴.

За время, пока судно дрейфовало в море, еда испортилась, а канализационная система оказалась переполнена и вышла из строя.

Круизная компания Norwegian Cruise Line предложила в качестве компенсации 25-процентную скидку на покупку следующего круиза, что вызвало негативную реакцию пассажиров, устроивших забастовку с требованием выплаты компенсации в полном объеме. Реакцией на действия пассажиров со стороны экипажа судна стало отключение интернета, а также изъятие паспортов у нескольких пассажиров.

В данном случае попытки круизной компании предоставить компенсацию пассажирам в виде скидки на следующее путешествие представляются некорректными, так как в данном случае для того, чтобы получить компенсацию, туристам необходимо приобрести новый туристический продукт.

¹ Опубликовано видео с туристкой, застрявшей в круизе в Антарктиду. – URL: <https://ria.ru/20241129/antarktida-1986426810.html?in=t> (дата обращения: 01.07.2025).

² Swan Hellenic урегулировала конфликт с россиянами на круизе в Антарктиду. – URL: <https://ria.ru/20241129/kruiz-1986467517.html> (дата обращения: 01.07.2025).

³ Пассажиры Queen Mary 2 подали в суд на круизную компанию. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/988948> (дата обращения: 01.07.2025).

⁴ Пассажиры застряли на круизном лайнере и подняли бунт. – URL: https://lenta.ru/news/2019/10/09/buntnakorable/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 01.07.2025).

Вместе с тем полагаем, что круизные компании также должны предоставлять туристам как минимум два варианта на выбор, один из которых должен включать в себя возврат денежных средств в той или иной форме, так как сертификат на очередное путешествие не сможет покрыть текущие убытки туристов ввиду высокой стоимости круизов и отсутствия возможности приобрести дорогостоящий тур даже с учетом предоставления существенной скидки.

Предложенный способ мирного (досудебного) урегулирования спора должен быть выгоден обеим сторонам, в противном случае другая сторона

в судебном процессе может использовать это как аргумент в свою пользу, указав, что предложение оппонента по урегулированию спора было номинальным и не имело цели реального решения конфликта.

Неправильный выбор стратегии поведения в подобном конфликте для каждой из сторон может повлечь негативные последствия: для туриста это потеря времени и денег на судебные разбирательства с иностранной компанией с сомнительными перспективами на положительный исход и фактическим исполнением судебного акта, а для круизной компании – репутационные потери.

Список литературы

1. *Афанасьева А. В.* Круизный туризм в Антарктике: состояние и актуальные тренды // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2021. – Т. 15. – № 3. – С. 126–148.
2. *Ефремова В. С.* Зарубежный опыт развития круизного туризма в современных условиях на примере Европейского Союза // Инновационные технологии в сервисе : сборник материалов IV Международной научно-практической конференции / под ред. А. Е. Карлика. – СПб., 2015. – С. 289–291.
3. *Кадомцева А. Е., Цветкова Ю. С.* Некоторые вопросы необходимости унификации договорных норм, регулирующих полярный туризм и круизное судоходство // Океанский менеджмент. – 2022. – № 3 (17). – С. 20–22.
4. *Соловьева А. С., Митрофанова А. В.* Анализ и перспективы развития экспедиционного круизного туризма в России // Туристско-рекреационный потенциал и особенности развития туризма и сервиса : материалы Всероссийской межвузовской научно-практической конференции студентов и аспирантов. – Калининград : Высшая школа гостеприимства Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, 2022. – С. 62–67.
5. *Zhilenko V. Yu.* Sea Cruise Tourism in Specially Protected Natural Areas of Arctic // Service and Tourism: Current Challenges. – 2021. – Vol. 15. – No. 3. – P. 149–156.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2025-2-198-204>

Разграничение публичного и частного права как фактор межгосударственной интеграции

К. И. Налетов

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова;
ведущий научный сотрудник лаборатории правовых исследований новых форм
межгосударственного сотрудничества и интеграции,
ведущий научный сотрудник
Центра международного права и сравнительно-правовых исследований
ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации».
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36;
ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации»,
117218, Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34.
E-mail: Naletov.KI@rea.ru

Differentiation of Public and Private Law as a Factor of Interstate Integration

K. I. Naletov

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE;
Leading Researcher at the Laboratory of Legal Research
on New Forms of Interstate Cooperation and Integration,
Leading Researcher at the Center for International Law and Comparative Legal Studies
of Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.
Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation;
Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
44 B.Cheremushkinskaya Street, 117218, Moscow, Russian Federation.
E-mail: Naletov.KI@rea.ru

Поступила 25.04.2025 Принята к печати 10.05.2025

Аннотация

Статья посвящена проблеме разграничения публичного и частного права, а также критериев разделения права на отрасли. Автор предлагает придерживаться подхода о разделении права и так называемого позитивного права – законодательства. Также в статье обосновывается значимость частного права для межгосударственной интеграции. Особенность современной роли государства состоит в том, что она преодолела «маятниковое» движение от максимального дистанцирования от частных дел до высокого уровня огосударствления экономики. Происходит своего рода диффузия государства и юридического лица – первое все активнее участвует в предпринимательской деятельности, а второе все чаще обретает государственно-властные полномочия. При этом суверенное государство обладает юрисдикционным иммунитетом от судебного преследования, от обеспечения исковых требований к нему и от исполнения вступившего в законную силу судебного решения, вынесенного против него, а также защитой от национализации своего имущества, чего нет у частных лиц. Институт принудительного прекращения государством права собственности частного лица позволяет понять значимость частного права для межгосударственной интеграции: с одной стороны, национализация государственного имущества невозможна, но с другой – стоит государству передать имущество учрежденному им юридическому лицу, и имущество утрачивает защиту.

Ключевые слова: публичное право, частное право, гражданское право, гражданское законодательство, интеграция, экспроприация, национализация, юрисдикционные иммунитеты.

Abstract

The article is devoted to the problem of distinguishing public and private law, as well as criteria for dividing law into branches. The author suggests following the approach of separation of law and the so-called "positive law" – legislation. The article also substantiates the importance of private law for interstate integration. The peculiarity of the modern role of the state is that it has overcome the "pendulum" movement from maximum distancing from private affairs to a high level of nationalization of the economy. A kind of diffusion of the state and a legal entity is taking place – the former is increasingly involved in entrepreneurial activities, while the latter are gaining state authority. At the same time, sovereign States have jurisdictional immunity from prosecution, from enforcement of claims against them, and from the enforcement of a court decision that has entered into force against them, as well as protection from nationalization of their property, which private individuals do not have. The institution of compulsory termination by the state of a private person's property right makes it possible to understand the importance of private law for interstate integration. On the one hand, nationalization of state property is impossible, but on the other hand, if the state transfers property to a legal entity it has established, the property loses protection.

Keywords: public law, private law, civil law, civil law, integration, expropriation, nationalization, jurisdictional immunities.

Разделение публичного и частного права является основной, наиболее универсальной классификацией всех правовых явлений. Разграничение права и законодательства, напротив является относительным новшеством в области теории права. Роль государства в этом смысле экзистенциальна – именно государственно-властный характер регулируемых отношений (п. 3 ст.2 Гражданского Кодекса Российской Федерации¹), является, пожалуй, единственным безусловным² признаком нахождения их вне сферы действия норм частного права.

Политическая воля и культурно-цивилизационная общность населения являются значимыми факторами межгосударственной интеграции [13]. Однако в случае, например, с БРИКС можно говорить только об общей политической воле, поскольку БРИКС объединяет совершенно разные государства [12]. О единой политической воле государств – участников БРИКС можно говорить с определенной долей условности: общеизвестно противостояние КНР и Индии как государств – участников БРИКС; политическими противниками являются Эфиопия и Египет, два других государства – участника БРИКС. Именно поэтому в рамках БРИКС нельзя забывать о международных связях в горизонтальной плоскости – между частными лицами, на микро-

экономическом уровне. Их наличие позволяет поддерживать необходимые контакты как в условиях практически полного отсутствия политического диалога между государствами, так и в тех областях общественных отношений, которые находятся на тот или иной момент вне сферы предметного интереса государства. Тем более что само государство все чаще выступает в качестве субъекта частного права. Государственное регулирование шире правового по объему, поскольку предполагает использование неправовых методов воздействия на поведение субъектов³. Например, такая мера, как осуществление центральными банками валютных интервенций в целях поддержки обменного курса соответствующей национальной валюты не является правовым способом государственного регулирования,

³ Другую точку зрения высказывает Н. А. Пьянов, указывая на существование правового регулирования в догосударственном обществе и на наличие негосударственных правовых систем. Как он считает, это является неопровержимым доказательством того, что правовое регулирование не сводится к государственному и что понятие «правовое регулирование» по своему объему шире понятия «государственное регулирование» [9. – С. 64]. Если с первым доводом Н. А. Пьянова можно согласиться (общины, представлявшие собой протогосударственные образования, имели аппарат принуждения), то вопрос о наличии негосударственных правовых систем является дискуссионным. И очевидно, что существующие негосударственные правовые системы все же вторичны по отношению к государственной, так как в конечном итоге основаны на ней и не способны функционировать вне государства. А то, что государство способно регулировать отношения и вне права – бесспорно.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301.

² О. А. Красавчиков еще в советские годы указывал на то, что диспозитивность не является «эндемиком» гражданского права [3. – С. 43].

поскольку не устанавливает правила закупки валюты, а представляет собой практическое действие [6; 7]. Спорна природа своп-соглашений, которые заключаются между банками – субъектами гражданского права или между центральным банком и другими банками с целью регулирования валютной системы – целью, которая является публично-правовой [8].

Роль государства в обществах участников БРИКС традиционно высока. Новой тенденцией является то, что государства все активнее участвуют в отношениях, регулируемых частным правом не напрямую, но через своего рода «ушебти»¹, будь то государственные унитарные предприятия, государственные корпорации или акционерные общества с участием публично-правовых образований или лица, связанные с государством договорными обязательствами. Уникальность современной роли государства в том, что если ранее его участие в частноправовых отношениях можно было представить в виде яванского театра теней (ваянг-кулит), где плохие персонажи появляются строго с левой, а хорошие – строго с правой стороны, или в виде баллийского танца «Баронг», основанного на индуистской космогонической концепции «рва бхинедда» – вечной борьбы Баронга и ведьмы Рангды, в ходе которой последняя постоянно гибнет, но воплощается вновь в себя саму через цепь перерождений.

На современном этапе эта сансара² если не завершилась, то сильно изменилась – *роль государства начала трансформироваться. Оно все активнее участвует в предпринимательской деятельности, а его стихийные антагонисты – частные лица – получают государственно-властные полномочия.* Таким образом, современный мир – конвергенция анархо-капитализма и этатистских идей, сравнительно мирное сосуществование которых как нельзя лучше иллюстрирует парадокс Платона, заключающийся в том, что полная свобода переходит в

конце концов в тиранию сильных над слабыми. На практике функционирование частнособственных структур, конечно, возможно и на принципах холакратии: децентрализация власти, замена авторитарного лидерства авторитарностью роли каждого; объединение работников в так называемые круги, участники которых принимают на себя определенные роли в зависимости от компетенций. При этом в структуре существуют единые корпоративные правила, ее сотрудники имеют равные права и обязанности. Однако уже для крупных компаний, основанных на частной форме собственности, отсутствие иерархии означало возникновение хаоса, многократное увеличение числа конфликтов и споров, которые в конечном итоге будет разрешать руководитель, невольно получая властные полномочия.

Как отмечает М. Г. Мехтиев, «...встал вопрос о пересмотре как роли государства в функционировании внутренних рынков, так и роли государств и межгосударственных объединений в координации экономических потенциалов стран. Для достижения баланса этих целей требуется усиление роли государств и их объединений в функционировании уже сформировавшихся мировых рынков» [5].

Итак, государство внедряется в сферу деятельности частных компаний, а компании получают полномочия, ранее находившиеся в исключительной сфере компетенции государства.

При этом государство обладает юрисдикционным иммунитетом, который, конечно, подвергается определенной «эрозии» – в России вот уже 10 лет действует Федеральный закон от 3 ноября 2015 г. № 297-ФЗ «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации»³, в основе которого лежит принцип функционального юрисдикционного иммунитета – исключения из сферы иммунитета действий, не являющихся действиями государственно-властного характера. Тем не менее многочисленные исключения не отменяют главного – наличия у государства иммунитета от обеспечения иска, от привлечения в качестве стороны судебного разбирательства, от исполнения судебного решения, тогда как *частные лица, наделенные государственно-властными полномочиями, в отличие от государства не пользуются юрисдикцион-*

¹ В Древнем Египте (Среднее Царство) размещенные в могиле статуэтки выполняли обязанности умершего, в частности, на работах на загробных полях Осириса. Небезынтересно и то, что наиболее распространенным переводом слова «ушебти» является слово «ответчик» или «кормилец» [1. – С. 473].

² В древнеиндийской и ранней буддистской мифологии – круговорот рождения и смерти, выход из которого возможен путем достижения «мокши» или «нирваны».

³ Российская газета. – 06.11.2015. – N 251.

ными иммунитетами. Если в отношении государства действует правило, согласно которому при решении вопроса о том, связана ли сделка, совершенная иностранным государством, с осуществлением его суверенных властных полномочий, суд принимает во внимание характер и цель такой сделки (п. 4 ст. 7 Федерального закона «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации»), то в отношении субъектов частного права, реализующих государственно-властные полномочия, такого правила нет.

Ограничена и возможность национализации имущества иностранного государства. Статья 32 Хартии Экономических прав и обязанностей государств запрещает государствам применять в отношении другого государства экономические, политические или любые иные меры принудительного характера, направленные как на ущемление его суверенных прав, так и на извлечение из этого какой-либо выгоды, а равно запрещает государствам поощрять применение таких мер. Еще более широкий подход демонстрирует Третий принцип Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (принята 24.10.1970 Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-ем пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН)¹, который запрещает государству применять и поощрять применение не только экономических и политических мер, но и мер любого иного характера, не только направленных на ущемление суверенных прав другого государства, но и осуществляемых с целью подчинения себе его в осуществлении им своих суверенных прав и получения от этого любых преимуществ, а не только выгоды. Аналогичное правило содержит пункт 2 Декларации о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета (принята 21.12.1965 Резолюцией 2131 (XX) на 20-ой сессии Генеральной Ас-

самблеи ООН)². Следует, правда, подчеркнуть, что запрет на национализацию имущества иностранного государства обусловлен ее направленностью на ущемление суверенитета этого государства и получением экспроприирующим государством благ, выгод и (или) преимуществ. Современные государства легко могут «преодолеть» данные условия, указав, что имущество использовалось иностранным государством для осуществления не суверенных функций (*iure imperii*), но функций по извлечению дохода (*iure gestionis*), а также на то, что оно, как экспроприирующее государство, преследует исключительно цели государственно-властного, публичного характера. В качестве примера можно привести Акт ЮАР «Об экспроприации» № 13 2024 г. (The Expropriation Act)³: в параграфе 3 статьи 12 предусматривается возможность «нулевой» компенсации, если она проводится в «публичном интересе», который определяется как «приверженность народа земельной реформе и реформам, направленным на достижение равного доступа ко всем природным ресурсам Южной Африки с тем, чтобы компенсировать результаты действия прежних законов и практик, основанных на расовой дискриминации» (параграф 1 статьи 1 Акта ЮАР «Об экспроприации» 2024 г.).

Имущество же частного лица может быть экспроприировано; предпринимаются даже робкие попытки легализовать безвозмездную экспроприацию вне международного права и конституционного запрета (как тот же Акт ЮАР «Об экспроприации» 2024 г.).

Классик английского права XIX в. Альберт Венн Дэйси выражал обеспокоенность передачей властных полномочий по конфискации имущества от судов органам исполнительной власти,

¹ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 24.06.2025).

² Декларации о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/inadmissibility_of_intervention.shtml (дата обращения: 24.06.2025).

³ Акт ЮАР № 13 «Об экспроприации имущества для общественных целей или в общественных интересах; регулировании процедуры экспроприации имущества для публичных целей или в публичных интересах, включая выплату компенсации; определении случаев справедливости нулевой компенсации при экспроприации имущества в публичных интересах и об отмене Акта об экспроприации 1975 года (Закон № 63 от 1975 года); и урегулировании связанных с этим вопросов» // Government Gazette. – 24 January 2025. – Vol. 715. – No 51964.

которые, в отличие от судов, не будут связаны процессуальными нормами и нормами судейской этики [11]. Очевидно, что передача властных полномочий частным лицам повлечет тектонические последствия. Экспроприация, проведенная частным лицом, даже действующим от имени государства, напоминает государственно-властный акт уже в меньшей степени, а учитывая существование в данной схеме договора между экспроприирующим органом и собственником экспроприируемого имущества) и встречного представления (выплаты компенсации), легко может быть квалифицирована судами (особенно третейскими) как частноправовая сделка и еще легче оспорена. С другой стороны, гарантии данные собственникам экспроприируемого имущества нормами международного права и национального законодательства, сконструированы так, чтобы противодействовать недобросовестным действиям именно государства. Очевидно, что в новых условиях они практически перестанут работать.

Именно пример института принудительного прекращения государством права собственности частного лица позволяет понять значимость частного права для межгосударственной интеграции. Именно институт национализации¹ является квинтэссенцией примата публичного права над частным и государственного суверенитета над правом собственности, начало которому было положено в Средние века, когда из *dominium*'a (власти собственника над вещами и зависимыми людьми) выделился *imperium* (право на территорию, прямо проистекавшее из власти повелевать) [14].

В России национализация отнесена к категории институтов гражданского законодательства, тогда как во всем мире это институт публичного права (административного либо конституционного законодательства). Тем не менее признается наличие в нем частноправовых элементов – любой нормативный акт о национализации предполагает: а) заключение договора, б) судебную процедуру, в) выплату встречного представления. Эти элементы очевидно частноправового происхождения. Неоднозначна и роль частного права в межгосударственной интеграции – с одной стороны, национализация государственного имущества невозможна, но с другой – стоит государству пере-

дать имущество учрежденному им юридическому лицу, и имущество утрачивает защиту.

По мнению автора данной статьи, необходимо разделять право и законодательство в широком смысле этого слова (позитивное право). Эти две категории соотносятся: а) как часть и целое, б) как форма и содержание. Применительно к вопросу о соотношении гражданского и частного права можно утверждать, что гражданское законодательство является основной частью частного права и одновременно основной формой его существования. Что же касается понятия «гражданское право», то это искусственно обособленная часть частного права как содержания. В этой связи акты одной отрасли законодательства вполне могут содержать в себе как частноправовые, так и публично-правовые нормы.

А. С. Лалетина высказывает следующий взгляд на разграничение публичного и частного права: по ее мнению, оно исторически проводится на основании субъектного состава правовых отношений, в то время как для отнесения отношений к гражданско-правовым этот критерий не является существенным, это разделение исходит из сущности отношений, складывающихся между субъектами права [4]. Данная концепция вызывает определенные возражения: действительно, формула Ульпиана сосредоточена на субъектах права, однако в отношении государства в данном Ульпианом Домицием определении употребляется не понятие «польза» (*utilitatem*), как в отношении частных лиц, но понятие «положение» (*statum*)². Представляется, что это указывает в большей степени на сущность отношений: буквально государство занимает определенное положение, тогда как частные лица обладают интересами или «пользой». Кроме того, как раз исторически критерий разграничения публичного и частного права претерпел значительные изменения.

Если в период римского права «регулирование сферы права частных лиц» [10] происходило именно через его субъект (т. е. субъект правового регулирования служил критерием разграничения публичного и частного права), то на следующем этапе развития критерием разграничения стал уже характер частноправовых отношений –

¹ По мнению автора данной статьи, строгое разграничение терминов «экспроприация», «национализация», «конфискация» утратило универсальное значение.

² *Publicum ius est quod ad statum rei romanae spectat, privatum quod ad singulorum utilitatem* (D. 1.1.1.2.). – Публичное право есть то, которое относится к положению римского государства; частное – к пользе отдельных лиц.

имущественный или неимущественный. Например, Ф. Регельсбергер пишет о том, что государство подчиняется в своих имущественных отношениях во всем существенном тем же нормам права, как и частные лица, и один и тот же субъект может состоять и в публично-правовых и в гражданско-правовых отношениях [10]. Наконец современный критерий состоит в том, что частноправовые отношения, регулируемые гражданским законодательством, должны характеризоваться как основанные на равенстве участников, на автономии воли сторон правоотношения и свободы усмотрения и беспрепятственного осуществления гражданских прав, на недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, при этом их субъектный состав и имущественный характер вторичны.

Весьма характерно предложение А. А. Иванова об изменении предмета регулирования гражданского законодательства в целях включения в них отношений, возникающих в социальных сетях, – в него должны входить, помимо имущественных, «...основанные на началах равенства

неимущественные отношения независимо от того, неразрывно они связаны с личностью или нет» [2]. То есть первичен уже характер регулируемых отношений.

В условиях смешения правового статуса государства и частных лиц представляется важной не задача определить место принудительного прекращения государством права собственности частного лица в системе права интегрирующихся государств (хотя это также важно, учитывая существование принципа взаимности в международном праве), но задача предложить его общие принципы на уровне международного права с учетом новых условий.

Относительная автономность права в кругу других социальных явлений, помноженная на его общеобязательный и принудительный характер, и ориентация частного права на отношения, не являющиеся государственно-властными, могут стать единственным фактором, способным преодолеть политические разногласия государств – членов БРИКС.

Список литературы

1. Григорьева М. Д. Похоронные ритуалы Древнего Египта // Переломные моменты истории: люди, события, исследования : Материалы международной научной конференции, посвященной 350-летию со дня рождения Петра Великого : в 3 т. – Санкт-Петербург, 01 апреля 2022 года. – Т. 2. – СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2022. – С. 469–474.
2. Иванов А. А. О понятии «социальная сеть» и правоотношениях в ней // Закон. – 2023. – № 3. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=149098#ib713pU1a7Z0ze62> (дата обращения: 24.06.2025).
3. Красавчиков О. А. Диспозитивность в гражданско-правовом регулировании // Избранные труды : в 2 т. – Т. 1. – М. : Статут, 2005. – С. 57–70.
4. Лалетина А. С. Правовой режим газопроводов как объектов предпринимательского права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2011.
5. Мехтиев М. Г. Защита социальных и экономических прав в условиях интеграционных процессов // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28. – № 2. – С. 148–149.
6. Мехтиев М. Г. Передача полномочий центральных банков в области обеспечения финансовой стабильности международным финансовым институтам // Национальное и универсальное в праве: от традиций к постмодернизму : сборник материалов VII Международного конгресса сравнительного правоведения, Москва, 01–02 декабря 2017 г. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения, 2018. – С. 251–253.
7. Мехтиев М. Г. Правовой статус центральных банков: сравнительное исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2024. – Т. 20. – № 3. – С. 26–36.
8. Мехтиев М. Г. Регулирование своп-соглашений Федеральной резервной системы США с другими центральными банками в рамках международных финансовых механизмов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2016. – № 5 (60). – С. 37–43.
9. Пьянов Н. А. Государственное регулирование как самостоятельная научная проблема // Журнал российского права. – 2012. – № 5 (185). – С. 60–67.

10. *Регельсбергер Ф.* Общее учение о праве / под ред. Ю. С. Гамбарова; пер. И. А. Базанова. – М. : Т-во И. Д. Сытина, 1897.
11. Современные концепции верховенства права и правового государства: сравнительно-правовое исследование / Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер, С. В. Чиркин [и др.]. – М. : Норма : Инфра-М, 2023.
12. Феномен регионализма в условиях современных вызовов / А. Я. Капустин, В. Р. Авхадеев, Я. Н. Аду [и др.]. – М. : Норма : Инфра-М, 2024.
13. *Шулятьев И. А., Берг Л. А.* Регионализация международного торгового права // Международный правовой курьер. – 2023. – № 2. – С. 69–74.
14. *Burns J. H.* Fortescue and the Political Theory of Dominion // *The Historical Journal*. – 1985. – Vol. 28 (4). – P. 777–797.

Политический режим и международное право: зависимость характера имплементации норм

М. М. Вахтин

младший юрисконсульт ООО «Стелфорт».

Адрес: ООО «Стелфорт»,

119017, Москва, Пятницкая ул., д. 37.

E-mail: dorzhelod@mail.ru

Political Regime and International Law: the Dependence of the Nature of the Implementation of Norms

M. M. Vakhtin

Junior Legal Adviser, Stelfort LLC.

Address: Stelfort LLC,

37 Pyatnitskaya Str., Moscow, 119017, Russian Federation.

E-mail: dorzhelod@mail.ru

Поступила 14.04.2025 Принята к печати 29.04.2025

Аннотация

В настоящей статье рассматривается взаимосвязь таких элементов, как политический режим государства и выполнение международно-правовых норм. Работа основывается прежде всего на анализе различных типов политических режимов, их институциональных характеристик и практик взаимодействия с международно-правовыми обязательствами. Особое внимание уделяется механизмам адаптации вышеназванных принципов в зависимости от уровня демократизации, авторитаризма и гибридных (восходящих от ранее названных) политических режимов. Исследование намерено подтвердить первоначальную гипотезу о том, что именно система государственного управления оказывает непосредственное влияние на скорость, полноту, эффективность реализации и исполнения правовых норм международного сообщества в национальные правовые системы. Также проводится сравнительный анализ режимов моделей власти, выявляются существенные различия в механизмах признания и выполнения правовой нагрузки, возникающей в контексте реализации международных соглашений. Кроме того, для более подробного освещения темы рассматриваются примеры из практики межнациональных организаций (таких как Организация Объединенных Наций, Совет Европы и др.); анализируется то, как нормы применяются в различных политических ситуациях; приводится статистика независимых исследовательских центров. Результаты показывают, что демократические режимы, как правило, ориентированы на полное и прозрачное выполнение международных обязательств, в то время как автократии и государства с гибридным режимом правления пользуются избирательным и стратегическим подходом. Проведенное исследование подчеркивает не только определенную важность учета политических факторов для разработки и реализации международных норм, но и необходимость адаптации механизмов реализации к различным политическим режимам.

Ключевые слова: международное право, политический режим, имплементация норм, международные организации, правосубъектность.

Abstract

This scientific article examines the relationship between such elements as the political regime of a state and the implementation of international legal norms. It is based primarily on the analysis of different types of political regimes, their institutional characteristics and practices of interaction with international legal obligations. Particular attention is paid to the mechanisms of adaptation of the above-mentioned principles depending on the level of democratisation, authoritarianisation and hybrid (ascending from the previously named) political regimes. The study intends to confirm the initial hypothesis that it is the system of public administration that has a direct impact on the speed, completeness, efficiency of implementation and enforcement of legal norms of the international community into national legal systems. Also, a comparative analysis of the regimes of power models is conducted, identifying significant differences in the mechanisms of recognition and implementation of the legal

burden arising from international agreements. In addition, to illustrate the topic in more detail, examples from the practice of inter-national organisations (such as the United Nations, the Council of Europe, etc.) and analyses how the norms are applied in different political situations are examined, and statistics from independent research centres are provided. The results show that democratic regimes tend to be oriented towards full and transparent implementation of international commitments. Whereas autocracies and hybrid states tend to be selective and strategic in their approach. As a result, the research highlights the importance of taking into account political factors for the development and implementation of international norms, as well as the need to adapt implementation mechanisms to different political regimes.

Ключевые слова: international law, political regime, implementation of norms, international organisations, legal personality.

Справедливым будет утверждение о том, что международное право, являясь совокупностью универсальных норм и принципов, в конечном итоге регулирует отношения между государствами. Будучи продуктом деятельности государств, оно само оказывает существенное влияние на развитие национальных правовых систем не только напрямую, но и выступая в качестве модели или правового обычая (например, это справедливо в отношении нератифицированных государством международных договоров) [5].

Однако степень эффективности применения данных норм в различных государствах существенно различается. Такое разнообразие можно объяснить не только различием в уровне правосознания субъектов права, но и зависимостью от существующих в странах политических структур и режимов.

На практике характеристики власти, методы принятия властных решений и взаимодействие властных институтов оказывают существенное влияние не только на степень, но и форму воплощения международных обязательств в национальном правовом порядке [7]. Это необходимо понимать потому, что взаимосвязь формы правления и процесса имплементации международных норм имеет ключевое значение для эффективного функционирования правового порядка.

В условиях глобализации определение закономерностей в этой сфере важно для создания механизмов более эффективного управления и прогнозирования поведения государств на международной арене.

Целью данной статьи выступает исследование зависимости характера мер и норм от политических режимов, анализ факторов, определяющих данный процесс, а также выявление механизмов, с помощью которых различные типы власти влияют на адаптацию международных норм.

Для достижения данной цели автор ставит несколько задач:

- изучение теоретических основ взаимодействия политических режимов и международного права;
- изучение факторов, влияющих на процесс адаптации норм в различных типах политических режимов, с акцентом на выявлении их уникальных характеристик и отличий в условиях различных форм правления;
- сравнительный анализ в контексте демократических, авторитарных и гибридных режимов.

Методологическую основу исследования составил диалектический метод познания социально-правовых явлений. Кроме того, в работе использовались:

- логический метод (при изложении всего материала, формировании рекомендаций, предложений и выводов);
- метод системного анализа;
- исторический метод.

Данные методы дают возможность решить поставленные задачи по следующим основаниям.

Диалектический метод позволяет всесторонне и глубоко проанализировать динамику изменений, происходящих в правовых системах под воздействием политических режимов, а также выявить противоречия и закономерности, определяющие взаимодействие вышеназванных составляющих.

Логический подход помогает структурировать материал, сформулировать четкие выводы и рекомендации, обеспечить последовательность в изложении материала.

Системный анализ обеспечивает рассмотрение политических режимов и международного права как взаимосвязанных элементов единой

системы. Он обосновывает то, как изменения в одной части влияют на другие элементы.

Исторический способ прослеживает развитие и эволюцию компонентов, позволяя оценить влияние различных событий на современную практику и понять, какой контекст определяет особенности применения норм в современной действительности.

Стоит отметить, что политический строй оказывает существенное влияние на организацию и функционирование правовой системы государства. Например, в России, нормативная база которой основывается на республиканской форме правления, высшие органы государственной власти формируются в большей степени на основе выборности. Это гарантирует демократический характер государственного устройства.

Тем не менее в научном сообществе не утихают споры по поводу точной классификации политической системы в Российской Федерации. В частности, некоторые исследователи отмечают, что данная модель сочетает в себе элементы президентской и парламентской систем, что отражает особенности взаимодействия президента, парламента и правительства [8].

Форма правления также влияет на состав правовой системы и определяет механизм взаимодействия законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти.

При республиканской форме правления, основанной на принципе разделения вышеназванных элементов, каждый обладает определенной степенью полномочий и независимостью, а также вносит вклад в обеспечение прав и свобод граждан.

Типы политических режимов и их влияние на имплементацию международных норм в теоретической литературе представлены в виде классификаций, основанных на степени авторитаризма и демократизма управляющего строя.

Во-первых, как правило, наблюдается высокая степень соответствия между международными обязательствами и внутренним законодательством, что поддерживается механизмами контроля со стороны государственных органов и правозащитных организаций.

Во-вторых, применение подобных обязательств, напротив, ограничивается политической целесообразностью: они не выполняются либо исполняются частично.

Гибридные режимы, вобравшие в себя как демократические, так и авторитарные элементы, характеризуются нестабильным и непоследова-

тельным подходом к реализации международных норм. К примеру, эти нормы могут реализовываться в ограниченном объеме, чтобы удовлетворить внешние экономические и политические интересы. Однако их эффективность может быть значительно снижена из-за внутренних ограничений и отсутствия полноценных властных институтов.

Различные подходы предлагают разные взгляды на взаимодействие норм права и власти, принимая во внимание особенности двух указанных режимов. Рассмотрим некоторые из них более подробно.

Согласно принципу дуализма, международное и национальное право можно рассматривать как два независимых и параллельных института. В данной модели первое не может стать частью второй без специальной трансформации. Таким образом, исполнение соглашений зависит от воли национального законодательного органа и политической воли правящего режима. В странах-автократиях процесс подобной имплементации затруднен и в какой-то степени избирателен [3].

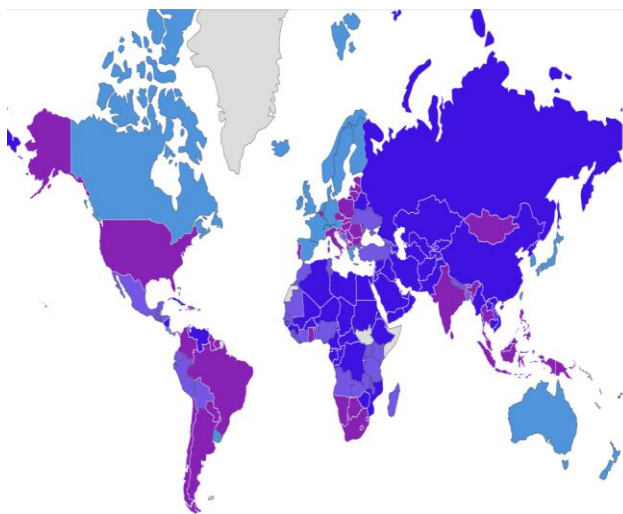
Его противоположностью является теория монизма, по которой оба структурных элемента образуют единую систему. Согласно данной концепции, международные нормы автоматически становятся частью национального права без необходимости проведения дополнительных процедур [9].

Интеграционная теория предполагает, что и международные, и национальные законы взаимодействуют друг с другом, что приводит к их постепенной интеграции. В этой модели имплементация международных норм рассматривается как процесс, в ходе которого местное законодательство трансформируется под международные стандарты, а оба элемента учитывают особенности друг друга.

Плюрализм видит вышеназванные системы как отдельные, где каждая сохраняет для себя определенную степень автономии. Здесь адаптация международного права основана на координации обязательств и национальных традиций [4].

В дальнейшем в исследовании будет использован рейтинг Democracy Countries за 2024 год, составленный изданием Economist Intelligence Unit. Индекс оценивает состояние демократии в 167 странах мира за счет отслеживания 60 показателей в пяти различных категориях: избирательный процесс и плюрализм, функционирование правительства, политическое участие и культура, а также гражданские свободы.

Показатели объединяются, чтобы дать каждой категории оценку по шкале от 0 до 10, а оценки по пяти категориям усредняются, чтобы определить общий балл индекса¹.

Классификация стран по политическому режиму в соответствии с рейтингом

Democracy Countries 2024. Темно-фиолетовым выделены страны с авторитарной формой правления, светло-фиолетовым – государства с гибридным режимом. Синим и сиреневым выделены территории с полной или несовершенной демократией²

Для дальнейшего обзора выбраны три страны с самым низким показателем по каждой из категорий режимов.

В демократических странах, таких как Испания, процесс реализации международных норм обычно характеризуется высокой степенью правовой прозрачности, принятием во внимание мнений общественности и наличием независимой судебной власти, которая играет важную роль в интерпретации и применении международных соглашений.

Например, будучи членом Европейского Союза и других международных организаций, Испания активно внедряет международные нормы в свою правовую систему через механизмы трансформации и прямого действия международных соглашений.

Испанская Конституция 1978 года предусматривает соответствие международных договоров, подписанных государством, внутреннему законо-

дательству, что способствует гармонизации национального и международного права.

Т а б л и ц а
Нижние границы значений индекса по странам

Страна	Испания	Парагвай	Афганистан
Значения			
Категория	Совершенная демократия	Несовершенная демократия	Автократия
Индекс	8,07	6	0,26
Гражданские свободы	8,53	7,35	0
Электоральный процесс / Плюрализм	9,58	8,75	0
Функционирование правительства	7,5	5,36	0,07
Политическая культура	7,5	1,88	1,25
Политическое участие	7,22	6,67	0

Напротив, в авторитарных странах, таких как Афганистан, процесс реализации международных норм сталкивается с рядом препятствий, включая ограниченность политических прав и свобод, а также централизованную власть, которая контролирует законодательный процесс.

В таких странах часто наблюдается тенденция к игнорированию или избирательному применению международных норм, особенно в тех областях, которые могут угрожать существующему политическому режиму [10].

Например, в период правления талибов и в более поздние годы Афганистан не всегда исполнял обязательства по международным договорам, таким как Международный пакт о гражданских и политических правах, что вызвало критику со стороны международного сообщества.

Согласно отчетам Human Rights Watch, правительство талибов предпринимает систематические усилия для подавления прав женщин, ограничения свободы выражения мнений и преследования политических оппонентов. Эти действия противоречат международным обязательствам в рамках ООН, что указывает на значительные пробелы правоприменения в стране.

Так, например, в 2022 г. были введены новые ограничения на права женщин, включая запрет на обучение в университетах и запрет на работу в международных гуманитарных организациях. Эти меры стали причиной осуждения со стороны меж-

¹ The Democracy Index // World Population Review. – URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/democracy-countries> (дата обращения: 09.01.2025).

² Democracy Countries // World Population Review. – URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/democracy-countries> (дата обращения: 09.01.2025).

дународных правозащитных организаций, включая ООН и Европейский Союз¹.

Парагвай, несмотря на формально демократическую форму правления, сталкивается с проблемами в области правоприменения. Основными причинами являются слабость государственных институтов и политическая нестабильность. Эти факторы часто ведут к несоответствию между взятыми международными обязательствами и их реальной реализацией. Например, несмотря на подписание ряда договоров в области прав человека, их имплементация остается ограниченной. Главными препятствиями выступают коррупция и недостаточный контроль со стороны государственных органов [1].

В странах с гибридными режимами, сочетающими элементы демократии и авторитаризма, процесс адаптации международных норм осложняется политической неопределенностью и слабостью институциональной системы [2]. Гибридные режимы часто сохраняют внешнюю приверженность международным стандартам, однако их реальное внедрение нередко оказывается затрудненным. Например, политическая нестабильность и ограниченная независимость судебной власти препятствуют эффективной интеграции норм международного права в национальную правовую систему.

Турция представляет собой пример страны, где демократические институты функционируют в условиях значительного усиления авторитарных тенденций. За последние десятилетия концентрация власти в руках исполнительной ветви заметно возросла. Хотя Турция является участником Европейской конвенции по правам человека, фактическое соблюдение ею норм международного права подвергается серьезной критике. Ограничение свободы прессы, политические репрессии и подавление оппозиции демонстрируют сложность адаптации международных обязательств в условиях гибридной политической системы.

В Марокко в рамках конституционной монархии предпринимаются попытки модернизации политической системы. Несмотря на прогресс в проведении реформ, значительная концентрация власти в руках монарха ограничивает политическую конку-

ренцию и затрудняет внедрение международных стандартов, особенно в области прав человека.

Аналогичная ситуация наблюдается в Ливане, где конфессиональная система распределения власти создает дополнительные барьеры для реализации международных норм. Политическая нестабильность, коррупция и внешние вмешательства осложняют их исполнение.

Грузия, несмотря на стремление к интеграции в западные структуры, такие как ЕС и НАТО (несмотря на события декабря 2024 г., курс остается актуален, согласно заявлению руководителя Министерства иностранных дел страны Маки Бочоришвили), также сталкивается с трудностями². Политическая поляризация и ограниченная независимость судебной системы препятствуют полному соблюдению международных стандартов, особенно в сферах верховенства права и прав человека [6].

Эти примеры иллюстрируют общую проблему гибридных режимов: декларация приверженности международным нормам зачастую не сопровождается их полноценной реализацией.

Таким образом, процесс адаптации международных норм зависит от множества факторов, включая политический режим, стабильность государственных институтов и уровень независимости судебной системы. Демократические режимы чаще демонстрируют высокий уровень выполнения международных обязательств, в то время как авторитарные и гибридные системы сталкиваются с многочисленными трудностями.

Для повышения эффективности реализации международных норм в таких странах необходимы реформы, направленные на укрепление государственных институтов, обеспечение независимости судов и повышение уровня гражданского участия.

Важно также развивать международное сотрудничество для создания более устойчивых механизмов имплементации норм вне зависимости от политического режима. Представляется, что это будет способствовать достижению максимального уровня правовой определенности.

¹ Top 10 Human Rights 'Good News' Stories from 2024 // HRW. – URL: <https://www.hrw.org/news/2024/12/19/top-10-human-rights-good-news-stories-2024> (в настоящее время ресурс недоступен).

² Интеграция с ЕС и НАТО остаются для Грузии «важнейшим приоритетом» // EADaily. – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2024/11/26/integraciya-c-es-i-nato-ostayutsya-dlya-gruzii-vazhneyshim-prioritetom> (дата обращения: 16.06.2025).

Список литературы

1. Конституции государств Америки: в 3 т. / Под ред. д. ю. н., проф. Т. Я. Хабриевой. – Т. 3: Южная Америка. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006.
2. Конституции государств Африки и Океании: в 5 т. / А. С. Автономов, А. М. Белялова, Н. М. Касаткина [и др.]. – Т. 4: Западная Африка. – М. : Издательский дом «Юриспруденция», 2021.
3. Курносова Т. И. Понятие и способы имплементации норм международного права в национальное законодательство // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 4 (53). – С. 203–208.
4. Мехтиев М. Г. Защита социальных и экономических прав в условиях интеграционных процессов // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28. – № 2. – С. 136–151.
5. Налетов К. И. Задачи современного международного права в условиях дезинтеграции мирового сообщества // Тенденции развития системы международных отношений и их влияние на управление национальной обороной Российской Федерации. – М. : Издательский дом «УМЦ», 2023. – С. 291–298.
6. Печегин Д. А., Мехтиев М. Г. Право как инструмент социальной справедливости (итоги российско-иранской конференции) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 6 (73). – С. 164–166.
7. Правовые основы иностранных инвестиций в энергетическом комплексе евразийских стран: история и современность / Р. А. Курбанов, Л. Л. Баланюк, Р. М. Аллалыев [и др.]. – М. : Проспект, 2019.
8. Сравнительное конституционное право : монография / Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер, В. В. Лазарев [и др.]. – М. : Норма, 2025.
9. Феномен регионализма в условиях современных вызовов / А. Я. Капустин, В. Р. Авхадеев, Я. Н. Аду [и др.]. – М. : Норма : Инфра-М, 2024.
10. Шульга С. В., Берг Л. А. Североевропейская субрегиональная интеграция: исторические и правовые традиции, условия эффективного сотрудничества, перспективы развития // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2021. – № 3. – С. 43–55.
11. Экономико-правовые концепции национализации: Россия и зарубежный опыт / В. И. Гришин, Р. А. Курбанов, Р. И. Хасбулатов [и др.]. – М. : Проспект, 2019.

**К вопросу о правовых основах и применении бюджетной классификации
в финансово-хозяйственной деятельности таможенных органов
(на примере Центрального таможенного управления)**

А. Е. Сычева

аспирант кафедры административного и таможенного права
Российской таможенной академии.

Адрес: ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»,
140015, Люберцы, Комсомольский пр-т, 4.

E-mail: annaes2017@bk.ru

**On the Issue of the Legal Basis and Application of Budget Classification
in the Financial and Economic Activities of Customs Authorities
(on the Example of the Central Customs Administration)**

A. E. Sycheva

Postgraduate Student of the Department of Administrative and Customs Law
of Russian Customs Academy.

Address: Russian Customs Academy,
4 Komsomolsky Avenue, Lyubertsy, 140015, Russian Federation.

E-mail: annaes2017@bk.ru

Поступила 10.04.2025 Принята к печати 25.04.2025

Аннотация

Работа посвящена анализу правовых основ бюджетной классификации в контексте финансовой деятельности таможенных органов Российской Федерации, в частности Центрального таможенного управления. Предложено авторское определение бюджетной классификации как методологической систематизации доходов, расходов и источников финансирования дефицита бюджетов. Установлено, что существующая система управления бюджетными ресурсами сталкивается с проблемами, связанными с несоответствием классификаторов ведомственным задачам, ошибками в кодировании расходов, а также технической и кадровой недостаточностью. Определено, что частые изменения структуры кодов, отсутствие адаптированных под специфику таможенных операций классификаторов и высокая нагрузка на сотрудников таможенных органов создают риски некорректного распределения средств, снижая прозрачность и эффективность бюджетного процесса. В результате исследования обоснована необходимость внедрения цифровых платформ для автоматизации учета, усиления внутреннего контроля и разработки специализированных методических рекомендаций для таможенных органов. Сделан вывод, что совершенствование нормативной базы, обучение кадров и синхронизация бюджетной классификации с оперативными потребностями Центрального таможенного управления позволят оптимизировать управление государственными финансами и обеспечить соблюдение принципов правовой определенности, прозрачности, результативности, а также повысить качество исполнения расходных полномочий в условиях правового и институционального реформирования.

Ключевые слова: бюджетная классификация, таможенные органы, финансовая политика, управление расходами, бюджетный контроль, Центральное таможенное управление, бюджетное регулирование, бюджетные ассигнования, код классификации расходов, целевая статья расходов, код бюджетной классификации, цифровая платформа, автоматизация учета, финансовый мониторинг, внутренний финансовый контроль.

Abstract

The study is devoted to the analysis of the legal foundations of budget classification in the context of the financial activities of the customs authorities of the Russian Federation, with particular focus on the Central Customs Administration. The author proposes a novel definition of budget classification as a methodological systematization of revenues, expenditures, and sources of financing budget deficits. It has been established that

the current system of budget resource management encounters significant challenges, including the misalignment of classifiers with departmental objectives, errors in expenditure coding, as well as technical and personnel deficiencies. The frequent changes in code structures, the absence of classifiers adapted to the specifics of customs operations, and the excessive workload on customs officials create risks of improper fund allocation, thereby undermining the transparency and efficiency of the budget process. As a result of the research, the necessity of implementing digital platforms for automated accounting, strengthening internal control, and developing specialized methodological guidelines for customs authorities is substantiated. The study concludes that improving the regulatory framework, enhancing staff training, and aligning budget classification with the operational needs of the Central Customs Administration will contribute to the optimization of public financial management and ensure compliance with the principles of legal certainty, transparency, effectiveness, and improved quality in the execution of expenditure powers amid ongoing legal and institutional reforms.

Keywords: budget classification, customs authorities, financial policy, expenditure management, budget control, Central Customs Administration, budget regulation, budget appropriations, expenditure classification code, targeted expenditure item, budget classification code, digital platform, automation of accounting, financial monitoring, internal financial control.

В современной юридической парадигме функционирование таможенных органов акцентируется на разработке и реализации комплексной финансовой политики. Эта политика ориентирована на интеграцию и централизацию управленческих процессов, что включает в себя структурирование единой системы управления финансово-экономической деятельностью таможенных служб. Это предполагает соблюдение регулятивных норм и правил, обеспечивающих устойчивое и эффективное управление государственными финансовыми ресурсами в таможенной сфере [4].

Проанализировав финансовую деятельность таможенных органов Российской Федерации, можно выделить два основных направления, каждое из которых тесно связано с юридическими аспектами бюджетной классификации. Первое направление охватывает формирование доходной части федерального бюджета посредством администрирования таможенных и налоговых поступлений. Второе направление – выделение бюджетных ассигнований и целевых субсидий таможенным органам в рамках финансирования их деятельности.

Часто отмечается, что особенно значимым является первое, фискальное направление деятельности таможенных органов, поскольку его эффективность непосредственно сказывается на объеме доходов, классифицируемых в рамках бюджетной системы страны. Однако не менее важным является и второе направление, благодаря которому обеспечивается (с финансовой точки зрения) возможность функционирования таможенных органов и выполнения должностными лицами их полномочий. Эта зависимость подчеркивает критическую роль правильной реализации финансовой политики, которая должна

способствовать стабилизации экономических и социальных условий в стране через функционирование государственных органов, основываясь на принципах правовой определенности, прозрачности и справедливости [1].

В контексте таможенной системы Российской Федерации Центральное таможенное управление (далее – ЦТУ, Управление) выполняет двойственную функцию: во-первых, является главным распорядителем средств второго уровня в отношении подведомственных таможенных органов, во-вторых, функционирует как получатель бюджетных средств от Федеральной таможенной службы (далее – ФТС России). Эта двойственная роль подчеркивает важность ЦТУ в системе распределения государственных финансовых ресурсов и управления ими в рамках таможенной инфраструктуры.

Актуальность исследования вопросов, связанных со структурой бюджетной классификации, обусловлена необходимостью осуществления контроля за использованием средств федерального бюджета, что является важнейшей задачей совершенствования государственного управления.

В трудах ученых действующее законодательство в сфере бюджетного регулирования часто рассматривается с практической точки зрения (В. П. Багрин, А. Н. Борисов, Е. Ю. Грачева, Д. А. Ендовицкий, Н. А. Залевская, Д. Л. Комягин, Ю. М. Лермонтов, И. М. Лычева, В. А. Молчанова, Л. Б. Мохнаткина, С. Мухин, И. В. Паршина и др.).

Особое внимание при проведении исследования уделено работам, вышедшим из-под пера таких авторов, как О. Ю. Бакаева, С. М. Каранец, В. Д. Лукина, Е. С. Недосекова, М. С. Положенцев, и посвященным бюджетной классификации

и бюджетному процессу в контексте таможенных органов.

Уникальность проведенного исследования заключается в том, что анализ правовых источников, регулирующих вопросы применения бюджетной классификации ЦТУ, представляет собой исследование не только теоретического аспекта, но и практического. Такой подход способствует лучшему пониманию взаимосвязей между правовыми нормами и финансовой деятельностью таможенных органов. При этом предлагается усовершенствование законодательства в сфере бюджетного процесса.

Цель данного исследования: на основе анализа правовых основ бюджетной классификации и правоприменительной практики выявить влияние на финансово-хозяйственную деятельность Управления и оптимизировать применение бюджетной классификации для повышения эффективности расходования бюджетных средств таможенными органами.

Бюджетная классификация Российской Федерации разрабатывается на основе научно-обоснованной методологии, предусматривающей обязательную категоризацию доходов и расходов бюджетов всех уровней в соответствии с унифицированными и однородными критериями. Данная классификация имплементируется через систему кодирования, что обеспечивает сопоставимость бюджетных показателей по всем уровням управления, способствуя таким образом улучшению аналитической работы и повышению прозрачности бюджетного процесса в целом [3].

Термин «бюджетная классификация» как финансово-правовая категория был интегрирован в доктрину финансового права и находит свое активное применение в практике бюджетного управления. Бюджетная классификация обеспечивает систематизацию доходов и расходов бюджета по отдельным категориям, основываясь на ключевых, стабильных атрибутах их сходства и различия, что способствует повышению прозрачности и эффективности бюджетного процесса.

Авторская позиция заключается в том, что бюджетная классификация Российской Федерации определяется как методологически обоснованная систематизация доходов, расходов и источников финансирования дефицитов бюджетов всех уровней бюджетной системы страны.

Исходя из определения бюджетной классификации можно сделать вывод, что это фундаментальная финансово-правовая категория, опреде-

ляемая как систематизированный подход к учету и распределению бюджетных средств, основанная на многоуровневой классификации доходов, расходов и источников финансирования дефицита бюджетов. Классификация представляет собой структурированный набор кодов, используемых для детализации финансовых потоков в рамках бюджетного процесса, начиная от планирования и заканчивая исполнением бюджета, а также последующего бюджетного учета и отчетности.

В соответствии со статьей 19 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ) состав бюджетной классификации представляет собой комплексную систему, систематизированную по следующим категориям¹.

1. Классификация доходов бюджетов – раздел, включающий детализацию исходных финансовых ресурсов государства, распределяемых по различным источникам и типам доходов, что позволяет обеспечить прозрачность и контролируемость государственных поступлений.

2. Классификация расходов бюджетов – раздел, описывающий структурированное распределение бюджетных средств по функциональным направлениям и задачам, что способствует целенаправленному и эффективному использованию финансовых ресурсов на социально значимые и экономические нужды.

3. Классификация источников финансирования дефицитов бюджетов включает в себя методы и механизмы покрытия бюджетных дефицитов через внутренние или внешние заимствования.

4. Классификация операций публично-правовых образований предоставляет рамки для учета и контроля за финансовыми операциями, выполненными государственными и муниципальными учреждениями, в целях поддержания порядка и дисциплины в управлении публичными средствами.

Классификация расходов бюджета является одним из ключевых инструментов систематизации бюджетных ассигнований по всем уровням, что способствует целенаправленному распределению финансовых ресурсов для выполнения структурными подразделениями аппарата

¹ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145 – ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Официальный портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102054721> (дата обращения: 30.06.2025).

Управления их основных функций и решения актуальных социально-экономических задач [3].

Как отмечает И. В. Паршина, ключевым требованием к бюджетной классификации выступает четкость и ясность группировок. При этом в основе классификации должны быть структурно обоснованные показатели, отражающие территориальные, ведомственные и социально-экономические особенности осуществления расходов бюджета [5].

Регламентация применения бюджетной классификации в 2025 г. осуществляется в соответствии с Приказом Министерства финансов Российской Федерации от 15 апреля 2024 г. № 44н «О Порядке формирования и применения кодов бюджетной классификации Российской Федерации, их структуре и принципах назначения»¹.

ЦТУ осуществляет свою деятельность в соответствии с Общим положением о региональном таможенном управлении². Следует отметить, что в соответствии с Общероссийским классификатором видов экономической деятельности (далее – ОКВЭД) деятельность Управления отнесена к коду 84.11.4 «Управление финансовой деятельностью и деятельностью в сфере налогообложения». Указанная классификационная позиция нормативно закрепляет статус ЦТУ как органа, реализующего ключевые публично-финансовые полномочия в рамках федерального бюджетного процесса. Это правовое обстоятельство предопределяет необходимость особого подхода к вопросам правового регулирования финансово-хозяйственной деятельности Управления, в том числе в аспекте применения бюджетной классификации как инструмента обеспечения законности, результативности и прозрачности бюджетных операций.

¹ Приказ Минфина России от 15 апреля 2024 г. № 44 н «О внесении изменений в Порядок формирования и применения кодов бюджетной классификации Российской Федерации, их структуру и принципы назначения, утвержденные приказом Министерства финансов Российской Федерации от 24 мая 2022 г. № 82 н» // Официальный портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202406190010> (дата обращения: 30.06.2025).

² Приказ Федеральной таможенной службы от 20 сентября 2021 г. № 797 «Об утверждении Общего положения о региональном таможенном управлении» // Официальный портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202110250023> (дата обращения: 30.06.2025).

Отметим, что финансирование ЦТУ осуществляется по коду главы административной подчиненности 153 «Федеральная таможенная служба Российской Федерации», по подразделам в структуре ведомственной, экономической и функциональной классификации расходов бюджетов Российской Федерации по следующим направлениям:

- 0106 «Обеспечение деятельности финансовых, налоговых, и таможенных органов и органов финансового (финансово-бюджетного) надзора»;
- 0705 «Профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации»;
- 0902 «Расходы на содержание здравпунктов»;
- 1003 «Субсидии на приобретение жилья ФГГС; предоставление единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилья сотрудникам; социальное обеспечение населения». Данные расходы носят заявительный характер и осуществляются по различным формам бюджетных ассигнований [6];
- 1004 «Охрана семьи и детства».

Всего код классификации расходов содержит двадцать знаков, каждый из которых выполняет строго определенную функцию в системе бюджетной транспарентности и управленческой отчетности, обеспечивая высокую степень детализации и позволяя тщательно следить за расходованием бюджетных средств.

Юридическая значимость бюджетной классификации наиболее ярко проявляется при анализе конкретных кодов, применяемых в финансово-хозяйственной деятельности структурных подразделений ФТС России. ЦТУ использует детализированные коды, отражающие функциональную, экономическую и ведомственную структуру расходов. Например, при планировании и исполнении расходов на оплату труда федеральных государственных гражданских служащих Управления структура кода бюджетной классификации – 153 01 06 39 4 15 90049 121 211, где:

- 153 – код главного распорядителя бюджетных средств (ФТС России);
- 01 – код раздела функциональной классификации («Общегосударственные вопросы»);
- 06 – код подраздела функциональной классификации (обеспечение функционирования таможенной службы);

- 39 4 15 90049 – код целевой статьи, отражающей финансовое содержание подразделений;
- 121 – вид расходов, определяющий тип финансовой операции (оплата труда государственных органов);

- 211 – код классификации операций сектора государственного управления (далее – КОСГУ), обозначающий заработную плату.

Целевая статья расходов, используемая в структуре бюджетной классификации ЦТУ, представляет собой кодифицированный элемент в рамках программно-целевого метода планирования, отражающий направленность расходных обязательств на обеспечение деятельности структурных подразделений Управления.

Целевая статья включает следующие уровни детализации:

- 39 – государственная программа;
- 4 – текущая структурная единица, подпрограмма;
- 15 – структурный элемент;
- 90049 – непрограммные расходы (внутренний классификатор ведомственных расходов, направлен на обеспечение повседневной деятельности, включая оплату труда и др.).

Разграничение целевой статьи по вышеуказанным признакам позволяет:

- отражать расходы в разрезе программного и непрограммного бюджета;
- вести контроль исполнения государственных программ по мероприятиям;
- формировать аналитическую отчетность по целям и задачам госуправления;
- обеспечить прозрачность распределения ассигнований между программными и функциональными направлениями.

Применение кодов бюджетной классификации позволяет не только идентифицировать конкретное направление расходования бюджетных ассигнований, но и проводить многоуровневый анализ финансово-хозяйственной деятельности учреждения, выявить правовые риски при нецелевом или некорректном использовании классификаторов и обеспечить соответствие планово-финансовых документов требованиям законодательства.

Как отмечает М. В. Егорова, «неотъемлемым фактором классификации расходов бюджета выступает обязательная увязка кодов видов расходов и кодов классификации операций сектора государственного управления в целях определе-

ния экономической сущности проводимых расходов» [2].

Анализ подтверждает, что структура кодов бюджетной классификации обеспечивает юридическую определенность, точную идентификацию расходных обязательств и соблюдение принципов правомерности, прозрачности и адресности бюджетных ассигнований. На практике классификационные коды выступают в роли правового механизма, позволяющего планировать и контролировать расходование средств, а также формировать доказательную базу в случае проверок или споров, связанных с бюджетной дисциплиной.

К наиболее частым проблемам, возникающим при определении статьи расходов, относятся:

- ошибки в указании кодов бюджетной классификации, в том числе при составлении первичных финансовых документов и платежных поручений;

- ошибки, обусловленные неоднозначной трактовкой классификаторов, особенно в случаях, связанных с отнесением расходов к конкретным статьям при приобретении товаров и услуг, используемых как для внутреннего обеспечения, так и для расчетов в рамках фискальных функций (например, при определении классификации поставок, участвующих в расчете пошлин);

- несвоевременное внесение изменений в программное обеспечение таможенных органов, проявляемое в отставании интеграции новых редакций бюджетной классификации в информационные модули, используемые при планировании и исполнении бюджета.

В ходе исследования были выявлены следующие проблемы правоприменения бюджетной классификации таможенными органами:

- часть кодов бюджетной классификации не адаптирована к ведомственным особенностям исполнения бюджета в условиях оперативно-служебной деятельности. В частности, функциональные и целевые статьи не всегда позволяют отразить детализированные направления расходов, например в сфере информационно-коммуникационных технологий, капитального ремонта объектов или ведомственных социальных выплат;

- частая трансформация структуры кодов бюджетной классификации приводит к существенным трудностям в правоприменении и обу-

славливает высокий уровень риска возникновения ошибок при определении кодов;

– технологическая и регламентная несогласованность информационных систем, используемых в процессе планирования и исполнения бюджета, приводит к необходимости дублирования информации в различных базах. При этом из-за значительного объема данных многократно увеличивается риск технических ошибок, опечаток и искажений;

– высокая рабочая нагрузка сотрудников финансовых подразделений и дефицит штатных единиц, обеспечивающих финансовый контроль, приводит к формальному подходу при проведении внутреннего финансового контроля. Практика показывает, что ошибки в применении кодов бюджетной классификации выявляются постфактум – на стадии формирования сводной отчетности либо в процессе внешнего контроля. Вместе с тем, согласно положениям действующего бюджетного законодательства, в случае самостоятельного выявления и оперативного устранения классификационных ошибок субъектом бюджетного процесса меры бюджетной ответственности не применяются. Это положение, с одной стороны, снижает юридические риски для добросовестных исполнителей, с другой – создает условия для формального отношения к контролю.

В целях устранения выявленных проблем представляются целесообразными следующие меры.

1. Разработать и внедрить нормативные правовые и ведомственные акты, детализирующие порядок применения классификаторов бюджетной классификации в системе таможенных органов.

2. Внедрить автоматизированные цифровые платформы, обеспечивающие непрерывный учет, контроль и анализ исполнения бюджета в онлайн-режиме.

3. Организовать системную профессиональную подготовку и повышение квалификации должностных лиц таможенных органов по вопросам применения бюджетной классификации, норм бюджетного законодательства и процедур внутреннего финансового контроля.

4. Расширить функциональные полномочия и методическую независимость внутренних контрольных и ревизионных подразделений, в том числе за счет проведения внеплановых проверок на предмет соответствия осуществляемых операций нормам бюджетного законодательства.

5. Разработать и утвердить официальные методические рекомендации (инструкции, положения, алгоритмы), касающиеся применения бюджетной классификации таможенными органами, с учетом ведомственной практики.

6. Обеспечить системный мониторинг изменений в финансовом и бюджетном законодательстве с последующим оперативным внесением изменений в ведомственные нормативные акты и регламенты, регулирующие бюджетное планирование, исполнение и отчетность.

7. Сформировать специальные рабочие группы с участием представителей различных таможенных органов для обсуждения и решения вопросов, связанных с бюджетной классификацией и управлением бюджетными ресурсами.

С учетом изложенного можно утверждать, что правовые основы бюджетной классификации требуют постоянной адаптации и научной проработки в контексте применения в специфических институциональных структурах.

Список литературы

1. Бутова Т. В., Мурар В. И., Елесина М. В., Рашкеева И. В. Внешнеэкономическая деятельность: понятие и сущность // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – №12-1. – С. 9–10.
2. Еремеева А. С., Сидоров Ю. В. Контроль за перемещением наличных денежных средств и денежных инструментов через таможенную границу // Вестник магистратуры. – 2019. – №12-1 (99). – С. 29–31.
3. Мантусов В. Б., Шкляев С. В. Деятельность таможенных органов по противодействию легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма // Вестник Российской таможенной академии. – 2018. – № 4. – С. 9–17.
4. Недосекова Е. С. Направления и особенности правового регулирования и осуществления валютного контроля таможенными органами Российской Федерации // Зеленый коридор. Наука и образование в таможенном деле. – № 2 (8). – 2019. – С. 16–25.

5. Недосекова Е. С. Особенности внешнеторговой деятельности в рамках ЕАЭС и значение валютного контроля при осуществлении внешнеторговой деятельности // Таможенное дело. – № 2. – 2019. – С. 26–28.
6. Недосекова Е. С. Ретроспективный анализ изменений правового положения таможенных органов в системе валютного контроля за 25 лет // Российская таможенная академия – 25 лет: итоги и перспективы : сборник материалов X Международной молодежной научно-практической конференции Российской таможенной академии. – М. : РИО Российской таможенной академии, 2018. – С. 150–154.
7. Попова К. Н. Правовая характеристика финансовой деятельности таможенных органов // Проблемы и перспективы развития современного законодательства : сборник материалов VII Межкафедральной научно-практической конференции юридического факультета. – М. : РИО Российской таможенной академии, 2018. – С. 64–68.
8. Суюнова К. Б., Саидова Ф. С. Различные подходы к пониманию внешнеэкономической деятельности // Journal of Marketing, Business and Management. – 2024. – № 5. – С. 1–9.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2025-2-218-225>

Правовые последствия транзитного перехода (трансфера) профессионального футболиста

Ю. В. Зайцев

партнер юридической компании SILA International Lawyers.

Адрес: SILA International Lawyers,

115280, Москва, Ленинская слобода ул., д. 26, стр. 2.

E-mail: zaytsev@silalawyers.com

В. А. Чепелев

юрист юридической компании SILA International Lawyers.

Адрес: SILA International Lawyers,

115280, Москва, Ленинская слобода ул., д. 26, стр. 2.

E-mail: chepelyov@silalawyers.com

Legal Consequences of the Transit Transfer of a Professional Football Player

Yu. V. Zaitsev

Partner of the Law Firm SILA International Lawyers.

Address: SILA International Lawyers,

26 build. 2 Leninskaya sloboda Str., Moscow, 115280, Russian Federation.

E-mail: zaytsev@silalawyers.com

V. A. Chepelev

Lawyer of the Law Firm SILA International Lawyers.

Address: SILA International Lawyers,

26 build. 2 Leninskaya sloboda Str., Moscow, 115280, Russian Federation.

E-mail: chepelyov@silalawyers.com

Поступила 10.03.2025 Принята к печати 25.03.2025

Аннотация

Современный футбол невозможно представить без переходов (трансферов) футболистов. Права на футболистов являются ценным активом, а стоимость переходов порой составляет десятки или даже сотни миллионов евро. Неудивительно, что в этой сфере реализуются недобросовестные практики, чтобы обойти правила Международной федерации футбола (ФИФА) или национальное законодательство. Одной из них является так называемый транзитный переход (bridge transfer) профессионального футболиста. Суть транзитного перехода состоит в использовании промежуточного клуба («моста»), регистрация футболиста в котором не обоснована спортивными причинами и чаще всего направлена на получение неправомерной выгоды участниками цепочки этих сделок. До 2020 г. проблема транзитных переходов не находила нормативного закрепления в регламентных нормах ФИФА. Однако практикой CAS были выработаны критерии данного явления, а в конкретных решениях защищались права клубов, участвовавших в подготовке футболиста, но формально лишенных права получить компенсацию по правилам ФИФА из-за использования схемы с привлечением промежуточного клуба. В 2020 г. запрет транзитных переходов был прямо урегулирован ФИФА. Следовательно, на сегодняшний день к участникам транзитного перехода (как к клубам, так и к футболисту) могут быть применены спортивные санкции в соответствии с Дисциплинарным кодексом ФИФА. При этом, если промежуточный клуб был использован для обхода правил о компенсации за подготовку, соответствующий клуб имеет право обратиться с заявлением в Палату по разрешению споров ФИФА со ссылкой на нарушение запрета транзитных переходов.

Ключевые слова: трансфер футболиста, транзитный переход, регламентные нормы спортивных федераций, обход правил ФИФА, практика ФИФА, практика CAS, спортивная ответственность, спортивные санкции.

Abstract

It is impossible to imagine modern football without transfers of football players. The rights to football players are a valuable asset, and the cost of transfers sometimes amounts to tens or even hundreds of millions of euros. It is not surprising that unfair practices are being implemented in this area in order to circumvent the rules of the International Football Federation (FIFA) or national legislation, one of which is the so-called "bridge transfer" of a professional football player. The essence of the transit transition is to use an intermediate club ("bridge"), the registration of a football player in which is not justified for sporting reasons and is most often aimed at obtaining illegal benefits by participants in the chain of these transactions. Until 2020, the problem of transit crossings was not normalized in the FIFA regulations. However, the CAS practice developed criteria for this phenomenon, and specific decisions protected the rights of clubs that participated in the training of a football player, but were formally deprived of the right to receive compensation under FIFA rules due to the use of a scheme involving an intermediate club. In 2020, the ban on transit crossings was directly regulated by FIFA. Consequently, today, sports sanctions can be applied to participants in the transit (both to clubs and to the player) in accordance with the FIFA Disciplinary Code. At the same time, if an intermediate club was used to circumvent the rules on compensation for training, the relevant club has the right to apply to the FIFA Dispute Resolution Chamber with reference to a violation of the transit ban.

Keywords: transfer of a football player, transit passage, regulatory norms of sports federations, circumvention of FIFA rules, FIFA practice, CAS practice, sports responsibility, sports sanctions.

1. Введение

Трансферы (переходы) футболистов являются, пожалуй, основой существующей сегодня экономики футбола. Даже далекие от этого вида спорта люди наверняка видели новости о том, что, например, Криштиану Роналду перешел из «Манчестер Юнайтед» в «Реал» за почти 100 миллионов евро в 2009 г., или о том, что Неймар отправился из «Барселоны» в «ПСЖ» более чем за 200 миллионов евро в 2017 г. Думаю, многие вспомнят и недавний переход Матвея Сафонова из «Краснодара» в «ПСЖ»: в результате этой сделки, по информации из открытых источников, российский клуб получил около 20 миллионов евро.

Приведенные примеры показывают, что переходы футболистов сегодня – это прибыльный бизнес, а право на трудоустройство футболиста – ценный актив. При этом очевидно, что становление футболиста не происходит одномоментно; напротив, это тяжелый труд, который начинается со спортивной школы или с академии профессионального футбольного клуба. Одним из первых возникает вопрос: кто «вырастил» футболиста, кто помог ему развиваться до уровня «звезды» футбола и заслужить интерес футбольных клубов высшего уровня? Поощряются ли финансово усилия спортивной школы (или спортивных школ), в которых футболист занимался в молодые годы?

На уровне ФИФА и на уровне национальных федераций футбола разработаны механизмы поддержки тех клубов и спортивных школ, кото-

рые готовили футболиста в его юношеском возрасте: солидарная выплата и компенсация за подготовку футболиста. Последняя выплачивается при первом подписании трудового договора всем спортивным школам и клубам, в которых футболист был зарегистрирован и проходил подготовку до 21 года. Таким образом, эти субъекты обоснованно могут претендовать на компенсацию своих вложений в футболиста, если он переходит на профессиональный уровень, заключая первый трудовой договор.

Однако в то же время нельзя забывать о другом субъекте – профессиональном клубе, который хочет подписать с молодым футболистом трудовой договор. Естественно, далеко не всегда данный клуб захочет брать на себя финансовое бремя оплаты подготовки футболиста, которое порой может исчисляться сотнями тысяч евро. В попытке избежать этих расходов и обойти иные регламентные или законодательные нормы недобросовестные клубы использовали и используют разные способы, одним из которых является так называемый транзитный трансфер.

По сути, таковым являются последовательные переходы футболиста, когда футболист изначально переходит из клуба 1 в клуб 2 («клуб-мост») без какой-либо спортивной цели на неопредetermined время, чтобы впоследствии перейти в клуб 3, при этом один из (или несколько) участников указанной цепочки сделок неправомерно извлекает выгоду. В настоящей статье мы последовательно рассмотрим взгляд CAS на проблематику транзитных трансферов, действу-

ющее регулирование ФИФА и РФС и, наконец, правовые последствия транзитного перехода профессионального футболиста.

2. Развитие практики рассмотрения споров, связанных с транзитными переходами (трансферами)

2.1. Первые решения CAS по транзитным переходам (трансферам) футболистов. Признаки транзитного перехода

Прежде чем перейти к актуальному регулированию транзитных переходов на уровне ФИФА, необходимо отметить, что до 2020 г. формально закрепленное определение транзитного перехода отсутствовало. При этом сам метод активно использовался клубами чаще всего с целью обхода регламентных норм ФИФА о компенсации за подготовку. Соответственно, характеристика транзитного перехода футболиста как формы злоупотребления правом, обхода существующих правил с целью получения неправомерной выгоды является отправной точкой дальнейших рассуждений.

Для лучшего понимания отличительных признаков транзитного трансфера и причин возникновения этого явления обратимся к конкретным спорам между футбольными клубами, когда транзитный трансфер производился, чтобы сэкономить на выплате компенсации за подготовку.

Наиболее вероятно, впервые проблема транзитного перехода (трансфера) была обстоятельно проанализирована арбитрами CAS в решении по делу CAS 2009/A/1757 MTK Budapest v. FC Internazionale Milano S.p.A, хотя по тексту сам термин «транзитный переход» еще не используется¹. В данном решении арбитры рассматривали ситуацию, когда довольно известный игрок, капитан молодежной сборной Венгрии, внезапно подписал первый трудовой договор с мальтийским клубом «Пьета Хотспурс», который относился к 4-й тренировочной категории по классификации ФИФА. Проще говоря, при переходе в этот клуб все венгерские клубы, которые готовили футболиста, теряли право на получение компенсации за подготовку.

Далее, спустя всего неделю, не сыграв ни одной минуты за «Пьета Хотспурс», футболист пе-

решел в один из сильнейших клубов Италии и мира – «Интер», который относился к 1-й тренировочной категории. Иными словами, если бы футболист подписал первый трудовой договор с «Интером», а не с мальтийским клубом, венгерские клубы, участвовавшие в подготовке футболиста, получили бы от «Интера» значительную сумму (более 270 000 евро).

Соответственно, заявитель – венгерский клуб «МТК Будапешт» – обратился сначала в ФИФА, а потом в CAS, поскольку фактически трудовой договор между футболистом и мальтийским клубом был фикцией, а фактическим бенефициаром являлся именно «Интер», с которым футболист в итоге подписал трудовой договор.

Оценивая аргументы сторон, CAS подчеркнул следующее:

«23. В данном случае представляется, что МТК приложил значительные усилия по организации обучения и воспитания Ф. в ключевые годы (а именно в возрасте от 15 до 18 лет). Более того, обучение, по-видимому, было продуктивным и в значительной степени успешным, поскольку игрок был выбран капитаном венгерской сборной до 19 лет, вызван во взрослую национальную сборную и привлек интерес одного из ведущих клубов Европы (т. е. “Интера”). [...]

24. По этим причинам Коллегия считает обоснованным, что МТК должен получить компенсацию за подготовку игрока Ф. [...]

25. Кроме того, учитывая вышеизложенное и, в частности, то, что “Интер” получил выгоду от тренировочных усилий, вложенных МТК, именно “Интер” должен быть обязан выплатить любую сумму компенсации за подготовку, определенную Коллегией. В этом отношении “Пьета Хотспурс”, как представляется, не получил выгоды от усилий, затраченных на подготовку [...], поскольку, как следует из материалов дела, игрок был зарегистрирован в этом клубе всего 9 дней и даже не сыграл ни одного матча на Мальте. [...]

27. В связи с этим Коллегия также отмечает, что трудно понять, почему игрок, который высоко оценивается, является капитаном сборной Венгрии до 19 лет и привлек внимание миланского “Интера”, решил перейти в мальтийский клуб и пробыть там чуть больше недели, прежде чем переехать в Италию».

Резюмируя изложенное, CAS сделал вывод, что в случае использования промежуточного клу-

¹ Решение Спортивного арбитражного суда от 30 июля 2009 г. по делу CAS 2009/A/1757 MTK Budapest v. FC Internazionale Milano S.p.A. – URL: <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/1757.pdf> (дата обращения: 20.06.2025).

ба для обхода правил ФИФА необходимо оценивать всю цепочку переходов и искать фактического выгодоприобретателя, который и должен в полном объеме нести обязанность по выплате компенсации за подготовку.

С течением времени практика CAS относительно транзитных переходов развивалась даже в отсутствие специального регулирования ФИФА. Например, дело CAS 2012/A/2968 *Konyaspor Kulübü Derneği v. Ituano Futebol Clube* касалось схожих фактических обстоятельств: футболист подписал трудовой договор с «промежуточным» клубом и уже через 1 день стал работником другого клуба, который фактически был заинтересован в его трудоустройстве¹. В решении по этому делу CAS расширил процитированную выше позицию и в параграфе 107 отдельно отметил, что *«термин “предыдущий клуб” должен означать по-настоящему значимый предыдущий клуб, а не клуб, который просто искусственно вовлечен в переход футболиста, не участвуя ни в какой части его обучения или подготовки»*. В свою очередь, значимость предыдущего клуба определяется тем, что он *«действительно тренировал игрока и вкладывал средства в его обучение и подготовку»*.

На основании указанных фактов, как и в деле CAS 2009/A/1757, арбитры заключили, что искусственный переход в промежуточный клуб на минимальный период времени не отменяет право клубов, фактически тренировавших футболиста, получить компенсацию за подготовку. При этом плательщиком выступает фактический новый клуб футболиста, а не промежуточный, переход в который не нес никакого спортивного смысла.

Соответственно, можно констатировать, что сложившаяся уже к 2012 г. практика CAS позволяет выделить основные критерии транзитного перехода футболиста:

- минимальная длительность нахождения в промежуточном клубе;
- промежуточный клуб не получил никакой спортивной пользы от подписания трудового договора с футболистом;
- необычная последовательность переходов (например, сначала в неизвестный мальтий-

ский клуб, а затем в один из сильнейших клубов мира, как было в деле CAS 2009/A/1757);

- попытка обойти регламентные нормы ФИФА.

Дополнительно подчеркиваем, что транзитный переход может использоваться в самых разных противоправных целях, не ограничиваясь лишь попыткой избежать выплаты компенсации за подготовку. Например, аргентинский юрист Ариэль Рек еще в своей статье 2014 г. [4] справедливо отмечал, что путем транзитного трансфера можно:

- искусственно создать трансферную стоимость футболиста без действующего трудового договора, чтобы впоследствии распределить полученную от третьего клуба сумму между самим футболистом и промежуточным клубом;
- уйти от налогообложения;
- обойти правила о запрете владения экономическими правами на футболиста третьими лицами (например, посредниками).

2.2. Возможность применения спортивных санкций за использование транзитных переходов (трансферов)

Из ранее приведенного описания понятно, что основной характеристикой транзитного трансфера является фиктивность перехода в промежуточный клуб, т. е. данная цепочка действий является неправомерной. Из этого вытекает логичный вопрос: как это нарушение наказывалось ФИФА и национальными федерациями в случае его выявления?

Для ответа на поставленный вопрос обратимся к решению CAS по делу CAS 2014/A/3536 *Racing Club Asociación Civil v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA)* [9]. В данном споре позиция апелланта состояла в том, что в отсутствие четко сформулированной нормы в Дисциплинарном кодексе ФИФА невозможно применение к нему каких-либо санкций за транзитный трансфер. Более того, клуб утверждал, что он не получил никакой выгоды в результате осуществления транзитного перехода. Это решение интересно двумя выводами CAS.

Во-первых, в параграфе 9.17 решения CAS отметил, что он *«полностью согласен с ответчиком в том, что меры должны применяться против транзитных переходов, когда такие переходы осуществляются с целью участия в неправомерной практике, такой как уклонение от уплаты налогов, или для обхода правил, касающихся, например, выплаты компенсации за подготовку или осуществления солидарной выплаты, или для обеспечения анонимности*

¹ Решение Спортивного арбитражного суда от 23 июля 2013 г. по делу CAS 2012/A/2968 *Konyaspor Kulübü Derneği v. Ituano Futebol Clube*. — URL: <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/2968.pdf> (дата обращения: 20. 06. 2025).

третьей стороны по отношению к соответствующим органам».

Во-вторых, коллегия арбитров в параграфе 9.18 решения подчеркнула, что «ФИФА несет ответственность за подготовку свода правил, которые четким и прозрачным образом регулируют [вопросы транзитных переходов] и последствия, вытекающие из совершения подобных противоправных действий». В свою очередь, существовавшие в 2014 г. правила не соответствовали этим критериям, следовательно, не позволяли применять спортивные санкции за сам факт участия клуба в транзитном переходе футболиста.

Таким образом, после дела CAS 2014/A/3536 ФИФА как регулятор футбола на международном уровне начала разрабатывать правила, запрещающие практику транзитных переходов и позволяющие наказывать нарушителей. Эта задача была сложной и комплексной, поскольку, как верно заметил Ариэль Рек в уже процитированной статье, «транзитные трансферы преследуют разные цели, имеют разные формы и не всегда легко выявляются, но необычная последовательность переходов является центральным элементом, который необходимо учитывать при разработке любого правила или запрета» [4. – Р. 40].

3. Действующее регулирование ФИФА. Правовые последствия транзитного трансфера

3.1. Изменения в регламентных нормах ФИФА и РФС

В марте 2020 г. ФИФА обновила свои регламентные нормы. Так, в Регламенте ФИФА по статусу и переходам футболистов (далее – Регламент) появились определение транзитного перехода футболиста и отдельная статья 5bis, посвященная запрету транзитных переходов¹. В циркулярном письме ФИФА № 1709 от 13 февраля 2020 г. указано, что данные изменения вносятся, чтобы «явно запретить незаконную практику [транзитных переходов]» и «обеспечить осуществление всех футбольных трансферов с правомерной целью»².

¹ FIFA Regulations on the Status and Transfer of Players. – URL: <https://digitalhub.fifa.com/m/69b5c4c7121b58d2/original/Regulations-on-the-Status-and-Transfer-of-Players-June-2024-edition.pdf> (дата обращения: 20.06.2025).

² FIFA Circular Letter No. 1709 dated 13 February 2020 // URL: <https://digitalhub.fifa.com/m/1734bf9c8c186/original/ywr4rcralhyoqtfrqyai-pdf.pdf> (дата обращения: 20.06.2025).

Внесенные в 2020 г. положения в неизменном виде сохранились и в актуальной редакции Регламента.

Так, транзитный переход определяется как «любые два последовательных (национальных или международных) трансфера одного и того же футболиста, связанные между собой и включающие регистрацию этого игрока в промежуточном клубе, с целью обхода применения соответствующих правил или законов и/или чтобы ввести в заблуждение другое физическое или юридическое лицо».

В то же время статья 5bis Регламента устанавливает следующее:

– запрет транзитных трансферов, за нарушение которого может последовать санкция в соответствии с Дисциплинарным кодексом ФИФА (пункты 1 и 3);

– презумпция транзитного трансфера, если два перехода состоялись в промежутке 16 недель или меньше (пункт 2).

Упомянутая презумпция является опровержимой. Так, комментарий к Регламенту проясняет следующее: «чтобы успешно опровергнуть регламентную презумпцию, заинтересованные стороны должны продемонстрировать, что регистрация игрока в промежуточном клубе не имела целью обход применения соответствующих правил или законов и/или чтобы ввести в заблуждение другое физическое или юридическое лицо и что такая регистрация не была направлена на организацию транзитного перехода»³.

Мы полагаем, что данный комментарий сформулирован недостаточно ясно. В этой связи интересны размышления японского юриста Цубасы Шинохары относительно опровержения установленной Регламентом презумпции транзитного перехода. В своей недавней статье он отметил следующее:

«В этом решении [по делу TAS 2022/A/8897 Football Club des Girondins de Bordeaux c. Football Club du Gomet de Kralime] были указаны следующие два элемента, необходимые для оспаривания регламентной презумпции в соответствии с пунктом 2 статьи 5bis Регламен-

³ Commentary to the FIFA Regulations on the Status and Transfer of Players. 2023 edition. – URL: <https://digitalhub.fifa.com/m/40da0f707efdd011/original/FIFA-Commentary-on-the-FIFA-Regulations-for-the-Status-and-Transfer-of-Players-2023-edition.pdf> (дата обращения: 20.06.2025).

та: (1) участвовал ли соответствующий игрок в тренировках/матчах промежуточного клуба и (2) был ли загружен паспорт футболиста в соответствующую трансферную инструкцию. Если присутствие обоих этих элементов не соблюдено, можно считать, что промежуточный и финальный клуб осуществили транзитный переход с целью «обхода применения соответствующих правил или законов и/или чтобы ввести в заблуждение другое физическое или юридическое лицо». Однако необходимо признать, что способ доказывания «намерения» получить незаконную экономическую выгоду от транзитного перехода остается неоднозначным» [5. – Р. 12].

Как нетрудно заметить, критерии транзитного трансфера, выведенные CAS, нашли свое отражение в регламентных нормах ФИФА. Также важно, что Регламент содержит прямое указание на противоправный характер транзитного трансфера и возможность применения санкций на основании Дисциплинарного кодекса ФИФА. Аналогичное по смыслу положение содержится и в Регламенте РФС по статусу и переходам (трансферу) футболистов (см. статью 17¹). При этом в случае выявления случаев транзитных переходов (вероятнее всего, между российскими клубами) «РФС будет обращаться в ФИФА с целью применения к соответствующим клубам и (или) футболистам спортивных санкций согласно статье 5bis Регламента ФИФА по статусу и переходам игроков»¹.

Также отметим, что на протяжении уже 2 лет на международном уровне функционирует организация, которая аккумулирует компенсацию за подготовку с обязанных клубов и распределяет ее, – Клиринговая палата ФИФА. В рамках настоящей статьи не будем углубляться в детали функционирования этой организации, однако важно, что именно регламент Клиринговой палаты ФИФА на сегодняшний день является основным актом, устанавливающим порядок выплаты компенсации за подготовку и осуществление солидарной выплаты².

В статье 18.2 данного регламента указано: «клуб, полагающий, что в результате транзитного перехода [...], он был ошибочно лишен права на компенсацию за подготовку или размер компенсации за подготовку был уменьшен [...], может подать заявление против соответствующих клубов в соответствии со статьей 27 Процессуальных правил. Палата по разрешению споров будет рассматривать соответствующее заявление».

Подводя итог данной части исследования, отметим несколько ключевых выводов.

Во-первых, регламентные нормы ФИФА и РФС с 2020 г. закрепляют понятие транзитного перехода через фиксацию его отличительных признаков, ранее нашедших отражение в практике CAS.

Во-вторых, актуальная редакция Регламента содержит прямое указание, что к участникам транзитного трансфера (включая футболиста) могут быть применены спортивные санкции. Это стало следствием консенсуса (что транзитный трансфер является противоправной практикой) и в то же время замечания CAS в адрес ФИФА относительно отсутствия четкого регулирования в решении по делу CAS 2014/A/3536.

В-третьих, регламент Клиринговой палаты ФИФА устанавливает, что в случае, если клуб, участвовавший в подготовке футболиста, посчитает нарушенным свое право на получение компенсации за подготовку или солидарную выплату в результате потенциального транзитного перехода, он может обратиться в Палату ФИФА по разрешению споров с соответствующим заявлением.

3.2. Правовые последствия транзитного перехода на практике

Из проведенного выше анализа регламентных норм ФИФА – Регламента и регламента Клиринговой палаты ФИФА – следует, что реализация транзитного перехода профессионального футболиста влечет 2 ключевых правовых последствия: 1) возможность применения спортивных санкций к каждому участнику транзитного трансфера, включая самого футболиста; 2) возможность клуба, участвовавшего в подготовке футболиста, требовать компенсацию за подготовку или выплату по механизму солидарности, если есть подозрение, что в результате транзитного трансфера данный клуб лишился этого права или получил меньшую сумму, чем должен был.

Остановимся подробнее на каждом из последствий и начнем со спортивных санкций.

¹ Регламент РФС по статусу и переходам (трансферу) футболистов. – URL: <https://rfs.ru/subject/1/documents/download?documentId=1505> (дата обращения: 24.06.2025).

² FIFA Clearing House Regulations. – URL: <https://digitalhub.fifa.com/m/7c9e9c5185db9eb6/original/FIFA-Clearing-House-Regulations-October-2022-edition.pdf> (дата обращения: 24.06.2025).

Статья 5bis Регламента, равно как и Дисциплинарный кодекс ФИФА¹ не содержат конкретных спортивных санкций, которые можно применить к участникам транзитного перехода. Соответственно, представляется, что Дисциплинарный комитет ФИФА ограничен в выборе конкретных мер реагирования на транзитный трансфер только статьей 6 Дисциплинарного кодекса ФИФА, где перечислены все возможные спортивные санкции.

Например, к футболисту могут быть применены санкции в виде выговора, штрафа или запрета осуществлять деятельность, связанную с футболом, на определенный срок. К клубам же может быть применен выговор, штраф или запрет на регистрацию футболистов. Представляется, что применение иных мер, поименованных в статье 6 Дисциплинарного кодекса, маловероятно. Например, совершенно нелогично выглядит снятие очков с клуба или присуждение технического поражения (п. 3) за участие в транзитном переходе.

Практика ФИФА с 2020 г. подтверждает данный тезис. Так, в первом решении по новым правилам ФИФА французские клубы «Париж» и «Анже» были наказаны штрафом в размере 30 000 швейцарских франков и запретом на регистрацию футболистов сроком на 1 год². В другом деле к конголезскому клубу «АС Вита» был применен штраф на сумму 10 000 швейцарских франков и запрет на регистрацию футболистов на 1 год³.

Интересно и третье опубликованное на сайте ФИФА решение, в котором Дисциплинарный комитет ФИФА признал, что презумпция транзитного трансфера была опровергнута испанским клубом «Саламанка»⁴. В данном деле было отмечено, что *«игрок был только переведен к Ответчику на правах аренды, а не на постоянной основе (будь*

то сразу после его регистрации в ФК “Сакачиспас” или по истечении срока действия трансферного контракта на условиях аренды), и это может дополнительно свидетельствовать, что Ответчик не стремился использовать промежуточный клуб, а именно ФК “Сакачиспас”, в качестве “моста”, чтобы уклониться от выплаты соответствующей компенсации за подготовку». На этом основании производство в части обвинения в возможном нарушении статьи 5bis Регламента было прекращено.

Анализ опубликованных решений Дисциплинарного комитета ФИФА позволяет прийти к выводу, что спортивные санкции за участие в транзитном переходе применяются чаще всего именно к клубам, а не к футболистам (ни одного решения в отношении игрока выявлено не было). При этом стандартными санкциями являются штраф и запрет на регистрацию футболистов.

Второе правовое последствие наступает в случаях, если регистрация в промежуточном клубе (как правило, 4-й тренировочной категории ФИФА) была использована, чтобы обойти положения Регламента о компенсации за подготовку.

Тогда *«дело будет рассматриваться так, как если бы игрок перешел непосредственно из своего прежнего клуба в клуб более высокой категории, связанный с новой ассоциацией-членом ФИФА, который будет обязан выплатить соответствующую сумму компенсации за подготовку»*⁵.

В упрощенном варианте данная схема будет выглядеть следующим образом:

- сначала футболист подписывает трудовой договор (без фактической спортивной цели) с «промежуточным» клубом 2, который, как правило, относится к 4-й тренировочной категории ФИФА;

- по правилам ФИФА компенсация за подготовку не платится при первом подписании трудового договора с клубом 4-й тренировочной категории, при этом «цепочка подготовки» прерывается, т. е. клубы, участвовавшие ранее в обучении игрока, более не могут требовать компенсацию за подготовку;

¹ FIFA Disciplinary Code. – URL: <https://digitalhub.fifa.com/m/59dca8ae619101cf/original/FIFA-Disciplinary-Code-2023.pdf> (дата обращения: 24.06.2025).

² FIFA Disciplinary Committee sanctions Paris FC and Angers SCO for bridge transfer. – URL: <https://inside.fifa.com/en/legal/media-releases/fifa-disciplinary-committee-sanctions-paris-fc-and-angers-sco-for-bridge-transfer?ysclid=m1hql9biud584935852> (дата обращения: 24.06.2025).

³ Решение Дисциплинарного комитета ФИФА от 17 июля 2023 г. по делу FDD-14631. – URL: https://digitalhub.fifa.com/m/37657756f044f57d/original/AS-Vita-Club_17072023.pdf (дата обращения: 24.06.2025).

⁴ Решение Дисциплинарного комитета ФИФА от 17 июля 2023 г. по делу FDD-14922. – URL: https://digitalhub.fifa.com/m/46e0d2023b981a40/original/CD-Salamanca-CF-UDS_17072023.pdf (дата обращения: 24.06.2025).

⁵ Commentary to the FIFA Regulations on the Status and Transfer of Players. – 2023 edition. – URL: <https://digitalhub.fifa.com/m/40da0f707efdd011/original/FIFA-Commentary-on-the-FIFA-Regulations-for-the-Status-and-Transfer-of-Players-2023-edition.pdf> (дата обращения: 24.06.2025).

– далее, пробыв в промежуточном клубе не продолжительное время, футболист переходит в футбольный клуб, который и был фактически заинтересован в его трудоустройстве (клуб 3).

Следовательно, при транзитном переходе с целью обхода положений компенсации за подготовку ФИФА будет считать новым клубом именно тот клуб, в котором футболист фактически приступил к работе. То есть именно фактический бенефициар перехода футболиста будет нести бремя выплаты компенсации за подготовку в пользу клубов, участвовавших в подготовке футболиста.

4. Выводы

На основании вышеизложенного резюмируем, что проблема транзитных переходов существует в футболе достаточно давно. Причина использования промежуточного клуба перед трансфером в фактически заинтересованный клуб достаточно банальна – желание обойти существующие правила ФИФА (например, о компенсации за подготовку) или законодательные нормы (например, налоговое законодательство) с целью извлечь выгоду.

Продолжительное время данный вопрос не был напрямую урегулирован ФИФА и национальными ассоциациями. При этом CAS в своих решениях вывел признаки транзитного перехода, а ФИФА

признала, что эта схема является обходом существующих правил и приносит вред добросовестным субъектам футбола и ФИФА в целом.

Учитывая имеющуюся проблему, в 2020 г. ФИФА урегулировала транзитные трансферы и предусмотрела возможность применения спортивных санкций к участникам транзитных переходов (клубам и футболисту). Также, чтобы обеспечить права клубов, которые вкладывали свои средства в подготовку футболиста, в случае установления факта транзитного перехода данные клубы будут иметь право требовать причитающуюся им компенсацию за подготовку, даже если формально из-за использования промежуточного клуба они такого права лишились. Правила о запрете транзитных переходов нашли свое отражение и в регламентных нормах РФС.

Указанные изменения мы оцениваем положительно и ждем, во-первых, дальнейшего развития практики Дисциплинарного комитета ФИФА и Палаты ФИФА по разрешению споров. В частности, интересно, будут ли случаи, когда ФИФА сочтет доказанным использование транзитного трансфера для обхода национального законодательства или правил о запрете владения правами на футболистов третьими лицами.

Список литературы

1. Джанапидзе Д. А. Проблемы определения понятия трансфера. Особенности перехода спортсмена из одного клуба в другой: проблемы правового регулирования // Сацьяльна-економічні і правові дослідження. – 2016. – № 4 (46). – С. 130–139.
2. Костоусов В. Е. Международно-правовые аспекты регулирования деятельности в области спортивных трансферов // Проблемы реформирования российской государственности. Материалы XIV Всероссийской конференции по национальному и международному праву. – 2019. – С. 366–370.
3. Ткаченко Д. Г. Правовое регулирования осуществления трансферов между футбольными клубами в рамках развития цифровой экономики // Спорт: экономика, право, управление. – 2020. – № 3. – С. 29–31.
4. Reck Ariel. Bridge transfers under the FIFA regulation // Football Legal. – 2014. – № 1. – P. 36-40.
5. Tsubasa Shinohara. Regulatory Presumption of Bridge Transfer in Football: Rebuttable or Irrebuttable? // Football Legal. – 2024. – № 20. – P. 10–12.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2025-2-226-235>

Межбытие как универсальный источник преступности: размышления над новой доктриной профессора Х. Д. Аликперова

С. М. Марков

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Дальневосточного филиала
Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева.
Адрес: Дальневосточный филиал
Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева,
г. Хабаровск, Восточное шоссе, д. 49.
E-mail: Ser_Mark@mail.ru

Interbeing as the Universal Source of Crime: Reflections on Professor Kh. D. Alikperov's New Doctrine

S. M. Markov

PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Humanities and Social and Economic Disciplines
of Far East Branch of Lebedev Russian State University of Justice.
Address: Far East Branch of Lebedev Russian State University of Justice,
49 Vostochnoye Shosse, Khabarovsk, Far Eastern Federal District, 680014, Russian Federation.
E-mail: Ser_Mark@mail.ru

Поступила 01.05.2025 Принята к печати 10.05.2025

Аннотация

В рецензии анализируется фундаментальное исследование профессора Х. Д. Аликперова «Межбытие как источник генерации преступной мотивации», вышедшее в 2025 г. в петербургском издательстве «Юридический центр». Методологические основания монографии – междисциплинарный подход, синтезирующий положения философских, социологических, когнитивно-психологических, нейробиологических, криминологических теорий, а также метод восхождения от абстрактного к конкретному и законы и категории диалектической логики. Авторская концепция представляет собой философскую теорию (онтологию), гносеологию и аксиологию о причинах и детерминантах преступного и делинквентного поведения. В работе осуществляется комплексный анализ особенностей процесса возникновения и развития преступной мотивации под влиянием деструктивных идей (обсессия) или навязчивых действий (компульсия) либо их симбиоза внутри психики человека против его воли, вследствие генетически обусловленных агрессивных ментальных факторов. Систему, представленную в монографии и построенную на пересечении философии и криминологии, можно рассматривать как принципиально новое направление в криминологии, зарождающееся на стыке философии сознания и социологии уголовного права, юридической антропологии и криминологии, нейробиологии и психиатрии, а также клинической психологии.

Ключевые слова: ментальная сфера, межбытие, преступное поведение, делинквентное поведение, преступная мотивация, деструктивная идея, навязчивое действие, обсессия, компульсия, агрессивные ментальные факторы, не-алиби.

Abstract

The review analyzes the fundamental research of Professor H. D. Alikperov "Interbeing as a source of generation of criminal motivation", published in 2025 in the St. Petersburg publishing house "Law Center". The methodological foundations of the work are an interdisciplinary approach synthesizing the provisions of philosophical, sociological, cognitive-psychological, neurobiological, criminological theories, as well as a method of ascending from the abstract to the concrete and the laws and categories of dialectical logic. The author's concept is a philosophical theory (ontology), epistemology and axiology about the causes and determinants of criminal and delinquent behavior. The work provides a comprehensive analysis of the features of the process of the emergence and

development of criminal motivation under the influence of destructive ideas (obsession) or obsessive actions (compulsion) or their symbiosis inside the human psyche against his/her will, due to genetically determined aggressive mental factors. The system presented in the monograph and built at the intersection of philosophy and criminology can be considered as a fundamentally new direction in criminology, emerging from the philosophy of consciousness and sociology of criminal law, legal anthropology and criminology, neurobiology and psychiatry, as well as clinical psychology.

Keywords: mental sphere, interbeing, criminal behavior, delinquent behavior, criminal motivation, destructive idea, obsessive action, obsession, compulsion, aggressive mental factors, non-alibi.

Опубликованная Санкт-Петербургским изданием «Юридический центр» в конце марта 2025 г. фундаментальное исследование профессора Аликуперова – это новая философско-правовая методология в российской криминологии, представляющая собой обобщение положений ранее опубликованных работ, прежде всего монографии «Новый взгляд на преступление и наказание» [1], созданной совместно с ведущим криминологом И. М. Рагимовым [10; 11].

Вначале хотелось бы отметить, что в своей новой монографии профессор Аликуперов использует богатейший материал из смежных областей – как теоретический, так и эмпирический, а также, разумеется, авторские теории и практические разработки, в том числе из криминологического клуба профессора Д. А. Шестакова. В монографии мы встречаем известных и уважаемых ученых из Азербайджана, Беларуси, России (Д. А. Шестаков, Г. Н. Горшенков, Я. И. Гилинский, Ю. Е. Пудовочник, И. М. Рагимов, Д. В. Ушаков, Ж. Т. Тощенко, Т. В. Черниговская, И. Р. Мамедзаде, В. М. Хомич, В. А. Гиляровский и др.).

Междисциплинарный подход автора – это синтез философских, социологических, когнитивно-психологических, нейробиологических, криминологических теорий ментальной сферы человеческого бытия и межбытия [2. – С. 139–140] (здесь и далее в ссылках под номером [2] указаны страницы рецензируемого издания), а его дескриптивная аналитика основывается на сравнительном и системном анализе учений о преступности, разных кодексов мира, точек зрения.

Автор строго и последовательно соблюдает в своем изложении метод восхождения от абстрактного к конкретному. Во введении дано общее описание идеи межбытия, поступательное раскрытие которой осуществляется далее: от авторской трактовки понятия «преступление» (тезис) в главе I (§ 3), через универсальную причину преступности (глава II) или антитезис (§3), представляющий альтернативный взгляд на причины преступности, и, наконец, к конкретному (глава III) – межбытию как источнику преступности и делинквентного поведения. Заключение – это переход к практике, т. е. перспективам дальнейшего учения о преступности. В своем дескриптивном анализе профессор Аликуперов всюду использует законы и категории диалектической логики, в основном в ноуменальной форме, как он пишет, по-аристотелевски – в мыслеформах и лексемах. Или, как сказано у Гераклита в контексте учения Аристотеля, «расходящееся (в монографии – С. М.) сходится, а из различных (тонов) образуется прекраснейшая гармония...» Учение Аристотеля применимо к универсальным причинам преступности, ибо все единое состоит из противоположностей, но в этом едином мы должны найти логос. В данном конкретном случае в этом состоит главный концепт автора.

Если кратко, то авторская концепция – это то, что философская теория (онтология), гносеология и аксиология говорят о причинах и детерминантах, ибо автор различает преступное и делинквентное поведение. Центральными концептами

выступают преступные деяния (в монографии – *посягательства*) и *межбытие* [2. – С. 110), соответственно – новый категориальный аппарат, им сопутствующий, вовлеченный в сферу когнитивного действия / бездействия, выражаясь философско-правовым языком. В целом хотелось бы почеркнуть, что рецензируемая монография по сути своей является философско-правовой работой в области уголовного права и криминологии, поскольку в ней затрагиваются онтологические, когнитивные, социологические и психологические проблемы преступности.

Предлагаемый критический анализ теории межбытия о причинах преступности был апробирован в Криминологическом клубе Д. А. Шестакова, на конвентах (конференциях) в Южном федеральном университете Ростова-на-Дону, с магистрантами и студентами Дальневосточного филиала Российского государственного университета им. В. М. Лебедева и на заседаниях Всероссийского клуба по философии права Российского государственного университета правосудия [8].

Сразу отмечу: концепция вызывает неоднозначные реакции, я бы сказал, спорные в среде как юристов, так и философов. Но так всегда происходит, если новая концепция создается на пересечении множества наук и практик. Главное, что она создает предпосылки для философско-правовых инноваций и дискуссий вокруг острой проблемы причин преступности.

Профессор Х. Д. Аликуперов ставит перед собой и, как мне представляется, удачно решает сложнейшую дилемму, возникшую в криминологии – между учебниками по уголовному праву и действительностью, которая наблюдается в реальном мире [2. – С. 19]. Для ее разрешения он выбирает в качестве исходной точки новую дефиницию старого доктринального определения понятия «преступление» (ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации) и указывает, что оно содержит в себе концептуальные изъяны [2. – С. 19] в силу того, что его денотат «деяние» не раскрывает сущности дефиниендума («преступление»). Ибо «преступление может быть совершено не только через действие или бездействие, но и посредством публичного высказывания той или иной мысли <...>, то есть вербальной трансляцией <...> своего осознанного волевого мнения» [2. – С. 20].

В целом с данной позицией я соглашаюсь. Так, множество преступлений было совершено под воздействием той или иной идеологии, в том

числе криминальной, без всякого непосредственного участия в них главных акторов (субъектов). В качестве примеров можно привести совершенную в Лувре кражу картины «Мона Лиза» Леонардо да Винчи 21 августа 1911 г. или изуверскую порчу вандалом картины Рембрандта «Даная» в Эрмитаже 15 июня 1985 г. Но, пожалуй, самый яркий случай невербального воздействия на преступника – сожжение буддистским монахом Золотого храма в Киото 2 июня 1950 г., описанное в романе Юкио Мисимы. Эти примеры более ярко иллюстрируют авторский концепт обсессии и компульсии либо их симбиоза, т. е. так называемые деструктивные идеи и навязчивые действия (деяния).

Термин «преступление» в академической трактовке означает общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, совершенное виновно вменяемым лицом, достигшим возраста уголовной ответственности.

Исторический экскурс с обращением к «Русской правде» свидетельствует, что в этом источнике преступление обозначается понятием «обида», т. е. означает причинение материального, физического или морального вреда. В «Судебнике» 1497 г. оно определяется как «лихое дело». Лишь в XX в. в Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. вводится термин «деяние», возможно, под воздействием философских учений В. С. Соловьева, П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова о Софии и Логосе, М. М. Бахтина о так называемом не-алиби, а также кантовской «Критики практического разума».

Деяние – библейский термин. В Библии он трактуется как «дело делать» – дело божеское и человеческое, а также деяния через веру в Христа. Библейские деяния – значит следование за Христом и его нравственными проповедями, закреплёнными впоследствии в разных кодексах. Деяния – это следование за Христом во славу Божью (Кор. 10:31) и во имя Иисуса Христа (Кор. 3:17). Противоправные деяния – антибожеские и нечеловеческие. Деяния бывают нормативными (законными) и нравственными. В церковном смысле деяния есть действие (деятельность), поступок как свершение блага или зла. В философском смысле деяние – это любая социально ориентированная разумная активность субъекта, вытекающая из его свободной воли. Об этом пишет И. Кант: «Воля во всех поступках сама для себя закон <...> Это есть <...> формула категорического императива и принцип нравственности» [7. – С. 105]. Иными словами, уголовное

право заимствует данные понятия из Библии, применяя язык формальной логики, и включает в них нравственное содержание.

Для М. М. Бахтина поступок (содеянное) – всегда сопричастный акт, проявляющийся в бытии в ситуациях не-алиби и исходящий из межбытия личного (индивидуального) существования. При этом перед актором стоит выбор позиции:

- 1) «я-для-себя»;
- 2) «я-для-другого».

«Мир, в котором ориентируется поступок на основе своей единственной причастности бытию – таков предмет нравственной философии» [3. – С. 49]. Из этой архитектоники создается какой-либо акт-деяние или противоправное деяние (добро или зло). Таким образом разрешается кантовский нравственный антиномизм. Но в любом случае поступок всегда является ответственным нравственным актом (в русской философии) или безответственным (например, из внутренней глубины потребностей). И тогда, исходя из позиции автора монографии, возникает возможность девиации. Или, как считает А. А. Гусейнов, философия поступка и наказаний должна рассматривать его изнутри межбытия (Х. Д. Алипперов): «Она должна, прежде всего, исходить из факта-совершения поступка, из поступка как нравственного акта, я-поступка...» [6. – С. 66]. В противном случае поступок-деяние в фундаментальном конфликте между жизнью и культурой окажется исключительно культурным феноменом без особой индивидуальности. Это значит, что мы антиномизм межбытия не разрешим ни онтологическим способом, ни аксиологическими ценностями или, как пишет А. А. Гусейнов, окажемся в положении короля Лира.

Через архитектуру поступка (деяния) в ситуации не-алиби имеет смысл далее, в перспективе, развивать учение о межбытии как об источнике преступности и девиантного поведения. Позволим себе заметить на полях монографии, что труд Х. Д. Алипперова как раз ведет нас в философию поступка не-алиби и наказаний потому, что он вытекает из глубин русской философии Ф. М. Достоевского, а от нее разворачивается к криминологии. В любом случае согласимся с комментариями А. А. Гусейнова: «я-для-себя» – центр измерения поступка (деяния) и любой его активности (физической и духовной) [6. – С. 68]. В этой связи возникает вопрос: имеет ли смысл удалять нравственные корни из юридических понятий «преступление», «наказание», «деяния» и др.?

Пожалуй, над этой проблемой следует задуматься в дальнейших исследованиях.

В главе I «Иной подход к понятию “преступление”» автор утверждает – как всегда, через чудесную аллегорию, – что «если с господствующего в науке уголовного права понятия “преступление” стряхнуть пыль веков и освободить его от эфемерности, то в сухом остатке мы обнаружим огромное панно недостающих в нем фрагментов» [2. – С. 27]. Выражаясь словами логики и юридической техники, в нем недостает коннотаций данного референта (дефиниендума). Напрашивается заключение: сегодня ни одно определение преступления нельзя считать удовлетворительным.

Как считает профессор, исходя из диалектического подхода «огрехи вполне неизбежны» [2. – С. 32–33], потому что они связаны с бесконечным процессом познания истины. Следовательно, абсолютного (доктринального) знания о преступности, ее причинах достичь невозможно, считает Х. Д. Алипперов со ссылкой на «вещь-в-себе» И. Канта и П.-С. Лапласа [2. – С. 34].

Действительно, кантовская «вещь-в-себе», или буквально “Das Ding an sich”, относительно непознаваема, что было в свое время критически проанализировано русским философом В. С. Соловьевым. У самого классика этот ноумен («вещь-в-себе») имеет двоякую природу: а) вещь «для себя» и б) «вещь сама по себе». Первая часть ее – познаваема, в частности, через нравственный императив. Другой русский философ – П. А. Флоренский – тоже не согласился с кантовской антиномией, ибо Кант пропустил как диалектический метод мышления, так и истинные возможности самого познающего субъекта (человека).

В целом критика кантовской вещи-в-себе в русской философии весьма продуктивна и разнообразна. Цитирование же П.-С. Лапласа («то, что мы знаем, ничтожно по сравнению с тем, что не знаем»), на мой взгляд, афористично в данном контексте.

Однако то, что новые идеи (теории) требуют со временем пересмотра старых дефиниций, я, как старый логик-философ, принимаю. Но для этого требуется новая парадигма, предлагаемая автором в главе III, где излагается учение о межбытии как источнике преступных деяний, или «посягательствах» [2. – С. 138–211].

С позиции философской рефлексии отметим, что доктринальные определения в математике, логике, религии, юриспруденции считаются аксиоматическими, что отнюдь не означает их вечной

безупречности. По сути дела, если в старой парадигме или, проще говоря, методологии в случае введения инноваций дефиниции не дают позитивного результата, то их надо менять либо корректировать, но для этого требуется изменение парадигмы (теории). Мы же сегодня просто на словах заменили материалистическую диалектику на герменевтику, объявив ее новой диалектикой, а диалектический метод, по сути, сохранили старый. Возникшую теоретическую коллизию надо разрешать новой философией в совокупности с другими когнитивными науками, что и предлагается в монографии [2. – С. 38–39].

Автор излагает новый метод через метафору пятиэтажного дома или как поэтапное воспроизведение сущности понятия «преступление» и далее аргументирует эту метафору логико-философским контекстом [2. – С. 40]. В итоге он сосредотачивает внимание на фундаментальных логико-семантических (в том числе эпистемологических) аспектах данной дефиниции. Как считает автор, новая теория «универсального определения преступления, свободного от пелены догматизма, позволит <...> максимально (опять-таки не окончательно – С. М.) приблизиться к раскрытию гносеологической природы (угадываются кантианские мотивы – С. М.) этого феномена и закономерностей его бытия...» [2. – С. 47]. В последнем пункте мне, как философу, угадывается онтология.

Основательный логико-лингвистический анализ родовых и видовых признаков понятия «преступление» позволил автору выработать свою дефиницию, в которой, кстати сказать, вводится существенный признак противоправности общественно опасного «посягательства», причиняющего вред или создающего угрозу причинения вреда или ущерба [2. – С. 69].

Также следует согласиться с авторским тезисом о том, что нормы уголовного законодательства (кодекса) должны быть безупречными с логической точки зрения (ясными, четкими и однозначными в понимании), «верно транслировать адресату их логико-семантическую сущность» [2. – С. 64]. Как наставлял Сенека в письме XCIV к Луцилию, «закон должен быть краток, чтобы невеждам легче было его усвоить» [13. – С. 225].

Как результат научного исследования, проведенного с разных позиций, профессор предлагает свое определение (гл. I, § 3 «Авторская трактовка понятия “преступление”»): «Преступлением признается виновно совершенное вменяемым ли-

цом противоправно опасное посягательство, причиняющее или создающее реальную угрозу причинения вреда (ущерба) охраняемым настоящим Кодексом интересам личности, общества или государства» [2. – С. 66].

Как считает автор, в нем отражены все объективные и субъективные признаки состава преступления. В дефиниции философско-религиозный термин «деяние» заменен на юридическую лексему «посягательство», поскольку последняя имеет однозначную негативную коннотацию и экспрессивно-неприемлемый оттенок [2. – С. 67], а также потому, что она «охватывает все мыслимые варианты (модели) вербального и невербального преступного поведения» [2. – С. 68].

В любом случае дело (деяние) сделано, и позитив от данного нововведения есть! Дефиниция предлагает совершенно новые технологии определения состава преступления в уголовном праве и процессе, а также его философскую рефлексию, обязывает по-новому интерпретировать практически все достижения в криминологии, иначе отразить в теории стадии преступления: от приготовления (идеи) до окончанного преступления. Как мне представляется, наставления стоика Сенеки прокуратору Луцилию абсолютно соблюдены.

В этом месте монографического исследования наступает новая фаза, ибо для автора, исходя из его предшествующих трудов и публичных выступлений, главное, как указывалось в начале рецензии, – продемонстрировать оригинальность бинарной теории преступности. В этой связи, следуя гегелевской логике изложения мыслей, автор начинает переход к изложению стадий преступления, с его исходной точки становления, но пока не развития. И вот этот ноумен, как справедливо считает автор, еще не был предметом исследования в теории уголовного права и криминологии [2. – С. 70]. В монографии он именуется «когнитивной субстанцией», или ментальным ядром, любого преступного деяния (посягательства), а его источником объявляются неудовлетворенные (все) потребности человека. Именно они выступают, по мнению профессора, универсальными источниками преступности, находящимися в субстанции межбытия (или, для сравнения с терминологией М. М. Бахтина, бытия в ситуации не-алиби).

Другую злободневную проблему, освещаемую в монографии, можно представить в виде вопроса: являются ли источники преступлений исклю-

чительно социальными? Как считает автор, «причины преступлений не от мира сего»: «На самом деле преступления, как проявление крайней формы зла, детерминированы не только социальными факторами. В ряде случаев оно выступает и как генетически обусловленная закономерность» [2. – С. 21]. У автора свой оригинальный подход: он считает, что в природе человека (человечества) есть так называемый ген агрессивности, изначально заключенный в геномах людей. Впрочем, Х. Д. Аликуперов делает уступку: этот негативный ген еще должен активироваться в благоприятной для себя среде обитания. Автор ставит под сомнение абсолютный авторитет академической теории о социальных причинах преступлений.

Как считает профессор, «они гнездятся внутри самого человека в виде неудовлетворенной потребности <...> Это не что иное, как генетически обусловленный поведенческий акт деструктивно-волевого характера, базирующийся в генотипе *Homo sapiens* в алертном состоянии (т. е. максимально готовом к деянию – С. М.), который активируется при сцеплении с определенными внешними факторами природного, техногенного, социального или антропологического свойства либо с их бесконечной комбинаторностью» [2. – С. 22, 135–136].

Другими словами, причины преступности Х. Д. Аликуперов объясняет в большей степени биологической природой человека, в некотором смысле генетической предрасположенностью конкретного индивида к совершению противоправного поступка. Как считает профессор, «корень детерминанта преступности носит бинарный характер и состоит из двух нелинейных компонентов: генетических и внешних факторов...» [2. – С. 135]. В данном случае, с точки зрения философии, бинарная причинность определяется через словарь по дисциплине «Философия права», предпочтение же отдается биологическим факторам [5. – С. 245–246]. В этой связи в монографии коррелируется связь с наставлениями римского философа Сенеки из его письма XCIV к Луцилию: «Есть две причины наших преступлений: или в душе живет злонравие, укрепляемое превратными мнениями, или <...> она склонна к ним и легко развращается, прельщаемая какой-нибудь неподобающей видимостью» [13. – С. 221].

При этом не совсем понятно, какую именно потребность профессор имеет в виду: физическую или духовную? Потребность в безопасно-

сти, признании и любви, в самоутверждении? Какие именно нереализованные человеческие потребности при условии их наложения на внешние криминогенные условия толкают человека на совершение преступления? Как мне читается, в монографии, если выражаться словами из послания римского стоика, дуализм обнаруживается внутри межбытия как а) нравственное злонравие и б) природная развратность. По моему мнению, позиция Х. Д. Аликуперова по данным вопросам требует дальнейших исследований и уточнений. Тем не менее диспут о причинах преступности и делинквентного поведения является важной темой для обсуждения.

Согласен с профессором, что в дискуссии необходимо учитывать разнообразие факторов, влияющих на это явление, и разрабатывать комплексные подходы к проблеме, включающие в себя как социальные, так и индивидуальные аспекты. Поэтому поиск того самого гена преступности также оправдан.

В главе II «Универсальные причины преступности» автор, используя платоновский метод, изложенный философом в труде «Апология Сократа», справедливо отмечает, что как в профессии врача, так и в криминологии сначала необходимо поставить точный диагноз болезни, т. е. криминологу требуется диагностировать бинарную болезнь детерминантов преступности, ответить на ряд вопросов. Все ли формы и виды преступности являются продуктом «социального конструкта»? Отражает ли глубинные пласты причин преступности господствующая в криминологии парадигма? Может быть, свобода воли не более чем фикция, а воля есть продукт подсознания, в силу чего сознание лишь его неспешный ретранслятор? [2. – С. 76–77]

Вспоминается, что эти тезисы-вопросы и возможные варианты их диагностики мы разбирали в Международном криминологическом клубе профессора Д. А. Шестакова 5 марта 2022 г. и на последующих конференциях [8]. Диагноз – вопрос дискуссионный, но иначе и быть не может, если в науку вводятся новые концепты и теории. Со всей ясностью можно утверждать, что и по сей день многие глубинные причины преступности в современной криминологии вызывают различные трактовки и дискуссии.

Что меня лично радует, автор от них не увиливает, а, наоборот, как истинный ученый, заостряет проблемные варианты их решений: «Делинквентное поведение человека (в том числе и пре-

ступное) так же, как и генетические заболевания, является имманентным (вытекающим из потребностей – С. М.) свойством его бытия, которое изначально заложено в ДНК-матрицу всех без исключения людей» [2. – С. 88], как и нереализованные потребности [2. С. 131–133], находящиеся в глубине патогенеза преступности [2. – С. 140].

Безусловно, неудовлетворенные потребности человека, а также склонность к агрессии, насилию – важное звено механизма индивидуального преступного поведения, однако признать нереализованную потребность универсальной причиной совершения преступлений сложно, поскольку понятие такой потребности представляется слишком абстрактным, по крайней мере, в позиции Х. Д. Аликперова. Все же генезис преступного поведения носит более многоаспектный характер, который невозможно свести лишь к геному агрессивной потребности даже в комбинаторном виде через взаимодействие с другими факторами. Как наставлял Луцилия стоик Сенека в письме XCIV, «я говорю тебе обо всех пороках: их надо устранять, а не поучать тому, что при них невозможно» [13. – С. 220]. Всегда действует не одна, а комплекс причин преступления в конкретных условиях.

Различные диспуты о причинах преступности и делинквентного поведения всегда будут актуальны как для сухих законников и работников правоохранительных органов, так и для социологов и философов, так как в центре данной проблемы стоят такие понятия, как личность, культурная среда, социальные факторы, генетика и судебная медицина. Ген свидетельствует только о том, что у человека могут быть психические отклонения – агрессивность, излишняя эмоциональность и пр.

Итак, ретроспективно проанализировав разные философские и правовые *locus standi* (от Сократа до Бентама, Ф. М. Достоевского, Ж. Т. Тощенко, Я. И. Гилинского, Г. Н. Горшенкова, И. М. Рагимова, Д. А. Шестакова, Т. В. Черниговской) на бинарную природу человека, автор резюмирует со ссылкой на теорию толпы Габриэля Тарда, что современный человек – это деструктивный букет всяких потребностей, а «люди рождаются порочными» [2. – С. 81].

Как мне представляется, теория Х. Д. Аликперова в этом пункте находит свое подтверждение в учении Пьера Бурдьё о материальной и субъективной субстанции человеческого существования. Да, действительно в этой микросубстанции

(у Х. Аликперова – межбытие) различия между объектом и субъектом для исследователя стираются. Поэтому ядро (ген) поведения превращается в так называемый симулякр (у Х. Аликперова – алертная субстанция). Но он (ген) на самом деле в этой субстанции есть и реализуется в алгоритме преступного поведения [2. – С. 103–104].

Все сегодня пытаются с помощью гена 5-HTTLPR выйти на тот самый «ген преступности» и его вскрыть! Отклонения и даже сам «ген» могут поспособствовать антисоциальному поведению, но не породить именно преступность. По моему мнению, преступление – наивысшая категория, вероятность совершения которой определенным человеком очень трудно предсказать. Будет ли являться совершенный проступок предпосылкой совершения преступления? Не всегда. Так и с теорией происхождения преступности от гена человека. *Alio intuiti* наличие гена может породить проступок либо аморальное поведение, но не является гарантом совершения преступления.

Ссылаясь на известного криминолога Д. А. Шестакова, автор резюмирует: «Науку о преступности необходимо приблизить к миропониманию в целом, а само видение данной глобальной проблемы надо увязать с общими закономерностями бытия, так как причины преступности включены в само существо мироустройства, в его сердцевину» [2. – С. 84].

Итак, у всех есть внутренний ген преступности, но его реализация зависит от той социальной среды, в которой воспитывается, обитает и осуществляет свое «я» его носитель (не-алиби, по М.М. Бахтину) независимо от национальности и вероисповедания, материального и семейного положения, образования и занимаемой должности и т. д. [2. – С. 101–102].

В этой связи профессор предлагает свою оригинальную бинарную теорию преступности, основанную на авторской концепции межбытия – «инвариантной эндогенной субстанции (параллельная когнитивная реальность), ментальная ось которой привязана к физическим и духовным уровням жизни человека» [2. – С. 23–24] в когнитивной структуре личности. Межбытие, по мнению автора, является самостоятельным компонентом структуры личности, активно взаимодействующим с его волей и сознанием. Межбытие – это ноумен человеческого бытия.

Во-первых, в § 1 главы III доказательно обосновывается вывод о том, что деструктивное, или

обсессивно-компульсивное, ментальное состояние не исключает вменяемости. Во-вторых, оно является детерминантом зарождения у индивидуума девиантных форм поведения, которые в условиях межбытия, т. е. *нематериальной лабильной субстанции* (курсив мой – С. М.), находящейся между психикой и духовным уровнями жизни человека, трансформируются в конкретное преступное деяние [2. – С. 144]. В-третьих, именно в этой сфере происходит зарождение причин и патогенеза преступности, истоков индивидуального преступного поведения и темпоральных аспектов наказания. В-четвертых, обсессивно-компульсивное ментальное состояние психики автор считает продуктом межбытия, которое навязывает человеку подобное состояние в императивной форме. В-пятых, показано, как из межбытия преступные потребности, находящиеся в алертном состоянии (так называемые симулякры), превращаются в деструктивные идеи и девиантные акты поведения. В-шестых, на уровне философской рефлексии предлагается инновационный анализ вводимого в научный оборот понятийного аппарата.

Поскольку автор считает, что его теории преступности требуется философская методология, хотелось бы привести размышления М. М. Бахтина о двуликом Янусе человеческого бытия, ссылки на которые однозначно усилят аргументацию и значимость новой концепции межбытия. «Акт нашей деятельности, – рассуждает М. М. Бахтин, – нашего переживания, как двуликий Янус, глядит в разные стороны: в объективное единство культурной области и неповторимую единственность переживаемой жизни (не-алиби в бытии – С. М.) <...> Я есмь действительный, незаменимый и потому должен осуществить свою единственность <...> Это не есть просто утверждение самого себя: Я участвую в бытии как единственный его деятель» [4. – С. 46]. Как мне представляется, теория двух Янусов, с другой стороны, объясняет авторский тезис о переходе обсессии в конкретные навязчивые действия (компульсии).

С практической точки зрения авторские разработки окажут существенное воздействие на профилактику преступности, ее диагностику, доказательства виновности/невиновности, оптимизируют систему наказаний преступных деяний (посягательств).

Автор выделяет три области лабильной ментальности: идеаторная, или обсессия (мысленная сфера), двигательная (компульсия), эмоцио-

нальная (фобии). Ссылаясь на таких известных криминологов, как Д. А. Шестаков и И. М. Рагинов, автор предлагает свою матрицу обсессии: позитивная (инсайт, креативное решение, вещий сон); нейтральная (троллинг памяти); девиантная (социально неодобряемые мысли и поступки); делинквентная (преступные замыслы и действия) [2. – С. 150]. В качестве примера приведем сексуальные обсессии (навязчивые идеи) Чикатило или влюбленность Маргариты в романе М. Булгакова.

Латентное деструктивное межбытие, или обсессия, или мутаген, которое в монографии покантовски называется ноуменом, является нововведением и центральным понятием, через которое автор, используя междисциплинарный подход, выстраивают свою оригинальную теорию детерминантов преступности. «Межбытие – инвариантная нематериальная субстанция волатильного характера» [2. – С. 160].

Как отмечает профессор Х. Д. Аликуперов, в результате сцепления внешних или внутренних факторов деструктивное межбытие перемещается из подсознания в практическую плоскость (оперативное сознание), а через него в конкретный девиантный поступок. Особенность этого состояния человека заключается в том, что он на миг переносится за пределы материального мира, а скорее всего и духовного. Если я правильно понимаю, обсессия (мысленная сфера) – это идея, пробуждающая у человека стремление к совершению деструктивного действия, в том числе криминального характера [2. – С. 152]. Автор признает двухфазовый позитивный и девиантный ее характер [2. – С. 156]. В монографии особо отмечается, что «эта субстанция беспрекословно подчиняет своему влиянию либо ставит в жесткое зависимое положение только людей со слабо развитой силой воли либо неустойчивой психикой или крайне впечатлительных, легко поддающихся внушению» [2. – С. 161].

В фокусе внимания криминолога Х. Д. Аликуперова – агрессивные желания, влечения, поступки криминального характера, формирующиеся в ментальной фазе обсессии. При этом автор оговаривается, что достигнутый уровень знаний в рассматриваемой сфере не позволяет сегодня в полной мере познать как глубинные пласты этиологии обсессивного и компульсивного состояний, так и все грани патогенеза межбытия. Тем не менее как пример агрессивной обсессии приводится факт обнаруженного Т. В. Черниговской «дефолта мозга», или стрессорно-фантомного

состояния психики (перевернутая реальность), взаимосвязанного с явлениями, обозначаемыми терминами «воля» (А. Шопенгауэр), «Эго» (З. Фрейд), «коллективное бессознательное» (Э. Фромм и Г. Тард).

Следует отметить, что с философской точки зрения автор вводит (§ 2 «Понятие и сущность межбытия») в свое оригинальное исследование новый концепт – «межбытие», в котором сочетаются как физическое, так и духовное начала. Надо согласиться с автором, что obsessions является как раз свойством человеческого бытия, где материальное и духовное переплетаются в конкретном времени и пространстве, именуемом социальным бытием. В монографии это – эндогенные (внутренние) и экзогенные (внешние) факторы, при этом главное внимание уделяется первым, или нематериальной волатильной субстанции. Как считает автор, obsessions появляется в результате нереализованных в свое время желаний и мечтаний, сейчас и здесь загнанных в сферу подсознания по тем или иным причинам.

Итак, как считает автор, навязчивые идеи/действия есть прежде всего результат императивных импульсов, исходящих из межбытия, которые навязывают всевозможные крамольные идеи (мысли, действия) посредством obsessions и compulsions. Далее, как утверждает автор, после выработки межбытием назойливой идеи о совершении того или иного конкретного деяния криминального характера и ее ретрансляции в ментальную структуру индивид начинает сначала мысленно создавать сценарий будущего преступления (*концептуализация проблемы*). Затем он разрабатывает развернутый алгоритм реализации задуманного в сознании, после чего планирует злодеяние. Далее человек, находясь в плену навязчивых идей, просчитывает возможные риски воплощения их в жизнь, предусматривает варианты своего посткриминального поведения и т. д.

Таким образом, можно сделать читательское заключение, что в авторской позиции obsessive-compulsive состояние как волевое (сознательное) начало межбытия не отрицается, а, наоборот, диалектически учитывается в теории межбытия. Данное положение автор подтверждает путем аналитического разбора ситуации массового убийства, совершенного 22 декабря 2023 г. студентом Давидом Козаком на философском факультете Карлова университета Праги, в результате которого он убил из огнестрельного

оружия 14 студентов, 27 ранил, после чего покончил жизнь самоубийством [2. – С. 167]. Как считает автор, этот пример говорит о том, что, оказавшись в спровоцированном межбытием obsessive-compulsive состоянии, сознание человека дает системный сбой, т. е. у человека искажаются мировоззренческие ценности и воля, в результате сковываются внутреннее сопротивление и рациональный контроль (вменяемость), и в конечном итоге возникает неадекватное восприятие действительности.

Что касается триггеров, то в социуме любые материальные объекты могут стать потенциальными источниками, пробуждающими межбытие и производные от него obsessions и compulsions, которые провоцируют у индивидуума возникновение деструктивных идей (мыслей).

В любом случае «стремление человека к совершению делинквентного поступка во время его нахождения в плену obsessive-compulsive синдрома, навязанного ему межбытием, является *потенциальным свойством его природы, изначально заложенным в ДНК-матрицу всех без исключения индивидов* (курсив мой – С. М.)» [2. – С. 176].

«При этом следует особо подчеркнуть, – считает автор, – что в механизме индивидуального преступного поведения, совершенного в obsessive-compulsive состоянии, само общество и процессы, происходящие в нем, носят вспомогательный характер и выступают лишь его волатильными стимуляторами (поводом, условием, предлогом и т. д.), так как причины таких, как, впрочем, и других умышленных преступлений не от мира сего» [1; 9; 10; 12]. Они, как было указано выше, «гнездятся внутри самого человека в виде неудовлетворенной потребности, а совершаемое им преступление, в том числе под влиянием девиантных навязчивых идей, – *это не что иное, как генетически обусловленный поведенческий акт деструктивно-волевого характера, базирующийся в генотипе Homo sapiens в алертном состоянии* (курсив мой – С. М.), который, как было отмечено выше, активизируется при сцеплении с определенными внешними факторами природного, техногенного или социального свойства, воспользовавшись которыми, он удовлетворяет свои потребности, которые не смог или не захотел реализовать в рамках закона» [2. – С. 176].

Заключение

Монографическое исследование доктора юридических наук, профессора Х. Д. Аликперова, работающего на пересечении философии и кри-

минологии, можно обоснованно рассматривать как принципиально новое направление в криминологии, зарождающееся на стыке философии сознания и социологии уголовного права, юридической антропологии и криминологии, нейробиологии, психиатрии и клинической психологии.

В монографии осуществлен комплексный анализ особенностей процесса возникновения и развития преступной мотивации под влиянием деструктивных идей (*обсессия*) или навязчивых действий (*компульсия*) либо их симбиоза, находящихся внутри психики человека против его воли, вследствие генетически обусловленных у *Homo sapiens* агрессивных ментальных факторов.

Несмотря на то, что перечень нерешенных проблем, вызванных рассматриваемой доктриной, более чем достаточный и ответы на них весьма сложно найти без дальнейших междисциплинарных исследований, серьезных клинических наблюдений и экспериментов, считаю, что на данном этапе исследование вполне закончено, узловые проблемы для «самоконтроля» обозначены, а новые вопросы о связи межбытия и человеческого поведения сформулированы.

В заключение отметим, что главная идея и концепты монографии – всего лишь гипотезы, которые не могут быть распространены на все человечество в целом.

Автор не возводит свою теорию, как он сам неоднократно пишет (например, [2. – С. 104–105]), в догмат в религиозном смысле и не относит реализацию (алгоритм) симулякра агрессивности ко всем добропорядочным людям, обладающим нравственной сущностью и совестью. Но опасность его возрождения максимально вероятна, ибо человечество в настоящее время находится в преддверии мировой катастрофы (апокалипсиса) в стадии делинквентного развития общества [2. – С. 113].

Новая альтернативная теория универсальных причин преступности и делинквентного поведения, свободная от догматических учений, несомненно, окажет позитивное действие на изучение базовых причин преступности, а также откроет возможности их отображения в совершенно других ракурсах современной криминологии.

Список литературы

1. Аликперов Х. Д. Новый взгляд на преступление и наказание. – СПб. : Юридический центр, 2022.
2. Аликперов Х. Д. Межбытие как источник генерации преступной мотивации. – СПб. : Юридический центр, 2025.
3. Бахтин М. М. К философии поступка // Собр. соч. : в 7 т. – М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 1997–2012. – Т. 1. – С. 7 – 68.
4. Бахтин М. М. Человек в мире слова. – М. : Изд-во Российского открытого университета, 1995.
5. Бачинин В. А., Сальников В. П. Философия права: Краткий словарь. – СПб. : Лань, 2000.
6. Гусейнов А. А. Философия поступка как первая философия (опыт интерпретации нравственной философии М. М. Бахтина) // Вопросы философии. – 2017. – № 6. – С. 65–74.
7. Кант И. Критика практического разума. – СПб. : Наука, 1995.
8. Марков С. М. Диспут о причинах преступности и делинквентного поведения: критический анализ тезисов профессора Ханлара Аликперова // Современные риски и кризисы: политический анализ и прогноз : XII Южно-российский политологический конвент / отв. ред. Р. А. Пупыкин, А. В. Тупаев, К. П. Пилюгина. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Изд-во ЮФУ, 2022. – С. 72–77.
9. Рагимов И. М. Преступление и наказание в мировых религиях. – СПб. : Юридический центр, 2023.
10. Рагимов И. М., Аликперов Х. Д. Истоки зарождения и формирования преступной мотивации (социологические, психологические и криминологические аспекты) // Экономика. Право. Общество. – 2023. – № Т. 8. – № 2 (34). – С. 9–20.
11. Рагимов И. М., Аликперов Х. Д. Философско-правовая проблема современной уголовной политики // Экономика. Право. Общество. – 2025. – Т. 10. – № 1 (41). – С. 51–59.
12. Рагимов И. М., Савенков А. Н., Аликперов Х. Д. Этиология индивидуального преступного поведения: еще один взгляд на проблему // Государство и право. – 2023. – № 9. – С. 112–125.
13. Сенека Л. А. Нравственные письма к Луцилию. – М. : Наука, 1977.

Требования к публикациям

1. Статья должна обладать определенной новизной, представлять интерес для широкого круга читателей журнала, а также соответствовать требованиям, предъявляемым к научным публикациям.
2. Представляемый материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в том же виде в других печатных и электронных изданиях. Оригинальность текста должна быть более 80%.
3. Статья представляется в редакцию в электронном и распечатанном виде в формате Microsoft Word, шрифтом Times New Roman, размер шрифта – 14 пт, межстрочный интервал – 1,5 строки. Поля: левое – 2,5 см; правое – 1,5 см; верхнее – 2 см; нижнее – 2 см. Материал статьи, представленный на бумажном носителе, должен соответствовать материалу статьи, представленному в электронном виде. В случае обнаружения расхождений редакция будет ориентироваться на электронный вариант статьи.
4. Материал для публикации в электронном виде должен содержать 3 файла:
 - 1-й файл: текст статьи на русском языке со следующей структурой:
 - а) на первой странице в верхнем правом углу (перед заглавием) необходимо указать Ф. И. О. автора, ученую степень, ученое звание;
 - б) заглавие статьи;
 - в) аннотация – не менее 150 слов – должна включать:
 - предмет исследования;
 - метод или методологию исследования;
 - научную новизну и выводы;
 - г) ключевые слова – не менее 15 слов;
 - д) текст литературы в конце статьи в алфавитном порядке по фамилиям авторов;
 - 2-й файл: текст на английском языке со следующей структурой:
 - а) на первой странице в верхнем правом углу (перед заглавием) необходимо указать Ф. И. О. автора, ученую степень, ученое звание;
 - б) заглавие статьи;
 - в) аннотация – не менее 150 слов – должна включать:
 - предмет исследования;
 - метод или методологию исследования;
 - научную новизну и выводы;
 - г) ключевые слова – не менее 15 слов;
 - 3-й файл: сведения об авторе по следующей форме на русском и на английском языке: фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; занимаемая должность; телефон; почтовый адрес; электронный адрес.
5. Объем текста статьи должен составлять не менее 12 страниц, включая таблицы, графический материал, аннотацию и список литературы.
6. Статья должна содержать библиографию (список литературы (других источников), используемой в статье), минимальное количество источников – не менее 5. При добавлении списка использованной литературы необходимо соблюдать правила действующих стандартов.
 - 6.1. В качестве источников, на которые автор ссылается в статье, следует использовать следующие:
 - статьи из периодических изданий;
 - статьи из продолжающегося издания (сборника трудов);
 - материалы конференций;
 - монографии.
 - 6.2. Все источники в списке литературы необходимо группировать по алфавиту фамилий авторов или первых слов заглавий документов.
7. На все нормативно-правовые акты следует ссылаться путем их упоминания в тексте статьи с указанием полного названия и даты утверждения без использования постраничных сносок. В статье допускается использование только внутритекстовых ссылок на источники. Ссылки оформляются в основном тексте статьи путем указания в конце предложения в квадратных скобках порядкового

номера упоминаемого источника из списка литературы, а в случае цитаты – и номера страницы цитируемого источника [3. – С. 5].

8. В бумажном варианте статьи должна присутствовать сквозная нумерация страниц.

9. Таблицы в тексте статьи должны иметь заголовки; на каждую таблицу в тексте должна быть ссылка.

10. Иллюстрации должны иметь порядковый номер и название. При написании формул, схем, построении графиков, диаграмм, блок-схем не допускается размер шрифта менее 8.

11. Размер графиков, диаграмм, рисунков не должен превышать по вертикали 21 см, по горизонтали – 13,5 см.

12. Представленные статьи направляются по профилю научного исследования или по тематике рассматриваемого вопроса на рецензию экспертам-ученым и специалистам университета в данной области. Статьи, принятые к публикации, но нуждающиеся в доработке, направляются для внесения необходимых исправлений. После доработки статьи повторно рецензируются, после чего редакционная коллегия принимает решение о возможности публикации.

Не рецензируются научные доклады, заслушанные на съездах, конгрессах, конференциях; информационные сообщения и объявления.

